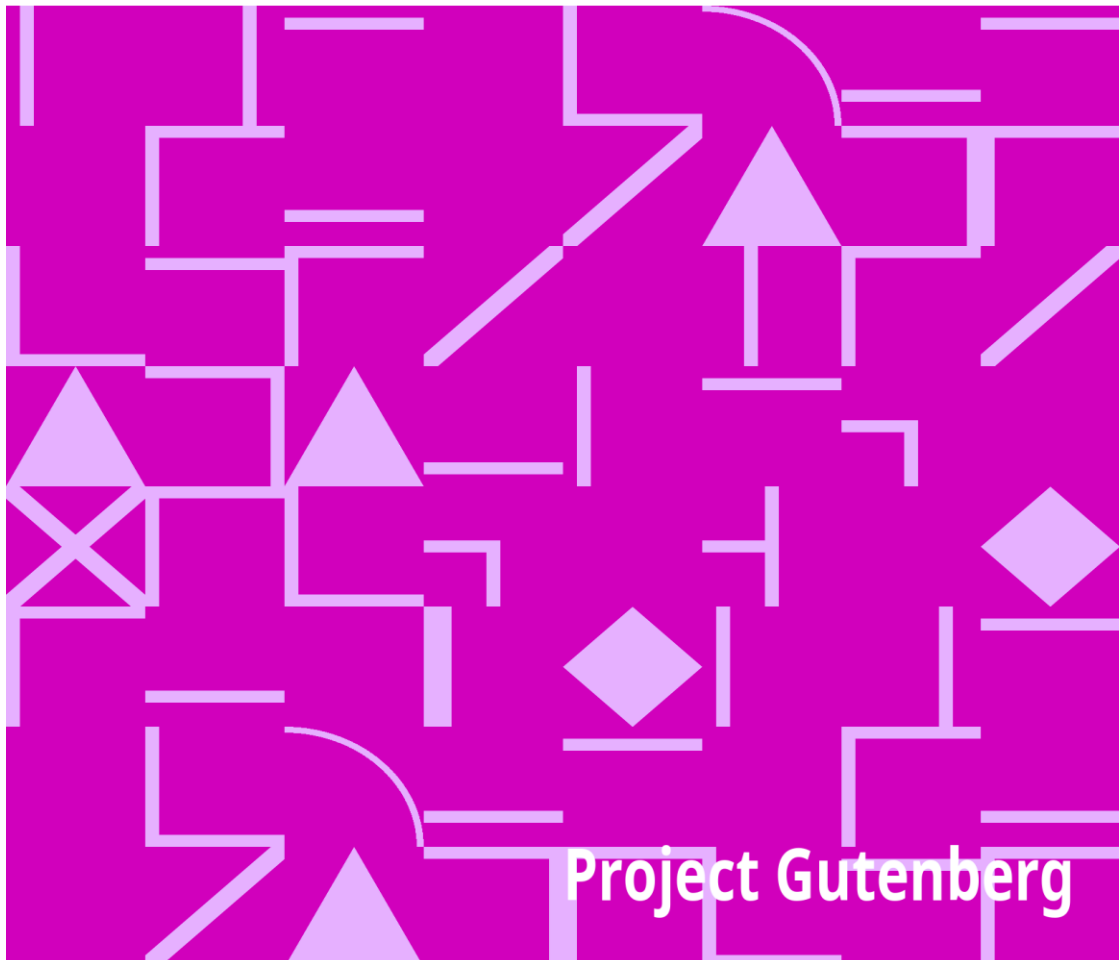

Жизнь Наполеона Бонапарта. Том 3 (из 4)

Уильям Миллиган Слоан

The Life of Napoleon Bonaparte. Vol. 3 (of 4)

William Milligan Sloane

Содержание

[ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА](#)

[УИЛЬЯМ МИЛЛИГАН СЛОАН](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ](#)

[ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА](#)

[ГЛАВА I.](#)

[Война с Россией: Пултуск. \[1\]](#)

[ГЛАВА II.](#)

[Удар по Великой армии: Эйлау. \[2\]](#)

[ГЛАВА III.](#)

[Неопределенная победа: Фридланд. \[4\]](#)

[ГЛАВА IV.](#)

[Наполеон и Александр в Тильзите. \[8\]](#)

[ГЛАВА V.](#)

[Тильзитский мирный договор. \[11\]](#)

[ГЛАВА VI.](#)

[Путь Наполеоновской империи. \[13\]](#)

[ГЛАВА VII.](#)

[Новый феодализм. \[16\]](#)

[ГЛАВА VIII.](#)

[Империи суши и океана. \[19\]](#)

[ГЛАВА IX.](#)

[Французская империя и европейская национальность. \[20\]](#)

[ГЛАВА X.](#)

[Пробуждение Испании. \[21\]](#)

[ГЛАВА XI.](#)

[Первое восстание наций. \[24\]](#)

[ГЛАВА XII.](#)

[Наполеон и Александр в Эрфурте. \[27\]](#)

[ГЛАВА XIII.](#)

[Неудача испанской кампании. \[28\]](#)

[ГЛАВА XIV.](#)

[Преобразование Австрии. \[29\]](#)

[ГЛАВА XV.](#)

[Пятая война с Австрией — Экмюль. \[30\]](#)

[ГЛАВА XVI.](#)

[Асперн, Эсслинг и Ваграм. \[31\]](#)

[ГЛАВА XVII.](#)

[Шёнбруннский мир. \[32\]](#)

[ГЛАВА XVIII.](#)

[Роковое решение Наполеона. \[33\]](#)

[ГЛАВА XIX.](#)

[Австрийский брак. \[34\]](#)

[ГЛАВА XX.](#)

[Суровость континентальной системы. \[35\]](#)

[ГЛАВА XXI.](#)

[Завершение континентальной системы.](#)

[ГЛАВА XXII.](#)

[Ход войны на Пиренейском полуострове. \[36\]](#)

[ГЛАВА XXIII.](#)

[Рождение короля Рима. \[38\]](#)

[ГЛАВА XXIV.](#)

[Напряженность между императором и царем. \[39\]](#)

[ГЛАВА XXV.](#)

[Союз наций. \[40\]](#)

[ГЛАВА XXVI.](#)

[Конгресс королей. \[41\]](#)

[ГЛАВА XXVII.](#)

[Вторжение в Россию — Бородино. \[42\]](#)

[ГЛАВА XXVIII.](#)

[Эвакуация Москвы. \[43\]](#)

[ГЛАВА XXIX.](#)

[Отступление из России. \[44\]](#)

[ГЛАВА XXX.](#)

[Ужасы Березины. \[45\]](#)

[ГЛАВА XXXI.](#)

[Возвращение блудного сына. \[46\]](#)

[ГЛАВА XXXII.](#)

[Восстание народов. \[47\]](#)

[ГЛАВА XXXIII.](#)

[Первая кампания в Саксонии. \[48\]](#)

[ГЛАВА XXXIV.](#)

[Народы в великом сборе. \[49\]](#)

[КОНЕЦ ТОМА III](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга проекта Гутенберг «Жизнь Наполеона Бонапарта». Том 3 (из 4)

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Жизнь Наполеона Бонапарта. Том 3 (из 4)

Автор: Уильям Миллиган Слоан

Дата выпуска: 17 ноября 2008 г. [Электронная книга № 27289]

Язык: английский

Благодарности: Произведено Тьерри Альберто, Генри Крейгом, Кристин П. Трэверс и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG ЕВООК ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА. ТОМ 3 (ИЗ 4) ***

Примечание переписчика: очевидные опечатки исправлены, все остальные несоответствия оставлены в оригинале. Орфография автора сохранена.

Из коллекции У. К. Крейна. Гравюра Т. Левассера.

ИМПЕРАТОР НАПОЛЕОН.

Нарисовано Ф. Жераром.

ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

УИЛЬЯМ МИЛЛИГАН СЛОАН

Доктор философии, доктор гуманитарных наук, доктор юридических наук
Профессор истории Колумбийского университета

ПЕРЕРАБОТАНО И ДОПОЛНЕНО
С ПОРТРЕТАМИ

ТОМ III

НЬЮ-ЙОРК
THE CENTURY CO.
1916

АВТОРСКИЕ ПРАВА, 1894, 1895, 1896, 1910

АВТОР

THE CENTURY CO.

Опубликовано в октябре 1910 года

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА СТРАНИЦА

- I. Война с Россией: Пултуск [1](#)
- II. Остановка Великой армии: Эйлау [12](#)
- III. Неопределенная победа: Фридланд [24](#)
- IV. Наполеон и Александр в Тильзите [39](#)
- V. Тильзитский мирный договор [54](#)
- VI. Путь Наполеоновской империи [66](#)

VII.Новый феодализм	80
VIII. Империи суши и океана	97
IX. Французская империя и европейская национальность	115
X. Пробуждение Испании	137
XI. Первое восстание наций	153
XII.Наполеон и Александр в Эрфурте	171
XIII. Провал испанской кампании	182
XIV. Преобразование Австрии	192
XV.Пятая война с Австрией — Экмюль	202
XVI. Асперн, Эсслинг и Ваграм	218
XVII. Шёнбруннский мир	233
XVIII. Роковое решение Наполеона	244
XIX. Австрийский брак	251
XX.Строгость континентальной системы	262
XXI. Завершение континентальной системы	274
XXII. Ход войны на Пиренейском полуострове	282
XXIII. Рождение короля Рима	293
XXIV. Напряженность между императором и царем	303
XXV. Союз наций	313
XXVI. Конгресс королей	325
XXVII. Вторжение в Россию — Бородино	335
XXVIII. Эвакуация Москвы	346
XXIX. Отступление из России	357
XXX. Ужасы Березины	368
XXXI. Возвращение блудного сына	378
XXXII. Восстание народов	388

XXXIII. ПЕРВАЯ КАМПАНИЯ В САКСОНИИ [401](#)

XXXIV. НАЦИИ В ВЕЛИКОМ СТРОЮ [413](#)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Император Наполеон [Фронтиспис](#)

Карта битвы при Эйлау [14](#)

Карта битвы при Хейлсберге [28](#)

Карта битвы при Фридланде [36](#)

Наполеон — работы Энгра [50](#)

Королева Ортенс [98](#)

Наполеон в своем кабинете [146](#)

Карта Испанской кампании [184](#)

Жозеф Бонапарт [196](#)

Карта битвы при Экмюле [212](#)

Две карты сражений при Асперне и Эсслинге [221](#)

Карта битвы при Ваграме [228](#)

Эжен Богарне [246](#)

Наполеон Бонапарт в 1809 году [296](#)

Карта русской кампании 1812 года [340](#)

ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

ГЛАВА I.

ВОЙНА С РОССИЕЙ: ПУЛТУСК. [\[1\]](#)

Польша и поляки — Театр военных действий — Изменение характера армии Наполеона — Битва при Пултуске — Недовольство в Великой армии — Тоска французов по родине — Генералы Наполеона — Его меры по реорганизации — Слабость русских — Способности Беннигсена — Неудача русских маневров — Наполеон в Варшаве.

1806-07 гг.

Ключ к пониманию отношений Наполеона с Польшей лежит в его стратегии; его политика никогда не выходила за рамки первых пробных шагов, поскольку он так и не завоевал ни Россию, ни Польшу. Следующая борьба, в которую он вступил, была борьбой не за унижение России, а за ее дружбу в интересах его далеко идущей континентальной системы. Польша была просто одним из его орудий против царя. Австрия неуклонно вооружалась; Франц получил успокаивающее заверение, что его доля в разделе останется неизменной. В общей и вполне оправданной скорби по поводу исчезновения польской национальности под натиском трех хищных соседей, страшное обвинение в полной бесполезности, которое справедливо было выдвинуто против ее организации и управления, в большинстве случаев и большинством людей совершенно забывается. Народ имеет именно ту национальность, правительство и управление, которые отражают его качество и обеспечивают его заслуги. Поляки были либо тупыми и вялыми мужиками, либо высокомерными и элегантными, любящими удовольствия дворянами. Наполеон и его офицеры наслаждались жизнью в Варшаве, но он, похоже, никогда не уважал поляков ни как целое, ни как разрозненные клики; несомненно, он иногда сталкивался с возможностью возрождения Польши, но в целом предположение о таком исходе служило его целям, и он не шел дальше. То, что он не испытывал никаких чувств к польской национальности, само собой разумеется.

После Йены царь проявил большую активность. Несмотря на то, что он был вынужден откомандировать восемьдесят тысяч человек для службы против Турции, он собрал вторую многочисленную армию; к нему присоединился Лесток с корпусом из пятнадцати тысяч пруссаков, и он был явно полон решимости возобновить войну. Некоторое время французы не имели точной информации о том, пересечет ли он прусскую границу или нет, и Наполеон сначала ожидал, что центром операций станет город Познань. Однако вскоре стало очевидно, что русские собираются в Пултуске. Проявляя поразительную уверенность в стабильности своей власти во Франции и не обращая внимания на возможное влияние второй войны на ситуацию в стране, Наполеон решил встретиться с ними на огромном расстоянии. С той же быстротой и осторожностью, что и раньше, различные французские дивизии были сначала переправлены через Вислу, а затем через равнины, пока в конце декабря они не сосредоточились перед врагом. В течение трех недель, затраченных на эти операции, было сделано многое для укрепления позиций французов и обеспечения их связи. Русские были изгнаны из Варшавы, а Торн был осажден; были построены мосты через Вислу, Буг, Вкра, Нарев и другие реки; был организован интендантский отдел. Место ведения войны действительно отличалось от всех тех, к которым до сих пор привык Наполеон (). Оно не было ни так густо заселено, ни так хорошо возделываемо, как Италия и Германия, население было гораздо менее цивилизованным и поэтому более жестоким. Жители могли легко лишиться свои деревни того небольшого количества фуража и тех немногих товаров, которыми они располагали, а в то время года поля были пусты. Дороги были в ужасном состоянии, реки были глубокими и широкими, часто с болотистыми

берегами и коварным дном. В этих условиях было почти невозможно получить достоверную информацию, поскольку разведчики и шпионы одинаково не справлялись со своей задачей.

Эти новые условия ведения войны еще более осложнялись изменением характера армии Наполеона. После Аустерлица среди рядовых солдат появилось много немецкоязычных, а после Йены характер солдатского состава становился все более космополитичным. Когда имперские орлы Франции впервые появились в Польше, Жером возглавлял целый корпус вюртембергцев и баварцев; многие поляки, итальянцы, швейцарцы и голландцы служили в других французских корпусах; среди иностранцев были даже пруссаки из-за Эльбы. Это вызвало некоторую путаницу, которая не уменьшилась от того, что сами французы едва оправившись от оргий, которым они предавались последние шесть недель. Кроме того, решимость императора «завоевать море по суше» подчеркнула в его сознании необходимость подавляющего численного превосходства, и в ноябре он потребовал от французского сената восемьдесят тысяч призывников, которые, согласно закону, не могли быть призваны до сентября 1807 года. Это было началом роковой практики, которая в конечном итоге привела к ослаблению Франции и деморализации армии. Среди солдат и без того было мало патриотизма, за исключением того, который служил предлогом для грабежей; однородность целей, принципов, национальности и возраста вскоре должна была исчезнуть.

В ходе предварительных операций это ухудшение не было очевидным. Войска упорно шли по грязи, усердно трудились, когда их призывали, и, хотя их продовольствие, поставляемое мошенническими подрядчиками, было очень плохим и совершенно отличалось от того, к которому они привыкли в предыдущие годы, солдаты ели его без ропота. Но когда 26 декабря они вступили в бой, казалось, что им не хватает прежней энергии и мужества. Подготовка велась по плану концентрации, но в последний момент Ланнес был откомандирован со своей дивизией, чтобы перерезать линию отступления врага через Нарев. Наполеон, как и при Йене, полагал, что основная армия его противника находится не там, где она была на самом деле, и проявил неосторожность, разделив и ослабив свои силы. В результате сражение имело нерегулярный и нерешительный характер. Ланнес неожиданно наткнулся на основные силы русской армии, две колонны, формирующие центр и правый фланг, и сражался с ними с десяти утра до двух часов дня. В это время прибыл резерв под командованием Гюдена и атаковал правый фланг русских. Но Беннигсен, командующий этой колонной, имел в запасе свежий резерв, и с его помощью новоприбывшие были отбиты. Ланнес, который одновременно предпринял последнюю атаку, также был отбит превосходящими силами противника. В тот же день Мюрат, Даву и Ожеро достигли соседней деревни Голимин, ожидая найти там русский центр; на левом фланге, в Нейденбурге, Ней столкнулся лицом к лицу с Лестоком и его пруссаками. В обоих местах происходили лишь перестрелки, поскольку французский император не мог достаточно быстро перетащить свою артиллерию через грязь, чтобы она могла вовремя вступить в бой, и как пруссаки, так и русские медленно отступали. Сульт должен был повторить маневр, выполненный перед Йеной, но из-за оттепели марш был настолько затруднен, что он не смог преодолеть необходимое расстояние.

На утро после этой нерешительной битвы вся русская армия была уже далеко. По стратегическим соображениям и из-за нехватки провианта она отступила в Остроленку. Преследования не было. Естественный вопрос «Почему?» до сих пор остается без ответа. Некоторые утверждают, что французские войска были слишком утомлены и раздражены;

другие — что Наполеон, учитывая то, что дороги превратились в болота, не осмелился покинуть свою базу снабжения, как он обычно делал в летнюю погоду и в плодородных землях. Есть еще третий ответ: ничего не было выиграно, ведь какая польза от нескольких миль голой, равнинной местности, которую армия, приложив все усилия, могла бы преодолеть? Все эти причины имеют право на существование. Среди солдат царило недовольство, потому что не было добычи; не было даже обычных солдатских удобств. Впервые солдаты линейных войск безнаказанно выкрикивали оскорбления в адрес императора; даже верная гвардия позволяла себе двусмысленные шутки, но, с другой стороны, в нужный момент они были жестко отруганы. «Короткая пятнадцатидневная кампания, — писал один из них, — сделала нас на десять лет старше». Кроме того, было опасно продвигаться дальше, чем мог доставить продовольствие интендантский отдел, который и без того был неэффективным и презренным в руках беспринципных спекулянтов, и от такого преследования, которое было возможно, можно было получить лишь престиж, который в тот момент и на таком расстоянии от Франции не был ценным товаром.

Фактор удаленности от родины имел большое значение. В далеких Египте и Сирии французские солдаты сражались мужественно; идеал может увлечь даже самого обычного француза, и тогда они верили, что сражаются за принцип. Но с тех пор как армии Франции начали сражаться за добычу и славу, они должны были получить и то, и другое. Первого было мало или вовсе не было на землях, которые они теперь занимали; вторым можно было наслаждаться только в радостных возгласах своих родственников; и хотя ни один отчет о какой-либо битве не был более затуманен, чем отчет о Пултуске, который император послал в Париж, одобрение родины могло достичь Польши только спустя долгое время, и то тихим, почти неслышным голосом. Старая французская поговорка гласит, что после Царства Небесного Франция — самая прекрасная страна, и каждый француз верит в это. Сам император говорил, что его французские солдаты не пригодны для дальних походов из-за своей тоски по дому. Поэтому, по его мнению, единственное, что было необходимо для восстановления боевого духа его людей, — это отдых. Это мнение укрепилось, когда он попытался посетить посты. Хотя его карета увязла в грязи, а верховая лошадь с трудом пробиравась вперед, он все же добрался достаточно далеко, чтобы увидеть, что его люди страдают и находятся в нищете.

Эта предварительная кампания, с учетом всех перечисленных препятствий, была настолько неэффективной и бесполезной, что остается убеждение в наличии других причин, не лежащих на поверхности. Наиболее вероятной причиной является ускоренная коррупция характера и нравов не солдат — это уже было отмечено — а генералов. Один дневник того времени описывает четырех маршалов в Анспахе. Он рисует Бернадота как «очень высокого темноволосого человека с огненными глазами под густыми бровями». Несмотря на свое скромное происхождение, он имел высокие амбиции и начинал предпринимать рискованные действия не для своего покровителя, который сделал его, а для себя. Там же был Мортье, довольно высокий, «с тупым видом часового»; учитывая свою карьеру, он, вероятно, надевал маску. Там же были «Лефевр, старый эльзасский лагерный мальчик, с женой, бывшей прачкой в полку; и Даву, маленький лысый, непритязательный человек, который никогда не уставал от вальса». Мадам Лефевр знала, как дорого обходятся такие салонные триумфы, которые она представляла в своей амбициозной душе, и где можно найти добычу; Даву, Ланнес и Ней по-прежнему были верны и эффективны; Ожеро в действии был совершенно непредсказуем, в моральном плане — напыщенным и недалеким;

Мюрат знал, где и как можно найти большие призы, и был столь же блестящим и предприимчивым, сколь эгоистичным и светским. Российские генералы были усердными последователями рутины. Беннигсен был способным ганноверским наемником, презиравшим как своего ливонского коллегу Буксёвдена, так и своего начальника, раболепного российского маршала Каменского. Прусский генерал Лесток был способным, но неопытным. Начальник и его подчиненный были далеки от гармонии.

Меры, принятые для обеспечения армии комфортом и отдыхом, в отличие от мер, принятых для кампании, были, по-видимому, адекватными. Император сразу же приступил к размещению различных корпусов вдоль Вислы, с продовольственными и боеприпасными складами позади них. Продовольственное управление было тщательно пересмотрено и значительно улучшено. Линия пролегла от Варшавы на северо-запад через Польшу в Пруссию, до устья реки возле Данцига. Бернадот имел восемнадцать тысяч человек; Ней — шестнадцать тысяч; Султ — двадцать восемь тысяч; Ожеро — одиннадцать тысяч; Даву — двадцать тысяч; Ланнес — восемнадцать тысяч; Мюрат — четырнадцать тысяч; гвардия насчитывала пятнадцать тысяч человек — всего около ста сорока тысяч человек. По мере прибытия призывников и войск из различных гарнизонов был сформирован новый корпус из двадцати трех тысяч человек, который был поставлен под командование Лефевра. В то же время из своего штаба в Варшаве император приступил к организации правительства Польши и обучению ее национальной гвардии. Две русские колонны отступили в Шучин, где объединились под командованием Беннигсена, а пруссаки находились в Ангербурге под командованием Лестока. Это открыло путь к Кенигсбергу, и в начале января 1807 года Ней, не выдержав искушения облегчить страдания своих людей и совершить самостоятельный удар, захватив столицу Восточной Пруссии, выступил из Найденбурга без приказа, оставив позиции Бернадота в Эльбинге в уязвимом положении. Однако Лесток сумел перекрыть путь Нею (), пока не прибыли русские под командованием Беннигсена и не заставили французского генерала вернуться со своими людьми в свои кварталы. Наполеон вынес ему строгий выговор, и он был прав, поскольку преимущество, предоставленное русским, побудило Беннигсена к действию, и русская армия, однажды выступившая в поход, казалось, была полна решимости продолжать его. Таким образом были разрушены прекрасные расчеты Наполеона на сезон абсолютно необходимого отдыха.

Сражение при Пултуске выявило два серьезных недостатка в эффективности российских войск. Во время сражения главнокомандующий Каменский, строгий и приверженный рутине, дважды отдавал приказ об отступлении, и именно неповиновение Беннигсена сделало конфликт настолько неопределенным, что Россия объявила его своей победой. Если это и была победа, то она была бесплодной, потому что слабая и продажная администрация интендантского департамента лишила солдат продовольствия в критический момент. Каменский, которому было семьдесят шесть лет, был отправлен в отставку по состоянию здоровья, и его сменил Беннигсен, но плохая организация интендантского департамента не была исправлена. Русская армия была сильна в регулярной пехоте, но слаба в хорошо дисциплинированной кавалерии, хотя последний недостаток в значительной степени восполнялся казаками, своеобразным отрядом всадников с Волги и Дона, которые платили ренту за свои земли короне четыремя годами военной службы за свой счет. Тогда, как и сейчас, они сражались с варварской жестокостью; они атаковали в открытом строю, каждый за себя, и не давали пощады, пока царь не предложил дукат за каждого живого француза. Они были известны тем, что могли проскакать сто миль за двадцать четыре часа, и их услуги в преследовании врага были неоценимы.

Единственной замечательной и уникальной чертой русской армии во всех родах войск всегда была личная преданность царю. Это чувство является смесью религиозного рвения, патриотизма и династической лояльности; эти элементы, неразрывно соединенные, образуют чувство огромной силы, которое является достойной заменой просвещенному патриотизму. Иначе обстоит дело с татарскими ордами из Центральной Азии, которые сражаются только ради грабежа и в кризисной ситуации часто бывают совершенно ненадежными. В это время на поле боя находились как казаки, так и татары, причем первые в значительном количестве. Назначение Беннигсена главнокомандующим и результаты Пултусской битвы пробудили большой энтузиазм среди его голодных солдат, которые теперь требовали решительного сражения. У него было девять тысяч человек — по крайней мере, на бумаге — и он не был склонен оставлять французов в покое, чтобы те могли пополнить свои ряды и восстановить физические силы в комфортабельных зимних квартирах. В отличие от прусских офицеров, он извлек уроки из недавних кампаний, и если бы сила его характера соответствовала умности его стратегии, он был бы достойным соперником Наполеона. Кроме того, король Пруссии, запертый в Кенигсберге с несколькими тысячами человек, находился в крайне опасной ситуации (), поскольку и Ней, и Бернадотт были в пределах досягаемости. Наконец, гарнизон крепости в Грауденце зависел от нестабильных поставок, которые они получали, когда Лесток находил возможность их отправить.

Поэтому вскоре казаки были отправлены на разведку по местности. В своих неоднократных стычках с французской легкой кавалерией они проявили такую смелость и ловкость, что их противники стали робкими и осторожными. Таким образом, передвижения армии Беннигсена были успешно скрыты, и он надеялся быстрым маршем догнать и уничтожить изолированную дивизию Нея; в случае успеха он обеспечил бы себе доступ к Данцигу и связь с Грауденцем, Кольбергом и другими крепостями, что дало бы ему достаточно сильную позицию, чтобы поставить под угрозу положение Наполеона в Варшаве. Соответственно, с примерно шестьюдесятью пятью тысячами человек он начал быстрый и окольный марш на северо-запад, обойдя непроходимый пояс темных лесов, мимо озера Шпирдинг к Хейлсбергу, где 22 января он обнаружил Нея в полном отступлении. Но он переоценил силы своих русских; они были слишком измотаны, чтобы нанести быстрый удар. Наступили морозы, выпал снег, и как Ней, так и Бернадотт () бежали в Гильгенбург, причем последний после того, как разгромил русский авангард в стычке при Морунгенах. Беннигсен был вынужден отступить, чтобы пополнить силы своих солдат.

Французский император все еще находился в Варшаве. Польская столица была веселой и легкомысленной. Новые надежды пробудили дух безрассудства в аристократии, и «освободитель», находившийся теперь на пике своей физической силы, часто заметно участвовал в веселье. В перерывах между серьезными делами Наполеон предавал себя чувственной жизни, а женщины щедро делились своими чарами. Одной из них была известная графиня Мария-Калина Велевская (), красивая женщина, которую еще в детстве выдали замуж за пожилого дворянина. Теперь ей внушили, что будущее ее страны зависит от того, сможет ли она очаровать Наполеона, поскольку он выделил ее как самую красивую из всех, кто толпился вокруг него при его входе. Сначала она возмутилась этим предложением, но в конце концов прислушалась к предвзятым моральным соображениям своих друзей и дала неохотное согласие. Считается, что ее ребенок был первым ребенком Наполеона, и что этот факт, в сочетании с его отвращением к непрекращающимся и непоследовательным ревностным жалобам Жозефины на его поведение, во многом повлиял

на его отношение к политическим преимуществам развода. Такова была преданность молодой польской аристократки отцу своего сына, что на протяжении всей его последующей жизни в Европе она шла на любой риск, чтобы быть рядом со своим кумиром, и даже последовала за ним на Эльбу. Их сын, граф Валевский, был преданным французом и человеком высокого происхождения, с достоинством занимавшим важные должности на службе своей страны. [\[Назад к оглавлению\]](#)

ГЛАВА II.

УДАР ПО ВЕЛИКОЙ АРМИИ: ЭЙЛАУ. [\[2\]](#)

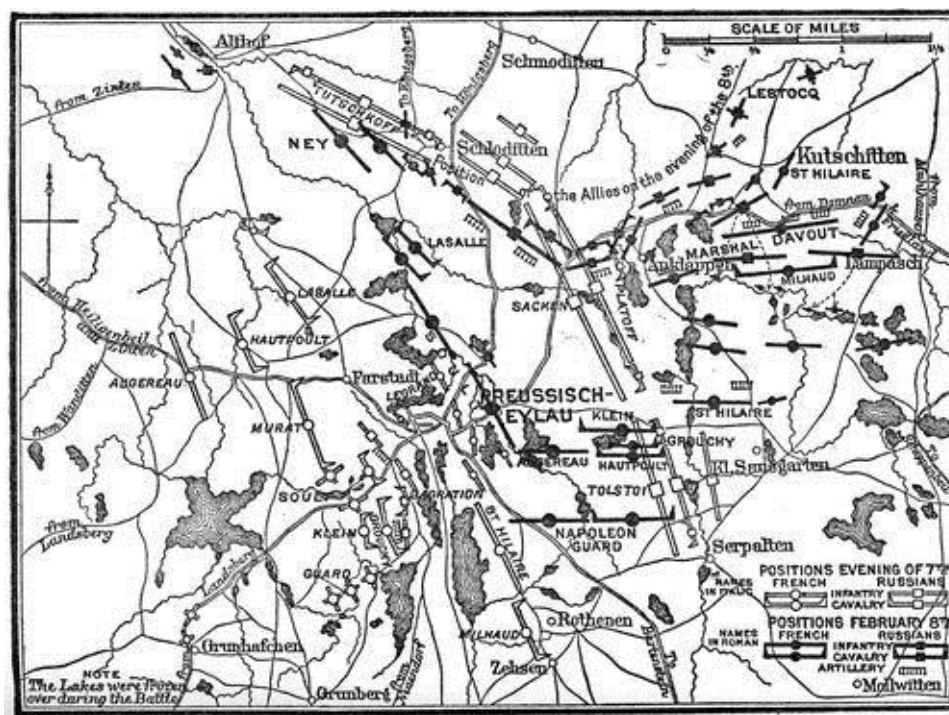
Подготовка Наполеона — его умная стратегия — план, раскрытый русскими — армии в Эйлау — Неудача тактики Наполеона — Неопределенный исход сражения — Деморализация французской армии — Беспокойство Наполеона — Его армия в зимних квартирах — Деятельность императора — Перегруппировка его сил — Посланник от шаха Персии — Подкрепление из Франции и Германии — Нейтралитет Австрии.

1807 год.

Однако 27 января 1807 года Наполеон получил известие о марше Беннигсена, что не стало для него большим потрясением. В целом он уже несколько дней знал, что враг движется, но полагал, что у того нет иного намерения, кроме как извлечь немедленную выгоду из опрометчивости Нея. В отсутствие более полной информации он не изменил своего мнения, но армия все же была приведена в боевую готовность, были подготовлены обозы и отдан приказ временно прекратить осаду Данцига и полностью оккупировать Торн. Как показывает беглый взгляд на карту, этот шаг был предпринят для обеспечения новой линии связи с Позеном и Берлином, непосредственно перед его базой, на случай, если косая линия, которую он удерживал между Варшавой и Бартенштайном, окажется под угрозой флангового маневра русских.

Полагая, что план Беннигсена состоял в том, чтобы достичь Эльбинга и защитить свои коммуникации с Данцигом, Наполеон 27 января отдал приказ о контрмарше в этом направлении, чтобы вступить с ним в бой либо там, либо дальше на восток. Приказы, отданные на следующий день Даву и Ожеро, показывают, что он надеялся быстрыми маневрами атаковать Вилленберг, прорвать центр Беннигсена и рассеять его силы по правому и левому флангам. Ланнес заболел после Пултуска и все еще был инвалидом; поэтому командование его проверенным корпусом было возложено на Савари, чтобы он взял на себя основную тяжесть сражения. Его задачей было прикрыть линию Нарева, чтобы обеспечить свободу действий основной французской армии, и с этой целью атаковать угрожавший ей русский корпус под командованием Эссена. Через три дня после того, как Наполеон отдал приказ, его стотысячная армия заняла позиции на линии, проходящей в целом с востока на запад в пределах пространства, ограниченного Вилленбергом, Гильгенбургом, Млавой и Пшанышем, с одним резервом в сорок тысяч человек слева, чтобы предотвратить потерю Торна, и другим в четырнадцать тысяч человек справа. Все было

готово для наступления в самых благоприятных условиях, чтобы застать Беннигсена врасплох, нанести удар по его флангу и завершить кампанию в одной битве. 31 января были отданы окончательные приказы о наступлении, и начался марш. Как и во Франконии накануне битвы при Йене, казалось, что победа уже обеспечена, благодаря чудесному перемещению огромных масс людей, на этот раз в разгар зимы.

КАРТА БИТВЫ ПРИ ЭЙЛАУ.

На какой тонкой нити висит судьба войны! В тот день французский курьер, везущий Бернадоту особенно подробный отчет о плане императора и приказ о наступлении на Гильгенбург, был схвачен казаками. На следующее утро ценные бумаги оказались в руках Беннигсена. Российские войска по-прежнему находились в плачевном состоянии, были плохо одеты и выживали за счет мародерства; кроме того, их численность составляла всего шестьдесят пять тысяч человек, поскольку Лесток еще не прибыл из Морунгена. Российский генерал понял, что он попал в ловушку и что спастись ему может только быстрое отступление. Он мастерски провел отступление, и 6 февраля, хотя французские колонны были недалеко позади, он достиг Хейлсберга. В течение дня русский арьергард был оттеснен, и Беннигсен, маршировавший всю ночь, на следующее утро оказался перед городом Эйлау, а точнее, Прейсиш-Эйлау, местом, которое он выбрал для отчаянной обороны Кенигсберга. Российский арьергард был снова настигнут, на этот раз в Ландсберге, куда Мурат прибыл со своей кавалерией утром седьмого числа. В течение всего дня русские медленно сопротивлялись ему, храбро сражаясь под командованием князя Багратиона, и неуклонно отступая до Эйлау, который они удерживали упорным сопротивлением, пока не были вынуждены добровольно эвакуироваться из-за сгущающихся сумерек и превосходящих сил противника. Их потери в течение дня составили более двух тысяч человек. Когда наступила ночь, русские линии находились на небольшом расстоянии за Эйлау и простирались на две мили, от Серпальтена слева до Шлодиттена справа. Лесток,

подойдя со своими пруссаками, достиг Розиттена, расположенного в девяти-десяти милях, где получил приказ спешить дальше. Французы удерживали город Эйлау; в нем и в его окрестностях находились войска Мурата, Сульта, Ожеро, а сразу за ними — император с гвардией. Ней находился дальше к северу и западу слева, с приказом отрезать Лестока. Местность изобиловала озерами и прудами значительных размеров, но черный мороз сделал их настолько твердыми, а снег настолько полностью покрыл их, что для маневров они были так же пригодны, как и твердая земля, как для кавалерии, так и для артиллерии.

Когда 8 февраля наступил день, общее расположение вражеских линий не благоприятствовало ни одной из сторон. Сульт находился перед городом на левом фланге французов, Ожеро — в центре, а Сен-Илер с одной дивизией Сульта — на правом фланге. Позади двух последних находился Мюрат с кавалерией; в тылу, на возвышенности, располагалась гвардия под командованием Бессьера в качестве резерва. Даву находился далеко на правом фланге, недалеко от Бартенштайна. Общая численность французов на поле боя составляла около восьмидесяти тысяч человек. Правым флангом русских командовал Тучкофф, центром — Сакен, левым — Остерман-Толстой; их резерв находился позади центра под командованием Доктороффа и князя Галицина. Их общая численность составляла около пятидесяти восьми тысяч человек, но они превосходили противника по артиллерии. Между армиями, на низкой равнине, лежали несколько замерзших прудов, покрытых снегом. План Наполеона состоял в том, чтобы послать Даву вокруг левого фланга русских, в то время как Сен-Илер сражался с Толстым. Ожеро и кавалерия должны были броситься на центр и продвигаться к правому флангу противника; совместное наступление должно было разгромить всю линию Беннигсена и привести к бегству; Ней должен был вмешаться и сделать сражение не только решающим, но и сокрушительным.

Сочетание не сработало должным образом. День был сырой и холодный; утром периодически шёл снег, а в полдень пошел сильный снегопад. Беннигсен перехватил инициативу и открыл сражение канонадой. Наполеон, угадав его план, послал гонца к Нею с просьбой прийти на помощь Сульту. В девять часов русское правое крыло продвинулось вперед и оттеснило слабое французское левое крыло к городу. В этот момент был отдан приказ Ожеро и Сен-Илеру выдвигаться. В бурной метели они потеряли связь друг с другом (), и последний был отбит русской кавалерией, а корпус Ожеро был почти уничтожен центром противника. Смелые всадники Галицина достигли подножия того самого холма, на котором стоял Наполеон, и паника охватила всех вокруг него, не исключая Бертье и Бессьера, которые взволнованно призывали гвардию спасти своего императора. Император, хотя и был почти «растоптан», как свидетельствовал Бертран, тем не менее сохранял спокойствие, восклицая: «Какая смелость! Какая смелость!» Преследователи отступили, изнемогая, и Мюрат, в свою очередь, бросился со своей кавалерией в промежуток между центром и правым флангом врага. Однако обе стороны были настолько измотаны, что, не вступив в столкновение, прекратили атаку и начали стрелять.

Около полудня Даву наконец прибыл на левый фланг русских и вытеснил их с позиций, в то время как Сен-Илер снова атаковал, и оба вместе осуществили задуманное императором движение. Через несколько часов русские, которые отступали в хорошем порядке и сражались яростно, начали колебаться, и некоторые из формирований бросились в бегство. В этот критический момент прибыл Шарнхорст с пятью тысячами пруссаков; он был вынужден сделать большой обход, чтобы избежать столкновения с Неем, с которым сражался Лесток. К наступлению ночи французы были остановлены, а вскоре после этого

оттеснены из деревень, которые они захватили во время своего наступления. Ночь положила конец сражению. Ней получил приказ только в два часа дня и прибыл слишком поздно, чтобы принять участие в сражении. Армии сохранили свои относительные позиции, и обе провозгласили себя победителями. Ни одна из них не проиграла и не выиграла сражение. Но битва была катастрофической для обеих сторон: с самого начала и до конца борьба была отчаянной и кровопролитной. Потери были практически равны — около 18 тысяч человек с каждой стороны. Вечером Наполеон начал организовывать отступление; фактически, Давут уже собирался начать его, когда узнал, что в лагере противника царит большая суматоха. Продвинувшись как можно дальше, маршал приложил ухо к земле и отчетливо услышал затихающий гул, который убедил его, что русские отступают. Это было приятной неожиданностью, и Наполеон, когда ему сообщили об этом, приказал своей армии оставаться на месте. Утренний свет показал заброшенный русский лагерь.

Невозможно сказать, какая из армий находилась в худшем положении; обе были в крайне тяжелом состоянии. Ожеро был ранен и, хотя и не был неспособен к действию, покинул поле боя. Это вызвало недовольство командующего, и, поскольку его корпус был почти уничтожен, он был расформирован; некоторые из его полков были практически уничтожены. Выжившие были истощены, измождены и страдали от голода; очевидец утверждал, что если бы около полудня не прибыли еврейские торговцы из Варшавы с четырьмя бочками бренди, тысячи людей погибли бы от холода и усталости. Мертвые были разбросаны по полю, а в некоторых местах лежали кучами. На белом фоне северной зимы эта бойня была ужасно заметна; повсюду можно было разглядеть бродячих мародеров, которые крались из места в место в поисках добычи. Мародерство началось в ужасающих масштабах, дисциплина ослабла из-за нищеты, и на многие километры вокруг тысячи несчастных солдат грабили едва ли не столь же несчастных крестьян, лишая их тех немногих вещей, которые у них остались.

Армия стремилась уйти от этих отвратительных зрелищ. Но Беннигсен технически признал поражение своим отступлением, которое пруссаки охарактеризовали как «грех и позор». Поэтому Наполеон подождал, чтобы закрепить свою победу, и официально отправил несколько отрядов в погоню. Мюрат продвинулся до самого Кёнигсберга (), где Беннигсен занял позицию под стенами города. В то же время император продиктовал восторженный отчет о французском триумфе и о замечательном состоянии армии. Он был немедленно отправлен для публикации в официальных газетах Парижа. Вскоре после этого, 13 февраля, гонец доставил Фридриху Вильгельму устные предложения о перемирии или отдельном мире на самых выгодных условиях. В них Наполеон изложил, что отношения Пруссии с Россией являются простым вассальством и что ее восстановление в качестве независимой державы имеет важное значение для мира в Европе, согласившись вернуть ей земли до Эльбы и заявив, что Польша его совершенно не интересует. Уверенность союзников проявилась в том, что прусский король незамедлительно отклонил такие предложения и решил довести дело до конца. С другой стороны, сам факт появления такого предложения свидетельствовал о беспокойстве Наполеона. Из достоверных источников известно, что французский посланник устно предложил полное восстановление Пруссии, если она откажется от своего союзника.

Суровая необходимость не позволяла Наполеону больше ждать; через несколько дней его войска отступили на плоскогорье за рекой Пассарге. Там они нашли лучшие места для расквартирования, но еда не стала ни лучше, ни обильнее. Император имел в своем

распоряжении только соломенную хижину в Остероде и, как он писал своему брату Жозефу, жил в снегу и грязи, без вина, бренди и хлеба. «Мы будем в отличном состоянии, когда получим хлеб», — сказал он Сульту. «Мое положение было бы прекрасным, если бы у меня была еда; отсутствие еды делает его лишь умеренным», — писал он 27 февраля Талейрану. Это было правдой, потому что теперь армия была более сконцентрированной, чем раньше, и когда весной штаб был перенесен в Финкенштайн, император чувствовал себя более комфортно. Действия, кульминацией которых стал Пултус, ясно доказывают, что до этого момента Наполеон не мог приспособить свои средства к новым условиям ведения войны, которые он обнаружил в Польше. Но в действиях, предшествовавших Эйлау, несмотря на фактическое поражение, прослеживается ясное понимание трудностей и очевидная способность их преодолевать. В то время как Беннигсен постоянно переходит в наступление, Наполеон всегда захватывает инициативу, и при отступлении его выбор плато вокруг Остероде в качестве места сбора свидетельствует о постоянном владении всеми условиями.

Вокруг костров в оставшиеся месяцы зимы царил пассивный выносливый, смешанный с некоторым ропотом по поводу ужасов, вызванных амбициями одного человека. Император подавал своим людям пример безропотной бодрости. Его здоровье оставалось таким же крепким, как и в прошлом году, а его активность, хотя и не была больше лихорадочной, не утратила своей интенсивности. Савари считал, что он превзошел самого себя, выполнив за один месяц то, что в других условиях заняло бы даже у него три месяца. Мадам де Ремузат помнила, как он говорил, что в те месяцы он чувствовал себя лучше, чем когда-либо до или после. Эта физическая сила в сочетании с прежней железной решимостью действительно творила чудеса, и это несмотря на то, что его неутомимый секретарь Маре долгое время находился на грани смерти.

Чтобы исправить ошибку, допущенную при оставлении Данцига в руках пруссаков, Лефевр был отправлен со своим новым корпусом, чтобы осадить город. Савари изгнал русских из Нарева и из Остроленки; Мортье угрожал Штральзунду и остановил шведов, которые, как члены коалиции, наконец собирались принять активное участие в боевых действиях. Чтобы укрепить ослабленные ряды захватчиков, были объявлены новые наборы в Швейцарии и Польше (), а одновременно были отозваны некоторые солдаты, оккупировавшие Силезию и осаждавшие ее крепости. Нейсе и Глац по-прежнему были осаждены французскими войсками, но осада Кольберга была снята, и таким образом появилась возможность для дополнительного подкрепления. В ежедневных стычках, происходивших на передовых постах, велись ожесточенные бои, но казаки были как всегда дерзкими, и французская легкая кавалерия не могла принести почти никаких новостей. Между тем трудности России, о которых Наполеон по-прежнему не знал, не позволяли ей усилить свою армию до надлежащего размера. Ее кредитоспособность была настолько низкой, что она не могла собрать деньги самостоятельно, а когда она обратилась к Англии за субсидией, ей было отказано. Царь был в ярости и до предела напряг ресурсы России, но он мог дать Беннигсену не более чем достаточно средств и людей, чтобы восстановить его первоначальную силу.

Российские войска добились значительных успехов в нижнем течении Дуная, поскольку турки были парализованы непредвиденной опасностью. Великобритания направила флот в Константинополь, и султан, хотя и немедленно объявил войну Англии, был в ужасе. Но посланник Наполеона Себастьяни вступил в переговоры с английским адмиралом, пока

береговые батареи не были достаточно укреплены, чтобы заставить британский флот отступить. Воодушевленный этим успехом и новым энтузиазмом в отношении своих восточных проектов, император Франции разработал и приступил к реализации плана союза Турции и Персии, чтобы поставить в шах амбиции России или Австрии. В конце апреля в Финкенштейн прибыл посланник шаха. Его приняли с большими почестями, и Франция была рада видеть, что восточные цари, как она полагала, стремятся к благосклонности ее императора. Наполеон обладал подробной и точной информацией о Востоке; его знание восточного характера было братски инстинктивным. Был легко заключен договор, по которому Франция обещала изгнать Россию из Грузии и поставить Персии артиллерию; взамен шах должен был порвать с Англией, конфисковать британскую собственность, поднять на восстание народы Афганистана и Кандагара, создать армию для вторжения в Индию, а в случае, если французы также пошлют сухопутные войска против Индии, он должен был предоставить им свободный проход по маршруту, который должен был быть определен позднее, а также средства к существованию. Ни одно из достижений императора в течение этой насыщенной событиями зимы не показывает так ясно, как это, как он мог подняться над унынием в сомнительной ситуации и насколько оптимистичным был его характер, когда его здоровье было действительно хорошим.

На протяжении всей поздней кампании император Франц занимал позицию невмешательства и колеблющегося нейтралитета, схожую с позицией Фридриха Вильгельма годом ранее. Если бы он вмешался в любое время зимой после Эйлау, его воля была бы непреклонной. Но так как Пруссия не помогла ему в час нужды, оставив Наполеона без помех, теперь он дал Пруссии испытать из того же чаша и остался номинально нейтральным. Однако Андреосси сообщил, что Австрия быстро набирает силы и что ее приготовления предвещают возобновление военных действий. Появился новый премьер-министр, граф Стадион, отличавшийся энергией и проницательностью. Наполеон немедленно начал выдвигать предложения о союзе, имея целью лишь выиграть время. Как в предыдущем году он призвал юношей-призывников 1807 года, так теперь он потребовал призывников 1808 года, которые были даже немного моложе. Рейнский союз был вызван для поставки свежих войск, и даже Испания, в которой недавно наблюдались признаки серьезного беспокойства, была вызвана для предоставления большого контингента вспомогательных войск. До завершения переговоров с Франциском Наполеон фактически удвоил свою армию; новые рекруты были размещены в Силезии и центральной Пруссии, по видимому, в качестве резерва, но они находились недалеко от австрийской границы.

Двадцать шестого мая, несмотря на отважную и упорную оборону Калькреута, Данциг, королевская крепость Балтики, капитулировал. Это позволило Лефевру усилить армию, которая все еще находилась за Пассарге. Наполеон снова предложил Франциску Силезию, на этот раз всю и без условий, в качестве платы за союз; он был даже готов обменять ее на Далмацию. Двадцать шестого апреля в Бартенштайне Россия и Пруссия подписали новый договор, согласно которому они обязывались не заключать отдельного мира и согласились, что будут стремиться объединить скандинавские державы с Англией, Австрией и собой для общей освободительной войны. Венский кабинет снова разделился по вопросу о возобновлении военных действий и в конце концов предложил свои услуги в качестве посредника при условии, что Польша останется разделенной, Турция не будет подвергаться нападкам, а немецкие дела будут переустроены. Наполеон кокетничал с этим предложением, пока Россия и Пруссия не дали свой ответ, который не был согласием с предложением Австрии, а просьбой о присоединении Франциска к Бартенштейнской

конвенции. [\[3\]](#) Когда предложение Австрии было таким образом отклонено, позиция Франции по отношению к ней была практически обеспечена, по крайней мере на этот сезон. Проницательные наблюдатели с трудом могли поверить своим чувствам и думали, что политика Франциска была далеко не нейтральной, а представляла собой услугу первостепенной важности для Наполеона. Дело в том, что Австрия знала о слабости Пруссии и мало верила в силу России. Кроме того, у Франции были влиятельные друзья в Вене, где влияние имел Андреосси, а собственные приготовления Австрии были еще не завершены. Было бы серьезным делом, если бы она заключила договор с двумя союзниками, которые могли быть разгромлены до того, как она сама смогла бы выйти на поле боя. Поэтому ничто не нарушало непробиваемый фронт дунайской державы; ее собственные планы созревали медленно, но верно, и хотя огромные французские подкрепления в Центральной Европе в некотором смысле представляли угрозу, она бросила сильный военный кордон на границы Галиции и высокомерно держалась в стороне от всего, что могло бы сдержать ее собственные амбиции. [\[Вернуться к оглавлению\]](#)

ГЛАВА III.

НЕОПРЕДЕЛЕННАЯ ПОБЕДА: ФРИДЛАНД. [\[4\]](#)

Положение Франции — меры, предложенные императором — самоуспокоенность Наполеона — затруднения обеих воюющих сторон в Польше — начало кампании — Хейлсберг — Фридланд — неопределенный результат — стратегическая проблема — Точка зрения государственного деятеля — Перемирие — Решение Наполеона — Обязательства царя перед Пруссией — Его отношение к Наполеону.

Ситуация в Париже была для Наполеона еще менее удовлетворительной, чем в остальной Европе. Тогда, как и сейчас, Франция слишком походила на одно из тех интересных созданий, которые носят приятное научное название «головоногие» — все голова, кроме нескольких щупалец; поэтому мы говорим «Париж», а не «Франция». Имперские интересы опирались на две опоры: Париж и остальной мир. Когда Наполеон отступил за Пассаж, даже все выдумки, которые мог придумать его плодотворный ум и распространять его активные агенты, оказались недостаточными, чтобы обмануть проницательных операторов парижской биржи. Соответственно, цена французских государственных облигаций серьезно упала; Англия вскоре после этого объявила, что намерена высадить большую армию на берегах Балтики, что еще больше пошатнуло доверие общественности. Годом ранее французский народ был потрясен преждевременным требованием о призыве на военную службу еще большего числа французской молодежи; новый призыв к досрочному призыву наполнил его ужасом. Это были серьезные вопросы, и дороги из Парижа в Остероде и Финкенштайн постоянно оглашались криками « » под копытами лошадей и стуком колес, когда гонцы мчались туда и обратно с вопросами и ответами. Характер этой переписки показывает, насколько совершенной была централизация власти во Франции в лице Наполеона, даже в его отсутствие на таком расстоянии: весь спектр управления, от государственных вопросов самой серьезной важности до решения тривиальных дел, связанных с оперой и ее корифеями. Что касается оздоровления финансов, то император был в полном отчаянии и в какой-то слепой беспомощности приказал государству ссужать

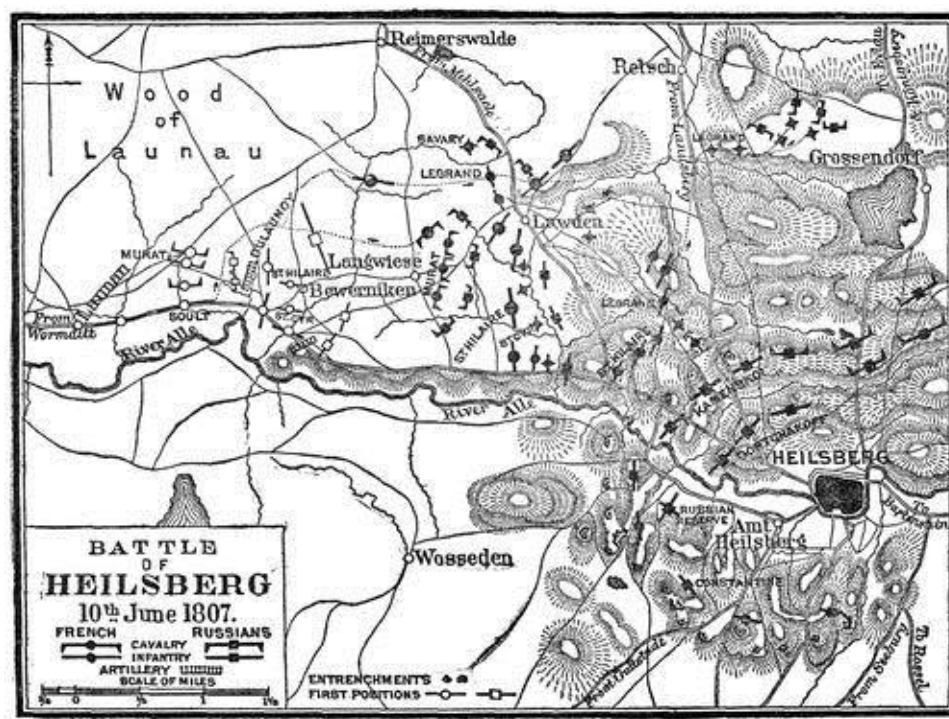
по пятьсот тысяч франков в месяц тем производителям, которые продолжали работать и сдавали свои товары на хранение в государственный склад в качестве залога; он не пренебрегал и такими мерами, как создание одной или двух фабрик по производству военных поставок или даже переоборудование Тюильри, в котором он просил женщин своей семьи свободно тратить свои деньги.

Конечно, он потерпел абсурдную неудачу, едва ли меньшую, чем в своих попытках восстановить общее доверие путем публикации вдохновенных статей в газетах. Цензура была более жесткой, чем когда-либо, и Фуше было поручено пресекать нескромные частные письма из армии. Тем не менее, без особых трудностей сенат был запуган и одобрил новый призыв на военную службу, и изменчивый народ вскоре без тревоги прислушался к сиреневому голосу своего императора, который говорил, что эти мальчики будут лишь национальной гвардией, детьми « », подчиняющимися закону природы, объектами его собственной отцовской заботы. Луи, который управлял Голландией с учетом ее собственных интересов и строго, но замечательно распоряжался делами своей семьи, получил от императора суровый и страстный выговор за свою экономию. Требовались деньги на содержание войск, много призывников, поддержка голландских католиков и веселый двор, где люди забывали бы о более серьезных вещах, и где веселая молодая королева Ортенс могла бы блистать. «Пусть ваша жена танцует сколько хочет; это уместно для ее возраста. У меня есть сорокалетняя жена, и я рекомендую ей ходить на балы с поля сражений; а ты хочешь, чтобы двадцатилетняя жила в монастыре или как кормилица, постоянно купая своего ребенка». В отсутствие своего страха мадам де Сталь, которая говорила, что любит парижские каналы больше, чем горные ручьи Швейцарии, вновь появилась в пригородах этого города. Когда Наполеон узнал об этом, он пришел в ярость и отдал приказ арестовать ее как интриганку и отправить обратно в Женеву, при необходимости силой. Это было сделано, но императора охватило ужасное предчувствие, что она появилась, как ворона, предвещающая грядущую бурю. Как бы для того, чтобы компенсировать Франции потерю литературных талантов изгнанницы и ее друзей, было придумано и опробовано множество способов поощрения имперской литературы. В своем притворном и громком презрении к идеалам Наполеон проявлял свой страх перед ними: Академии было приказано заниматься литературной критикой; когда на публичных собраниях упоминались Мирабо или другие герои революции, оратора предупреждали, что он должен ограничиваться их стилем и не касаться их политики; школам было приказано обучать детей географии и истории, но обучение должно было ограничиваться фактами и не быть философским или религиозным.

Худшие качества Наполеона и его растущие слабости проявились этой зимой в двух проявлениях самопотворства, имевших далеко идущие последствия. Первым плохим симптомом была его пресловутая распущенность, которая вызвала у императрицы выражения самого горького упрека. Старая в сорок три года, а не в сорок, как Наполеон галантно, но неправдиво писал Луи, стареющая креолка избавилась от воспоминаний о грехах своей молодости и среднего возраста, а в приступе ревнивой ярости обвинила мужа не только в супружеской неверности, но и в преступлениях, одно только название которых оскверняет обычные записи о человеческой злобе и глупости. Она хотела последовать за императором в Польшу, но его неоднократные отговоры, хотя и сладкие, были фактически запретами, и она не осмелилась. Его недружелюбная летописец, мадам де Ремуза, говорит, что он отвечал на все обвинения Жозефины одним-единственным ответом, настойчивым «я»: «Я отличаюсь от всех остальных и не принимаю ограничений ни от кого другого». Ее постоянные слезы, писал он своей супруге, не свидетельствовали ни о характере, ни о

мужестве. «Я не люблю трусов; императрица должна иметь мужество». Вторым признаком слабости было растущее пренебрежение деталями в его работе. Жизнь всегда была слишком коротка для деспота, чтобы удовлетворять свои страсти и в то же время быть благодетельным правителем, даже в самых простых условиях. После выздоровления Маре император значительно ослабил свое личное внимание к деталям, в то время как его секретарь пытался утопить домашнее горе и скандал в лихорадочной деятельности, еще более интенсивной, чем та, которую он всегда проявлял. Это совпадение дало секретарю высоту, которой он до сих пор не достигал, и сделало его впоследствии силой за трон, чье влияние было опасно для империи, Франции и мира в Европе.

Несмотря на численное превосходство противника, Наполеон потерпел поражение при Эйлау из-за погодных условий, непревзойденной храбрости русских солдат и умелой тактики Беннигсена. Последний не был побежден в сражении, однако решительность и энергичность императора фактически нанесли поражение русским и принесли ему не только техническую, но и реальную победу. Хотя он отступил и перешел в оборону, чувствуя, что без огромных подкреплений и захвата Данцига он не сможет возобновить наступление, тем не менее он оставался в течение четырех месяцев не тронутым врагом. Беннигсен был в большом замешательстве. Российский двор был раздираем разногласиями, дела в Константинополе занимали большую часть внимания царя, а силы, доступные для ведения боевых действий на севере, казались слишком малыми для решительной победы: он оставался практически бездействующим. В конце февраля была предпринята попытка вытеснить левое крыло французов за Вислу, но она закончилась неудачей. Через несколько дней Наполеон лично провел разведку на своем правом фланге, и эта демонстрация активности привела к бездействию противника. Он предложил возобновить боевые действия 10 июня и к тому времени увеличил свои силы на фронте до 160 тысяч человек, все хорошо вооруженных и достаточно хорошо снабженных продовольствием. Резервная армия в Центральной Европе была гораздо больше: в общей сложности на поле боя находилось около 400 тысяч человек.

БИТВА ПРИ ХЕЙЛСБЕРГЕ.

Между тем, однако, благоприятная погода привела в порядок дороги и осушила болота. Русские отдохнули после долгого перерыва и, будучи детьми природы, почувствовали, что летнее тепло подстегивает их к активности. К тому времени Беннигсен имел около девяноста тысяч человек, не считая пруссаков, число которых теперь составляло восемнадцать тысяч. Своей задержкой он лишился помощи своего лучшего союзника — суровой погоды, но, по крайней мере, он принял решение и, опередив план Наполеона, 6 июня выдвинулся к Пассарге против корпуса Нея, который был французским авангардом. Ней отступил, и седьмой день был потрачен на маневры, в результате которых его корпус объединился с основной армией. Беннигсен, надеявшийся отрезать и уничтожить его дивизию перед наступлением, в результате неудачи был вынужден отступить, и это движение оставило Лестока в опасном положении () справа. В этот момент Наполеон решил сам перейти в наступление. Восьмого числа он начал концентрировать свои войска и принял меры, чтобы найти врага и вынудить его вступить в сражение. Беннигсен отступил за реку Алль; Сульт и Ланн, с Муратом в авангарде, были отправлены по левому берегу к Хейлсбергу; Даву и Мортье должны были пройти дальше, в рамках общего маневра по окружению; Ней и гвардия были оставлены в резерве, а Виктор был отправлен, чтобы заблокировать Лестока.

Первое столкновение произошло утром десятого числа в окрестностях Хейлсберга, поскольку Беннигсен отправил значительное количество своих войск обратно через реку, чтобы разведать противника. Русские были медленно оттеснены через равнину, ведя ожесточенный бой, пока к шести часам вечера не достигли возвышенностей возле города, которые были укреплены. Здесь они развернулись и в течение пяти часов отбрасывали одну за другой наступающие французские колонны, пока в одиннадцать часов ночи, к счастью

для атакующих войск — по крайней мере, так считал Савари, который был с ними, — не стало слишком темно, даже вблизи летнего солнцестояния и в тех высоких широтах, чтобы продолжать сражение. На следующее утро Наполеон проснулся после бивуака и увидел, что его враг исчез, как в Пултуске и Эйлау. Но на этот раз ему не суждено было повторить тот приятный опыт. Его потери накануне были настолько серьезными, что он провел 11-е число в маневрах, еще больше концентрируя свою армию перед Хейлсбергом и посылая Даву, чтобы тот встал между Лестоком и Беннигсеном, тем самым обойдя правый фланг последнего и сдерживая первого, если все пойдет хорошо. Это движение определило характер всей кампании. Оно дало желаемый эффект, и утром двенадцатого числа окопы перед ним были пусты. Русские ускользнули и в течение двух дней неуклонно отступали по Алле в общем направлении на Кёнигсберг, пока вечером тринадцатого числа не достигли Фридланда.

Беннигсен рассчитывал отступить еще дальше, надеясь достичь Велау и перейти на правый берег Прегеля, чтобы занять сильную оборонительную позицию перед Кенигсбергом. Лесток с пруссаками продвинулся далеко вперед на крайнем правом фланге в направлении этого места. Но в три часа утра 14 июня голова колонны Ланна появилась перед Фридландом, и русский командующий, полагая, что имеет дело с одной дивизией, развернулся, перешел на левый берег Алле и прошел через Фридланд, чтобы встретить врага на открытой местности. Его очевидным намерением было следовать плану Наполеона по подавлению атакующих дивизий по одной по мере их прибытия. Его правое крыло было размещено в тылу деревни Генрихсдорф, а левое опиралось на лес, известный как Сортлак. Когда его приготовления были завершены, было девять часов утра. Неизвестно, какой информацией он располагал, но его действия остаются необъяснимыми. Начав захват Генрихсдорфа, он после короткого сражения был отбит, поскольку Ланнес для той же цели растянул свою линию далеко влево и получил подкрепление от авангарда Мортье. Около полудня Беннигсен отступил на свою первоначальную позицию и простоял там без дела три долгих часа, обмениваясь бесполезными залпами с противником. Имея все свои силы уже на поле боя, он оставался абсолютно бездействующим, пока противник формировал свою линию. В отношении того, что он сосредоточил свои силы до того, как французы смогли сформироваться, его позиция была точно параллельна той, которую последние занимали в Йене по отношению к пруссакам и которую Наполеон с такой энергией использовал для фланговой атаки. Но Беннигсену не хватило быстроты и проницательности, необходимых для использования своего преимущества, и длительная задержка оказалась решающей. В это время прибыли Ней, артиллерия Виктора и гвардия; в три часа император отдал приказ сформировать линию, а через два часа дал сигнал Нею атаковать с правого фланга. Русские только что узнали, что главная французская армия находится перед ними, и начали отступление с намерением перейти через Алле, многие из них вошли в Фридланд, который лежит на левом берегу реки. В первом натиске на город Ней был отбит с ужасными потерями; но когда корпус Нея откатился вправо и влево, Дюпон появился с первой дивизией Виктора в самом центре разбивающихся линий, и в тот же момент Сенармон продвинулся вперед, приблизившись к русским рядам со всей артиллерией Виктора — тридцатью шестью орудиями — и начал вести смертоносный огонь. Это привело к разгрому врага, который бежал через город и через ручей; но их правое крыло, превратившееся таким образом в арьергард, было захвачено Ланном, прежде чем оно достигло переправы, и остановлено. Деревянный мост был подожжен, и до наступления ночи та часть русской армии, которая еще не переправилась, была практически уничтожена.

В этой битве приняли участие около восьмидесяти тысяч французов и около пятидесяти пяти тысяч русских; первые потеряли семь тысяч человек, вторые — шестнадцать тысяч, а также восемьдесят полевых орудий. Это была единственная из великих битв Наполеона, в которой он признал численное превосходство противника. В тот же день Сульт и Даву с кавалерией Мурата загнали Лестока в Кенигсберг и приготовились осадить город. Но войска Лестока вместе с гарнизоном и двором бежали, устремившись к российской границе. Беннигсен собрал в Алленбурге спасенные им войска и, отступая в хорошем порядке, через четыре дня перешел Неман у Тильзита. Затем у него был выбор: дожидаться Наполеона, который был близко позади, или заключить мир, или отступить вглубь страны, вне досягаемости врага, как сделал Александр после Аустерлица. На самом деле он признал полное поражение. «Это уже не сражение, это бойня», — писал он брату царя, великому князю Константину. «Скажите императору, что хотите, — повторил он, — только бы я мог остановить эту резню».^[5]

Поход на Фридланд демонстрирует либо меньший, либо больший гений, чем любые другие победы Наполеона, в зависимости от точки зрения, с которой его оценивают. Если рассматривать его на протяжении всего похода исключительно как генерала, то его поведение демонстрирует сравнительно небольшие способности. Он напал на врага там, где тот не ожидал сражения. Хотя у него было достаточно времени, чтобы разработать и осуществить замечательный план, и хотя его потери были незначительными по сравнению с потерями противника, тем не менее Фридланд был обычным, незавершенным делом. Он заставил врага покинуть Хейльсберг, но не уничтожил его и не положил конец войне. После своего поражения Беннигсен обнаружил, что за его спиной находится вся Россия: из Кенигсберга прибыло 25 тысяч человек, князь Лабанов привел русские резервы, и таким образом была сформирована значительная армия. Отступление с этой силой вглубь страны оставило бы Наполеона в том же положении, в котором он находился до этого. Этот неэффективный результат был полностью обусловлен единственным обдуманым шагом, который положил конец его плану окружения и уничтожения противника — отрядом Даву против Лестока на крайнем правом фланге врага.

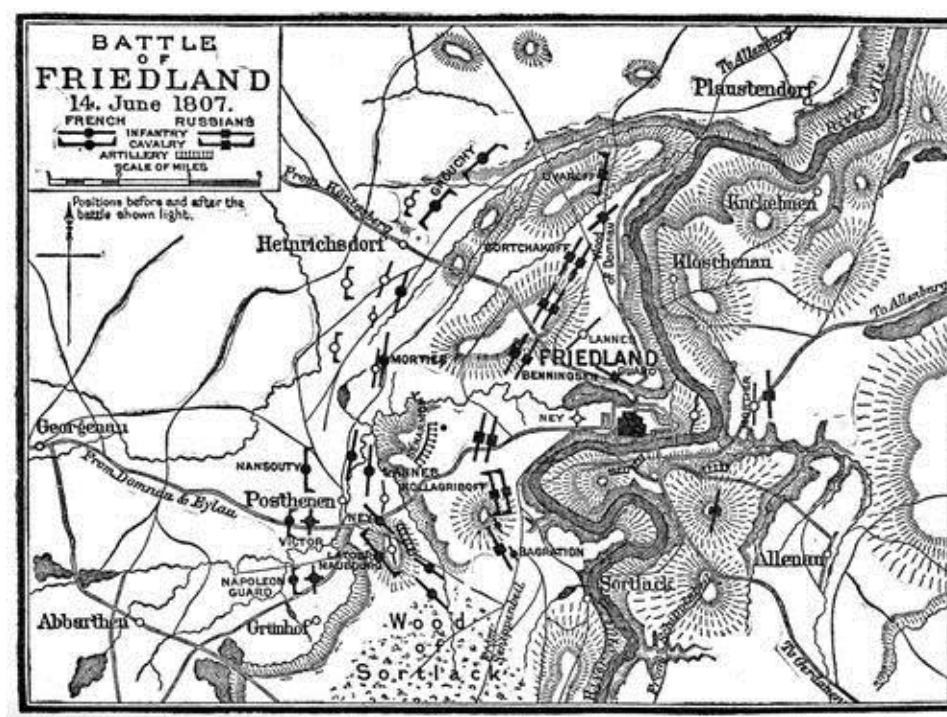
Но если смотреть на это с точки зрения государственного деятеля, Фридланд предстает в совсем ином свете.^[6] Странное совпадение, что за месяц до этого восстание янычар лишило Селима III трона, и что, таким образом, влияние Себастьяни закончилось, а положение Франции в восточном вопросе полностью изменилось. Официальные депеши, сообщавшие об этом факте, достигли Тильзита только 27 или 28 июня, но есть большая вероятность, что Наполеон знал об этом еще до битвы при Фридланде. Возможно ли, что император намеревался в Фридланде лишь удовлетворить жажду славы своей армии, оставив Александра в настроении объединиться с ним для удовлетворения его хорошо известных восточных амбиций, которые он недавно видел под угрозой из-за франко-турецкого союза и последующего усиления французского влияния в Константинополе? Такая гипотеза отнюдь не является абсурдной; тем не менее, тщательное изучение кампании, по-видимому, доказывает, что Наполеон, внезапно перейдя от обороны к наступлению и оказавшись в Хейльсберге лицом к лицу с поражением, выбрал самый быстрый и легкий способ выйти из критической ситуации. Если бы корпус Даву проник между дивизией Лестока и русской армией, подвергнув себя риску атаки с тыла, это выглядело бы скорее как бравада. Если бы Наполеон после зимы, проведенной в отличном здоровье, был менее самоуверен и более проницателен, он мог бы предвидеть всю ситуацию и принять соответствующие меры. Поскольку ни того, ни другого не произошло, он сделал как генерал все, что было возможно

в тот момент. Признавая это, мы увидим, что государственный деятель максимально использовал неблагоприятное положение генерала, поскольку договор, заключенный после Фридланда, является уникальным в истории дипломатии.

У обеих сторон были веские причины для достижения взаимопонимания. Было отмечено, что Наполеон никогда не обрушивал на Александра I таких жестких уколов и стрел личных оскорблений (), как на других врагов. В почти личной переписке в более раннее время царь проявил свои благороднейшие качества и просвещенный либерализм. Безусловно, Россия была подвергнута унижению, когда отвергла договор Убриля, заключенный годом ранее, и с легким презрением отнеслась к торжественно принятым мирным обязательствам. Однако Наполеон осознавал настоятельную необходимость иметь сильного союзника, чтобы его торговая атака на Англию имела хотя бы шанс на успех. В отношении Австрии он безрезультатно применил все дипломатические искусства Талейрана и Андреосси: польская кампания заставила Франциска быть начеку, а российская возродила воинственный дух австрийской армии. Переговоры с Фридрихом Вильгельмом провалились, поскольку были основаны на концепции новой Пруссии к востоку от Эльбы, что представляло угрозу как для России, так и для Австрии, и было признанием поражения королем, который предпочел довериться Александру. Франциск был столь же неблагоприятно настроен к тщательно разработанному Тальерандом плану создания королевства, которое было бы таковым не только по названию, но и по сути, простирающегося от долины Дуная до Черного моря, служившего буфером против российской агрессии, угрозой или опорой для Турции, в зависимости от обстоятельств. Поэтому император Франции был вынужден в данный момент обратиться с просьбой к императору всех русских. Когда 21 июня Беннигсен выдвинул предложение о перемирии, оно было принято не только вежливо, но и впечатляюще, и в течение очень короткого времени дела пошли так, как будто два императора больше не были врагами, а скорее уже были близкими друзьями, жаждущими обняться. По крайней мере, еще до их встречи таково было их отношение в общении друг с другом, которое они демонстративно показывали окружающим. Некоторые вещи совершенно очевидны в стремлении царя к миру по принципу « » (каждый за себя). Российская автократия как система по-прежнему была непоколебима, но власть его дома — нет: за шестьдесят лет произошло не менее четырех революционных переворотов, либо со стороны солдат, либо со стороны дворцовой клики. Нестабильность трона печально снизила престиж страны, и после Аустерлица к царю, как к политическому и военному лидеру, относились с презрением, а остальная Европа была глубоко равнодушна к российскому огорчению. Его положение не улучшилось после Пултуска, Эйлау или Фридланда. Расколы в армии не скрывались за алилуями и осанами городского населения; победа не принесла плодов; без Австрии следующий шаг был невозможен, а нерешительность по-прежнему была характерной чертой этой нестабильной монархии. Пруссия, хотя и была главной силой в этой борьбе, была лишь слабой державой. Англия, хотя и пожинала плоды российской торговли, стала скупой в отношении субсидий и отложила давно обещанную и широко разрекламированную балтийскую экспедицию до тех пор, пока она не стала бесполезной. Король Швеции был настолько ненавистен своим подданным, что его усилия как союзника оказались почти бесполезными. В самой России существовала сильная партия во главе с великим князем Константином, которая неуклонно осуждала войну как ведущуюся в интересах чужаков, и в нее входили большинство, если не все, русские офицеры. Было очевидно, что Александр, как союзник, не потеряет престижа на родине, выйдя из конфликта, который не был делом России и в котором он с лихвой погасил свой долг перед Пруссией, пожертвовав ради нее своей гвардией и лучшими войсками. Кроме того, среди

выживших царю нищета, а российские финансы не были в лучшем состоянии. Общее недовольство войной было настолько велико, что влиятельные люди — по крайней мере, так говорили в то время — осмелились напомнить Александру о насильственной смерти его отца.

С другой стороны, ситуация становилась все более острой. Как говорят стратеги, Наполеон выиграл сражение при Фридланде, но не одержал победу. Ситуация в Париже оставалась крайне неудовлетворительной. Английская экспедиция в Прибалтику, которая угрожала, могла прибыть в любой момент. Как бы ни был презретен Густав Шведский, он находился в Померании с англо-ганноверской армией в десять тысяч человек. Наиболее тревожным было то, что в Пруссии наблюдались как интеллектуальные волнения, так и активная партизанская война, что предвещало скорейшее восстановление ее сил. Очевидно, что союз с Россией был для Франции более выгоден, чем союз с Пруссией, с точки зрения как восточных, так и европейских планов Наполеона. Поэтому он решил предложить посланнику Александра самые блестящие перспективы — не что иное, как раздел Турции и Вислу в качестве российской границы на Балтике.

Битва при Фридланде.

Но все эти доводы с обеих сторон кажутся недостаточными для объяснения экстраординарного характера событий, предшествовавших встрече двух императоров в Тильзите, того, что произошло на этой встрече, и заключенного там договора. Когда Беннигсен впервые предложил перемирие, Наполеон потребовал в качестве гарантии три крепости Пиллау, Кольберг и Грауденц. Его посланец вернулся с ответом, что Россия не может их предоставить. Вскоре Дюрок был отправлен во враждебный лагерь. Заключит ли царь сепаратный мир? Поступить так означало бы предать Пруссию, явно нарушив Бартенштейнский мирный договор. Технически документ был недействительным,

поскольку Австрия никогда его не подписывала, хотя она с радостью сделала бы это, столкнувшись с франко-русским союзом. С моральной точки зрения для Александра было бы низостью вести переговоры отдельно, поскольку Фридрих Вильгельм отказался от аналогичного предложения. [\[7\]](#) Молодого царя, однако, совершенно не заботила королевская Европа прежних дней и очень мало интересовала теория западной империи при Наполеоне. Чего он действительно добивался, так это российского влияния в географической Европе под любым названием, расчленения Турции и расширения своей империи на запад путем приобретения Финляндии у Швеции. Потерпев неудачу в достижении своей цели с помощью коалиции так называемых законных государей и услышав почти невероятные предложения, которые Наполеон сделал своему посланнику князю Лабанову, он был побежден таким искушением и, покинув Пруссию, ответил: "Да". Двадцать первого числа между Францией и Россией было заключено перемирие без серьезных гарантий; но с Пруссией перемирие заключено не было, поскольку предложенные ей условия были настолько суровыми, что, каким бы отчаявшимся ни был ее король, он не мог вынести мысли о том, чтобы принять их. Она больше не была равной ни Франции, ни России, но зависела от них обоих; ее кочевой двор сократился до Фридриха Вильгельма, его министра Харденберга и нескольких последователей, которые были здесь сегодня и там завтра, везде, где, по их мнению, можно было извлечь наибольшую выгоду из личных интересов либо их бывшего союзника, либо их завоевателя. Королева и королевская семья находились в Мемеле, самом дальнем форпосте разрушенных владений Пруссии.

Отношение царя к Наполеону заметно отличалось от отношения его предшественников, потерпевших поражение. Предок Фридриха Вильгельма всего столетие назад купил свой титул, поставив прусские войска германо-римскому императору, и, подобно Наполеону, возложил корону на свою голову. Франциск I Австрийский был внуком Марии Терезии, могущественной и властной женщины, которая занимала свой трон в прямом противоречии с легитимистскими теориями, потому что она завоевала его. Тем не менее, оба были подавлены чувством своей легитимности и священной отчужденности. Когда Франциск унижался перед своим победителем после Аустерлица, выражение его лица было отстраненным, а приветствие надменным; несчастный король Пруссии был, как и он, полон достоинства и суров даже в своей нищете. Царь был слишком близок к совершению преступления, которое привело его на трон, чтобы напускать на себя вид превосходства перед французским цезарем. Сделав первый шаг, он начал проявлять ребяческое рвение к личной встрече с Наполеоном. Император был далек от возражений и сделал официальное предложение на этот счет, которое было немедленно принято; отношения между французскими и русскими офицерами становились теплее и теснее с каждым днем, и приготовления к встрече между будущими восточными и западными императорами вскоре были завершены. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА IV.

НАПОЛЕОН И АЛЕКСАНДР В ТИЛЬЗИТЕ. [\[8\]](#)

Плавучий павильон — Император, царь и Король — Два руководителя — Их отношение к Фридриху Вильгельму — Дипломатическая новинка — Мотивы Наполеона — Великобритания и мировая торговля — Распоряжения в Совете —

Декреты Наполеона — Россия как союзник — Министры и переговоры — Императорские развлечения — Судьба Турции — Два друга — Работа после игры.

Утром двадцать пятого июня 1807 года посреди Немана, перед Тильзитом, стоял на якоре павильон, искусно сооруженный французскими солдатами из лодок и досок. Он был ярко украшен, в соответствии со вкусом их страны, флагами и гирляндами. Спереди красовалась большая монограмма, состоящая из букв N и A, переплетенных между собой. Внутри были две комфортабельные комнаты, одна для соверенов, другая для их апартаментов. По сигналу две шлюпки отчалили, по одной от каждого берега, под смешанные приветственные крики французской и русской гвардии, выстроившихся друг напротив друга на противоположном берегу ручья. Глухой грохот пушек возвестил о примирении. В одной лодке находился Александр, соответственно одетый в военную форму; в другой - Наполеон, одетый в традиционный серый сюртук и широкополую шляпу. Император Франции первым поднялся на борт корабля и принял своего гостя со всей той подкупающей грацией, на которую он был так хорошо способен. После формальных объятий он начал неформальную беседу, которая затем продолжалась без перерыва, пока двое интриганов удалялись в квартиру, подготовленную для их собеседования. Сотрудники, находившиеся на почтительном расстоянии, ничего не могли разобрать из того, что было сказано, и хотя беседа длилась почти два часа, из нее не известно ни слова, кроме вступительных фраз, переданных самим Наполеоном. "Сир, - заметил царь, - я поддерживаю вас в борьбе с англичанами". "В таком случае, - последовал ответ, - все можно устроить, и мир будет заключен". Были высказаны некоторые сомнения в буквальной правдивости этого важного диалога, поскольку он опирается на единый авторитет. В течение столетия этого никто не отрицал, и чаша горечи, которую Англия поднесла к губам Александра, несомненно, была переполнена. С начала военных действий Великобритания терпела неудачи в каждом отдельном сражении. Ее военно-морские силы на Балтике были ничтожны, но они наживались на торговле России; обещанные военные материалы не поступали; ее поддержка в Константинополе была фарсовой; у нее было не больше желания разделять Турцию, чем раньше и с тех пор; Каннинг был менее чем нерешителен и благоволил Австрии в ущерб России; даже в ожидаемой и молчаливо обещанной денежной поддержке было отказано. Царь знал, что Англия предала его в интересах Австрии: он не знал, насколько серьезным было кокетство Наполеона в подобном костюме. Он был так же привержен освобождению русской торговли от английской тирании, как Наполеон - "свободе морей", революционному выражению, обозначающему унижение британии. Вполне возможно, что разговор происходил буквально так, как сообщалось: несмотря на то, что царь надеялся отсрочить разрыв на несколько месяцев, он, возможно, полностью доверял очкарику. Кто может измерить очарование, под которое юный энтузиаст попал с первого взгляда? В любом случае, по-видимому, не произошло ничего, что могло бы нарушить дружелюбие обоих монархов. Несомненно, было решено, что они должны сформировать двойной союз, абсолютный и исключительный. [\[9\]](#) "Я часто спал вдвоем в одной постели, - говорили учтивые, но неэлегантные слова Наполеона при последующей встрече, - но никогда втроем". Савари заявил, что улыбающийся и самодовольный молодой царь счел это замечание восхитительным. Смысл загадки, если загадка вообще существовала, заключался, конечно, в том, что Австрия больше не могла считаться равной на Континентальном Олимпе, число членов которого, таким образом, сократилось до двух.

Царя мучила совесть за то, что он покинул Пруссию, но без особых усилий он добился для нее материальных уступок от своего нового союзника. В тот же день с Фридрихом Вильгельмом было заключено перемирие, по условиям которого он временно сохранил за собой свои опорные пункты в Силезии и Померании; но его предложения о союзе были немедленно отвергнуты. На следующий день на том же плоту состоялась еще одна встреча, но на этот раз трехсторонняя, поскольку на ней присутствовал король Пруссии. Наполеон был резок и властен, упрекая Фридриха Вильгельма в двуличии его политики, мстительно (описательное слово, которое он использовал сам) и подчеркнуто требуя увольнения Харденберга. На прощание он пригласил Александра на ужин, но демонстративно не упомянул в просьбе Фридриха Вильгельма. Было решено, что для ускорения заключительных переговоров три монарха должны остаться на местах; одна половина города Тильзит была нейтрализована и разделена на три части, каждая из трех сторон должна была занять свою резиденцию в одной. На этом предварительные переговоры завершились, и оба императора с взаимным удовлетворением вернулись на соответствующие берега реки, с которой они пришли. Ощущения Фридриха Вильгельма, сопровождавшего Александра, должно быть, были ощущениями солдата на поле боя во время капитальной операции в хирургии. В тот же день царь переехал в отведенный ему квартал Тильзита. Король Пруссии снял квартиру в доме мельника, но проводил в нем лишь часть каждого дня, предпочитая меланхолическое уединение соседней деревушки Пиктупонен, где они с Харденбергом останавливались в последний раз.

Александр было сейчас тридцать лет, он был сангвиником, амбициозным, впечатлительным и зрелым соответственно своим годам. Черты его лица были четко очерчены славянскими чертами, взгляд был сочувственным, а фигура элегантной. Многие черты его ума и личности были естественными. "Мой друг, - писал Наполеон Жозефине двадцать пятого числа, - я только что познакомился с императором Александром. Я был им очень доволен; он очень красивый, хороший молодой император; у него больше ума, чем принято считать". Сам Наполеон был всего на восемь лет старше, но его ум был проницательнее и ловчее целого поколения. Классический оттенок его черт, который всего несколько лет назад заставлял скульпторов лепить его как статую юного Августа, почти исчез. Полная трансформация его внешности произошла благодаря крепкому здоровью, которым он некоторое время наслаждался. Он стал больше похож на примитивного итальянца и меньше на римлянина. Теперь его кожа была чистой и имела насыщенный темный оттенок. Его мощное телосложение было полностью развито, и, хотя он был толстым, ожирением он не страдал; огромная голова сидела на шее, которая по толщине и силе походила на колонну. Выражение его рта и подбородка было слегка чувственным, но взгляд его глаз был быстрым и проницательным. Его взгляд редко был пристальным. Хорошие манеры и изысканная вежливость, которым он позволял себя в то время, были непривычной роскошью.

Кобенцль сказал, что предпоследним шагом к всеобщему завоеванию было разделение мира между двумя. В тот момент не было никаких сомнений относительно того, кто из этих двоих в конечном итоге выживет. Александр был впечатлительным и стремился к дружбе. Ему льстили внимательные манеры величайшего человека Европы. Блестящие, опьяняющие обобщения Наполеона привлекли его устремленный ум, в то время как очарование персоной императора сильно тронуло его сердце. С другой стороны, влияние царя на императора было значительным. За его откровенными и рыцарскими манерами, за его энтузиазмом и романтизмом скрывались большая настойчивость и проницательный

здоровый смысл. Преимущества, которые он получил, были предоставлены Наполеоном главным образом из корыстных побуждений, поскольку сильная Россия была лучшим помощником в доведении Австрии до бессилия; тем не менее, они были обеспечены в значительной степени благодаря личному влиянию и представляли собой существенные преимущества, которые могли быть постоянными в случае катастрофы для отдельной жизни. Фридрих Вильгельм был всего на два года моложе Наполеона. Его развитие было медленным; он был благонамеренным, но туповатым, гордым, но робким. Хотя ему было суждено увидеть возрождение Пруссии под своим собственным правлением, он пока ничего не сделал для этого и в порыве негодования объявил войну, в ходе которой она была практически уничтожена. Его бывший союзник настаивал на том, чтобы он время от времени посещал конференции, но его присутствие было неприятно Наполеону. Так он сидел, уныние и отчаяние отразились на его простом лице; надменный, но просящий; король, но только благодаря терпению. К счастью, его королева Луиза, женщина своего времени, красивая, добродетельная и мудрая, наконец пришла к нему на помощь. Ее надеждам было суждено быть грубо разбитыми, и ее очарование было использовано напрасно; но одно ее присутствие придавало хоть какое-то достоинство Пруссии в Тильзите.

Как по месту и обстоятельствам, так и по положению и характеру участников переговоров, а также по характеру результатов встреча в Тильзите является самой примечательной в истории дипломатии. Мотивы, побудившие Наполеона к перемирию, были достаточно ясны; о том, что определило его последующее поведение, можно только догадываться. Французским либералам времен революции казалось, что Пруссия по своей природе принадлежит к их системе: они были так же разгневаны ее упорным нейтралитетом, как и Австрия или Англия, которые оба считали, что она должна придерживаться их, хотя бы ради самосохранения. Неоднократные, но тщетные попытки Наполеона заключить союз с Пруссией до Йены или провести сепаратные переговоры после этого укоренили эту традиционную горечь в его сознании. Для получения награды, за которую он боролся, у него было только два пути: либо восстановить Польшу в качестве пограничного государства между цивилизацией его империи и полуварварством и амбициями России, либо вести переговоры с самой Россией.

Первый курс означал бесконечную войну с Россией, Австрией и Пруссией на расстоянии полутора тысяч миль от Парижа; ибо Россия предпочла бы сражаться насмерть, чем потерять единственное достояние, которое помещало ее в сердце Европы, и, таким образом, быть низведенной до статуса азиатской державы. Император Франции уже после Эйлау убедился, насколько ненадежной была великая армия даже в Польше; если там царили уныние и неповиновение, как он, возможно, помнил, на самом деле обстояло дело, то что было бы на берегах Днепра, на равнинах Литвы? Подобные соображения, вероятно, определили не только факт заключения мира, но и его характер. Чтобы закрепить то, чего он добился в западной, южной и центральной Европе, Англию необходимо было привести к соглашению. Следовательно, Россия должна быть не только союзником, но и искренним союзником: ценой ее подписки на Берлинский декрет и последующего закрытия своих гаваней для английского судоходства она могла удовлетворить любые разумные амбиции и могла фактически диктовать свои собственные условия. Имея в своих руках такую грозную машину, как приверженность России его торговой политике, он мог действовать в самый последний момент, — что, как он заявил в это самое время Джозефу, было высшим искусством, на которое способен человек, — мог разрушить торговлю Англии и в условиях длительного мира мог укрепить империю, которую он уже завоевал. Таким образом, его

империя укрепились, и он стал бы фактическим хозяином половины твердой земли в Восточном полушарии. Если бы честолюбие все еще манило его, он был бы все еще молод; тогда он мог бы обдумать следующий шаг к созданию всемирной империи.

Можно с уверенностью сказать, что Великобритания никогда не была более надменной, чем в этот момент. Ее король выставил за дверь министерство "Всех талантов", поскольку после смерти Фокса объединение утратило всякое достоинство и власть. Герцог Портлендский теперь был премьер-министром. Он был слепым, но энергичным консерватором, и его торизм, в отличие от торизма Питта в его просвещенные дни, был близок сердцу его государя. Монополия Англии на европейскую торговлю казалась обеспеченной: Швеция, Дания и ганзейские города были единственными важными морскими державами Европы, которые сохраняли номинальный нейтралитет, и это был только вопрос времени, когда они должны будут принять условия либо от Франции, либо от нее самой. В то время как все остальные европейские страны были втянуты в наполеоновские войны и глубоко обеспокоены собственной территориальной целостностью, Соединенные Штаты Америки были ее единственным реальным морским соперником, и она запугала нас, заставив временно согласиться с ее интерпретацией международного права. [\[10\]](#)

Когда колонии впервые были признаны необходимыми для процветания европейских наций, повсеместно соблюдалось правило, согласно которому только метрополия могла торговать со своей собственной страной. В 1756 году Франция попыталась нарушить это правило, разрешив нейтральным судам совершать рейсы между собой и своими владениями в Вест-Индии. Англия сразу же установила "правило 1756 года", согласно которому нейтралы не должны были пользоваться во время войны торговыми привилегиями, которыми им не разрешалось пользоваться в мирное время; и этот принцип она смогла поддерживать более или менее полностью до 1793 года, когда Франция объявила ей войну и снова пригласила нейтральную торговлю во французские колониальные гавани. Англия, восстановив свое господство на морях, восстановила в 1793 году правило 1756 года, но, тем не менее, в следующем году настолько изменила его, что разрешила нейтральным торговцам прерывать в их собственных или в ее гаванях рейсы из колониальных портов или в них. В 1796 году Франция уведомила всех нейтральных стран, что она будет обращаться с ними точно так же, как они разрешили Великобритании обращаться с ними, и в 1798 году закрыла все свои гавани для любого судна, которое хотя бы заходило в британский порт. Такое положение дел сохранялось до заключения Амьенского мира. Когда в 1803 году возобновилась война между Англией и Францией, первая снова утвердила правило 1756 года как обязательное к исполнению, в то время как непрямая торговля между нейтральными портами и портами противника снова была разрешена, но при новом условии, что нейтральное судно в своем внешнем рейсе не поставляло врагу товары военного назначения контрабандой. Эта привилегия непрямого торгового была бесценна для американских судовладельцев, и в течение двух лет океанская торговля всей Европы находилась в их руках. Состояния, которые они таким образом накопили, были огромными, в то время как Великобритания увидела, что ее собственная промышленность вытеснена промышленностью континентальных стран, а колонии ее врагов процветают как никогда прежде. Таким образом, в 1805 году она отменила привилегию непрямого торгового, и ее флаг, оставшийся после Трафальгара единственным флагом воюющей стороны на океане, продолжил как обеспечивать соблюдение нового правила, так и злоупотреблять положением о нейтральных судах, перевозящих военную контрабанду, безжалостно

осуществляя право досмотра. Согласно постановлениям совета от пятого сентября 1805 года, каждое нейтральное судно должно быть осмотрено на предмет того, является ли его коносамент грузом нейтральных товаров или же в нем содержится что-либо контрабандное. Это могло означать только то, что каждый американский корабль, груженный неамериканскими товарами, должен был быть захвачен; и в мае следующего года еще более печально известным приказом шестнадцатого Великобритания объявила, что каждая европейская гавань от Бреста до устья Эльбы блокирована. Это было расстояние в восемьсот миль, и даже у нее не хватало кораблей, чтобы привести в исполнение свой указ. Трафальгар вскружил головы английским государственным деятелям.

Эта бумажная блокада была вызовом, который вызвал Берлинский декрет Наполеона. Американские корабли, как и французские, некоторое время подвергались захвату, обыску и задержанию британцами по малейшему подозрению в том, что они либо покидают порт, либо направляются во враждебный порт, в то время как на их моряков производилось безжалостное впечатление. Правительство в Вашингтоне санкционировало репрессии, но американские судовладельцы сочли более выгодным идти на компромисс, чем сопротивляться, и Монро пришел к взаимопониманию с английским министерством; процветание американского судоходства снова возродилось, и торговцы Соединенных Штатов продолжали процветать, перевоза английские товары под американским флагом в гавани, где был запрещен юнион Джек. Благодаря этому уклонению Великобритания сохранила свое торговое превосходство, и ее процветание скорее возросло, чем уменьшилось. Она отказывалась от аналогичного сотрудничества со Швецией и Россией, пока не стало слишком поздно, поскольку ее предприятие было в основном направлено на открытие новых каналов для ее торговли в Египте и Южной Америке.

Как этот левиафан, который собирал богатства всей Европы в свои хранилища и уклонялся или отражал все нападения на избранную им стихию, — как можно было победить этого тирана океана? Очевидно, что американцы должны быть настолько затравлены и раздражены, чтобы в конце концов общественный дух Соединенных Штатов пробудился к возмущению английским контролем и бросил вызов утверждению Великобританией превосходства на море. Для достижения этой цели строгое соблюдение Берлинского указа было бы хорошо приспособлено в долгосрочной перспективе, но за это время многое можно было бы сделать: если бы его принцип можно было распространить на уничтожение всей контрабанды, на абсолютное исключение британской торговли со всего Континента — не только из морских портов, но и с рынков — цель была бы достигнута. Это стало возможным только при содействии России. Таким образом, нынешний план Наполеона состоял в том, чтобы обезопасить Францию и Французскую империю, насколько это возможно, путем принуждения мира к прочному миру путем немедленного установления противовеса французской и Российской империям против Великобритании, оставляя время для выполнения своей идеальной работы по доведению растущей военно-морской мощи Соединенных Штатов до открытой враждебности против метрополии.

По-видимому, именно эти соображения определяли ход событий в Тильзите. Обсуждения были как формальными, так называемыми, так и неформальными. На первом присутствовали три государя со своими министрами — Талейран от Франции, Куракин и Лабанов от России, Калькройт и Гольц от Пруссии; на последнем иногда присутствовали все три монарха, часто только два руководителя, поскольку они считали, что Фридрих Вильгельм сдерживает их веселье. Генералы, штабисты и солдаты двух великих армий,

которые так храбро сражались при Фридланде, пребывали во взаимном уважении; но недружелюбный король и его свита, как военные, так и гражданские, были чужаками. Сразу же после официального и блестящего вступления Александра в Тильзит Наполеон начал обмен пленными и отправил гонцов, командующих его войсками в Германии, чтобы вернуть их суверену территории Мекленбурга, правящий дом которого приходился царю родственником. Со стороны Фридриха Вильгельма едва ли это было проявлением доброты — фактически, ничем иным, как холодным осуждением Харденберга, влиянию которого, в сочетании с влиянием военной партии, завоеватель приписал объявление войны Пруссии. Этот министр, изгнанный по приказу Наполеона, находился поблизости. Напрасно король умолял его по-прежнему быть наставником на предстоящих переговорах; император презрительно отказался. Других свободных не было, возразил король. Наполеон назвал нескольких: среди них, и, вероятно, не случайно, Штейн. Это великое имя связано с возрождением Пруссии, но его носитель был либералом в тех мерах, которые он применял. Харденберг, каким бы великим и ловким он ни был, отстаивал уходящий консерватизм, и хотя он был неутомим до конца, в конце концов, он был работником на закате, неспособным увидеть грядущую метаморфозу старой Европы в новую. Это было предложение, изложенное им, которое выдвинуло на первый план жизненно важный вопрос - раздел Турции. Самые величественные земли его государя были приобретены в результате раздела Австрии и Польши; теперь он предлагал, чтобы Россия и Австрия разделили между собой Дунайские княжества, чтобы Франция забрала Грецию и ее острова и чтобы Польша была восстановлена и передана королю Саксонии, который, в свою очередь, должен был передать свои немецкие владения Пруссии. Царь принял документ, который был передан ему как одобренный царем, но промолчал.

Любимым развлечением обоих императоров были игры с французской армией. Наполеон наслаждался проявлением своей снисходительности к солдатам и демонстрацией их восторженной привязанности к нему. Их муштра, мундиры, тонкости военного церемониала, великолепные майоры-барабанщики, размахивающие своими дубинками или марширующие напыщенно, — каждая деталь очаровывала царя, дом которого, по словам Чарторыйского, был поражен болезнью парадомании.

Выставка Наполеона, 1895 год.

"НАПОЛЕОН" ЭНГРА.

С натуры, во время мессы в Тюильри.

Принадлежит месье Жермену Бапсту

В подходящий момент во время одной из таких обзорных экспедиций к Наполеону, окруженному всем великолепием своей власти, подошел спешащий курьер, который вручил ему в руки депешу, извещавшую о свержении султана Селима. "Это указ Провидения, возвещающий конец Османской империи!" - воскликнул он. С тех пор он без умолку говорил о Востоке. Словно вдохновленный пророческим огнем, он набросал план миссионерского предприятия по освобождению и возрождению Греции, а также по эмансипации и реорганизации земель и народов на Дунае и в Леванте путем распределения их между просвещенными монархами. Это был язык, идентичный тому, который использовала Екатерина Великая, чтобы вдохновлять свой народ и своих потомков на политику России. Но тысячелетие должно подождать; в настоящее время варварские турки должны быть отброшены назад не силой, а неуклонным, непрерывным применением намеченной таким образом политики; завершение, когда оно будет достигнуто, будет постоянным. На данный момент необходимо решить более неотложные вопросы; когда Александр нанесет свой обещанный визит в Париж, у них будет больше свободного времени для обсуждения скрытых планов. Эти блестящие перспективы были частью рассмотрения царя. Взамен он пообещал заключить сепаратный мир с Турцией, который, в отсутствие поддержки Франции, он не сомневался, что сможет сделать наиболее благоприятным. Но на случай,

если Порта окажется непреклонной, был составлен предварительный план раздела, чтобы приблизительно указать, чего может ожидать Россия.

Шли дни, и постепенно установилась рутинная жизнь. Два императора встретились утром наедине и болтали обо всех мыслимых вопросах, расхаживая взад-вперед по комнате или соприкасаясь головами над картой Европы, чтобы обдумать ее грядущий раздел. Александр с самого начала сказал, что его предубеждение против Наполеона исчезло с первого взгляда, а позже он воскликнул: "Почему мы не встретились раньше?" Теперь он отказался от какой бы то ни было привязанности к "законной" политике Европы; он посетил претендента на престол Бурбонов, так называемого Людовика XVIII, в Миттау и не нашел в нем ничего ценного; он даже принял легкое предложение своего новообретенного друга о том, что русский советник Будберг не должен участвовать в конференциях, поскольку, возможно, он слишком привержен старым идеям. "Ты будешь моим секретарем, - сказал Наполеон, - а я буду твоим". Днем короля Пруссии со своим штабом обычно приглашали присоединиться к их кавалькаде на прогулку верхом. Император Франции в последующие годы со злостью отзывался об этих прогулках. Сам по себе бесстрашный, хотя и неуклюжий наездник, он пришпорил своего коня до полной скорости, и царь с ликованием последовал за ним, в то время как король, столь же робкий в седле, как и в кабинете министров, подпрыгивал, часто ударяя Наполеона локтями по рукам. Французские и русские офицеры держались в добрых отношениях, в то время как несколько пруссаков ехали вместе. Константин собрал вокруг себя Мюрата, Бертье и Груши и, обращаясь с ними на равных, демонстрировал сильнейшие доказательства своего уважения. Последовавшие за этим обеды, хотя и всегда большие и величественные, были короткими, поскольку императоры хотели как можно скорее побыть наедине. Царя переполняло любопытство. Как Наполеон одерживал победы? Как он управлял людьми? Каковы были его семейные отношения? Как он регулировал свою внутреннюю жизнь? Император был полон хорошего настроения: он снова и снова рассказывал о своих победах и излагал принципы, на которых он их одержал; он откровенно и подробно объяснял структуру и работу своей административной машины; он открыл свое сердце и рассказал, какие струны были натянуты смертью "Маленького Наполеона", старшего сына королевы Гортензии.

За такой приятной беседой часы непринужденности пролетели незаметно, а затем снова начались переговоры. Там, где возникали разногласия, Наполеон уклонялся от подробного обсуждения и переходил к другим вопросам. На следующее утро рано утром царь получал тщательно сформулированную краткую записку по спорным вопросам вместе с аргументацией. Иногда он отвечал письменно, чаще - нет. Когда они встретились снова, Наполеон искал, или казалось, что искал, компромисс, и никогда напрасно. Совет министров, в котором не было ни одного влиятельного человека, кроме Талейрана, время от времени получал заключения и уточнял детали. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА V.

ТИЛЬЗИТСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР. [\[11\]](#)

Две равные империи — Центральная Европа и Восток — Пруссия как второсортная держава - Великое герцогство Варшавское и Королевство Вестфалия

— Наполеон и Фридрих Вильгельм — Королева Пруссии Луиза — Встреча Наполеона и Луизы — Вежливость и дипломатия — Горечь разочарования — Последняя мольба — Унижение Пруссии — Расставание императоров — Разочарование Александра — Приобретения и потери Наполеона.

Благодаря такой доселе неизвестной простоте и тактичности дипломатия в Тильзите была проведена максимально оперативно. Переговоры были завершены, договоры составлены, а подписи скреплены седьмого июля. Существовало три разных документа: мирный договор, серия из семи отдельных и секретных статей и союзный договор. Первым пунктом, которого добился Наполеон, было признание всех его завоеваний до 1805 года. Царь впервые признал абсолютное равенство между двумя империями и признал пределы французской системы в том виде, в каком она существовала тогда: во-первых, Рейнскую конфедерацию с любыми дополнениями, которые еще предстояло внести; во-вторых, Итальянское королевство, включая Далмацию; в-третьих, вассалитет Голландии, Берга, Неаполя и Швейцарии. Говорят, было устное соглашение, что Наполеон может делать все, что ему заблагорассудится в Испании и Папской области, в то время как царь должен иметь такую же свободу в отношении Финляндии. Последующие события подтвердили вероятность этого утверждения. Чтобы проиллюстрировать отношение Наполеона к недавнему, но теперь расторгнутому союзу, Пруссии дали понять, что она обязана России теми остатками территории, которые она сохранила; поэтому положения, касающиеся ее, были включены в договор с Россией.

И все же Пруссия должна была существовать. В соответствии с давно вынашиваемым планом, между двумя великими империями должен был лежать пояс нейтральных государств, подобных "маркам", созданным Карлом Великим. Единственным прорывом на этой линии была Силезия. Пруссия и Австрия, по одну сторону от этой отметки, лишенные своей силы и престижа, могли ожидать своей судьбы. Франция должна была выступить посредником в установлении мира между Россией и Турцией, Россия - между Англией и Францией. В случае, если Великобритания не проявит сговорчивости, то есть не признает неприкосновенность всех флагов в открытом море и не вернет все колонии Франции и ее союзников, захваченные с 1805 года, тогда Россия, вместе с Францией, Данией, Швецией, Португалией и Австрией, объявит Англии торговую войну и завершит континентальное эмбарго на британскую торговлю. Если Турция откажется от выгодных условий, две империи разделят между собой все ее европейские земли, за исключением Румелии и района Константинополя. Впоследствии Александр заявил, что Наполеон дал устное обещание, что Россия получит значительное усиление на Дунае. Ходили слухи, что Бессарабия, Молдавия, Валахия и Болгария были указаны царю в качестве его доли.

Не упоминалась Австрия, которую Пресбургский мирный договор в достаточной степени расчленил. Но Пруссия? Для завершения великого "марша" между востоком и западом Силезия была необходима. Сначала Наполеон думал объединить ее с прусской Польшей, чтобы сформировать королевство. Это не восстановило бы настоящую Польшу, но создало бы Польшу и дало бы ему польскую армию. Уже было решено, что Эльба должна образовать западную границу Фридриха Вильгельма; дальнейшее ослабление его сил разрушило бы всякое равновесие между Пруссией и Австрией. Более того, Александр обратился с нежным призывом и ловко выдвинул неприятное контрпредложение. Соответственно, было решено, что великая провинция должна оставаться прусской. Это была большая уступка царю.

Чтобы сделать какой-то предлог для выполнения щедрых, но неопределенных обещаний, данных полякам, земли Варшавы и провинции Познань, со значительным участком, который сейчас в них не входит, были присоединены к великому герцогству Варшавскому. Под влиянием исторических воспоминаний она была передана не как провинция, а как отдельный суверенитет курфюрсту Саксонии, который одновременно стал королем и членом Рейнской конфедерации. Царь в обмен на свои уступки великому герцогству Варшавскому получил прусский округ Белосток. В качестве компенсации за Бокче-ди-Каттаро и Ионические острова Данцик был восстановлен в статусе вольного города. Прусские земли на Эльбе вместе с Гессен-Касселем и многими второстепенными владениями были объединены в Вестфальское королевство для брата императора Иеронима. В наши дни мы почти забыли, как менее века назад Германия была разделена на незначительные фрагменты. Поучительно вспомнить, что образование этого нового королевства благотворно положило конец отдельному существованию не менее двадцати четырех более или менее автономных держав — электоратов, герцогств, графств, епископств и городов. В нем находилась важная крепость Магдебург, обладание мрачными стенами которой обеспечивало господство над Эльбой и фактически делало Пруссию завоеванным государством-данником.

Это казалось Фридриху Вильгельму кульминацией его несчастий. Он ежедневно получал информацию от царя о том, что рассматривалось, и спасение Силезии его посредником вселяло в него большие надежды на сохранение Магдебурга. Но его малодушное поведение утомило даже Александра, который, с самого начала желая искупить дезертирство вмешательством, к концу стал очень холодным. Когда король попросил разрешения лично выступить в защиту Магдебурга, Наполеон отказался. Прусское дело могло быть представлено адвокатом. Гольца быстро вызвали на это задание, но, хотя он всегда был готов к беседе с французским императором, ему так и не удалось этого добиться.

Именно в этот критический момент в делах Пруссии король после долгих уговоров согласился вызвать свою королеву. Слухи и инсинуации о чрезмерном восхищении ею царя, столь усердно распространяемые Наполеоном, сделали его чрезмерно чувствительным; но в качестве последнего средства он чувствовал необходимость в ее присутствии. Она пришла с единственной идеей — сделать дело Магдебурга своим. Она пострадала от злобных намеков Наполеона на свой характер; она разделила позор берлинской партии войны, потерпев сокрушительное поражение при Йене и Ауэрштедте; она была странницей среди опозоренного и беспомощного народа; но дух ее не был сломлен, и она объявила о своем визите со всем достоинством своего положения. Придворная карета, в которой она ехала в сопровождении своих фрейлин, прибыла в Тильзит шестого июля и остановилась перед дверью скромного мельника, под крышей которого находились комнаты ее мужа. Офицеры и государственные деятели собрались, чтобы принять ее и подбодрить добрым советом, но она отмахнулась от них, настоятельно призывая к тишине, чтобы собраться с мыслями.

Через минуту доложили о Наполеоне. Когда он поднимался по узкой лестнице, она поднялась ему навстречу. Друзья и враги сходятся во мнении относительно ее красоты, вкуса и манер; ее присутствие в белом платье, расшитом серебром, и с жемчужной диадемой на лбу было королевским. В апартаментах своего мужа она была хозяйкой и, как таковая, извинилась за лестницу. "Чего только не сделаешь ради такой цели!" - галантно ответил несколько ослепленный победитель. Просительница, задав несколько почтительных вопросов о самочувствии своего посетителя и влиянии северного климата на его здоровье,

сразу же сообщила о цели своего визита. Ее манеры были полны пафоса, и в ее глазах стояли слезы, когда она вспоминала, как ее страна была наказана за призыв к оружию и за ее ошибочную веру в традиции великого Фридриха и его славу. Император был смущен возвышенным тоном ее обращения. Ее вид был настолько возвышенным, что она подавила его; на мгновение его самоуверенность улетучилась, и он почувствовал себя всего лишь человеком из народа. Он также почувствовал унижение от такого контраста и разозлился. Много времени спустя он признался, что она была хозяйкой разговора, добавив, что она стояла, запрокинув голову, как мадемуазель Дж. Дюшенуа в образе Химены, имея в виду этим сравнением заклеить ее отношение и язык как театральные. Ее призыв был настолько действенным, что он почувствовал потребность в чем-нибудь, чтобы спасти свою собственную роль, и соответственно он с поклоном усадил ее в кресло, и в наступивший таким образом момент был полон решимости взять тональность высокой комедии. В свою очередь поддержав разговор, он внимательно оценил красоту ее фигуры и, сделав комплимент ее платью, спросил, из какого материала оно сшито - крепа или индийской кисеи. "Неужели мы должны говорить о тряпках в такой торжественный момент?" парировала она, а затем перешла к прямой просьбе о Магдебурге. В разгар ее красноречия, когда император, казалось, был почти подавлен ее назойливостью, в комнату совершенно некстати вошел ее назойливый муж. Он начал спорить и рассуждать, ссылаясь на свою давнюю обиду, на нарушение границ Ансбаха, и пытаясь доказать свою правоту. Наполеон сразу перевел разговор на безразличные темы и через несколько минут удалился. "Вы многого просите, - сказал он королеве на прощание, - но я обещаю подумать". Мужественная женщина сделала все, что могла, но ее дело — если оно действительно когда-либо было на волоске - было проиграно с того момента, как она поставила своего судью в подчиненное положение. Ее величественная осанка была прекрасна, но это не было дипломатией. Тем не менее, она могла бы добиться успеха, будь она женой более мудрого человека. Долгое время спустя Наполеон думал, что ее влияние на переговоры было бы значительным, пояись она на более ранних стадиях, и поздравлял себя с тем, что она пришла слишком поздно, поскольку, когда она прибыла, они уже были практически закрыты.

Остаток дня прошел для королевы в волнении, она принимала гонцов от Наполеона с помилованием прусских военнопленных и принимала вежливые знаки внимания от его адъютантов. Она с радостью согласилась отобедать с Наполеоном, и Бертье был выбран сопровождать ее в апартаменты своего императора. По прибытии ее встретили с отличием и усадили за стол на почетное место между хозяином и царем. Император был сама вежливость, предлагая нежеланные утешения Фридриху Вильгельму и выражая удивление мужеством королевы. "Ты знаешь, что мои гусары чуть не взяли тебя в плен?" - сказал он ей. "Я с трудом могу в это поверить, сир", - последовал ответ. "Я не видел ни одного француза". "Но зачем так подставляться? Почему вы не дождались меня в Веймаре? - В самом деле, сир, я не стремился. Существует предание, что Талейран, чьей работой на самом деле был этот договор, забеспокоился и позже вечером прошептал Наполеону, что, конечно же, он не откажется от преимуществ своего величайшего завоевания ради хорошенькой женщины. Прозвучало это предостережение или нет, император был почтителен и вежлив, но уклончив. После обеда он долго беседовал со своей прекрасной гостьей. Ее фрейлине, графине Восс, он предложил нюхательный табак — странный знак снисхождения. На следующий день в записке Жозефине он сообщил, что был вынужден постоянно быть настороже; а на следующий день, восьмого июля, он снова написал своей императрице: "Королева действительно очаровательна, использует все искусства, чтобы доставить мне удовольствие; но не ревнуйте: я подобен вощенной ткани, с которой все это соскальзывает."

Мне слишком дорого обошлась бы игра в галантность. Любезность императора совершенно обманула бедную королеву, и, как говорят, она вернулась в апартаменты своего мужа в Пиктупонене в самом приподнятом настроении.

В тот же вечер, сразу после ужина, был предпринят шаг, которого она так боялась, и был отдан приказ заключить договор в его нынешнем виде. В последний час Гольц добился свидания, чтобы оправдать надежды, пробудившиеся в королеве, но император холодно объяснил, что его поведение было проявлением вежливости, и ничего более; прусский дом вообще мог бы быть рад вернуть себе корону. Талейран показал законченный и окончательный проект договора, готовый к подписанию, и сказал, что его хозяин спешит, что через два дня документы будут подписаны. Таково было известие, которым встретили Луизу на следующее утро. Она сразу же вернулась в Тильзит с опухшими от слез глазами; но появилась в роскошном платье и с улыбкой на губах. И снова она стала объектом самой изысканной вежливости со стороны адъютантов Наполеона, но ожидаемого визита от него самого не последовало. Однако она снова была почетной гостьей императора на обеде. Хозяин сразу же заговорил о ее наряде. "Как, королева Пруссии в тюрбане! Уж точно не для того, чтобы доставить удовольствие императору России, который воюет с турками!" - Скорее, я думаю, - ответила королева, - чтобы умиловить Руста. - Она перевела свои большие, наполненные слезами глаза на смуглого мамелюка, стоявшего за креслом своего хозяина. По словам Наполеона, у нее был вид оскорбленной кокетки. После ужина роль, которую накануне вечером исполнял император, взял на себя Мюрат. "Как ваше величество проводит время в Мемеле?" "За чтением". "Что читает ваше величество?" "История прошлого". "Но наше время позволяет совершать поступки, достойные увековечения". "Жить в нем - это уже больше, чем я могу вынести".

Перед расставанием Наполеон провел несколько мгновений рядом с ней, а в конце, повернувшись, вытащил из букета прекрасную розу, которую протянул с жестами галантности и почтения. Поколебавшись мгновение, королева наконец протянула руку и сказала, принимая ее: "По крайней мере, с Магдебургом". "Мадам, - последовал холодный ответ, - я могу дать это, а вы можете принять". Но он подал руку, чтобы проводить ее к экипажу, и, когда они вместе спускались по лестнице, разочарованная гостья сказала сентиментальным и взволнованным голосом: "Возможно ли, что, имея счастье видеть так близко человека века и всей истории, он не предоставит мне возможности и удовлетворения заверить его, что он взял на себя обязательства на всю жизнь?" Торжественным тоном Наполеон ответил: "Мадам, меня следует пожалеть; в этом виновата моя несчастливая звезда". Личная фрейлина королевы Луизы рассказала, что горечь ее государя в конце концов пересилила ее, и садясь в карету, она сказала: "Сир, вы жестоко обманули меня". Несомненно, что на следующий день она осыпала Дюрока упреками; но позже она откровенно призналась, что не может вспомнить никакого определенного обещания, данного Наполеоном. Талейрану она сказала с тонким сарказмом, что только два человека сожалеют о том, что она приехала в Тильзит, — он и она. Она верила, что ее долг любящей жены, нежной матери, королевы своего народа был выполнен, но ее сердце было разбито. Королева Англии Мария сказала о потере Кале: "Если они откроют мое сердце, то обнаружат внутри название Кале, начертанное кровавыми буквами". Королева Луиза трогательно вспоминала этот стон; то же самое она могла бы сказать о Магдебурге.

Мирный договор с Пруссией, подписанный двумя днями позже, ни в малейшей степени не изменил условий, согласованных с Александром, и в течение шести лет эта страна

оставалась в изуродованном и покоренном состоянии, вынужденная с внешним уважением подчиняться приказам Наполеона. Все владения, которыми она владела к западу от Эльбы, отошли к Вестфальскому королевству, округ Коттбус отошел к Саксонии, польские провинции южная Пруссия и новая восточная Пруссия - к великому герцогству Варшавскому, Белостокский округ - к России. Говорят, что Наполеон убеждал царя захватить Мемель и полосу прусских земель к востоку от Немана; но это отвергается, и в любом случае Александр, желая быть в мире со своим соседом, решительно отказался; более того, он устно оговорил скорейшую эвакуацию французскими войсками земель Гогенцоллернов. Таким образом, номинально король Пруссии восстановил суверенитет менее чем над половиной своей бывшей территории. За это вознаграждение он должен был выплатить неопределенную, но огромную и почти невыполнимую контрибуцию, которая должна была покрыть все расходы на войну. Чтобы гарантировать это, большая часть французской армии, несмотря на требование Александра, все еще оставалась расквартированной в землях Гогенцоллернов, так что прусскому народу ежедневно напоминали об их позоре, а также раздражали грабительские налоги. Во-первых и последних, война обошлась Пруссии в виде поддержки французской армии и фактических взносов Франции более чем в миллиард франков — примерно в валовой национальный доход за тринадцать лет. Таким образом, процесс консолидации Пруссии, начатый тремя годами ранее, был ускорен. То, что Поццо ди Борго назвал шедевром разрушения, в конце концов оказалось началом нового рождения нации. Но королевская чета была подавлена: благородная королева умерла три года спустя от огорчения; король дождался до того, чтобы снова увидеть свой народ сильным, но в каком-то мешающем оцепенении, всегда оставаясь бескомпромиссным консерватором. Когда он умер в 1840 году, он оставил своему преемнику в наследство подавленное народное недовольство.

Тильзитский мирный договор между Францией и Россией был подписан, как уже говорилось, седьмого июля. Главные персонажи, участвовавшие с обеих сторон в этой грандиозной сцене примирения, были в тот день награждены орденами соответствующих дворов, в то время как императорская гвардия обоих императоров получила еду и питье для большого праздника. На следующий день Наполеон нанес свой прощальный визит. Во время утреннего туалета он велел своему камердинеру развязать нитки, которыми крест Почетного легиона был прикреплен к его мундиру, и, когда царь двинулся ему навстречу, он громким голосом попросил разрешения наградить первого гренадера России. Ветеран по имени Лазарев был вызван из рядов, и император гаечным ключом сорвал со своего креста и прикрепил его к груди крестьянина. Зал взорвался аплодисментами, в то время как Лазарев целовал руки своего благодетеля и подол его пальто. На следующий день Александр пересек Неман. Савари отправился с ним в качестве французского посланника, отчасти для того, чтобы поддержать мужество и боевой дух царя, которым угрожал угрюмый юмор придворных кругов в Санкт-Петербурге, отчасти для того, чтобы изучить нрав русского народа.

До последнего момента их общения царь, казалось, находился под влиянием обольстительной силы Наполеона. Он пришел как побежденный принц; он ушел с почетным миром, с дружбой своего великодушного завоевателя и с незапятнанным императорским достоинством. Он спас своего недавнего союзника от уничтожения и обеспечил себе небольшое увеличение территории; на будущее там были Финляндия и прекраснейшая часть Турции. Но через несколько дней волшебство начало проходить. Он не захватил Константинополь и не обещал эвакуировать Валахию и Молдавию; он не добился полной

эвакуации Пруссии; он рисковал разрывом с Англией; он, прежде всего, подчинился созданию государства, которое под тонкой маскировкой другого названия было всего лишь зародышем восстановленной Польши. Начинало казаться, что его обольстили. Существует достаточно свидетельств того, что такие горькие размышления появились очень скоро; но они были подавлены, сначала из чистого стыда, а затем по суровой необходимости, когда Англия начала давать выход своему гневу. Но самих русских нельзя было репрессировать. Вскоре общественность возненавидела Савари и подверглась оскорблениям, тем более что он сохранил свое влияние на царя. Отчеты, отправляемые домой бывшим полицейским агентом, были умными и поучительными, но их картины фракционных споров и восточных заговоров при дворе, аристократической роскоши и всеобщей бедности, народных суеверий и варварских нравов не были обнадеживающими и с самого начала укрепляли в душе императора сомнения относительно стабильности союза, заключенного в Тильзите, союза внешне справедливого, но, как и вся дипломатия Талейрана, скорее показного, чем существенного. [\[12\]](#)

Наполеон отбыл в Кенигсберг в тот же день, когда попрощался с Александром. Его маршрут пролегал через Дрезден. Он ни в малейшей степени не был обманут. Мир в Европе, по его словам, был в Санкт-Петербурге; мировые дела были там. Но он многого добился. Были созданы аванпосты его империи, и с одного из них он мог дотронуться рукой до зачарованного Востока. Он заручился временным сотрудничеством России, и с этого начала он мог бы объединить Континент против Англии и завершить достигнутый этап в своем продвижении. Прежде всего, он мог бы сразу восстановить доверие Франции, провозгласив мир и укрепив ее процветание. Конечно, он предсказывал раздел своей будущей Восточной империи с Россией, он оставил Пруссию возмущенной и истекающей кровью, а Австрия была встревожена и подозрительно сдержанна; но он поставил им всем мат угрозой восстановленной Польши, в то время как их финансовая слабость и военное истощение в сочетании с взаимной ревностью их династий могли предотвратить их непосредственную враждебность. Кроме того, хотя он и спел определенную мелодию в Тильзите, в будущем ему, как он саркастически заметил несколько позже, придется петь ее только в соответствии с написанной партитурой. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА VI.

Путь Наполеоновской империи. [\[13\]](#)

Наполеон и нейтральные державы — Протекторат Португалии и конец Этрурии — Аннексия папских представительств — Захват Датского флота Великобританией — Деградация Испании — Невежливость Годоя — Испанский двор и наследник престола — Последствия Союза с Россией в Париже — Комментарий Наполеона к Договору — Его административная мудрость — Общественные работы во Франции — Евреи во Франции — Синедрион — Успешные реформы Наполеона — Военные контрибуции и финансы — Раздражения Континентальной системы.

Но для достижения целей и реализации возможностей, которые были указаны в Тильзитском договоре, нельзя было терять времени. Судьба Швеции и ганзейских городов

была практически решена, и в Европе оставались три небольших морских государства, которые все еще сохраняли номинальный нейтралитет, — Дания, Португалия и Этрурия. Все до единого должны были выбирать между Англией и Францией. Каждому должна была быть адресована повестка, и Наполеон написал предварительные указания в Дрездене. Между строк его депеш было ясно, что драгоценное военно—морское вооружение всех трех держав - корабли, арсеналы, припасы и люди — должно быть предоставлено в распоряжение Франции. "Кое-что должно быть сделано до объявления вашего плана", - таков был один из принципов самого Наполеона, и именно так он намеревался поступить в данном случае. В Дрездене также была обнародована новая конституция Варшавы. Созданная по образцу Франции, она была далека от либерализма; но она отменила крепостное право, сделала всех граждан равными перед законом и ввела гражданский кодекс.

В 1804 году Португалия купила свой нейтралитет на время войны суммой в шестнадцать миллионов франков. Теперь ей было приказано закрыть свои порты для британцев, конфисковать все их товары и корабли и, наконец, объявить войну Великобритании. Жюно, бывший имперский посол в Лиссабоне, был отправлен с двадцатью семью тысячами человек, обозначенными как "наблюдательный корпус", чтобы быть готовым к отправке на границу для приведения в исполнение приказа. В ответ Англия захватила португальский флот и держала его в безопасности до окончания войны. Во время последних кампаний в Польше и Пруссии умер король Этрурии Людовик, и его беспомощная вдова, испанская инфанта Мария Луиза, исполнявшая обязанности регента при своем маленьком сыне, впустила англичан в гавань Ливорно. Принцу Евгению было приказано взять еще один "наблюдательный корпус" из шести тысяч человек и изгнать их. Он выполнил это незамедлительно. Дюрок сразу же предложил испанскому министру, что Наполеон хотел бы получить какое—нибудь предложение о компенсации Марии Луизе за потерю Этрурии - скажем, одну часть Португалии для нее, а остальное для Годоя, принца Мира.

Это "уродство", устраненное с итальянского полуострова, выявило еще большее — тот факт, что Папская область нарушила связь между двумя королевствами Италии и Неаполем. Пий VII, вернувшись разочарованным и озлобленным после церемонии коронации и обнаружив, что его светское оружие подвело его, встал на защиту своих духовных доспехов. Уже упоминалось, что он начал отказываться от всего, чего желал Наполеон, — от коронации в качестве западного императора, распространения Конкордата на Венецию, утверждения епископов, назначаемых во Франции и Италии светской властью, аннулирования брака Джерома, признания королевской власти Жозефа, — за исключением гарантии его собственной независимости и нейтралитета; короче говоря, он слабо отрекся от французского союза и всех его дел. Теперь от Наполеона поступило требование, чтобы отныне французских кардиналов было столько же, сколько римских, чтобы агенты враждебных держав были изгнаны из Папской области и чтобы папские порты были закрыты для Англии. Император тоже устал от мелких дрызг, связанных с Церковью, от угроз отлучить его от церкви и объявить его трон вакантным. Неужели они собирались упрятать его в монастырь и выпороть, как Людовика Благочестивого? Если нет, пусть все полномочия посла будут направлены кардиналу-легату в Париж; в любом случае, пусть угрозам будет положен конец. В то же время Эжен показал Пию личное письмо от своего отчима, которое, хотя и было помечено как конфиденциальное, предназначалось для показа именно таким образом. В нем содержалась угроза, что император намеревался созвать собор галликанской, итальянской, немецкой и польской церквей, чтобы освободить эти народы от

господства римских священников. Понтифик был в ужасе и поспешил уступить самым настоятельным требованиям, изложенным в послании, которое он сам получил, среди них назначение переговорщика. Но он по-детски отказался выполнить требование императора и назначил не французского кардинала-легата в Париже, а итальянского кардинала. Наполеон уведомил престол, что он будет вести переговоры только с Байанном, французским кардиналом в Париже, и что более длительное промедление вынудит его присоединить Анкону, Урбино и Мачерату к королевству Италия. Пий сразу уступил, выдвинув кандидатуру Байанна, согласившись войти в федерацию с Францией и пообещав короновать Наполеона; но аннексия произошла так же быстро, как и капитуляция, — фактически, была завершена до нее!

Из трех второстепенных морских держав Дания, командовавшая воротами Балтики, была, безусловно, самой важной. Бернадотт уже был на ее границах с армией. Он уведомил ее, что она должна немедленно объявить войну Англии или потерять все свои континентальные владения. Ее правительство обещало подчиниться, но медлило. Утверждалось, что английские шпионы в Тильзите уловили обрывки сделки, содержащейся в секретных статьях, и что портлендский кабинет министров, в котором Каннинг был министром иностранных дел, а Каслри - министром войны и колоний, разгадал остальное. Теперь известно, что Каннинг считал, что никаких секретных статей не было, но был убежден, что два императора достигли тайного соглашения, враждебного Англии. [\[14\]](#) Летом министерство получило то, что они назвали наиболее позитивной информацией — каковы были ее масштабы и как она была получена, никогда не разглашалось — что французы намеревались вторгнуться в Гольштейн и заставить Данию закрыть пролив для британской торговли. Опасность казалась неминуемой: датский флот насчитывал не менее двадцати линейных кораблей, восемнадцать фрегатов, девять бригов и несколько канонерских лодок. Такое усиление французского военно-морского флота снова поставило бы его на боевое положение. Поэтому английское министерство предложило защищать Данию, гарантировать ее колонии и предоставить ей все средства обороны, морские, военные, денежные, если только она передаст свой флот Англии для восстановления в случае заключения мира. Датский регент уже был предан Франции и не согласился. Соответственно, английская армия под командованием Кэткарта высадилась и осадила Копенгаген, в то время как флот бомбардировал его в течение трех дней, пока правительство не согласилось с их условиями. Этот позорный акт своевольного насилия должен быть поставлен в вину Каннингу. Это был первый шаг к унижению прекрасного народа, к потере им Норвегии и, в конечном счете, Шлезвига и Гольштейна. Более того, это было в высшей степени невежливо, сделав царя злейшим врагом Англии на четыре года. Несчастливая страна в растерянности бросилась в объятия Бернадотта. Кристиан VII долгое время был слабоумным, а его сын Фредерик VI, хотя и энергичный и исполненный благих намерений, превратил Данию в еще одно вассальное государство Франции по Фонтенблоскому мирному договору, подписанному тридцатого октября 1807 года.

Ни в одном из их многочисленных суверенитетов неспособность бурбонов не была продемонстрирована более полно, чем в Испании. Периодически мерцая, свет этой знаменитой земли неуклонно тускнел с тех пор, как Людовик XIV торжественно объявил, что Пиренеи прекратили свое существование. Лишенная своего колониального господства, разбитая в военно-морской мощи, вынужденная платить дань Франции, она молча наблюдала, как Наполеон торгует ее землями, скорбя о том, что даже память о ее былой славе угасает в зарубежных странах. Однако сам гордый народ никогда не забывал своего прошлого; с каждым последующим унижением их раздражение росло все сильнее, и вскоре после Трафальгара они предприняли попытку объединиться под руководством наследного принца против скандального режима Годоя. Обе стороны искали поддержки у Франции, и ссора разжигалась из Парижа до тех пор, пока вся страна не была раздираема самыми серьезными разногласиями.

Когда в предыдущем году Пруссия объявила войну, и французским легионам предстояло столкнуться с легионами, прошедшими подготовку в школе Фридриха Великого, русский посланник в Мадриде предпринял энергичную попытку заручиться поддержкой Испании для коалиции. Англия тоже в тот же момент пригрозила сделать южноамериканские колонии независимыми, если она не согласится. Годой был убежден, что Наполеон наконец-то нашел себе пару, если не хозяина, и четырнадцатого октября издал манифест, составленный по большей части в двусмысленных выражениях, но ясно объявляющий войну немедленной необходимостью. По странному совпадению, его дата пришлась на день, когда произошла битва при Йене, и, услышав новости об этом событии, Принц Мира поспешил заявить о своей покорности от имени короля. Наполеон побледнел, когда прочитал известие о предполагаемом дезертирстве, дошедшее до него в Берлине; он так и не простил предательства, хотя какое-то время притворялся, что не знает о его существовании. Возобновление подчинения Карла IV дало ему возможность потребовать, чтобы испанский флот направился в Тулон, чтобы король направил пятнадцать тысяч человек для противодействия возможной английской высадке в устье Эльбы и в то же время взял на себя содержание двадцати пяти тысяч прусских военнопленных, в то время как с этого момента он должен строго соблюдать эмбарго на английскую торговлю во всех испанских портах и рынках.

Этим требованиям слабое и презренное правительство не смогло противостоять. Годой и королева возобновили свою скандальную жизнь, в то время как король присоединился к заговору с целью лишить своего сына Фердинанда права наследования. Молодой принц пользовался симпатией народа; но хотя он добивался расположения Наполеона и хотел жениться на племяннице императрицы Жозефины, ответа не последовало, и он остался бессильным перед администрацией, очевидно, поддерживаемой Францией. В дальнейшем он был арестован по обвинению в заговоре против жизни своего отца. Еще до окончания лета 1807 года все созрело для предполагаемого вмешательства Наполеона с целью "возрождения" Испании.

Такова была жатва Тильзита на ниве международных отношений — жатва, которую до последнего император утверждал, что посеял Талейран. Что касается его воздействия на Францию, Меттерних, тогдашний австрийский посол в Париже, заявил, что люди сидели в кафе, холодно обсуждая полное переустройство Европы — две империи и семнадцать новых королевств с новыми суверенами либо от императорских домов, либо в интересах них! "Рапсодии, - сказал он, - доказавшие, что вся Европа может рухнуть, не вызвав ни единой

эмоции печали, удивления или удовлетворения у народа, униженного ниже всех остальных, ниже всякого воображения, и который, измученный, деморализованный до такой степени, что все следы даже национального чувства стерты девятнадцатью годами революций и преступлений, теперь с хладнокровным безразличием взирает на то, что происходит за пределами его собственных границ. Мудрые люди думают, что договоры, будучи столь же выгодными для России, как и для Франции, обязательно содержат зародыш, который, развиваясь, окажется опасным для последней". В действительности теперь не было ни одного государства в Европе, с которым французская империя не находилась бы в натянутых отношениях, ни одной национальности, кроме французов, которая не чувствовала бы уязвленным свое самоуважение и не возмущалась бы унижением.

Однако это была не та панорама, которую император развернул в Париже. Вечером двадцать седьмого июля он спокойно добрался до Сен-Клу. Жители Парижа случайно узнали эту новость и разразились стихийным ликованием, освещая город и рассылая обращения, в которых слова лести были исчерпаны. Наполеон больше не был действующим лицом просто в истории человечества: он был человеком героической эпохи; он был выше восхищения; ничто, кроме любви, не могло занять его высокое место. Шестнадцатого августа император лично открыл законодательное собрание. "Со времени вашей последней сессии, - сказал он, - новые войны, новые триумфы, новые договоры изменили облик Европы". Если бранденбургский дом все еще правил, продолжал он, то это было благодаря искренней дружбе, которую он испытывал к царю. Французский принц правил бы на Эльбе и знал бы, как умиротворить своих подданных, никогда не забывая при этом о своих самых священных обязанностях. Саксония восстановила свою независимость, народы Данцига и герцогства Варшавского - свою страну и свои права. Все народы радовались, видя, что ужасное влияние Англии уничтожено. Франция была объединена с Рейнской конфедерацией ее законами, федеративная система - со странами Голландии, Швейцарии и Италии; ее новые отношения с Россией были скреплены взаимным уважением. При всем этом, утверждал он, его полярной звездой было счастье его народа, которое было для него дороже его собственной славы. Он хотел бы мира на море и ради этого не обращал бы внимания на раздражение, вызванное людьми, брошенными и раздираемыми партийными распрями. Что бы ни случилось, он будет достоин своего народа, поскольку они показали, что достойны его. Их поведение в его отсутствие только усилило его уважение к их характеру. Он придумал несколько мер по упрощению и совершенствованию их институтов.

Эта картина военной и политической славы, написанная мастером, который во время одной кампании изменил значение своего титула с примитивного значения военного правителя на более позднее и грандиозное - "главный среди князей и над ними", осуществив таким образом возрождение Западной империи, не могла не порадовать воображение и вызвать энтузиазм щедрого, наделенного богатым воображением, всепрощающего народа. Впечатление усиливалось активностью их императора по поддержанию веры в их собственное процветание. Как и после Аустерлица, его первой заботой теперь были финансы. Был обнародован новый торговый кодекс, и он оказался едва ли менее удовлетворительным для торговцев, чем гражданский кодекс для народа в целом. Банк Франции был немедленно вынужден снизить учетную ставку, и был создан совет для рассмотрения вопроса о том, каким образом Италию и Рейнскую конфедерацию можно сделать зависимыми от французской промышленности и торговли. Прибегли также к тем мерам внутреннего развития, которые заключались в проведении крупных общественных работ, начатых после Аустерлица, но приостановленных перед Йеной.

Перед последней кампанией император и императрица имели обыкновение посещать различные районы Франции. Во время каждой остановки император садился на коня и, иногда в сопровождении одного или нескольких местных чиновников, но обычно только Рустана или адъютанта, скакал галопом туда-сюда, собирая информацию, изучая условия и внося предложения. Сразу после этого он набрасывал план необходимых улучшений: общественные здания, богадельни, дороги, каналы, акведуки, городские улицы, горные дороги — короче говоря, все, что вызывало энтузиазм местных жителей и приносило пользу стране в целом. Многие — возможно, большинство — из этих планов остались в зачаточном состоянии; но многие из самых грандиозных были приведены в исполнение, и Наполеон оставил свой неизгладимый отпечаток как на саму Францию, так и на ее общество. Маршруты Симплон и Мон—Сени, великие каналы, соединяющие речные системы, реставрация собора Сен-Дени, набережные Сены в Париже, большая триумфальная арка, Вандомская колонна, улица Мира, улица Риволи, мосты Аустерлиц, Йена и Искусство — вот лишь некоторые из великолепных проектов, созданных по его инициативе. Такие работы велись в течение всего лета 1807 года за счет привлечения большого количества рабочих и ремесленников, в то время как в каждом департаменте были открыты местные мастерские, чтобы обеспечить работой всех, кто иначе не смог бы ее найти. Политический экономист может приподнять брови и пожать плечами, размышляя о таких изменениях; но это были имперские изменения, которые создали высокую степень комфорта в то время, в то время как они постоянно удовлетворяли ту страсть к красоте в полезности, которая недостаточно входит в качестве элемента в экономическую науку.

С этой политикой Наполеона тесно связана мера, о которой уже упоминалось, но которая малоизвестна. В некоторых отношениях она была более успешной, чем любая другая; это, безусловно, наиболее характерно для этого человека. Зло, на которое было нацелено, в то время было излечено, и постоянный вопрос стоит в современной Франции менее остро, чем в любой другой европейской стране. В течение прошлых лет в некоторых из наиболее плодородных районов Франции, особенно на северо-востоке, среди сельскохозяйственных классов наблюдались хронические трудности. Это объяснялось присутствием большого количества евреев. Строгие законы старого режима вытеснили этот несчастный народ из всех профессий, кроме торговли вразнос и ростовщичества. В обеих этих областях они стали экспертами, и когда Революция освободила их, они использовали свою свободу не для расширения своей деятельности, а для усиления зла монополии, которую они себе обеспечили. С 1791 года большое количество польских и немецких евреев обосновалось на правом берегу Рейна; и, протянув руки через этот поток к своим родственникам на левом берегу, они объединились, чтобы обобрать французских крестьян с помощью знакомого искусства обмена и ростовщичества, которые здесь описывать не нужно, пока через несколько лет они не стали кредиторами на сумму в двадцать три миллиона франков и не стали крупными землевладельцами. Никто никогда не видел, чтобы они работали своими руками, и, не имея фамилии, они безнаказанно обходили законы о воинской повинности, в то время как суды становились их покорными слугами в принудительном взыскании скандальных долгов или взыскании завышенных ипотечных кредитов.

В 1806 году временным указом были приостановлены все законные казни в определенных округах, и многие евреи из высшего класса приготовились склониться перед надвигающейся бурей и прийти на помощь правительству. Наполеон, зная, что закон Ветхого Завета был гражданским и политическим, а также религиозным, проницательно обратился за советом к этим и другим людям более просвещенного толка. Было решено

созвать совет. Император созвал своих префектов, чтобы назначить его членов, и назначил комитет для представления правительства на его заседаниях. Решения, принятые этим собранием, должны были быть представлены всеобщему синедриону всей Европы. Ассамблея французских израэлитов собралась в Париже во второй половине 1806 года и после должного обсуждения дала удовлетворительные ответы на тщательно подготовленный набор вопросов, выдвинутых правительственной комиссией. В 1807 году экономическая ситуация, тем не менее, стала серьезнее. Синедрион собрался в начале февраля. Его члены соперничали в лести с римским духовенством, водрузив императорского орла над ковчегом завета и смешав буквы N и J с буквами Иеговы в монограмме для украшения места своих собраний. Четвертого марта они издали указ, который до сих пор является основой религиозного воспитания еврейской молодежи. Они запретили многоженство и признали принцип гражданского брака без предания анафеме; они приказали всем израильтянам относиться к тем, кто верит, что Бог является Творцом неба и земли, как к согражданам и братьям; соблюдать гражданские и военные законы, включая законы о воинской повинности, и обучать своих детей трудолюбию и ручному труду; они также предложили им получить ученые профессии и привязать себя к стране, купив общественные обязательства. Ростовщичество было абсолютно запрещено, израильтянину в качестве религиозной заповеди предписывалось не делать различий в денежных операциях между евреями и христианами. Мельчайшие детали всей сделки были предвидены и урегулированы Наполеоном и могут быть изучены в его переписке со своими министрами.

Год спустя, после тщательного и зрелого обсуждения, появился императорский указ, не только организующий еврейскую церковь и регулирующий ее отношения с государством, но и определяющий гражданский и политический статус евреев. Они были объявлены такими же гражданами, как и все остальные люди; но они не могли требовать более пяти процентов, в то время как если бы они потребовали больше десяти, то были бы наказаны за ростовщичество. Каждый еврей в северо-восточном департаменте должен иметь лицензию на ведение бизнеса и нотариальное разрешение на хранение ломбарда. Любой еврей, не проживающий в данный момент в Эльзасе, впоследствии не мог приобрести постоянное место жительства в этом департаменте и мог сделать это в других, только став землевладельцем и обрабатывая землю. Каждый еврей должен быть призван на военную службу и, в отличие от своих сограждан-христиан, не может быть заменой; более того, он должен принять фамилию и использовать ее. Этот строгий закон неукоснительно соблюдался, за исключением Бордо, Жиронды и Ландов, где не было совершено никаких правонарушений. Его действие было устойчивым и уверенным. Вскоре сначала один, а затем и другой израильтянин был освобожден от его строгостей, пока, наконец, в 1812 году департамент или человек, на которого все еще распространялись его положения, не стал исключением, а не правилом. С того дня и по сей день во Франции почти не было того, что в других странах известно как еврейский вопрос. Евреи присутствуют во всех сферах человеческой деятельности; они имеют такое же гражданское, политическое и религиозное положение, как и люди другой крови и вероисповеданий; они прославлены в финансах, политике, науке и искусстве. Более того, они страстные патриоты и для стороннего наблюдателя едва ли отличаются по поведению и внешности от других граждан. Временное нарушение гражданского кодекса, как по духу, так и по букве, упомянутым выше печально известным декретом было настолько благотворным, что по большей части избежало какой-либо критики или даже замечаний. [\[15\]](#)

Хотя подобными способами удалось ослабить хватку ростовщика и повысить общее благосостояние, были приняты меры, чтобы увенчать работу стабильной финансовой системой. Следует напомнить, что двумя годами ранее император спас государственный кредит путем прямого расходования австрийской военной контрибуции. Его неизменным принципом было то, что Франция не должна платить за его войны, кроме как своими детьми. Он слишком хорошо знал бережливость всей нации и жадность низших классов, чтобы ставить под угрозу их добрую волю либо эмиссией бумажных денег, либо повышением налоговых ставок. Паника 1805 года была спровоцирована фактическим крахом банковского синдиката, который авансом выплачивал правительству налоги, а также ежегодный взнос Испании. В 1807 году военная контрибуция, взысканная с Пруссии, Польши и Вестфалии, была использована для двойной цели - создания двух фондов: один для немедленного пополнения наличных денег в случае начала войны, другой для замены банковского синдиката путем выплаты авансов по налогам, когда это требовалось. Таким образом, ставка налогообложения не повышалась, работы было в избытке, и в рамках процесса принуждения колеса двигались почти в каждом департаменте торговли и промышленности. Цена имперских облигаций на бирже выросла до девяноста девяти, чего впоследствии никогда не достигали во времена Наполеона.

Последовал один резкий укол. Кофе и сахар были уже не предметами роскоши, а предметами первой необходимости; а из-за континентального эмбарго колониальные товары стали и, вероятно, останутся очень дорогими и дефицитными. Для первого были постепенно приняты такие заменители, какие только могла изобрести изобретательность; чтобы обеспечить второе, всеми средствами поощрялось свекловичное производство. Император хранил образец сахара, приготовленного из свеклы, на своем камине в качестве украшения и время от времени посылал подарки из этого драгоценного продукта своим братьям-суверенам. Рассказывают, что чиновник, лишенный милости, полностью восстановил свое положение, засадив целое поместье свеклой. Такие черты характера люди считали свидетельством простого, обыденного здравого смысла, которым нравилось ощущение, что их Император разделяет их чувства и участвует в их ежедневных сменах.

[\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА VII.

НОВЫЙ ФЕОДАЛИЗМ. [\[16\]](#)

Имперская Франция — Аристократия — Государи—вассалы — Упразднение трибуната — Право на наследство — Уклонения от закона — Новое дворянство — Титулы и вознаграждения — Стиль Первой империи — Теория университета — Его учреждение — Лицеи — Последствия системы — Регулирование двора — Настроения императора — Матримониальные союзы с членами Королевской семьи — Уныние при дворе — Упадок влияния Талейрана - Его новая роль.

Вскоре жители Парижа и всей Франции были в наилучшем расположении духа; они были заняты, они были одеты, они были сыты, они зарабатывали и откладывали деньги. С каждым часом росло ощущение, что их единство и сила воплощены в Императоре. Мадам де Ремюза устала от его невоспитанности: ее шокировала его грубая фамильярность, то, как он сидел на коленях у фаворита или дергал прохожего за ухо, пока оно не вспыхнуло; слышать, как он сеял раздор между семьями грубыми намеками, и видеть, как он сокрушал общество, чтобы править им. Но такие вещи несколько не шокировали бы массы простых французских бюргеров. Когда ворчливая дама рассказала о своих бедах сочувствующему Талейрану и посетовала на печальную судьбу, которая удерживала ее при императорском дворе, чтобы заработать на жизнь, его ответ не был утешительным. С течением времени пропасть между правителем и его продажным, но мягким министром увеличивалась, и принцу Беневенто часто приходилось слышать насмешки и упреки в сценах такого насилия, о которых не подозревала даже жалующаяся фрейлина. Но, тем не менее, Талейран ответил ей, что Наполеон по-прежнему выступает за единство Франции, и долг и его, и ее - терпеть и поддерживать своего монарха.

Без сомнения, император был прекрасно осведомлен о сложившейся ситуации. Но он чувствовал, что то, что на самом деле было новой аристократией, хотя еще и не таковой по названию, должно быть умиротворено так же, как и народ. Временами он приходил в ярость из-за продажности своих соратников. Талейран однажды признался, что взял шестьдесят миллионов у различных немецких князей. Массена, Ожеро, Брюн и Жюно не были столь колоссальны в своей жадности, но они были столь же недоброжелательны и очень успешно пополняли свою казну. С Талейраном Наполеон никогда не шутил; но когда он хотел предостеречь остальных, он выписывал на того или другого из них вексель на какую-нибудь огромную сумму и сдавал его на хранение банкиру. Нет никаких свидетельств того, что такой чек когда-либо был обеспечен. Однажды Массена таким образом извергнул два миллиона франков. О древней знати император однажды сказал с насмешкой: "Я предложил им чин в моей армии, они отказались от службы. Я открыл им свои прихожие, они ворвались и заполнили их". В этом огульном заявлении было много примечательных исключений, но в целом Наполеон никогда не ставил сословие французской знати ниже, чем они заслуживали. Тем не менее, у них была власть, которую он признавал, и именно со своего рода мрачным юмором он начал раздавать почести и покровительство как старой, так и новой аристократии — процесс, который только сделал последнюю независимой и не смог завоевать расположение первой.

Именно в надежде заручиться доброй волей древней знати он предпринял два радикальных шага, прямо отрицавших революционные принципы: уничтожение трибуната и восстановление права наследования. Связь между ними заключается в тенденции обоих: слияние трибуната и законодательной власти позволило легко заменить выборный сенат наследственной палатой лордов. Чувствуя себя достаточно сильным, Наполеон явно намеревался удовлетворить в других слабую человеческую гордость, которая, как говорит Монтескье, желает вечности имени, и тем самым заложить четырехугольный фундамент для вечности своей собственной династии. Братья Жозеф, Луи и Жером теперь были уже не Бонапартами, а Наполеонами, правившими как Жозеф Наполеон, Луи Наполеон, Жером Наполеон над своими соответствующими поместьями. Мюрат, шурин, уже был обеспечен таким же образом, и среди сателлитов императорского трона было три правящих принца. Все они могли передавать свое имя и владения по линии наследственной преемственности. В "Монитер" за июль 1810 года можно прочитать, что, в какое бы положение их ни ставила

политика Наполеона и интересы его империи, их первым долгом было служить ему, а вторым - Франции. - Все остальные ваши обязанности, даже по отношению к людям, которых я могу вам доверить, лишь второстепенны.

Десятью годами ранее генерал Бонапарт заявил, что французы хотят славы и удовлетворения своего тщеславия; о свободе, по его словам, они ничего не знают. Император Наполеон в одном из своих устных размышлений применил ту же концепцию ко всем континентальным европейцам, сказав, что повсюду есть несколько человек, которые знают, что такое свобода, и жаждут ее обеспечить; но массы нуждаются в отеческом руководстве и пользуются им до тех пор, пока им удобно. Прибежищем этого просвещенного меньшинства во Франции какое-то время был трибунал; многим казалось, что, если свободное правление осуществляется путем обсуждения, то только в трибунале осталось какое-то подобие свободы; следовательно, его название сохранило ореол благородства, и само его существование было утешением для тех немногих, кто все еще помнил идеалы Революции. Но, по правде говоря, само тело утратило какое бы то ни было достоинство. Система законодательства вкратце сводилась к следующему: от трона исходило послание, раскрывающее ситуацию в стране, затем государственный совет формулировал необходимые меры, трибунал одобрял их в том или ином из своих разделов, и законодательный орган голосовал за принятие соответствующего закона. Таким образом, упразднение трибунала представлялось широкой общественности чем-то вроде окончательной процедуры банкротства. Некоторые из членов перешли в законодательный орган, некоторые - на официальные административные должности, а право обсуждения в комитете за закрытыми дверями было передано определенным секциям законодательного органа. В качестве компенсации было "постановлено сенатом", как называлась эта формальность, что отныне ни один мужчина не может заседать в законодательном органе, пока ему не исполнится сорок лет. Возможно, Наполеон вспомнил, что его собственные пламенные амбиции сделали его императором еще до того, как ему исполнилось тридцать шесть. Эта мера была объявлена трибунам как нечто само собой разумеющееся и в то время не вызвала никакого ажиотажа. В последующие годы вспоминали, что английский парламент при Пантагенетах никогда полностью не погибал и поэтому был готов к решительным действиям в более благоприятные дни. Но во время последующего кризиса Франции французский трибунал возродить не удалось; вместе с ним навсегда исчез последний опорный пункт для разрозненных остатков, все еще верных Революции.

Дополнением к этой негативной мере стало создание права передавать вместе и на неопределенный срок титул и недвижимость, на которых зиждется его достоинство. Хотя восстановление этого института немного опередило по времени другое в том, что касается его начала, все же окончательный указ был опубликован только в 1808 году, и, по логике вещей, он дополняет его и следует за ним. По сей день многие люди с древними и благородными именами во Франции не перестают оплакивать уничтожение права первородства Революцией и Кодексом Наполеона. Они гордятся тем, что передают свой титул незапятнанным своим потомкам, готовы пойти на серьезные жертвы ради него, проявить жесткое самоотречение от семейного контроля ради него и выгравировать в своих сердцах девиз "благородство обязывает", чтобы сохранить его; но они горько жалуются, что без майората и передачи внешних, видимых опор в виде земли и домов для его укрепления пустой звук имеет мало веса. Обязательное разделение поместий после смерти владельца позволяет каждому отпрыску жить, если не процветать, за счет домашнего имущества. Неудача Франции в колонизации во многом объясняется отсутствием мужчин из хороших

семей среди колонизаторов, в то время как Англия отправляет своих младших сыновей на край света, чтобы там основать новые дома и увековечить старую линию при благоприятных условиях. Отсюда также мелочные аспекты аристократической французской жизни: небольшие состояния, небольшие амбиции, небольшие учреждения, маленькие семьи среди того самого класса общества, который, культивируя чувство чести, должен питать практический, материалистический настрой масс. В настоящее время, когда бюргеры наживают в торговле гораздо большие состояния, чем аристократия, когда ученые добиваются большей власти благодаря интеллектуальной энергии, когда демагоги становятся могущественнее благодаря голосованию, одни только титулы имеют мало веса, а добродетели чести, рыцарства, элегантности с трудом могут служить примером.

Никакие аргументы никогда не смогут восстановить всеобщее доверие к институту первородства, но оно умирает с трудом, даже в Англии. В Соединенных Штатах абсолютная свобода распоряжения имуществом по завещанию позволяет богатому отцу основать семью почти так же безусловно, как если бы существовало право наследования, и основная часть крупных состояний постоянно остается по завещанию наиболее способному сыну, чтобы он мог сохранить фамилию, родовые поместья и семейную гордость. Но по положениям Кодекса Наполеона такой ход невозможен. Как законодатель без колебаний нарушил свое собственное законодательство в отношении евреев, так и он снова пренебрег им, чтобы консолидировать ту аристократию, из которой он надеялся сделать еще одну сильную опору для своего трона; ибо у него уже были Церковь и народ. "Кодекс, - сказал он, - был создан для блага народа; и если это благо требует других мер, мы должны их принять". Это было нетрудно, потому что императорская власть постепенно сформировала два инструмента для действий: одним из них были законы, санкционированные законодательной властью и обычно относящиеся к абстрактным вопросам юриспруденции; другим были личные указы императора, которые, хотя и обсуждались государственным советом, были выражением воли императора и охватывали своей сферой действия всю сферу полномочий.

Именно последним путем он намеревался создать новое дворянство. Якобы эта мера должна была стать последним ударом топора по корню феодализма. Новые звания не несли с собой никаких привилегий; как было объяснено, они были своего рода гражданской короной, к которой мог стремиться любой, и поэтому их создание никоим образом не умаляло принципа равенства. Холдеры могли стать слишком независимыми и самонадеянными, они могли даже проявить классовый дух; но Император чувствовал, что стремится наверх, и этим его созданиям придется быстро бежать, прежде чем они смогут опередить своего хозяина. На острове Святой Елены заключенный, с горечью вспоминая неблагодарность своих подопечных, заявил, что пошел на этот неудачный шаг, чтобы примирить Францию с остальной Европой. К тому времени он уже понимал, что, хотя орден Почетного легиона был и останется учреждением, дорогим сердцу Франции, этот орден таковым не являлся и нуждался в извинениях; ибо его имперское дворянство никогда не воспринималось всерьез или доброжелательно народом, который не мог провести четкого различия между феодальной и имперской аристократией. Даже на первых шагах своего предприятия его заставили почувствовать необходимость осторожности, и, в конце концов, весь этот вопрос был окончательно урегулирован законом, а не указом. Непостоянство народа настолько любопытно, что император, который мог смело тиранствовать практически в любом другом направлении, почувствовал, что не осмеливается рисковать и стать источником чести, каким были законные монархи.

Для внешнего мира система была подобна сказочному чуду, совершенному за одну ночь, поскольку герцогства были готовы годом ранее. Итальянские титулы были самыми почетными и наиболее обеспеченными. Они были либо сразу, либо позже распределены следующим образом: Сульт, герцог Далмации; Мортье, герцог Тревизо; Савари, герцог Ровиго; Бессьер, герцог Истрии; Дюрок, герцог Фриули; Виктор, герцог Беллуно; Монси, герцог Конельяно; Кларк, герцог Фельтре; Массена, герцог Риволи; Ланн, герцог Монтебелло; Мармон, герцог Рагузы; Удино, герцог Реджо; Макдональд, герцог Таранто; Ожеро, Герцог Кастильоне; Бернадотт, принц Понте-Корво. В Германии было создано три подобных герцогства — Ауэрштедт для Даву, Эльхинген для Ней и Данциг для Лефевра. Бертье стал принцем Невшательским. Вот и все для военных чиновников. В гражданской жизни были соответствующие отличия: Камбасерес, герцог Пармский; Марет, герцог Бассано; Лебрен, герцог Пьяченца; Фуше, герцог Отранто; Шампани, герцог Кадоре. Члены сената, государственные советники, председатели законодательных органов и архиепископы были возведены в графы. Каждый из этих титулов, как и другие, был богато наделен землями из государственных владений в Польше, Германии и Италии. Но отличие, оказанное солдатам, выразилось в разнице между сопутствующими подарками им и гражданским лицам. Единственной частью огромного войска, вернувшегося во Францию, была гвардия, которой было приказано держаться как можно более изолированно. Самая щедрая пенсионная система, какой она считалась даже в тот век военного великолепия, выделяла из армейского сундука пятьсот франков в год для солдат, потерявших конечность; офицеры получали до десяти тысяч франков, в зависимости от характера их инвалидности. Но маршалы были осыпаны золотом. У Бертье был миллион; у Ней, Даву, Сульта и Бессьера — по шестьсот тысяч у каждого; у Массены, Ожеро, Бернадотта, Мортье и Виктора — по четыреста тысяч у каждого; а у остальных по двести тысяч. Но даже это было ничто по сравнению с тем, чего некоторые из них добились позже, заняв сразу несколько должностей. Одно время годовой доход Бертье составлял миллион триста пятьдесят пять тысяч франков; Даву — девятьсот десять тысяч; Ней — семьсот двадцать восемь тысяч; Массена — шестьсот восемьдесят три тысячи. Министры могли получать жалованье в среднем около двухсот тысяч франков, а послы имели доходы, соответствующие их достоинству. Коленкур, самый способный из всех представителей последнего класса, располагал в Санкт-Петербурге восьмьюстами тысячами франков, на которые можно было поддерживать имперское государство Франция. Интересно отметить из писем Наполеона, что время от времени ему приходилось убеждать некоторых из этих джентльменов использовать свои титулы.

Революция предпочла найти свое художественное выражение в правильных и строгих классических формах. Наполеон с самого начала своей карьеры находился под очарованием греческих и римских образцов. Так получилось, что искусство Первой империи было таким, какое оно есть, — тяжелым, условным и напоминающим. В условиях постоянно растущей жесткости цензуры литература иногда находила убежище в абстракциях или, что почти то же самое, в созерцании событий настолько отдаленных, что их обсуждение не могло никого обидеть. Иногда авторы брали на себя любопытную задачу защищать внешние формы и результаты революции, выраженные в Империи, одновременно борясь с каждым принципом, из которого возникло движение. Способные люди, такие как Шенье, опубликовали некоторые из своих работ, а другие заперли в своих письменных столах на время, пока не наступит более светлый день. В религии принцип императора состоял в том, что его подданные должны ненавидеть англичан, потому что они еретики, и папу римского, потому что он фанатик. "Идеологи" и "метафизики" были анархистами, поскольку их учения ставили под угрозу общественный порядок. Газетам не только заткнули рот, но и

претерпели метаморфозы — "Французский гражданин" превратился во "Французского курьера", "Журнал дебатов" - в "Журнал империи". Их колонки были заполнены восхвалениями императора; их политические статьи фактически сочинялись в Министерстве иностранных дел; и не было ни малейшего признака чего-либо похожего на существование партийных чувств. Некому журналисту было разрешено делать заявления о роскоши при дворе, редактору оскорбительной газеты дали понять, что император не потерпит ни подобной критики, ни каких-либо замечаний, противоречащих его интересам.

[\[17\]](#)

Но венцом работы этого периода стала окончательная реализация плана организации общественного обучения в том, что было обозначено главой государства как Императорский университет. Несмотря на несколько измененное название и характер, он существует и по сей день практически в том виде, в каком вышел из рук создателя. Подобно институту префектуры, это безупречная машина уравнивания и централизации, формирующая массу образованных французов в единую форму, делающая их отзывчивыми и восприимчивыми к авторитетным идеям с юности и выше и пассивными в своем отношении к обучению. Жозеф де Местр часто проповедовал, что, поскольку весь социальный порядок зависит от авторитета убеждений, а также от авторитета поведения, ни один человек, отрицающий верховенство папы Римского, не признает навсегда суверенитет государства. Наполеон представил постоянное опровержение этого тезиса. Вся система общественного образования во Франции при третьей республике не просто была секуляризована, но была превращена и в течение четверти века оставалась по существу неверующей. Двадцать пять академических поколений ныне живущих граждан Франции, оценивающих результаты каждого года как поколение, вышли из его лаборатории с минимальной верой; но государственное превосходство и государственный социализм, в умеренной форме, более распространены среди них, чем среди любого подобного сообщества людей где-либо еще.

Французский университет буквально означает совокупность всего обучения в стране, организованного последовательными этапами в единую систему и жестко контролируемого сверху. Контуры, набросанные в законе, принятом в 1802 году, и дополненные в 1806 году, были тщательно соблюдены Наполеоном на его последнем этапе, и ни теория, ни метод не нуждаются в повторном обсуждении. Примечательно, что это был императорский указ, а не статут, который семнадцатого марта 1808 года создал организм. Было выделено четыреста миллионов франков и выделен отдельный бюджет, "чтобы обучение не пострадало из-за временных потрясений в имперских финансах". Также для того, чтобы ее доктрина не испытывала влияния каждой преходящей философской моды, корпорация была подчинена министерству, но отделена от него, с собственным великим магистром, канцлером и казначеем и тридцатью членами, из которых десять назначались пожизненно императором, остальные ежегодно назначались великим магистром. Они разработали правила для этой дисциплины, пересмотрели учебники и выбрали преподавателей всех учебных заведений по всей Франции, за исключением некоторых крупных духовных семинарий и нескольких технических школ. С самого начала было приказано, чтобы все мастера, цензоры и учителя в больших средних школах или лицеях соблюдали целибат! Профессора могли жениться, но в этом случае они не могли жить на территории того, что фактически было военной казармой.

Либеральная культура, насколько это возможно, была обеспечена в лицеях, и они действительно составляют сердце университета. При империи их обучение в основном

основывалось на математике с примесью латыни. Сейчас она значительно расширилась и приподнялась. Ученики начальных школ чувствовали квазизависимость от императора; учащиеся лицеев были детьми патронажа, поскольку дешевизна их образования в сочетании с их полувоенной формой и привычками на каждом шагу внушали им и их семьям имманентность Империи. Они поступали на государственные экзамены; все их письма проходили через руки директора школы; они были подвергнуты тройной системе шпионажа, кульминацией которой был великий магистр; сто пятьдесят стипендий и стипендий каждому выплачивало государство; наказаниями были, как и у солдат, арест и тюремное заключение. С приобретением военных навыков молодые *лицеисты* могли рассчитывать на продвижение по службе, поскольку двести пятьдесят самых отборных ежегодно отправлялись в военные училища, где они жили за счет императора, ожидая профессионального роста по протекции императора. Другие, менее достойные, были отправлены на государственную службу, и в этом их карьера также была во власти императора. Им ежедневно и ежечасно напоминали о величии Наполеона, поскольку две тысячи четыреста иностранцев из вассальных государств Империи были распределены по этим учреждениям, где их превратили во французов и послушных подданных за счет императора, фактически удерживая в качестве заложников за хорошее поведение их родителей. Эти мощные двигатели работали не зря. За сравнительно короткое существование империи их продукция приобрела огромные масштабы и в значительной степени изменила характер общества по всей Франции. Молодежь, получившая образование у священников или наставников, оказалась неспособной идти в ногу со своими любимыми сверстниками из государственных школ, и с самого начала не требовалось пророка, чтобы предсказать судьбу частных учебных заведений и духовных семинарий. Мало-помалу они уступили место лицам или присоединились к ним, которые один за другим основывались там, где это было необходимо. Плата за обучение в последних была и остается очень низкой, и бережливые отцы ценят этот факт. Государство тратит огромные средства на их поддержку; но общественное мнение, предпочитающее косвенное налогообложение прямому, одобряет расходы, в то время как хитрые государственные деятели, будь то роялисты, империалисты или республиканцы, используют их для создания граждан того типа, который находится у власти в то время.

В течение всего конца лета и осени 1807 года императорский двор был более величественным, чем когда-либо прежде. Старая знать стала усерднее ухаживать за ними, и, как говорят, заметила одна из фрейлин императрицы, они "приняли хорошую компанию". По возвращении Наполеон обнаружил, что расточительность Жозефины была такой же безграничной, как и всегда; но он не мог жаловаться, потому что, хотя сам по большей части был бережлив, в последнее время он поощрял расточительность в своей семье. Тем не менее, было неприятно, когда ему в карету подбрасывали счета от портнихи, когда он выезжал на церемонию со своей супругой, и однажды он отправил беспринципную, но умную модистку в тюрьму Бисетр за то, что она ослушалась его приказа и поставляла императрице свои товары по непомерным ценам. Однако эта особа была настолько незаменима для придворных дам, что они переполняли ее камеру, и вскоре ее освободили. В Сен-Клу, Мальмезоне, Тюильри и Фонтенбло начали проявляться социальные пороки дворов; но они строго подавлялись, особенно высокая игра. Напротив, город Париж в тот самый момент был охвачен развратом из-за обилия игорных заведений и домов проституции, все они были лицензированы Фуше за огромную сумму и приносили большие доходы тайной полиции. Великолепные парадные мундиры маршалов, богатые и элегантные костюмы дам, расшитые бисером фраки домочадцев, танцы, театральные

представления, концерты и экскурсии — все эти элементы должны были в совокупности создать блеск и веселье в императорском кругу, но этого не произошло.

С центральной фигурой было что-то серьезно не так. Он часто бывал угрюмым, часто вспыльчивым и даже истеричным. Чтобы успокоить его нервное возбуждение, придворный врач прописал теплые ванны, которые он принимал часами. С другой стороны, он был нерегулярен в своих привычках, часто впадал в сонливость днем, но так же часто прерывал свой отдых в полночь, чтобы заставить своих секретарей торопливо работать, чтобы поспевать за потоком его речи. Со старыми друзьями он был груб и суров: даже жестокий Вандамм признавался, что трепещет перед этим "дьявольским человеком", в то время как Ланн был единственным человеком, который все еще осмеливался обращаться на фамильярное "ты" к своему старому товарищу. В лицо своим генералам император был просто холоден; за их спинами он насмехался, говоря, например, о Даву, что тот никогда не принесет ему такой славы, он не сможет ее вынести; о Нейе, что он склонен к неблагодарности и буйству; о Бессьере, Удино и Викторе, что они простые посредственности. Среди всех этих ослепительных звезд он сам двигался в простой униформе и треуголке, украшенной его любимой маленькой дешевой кокардой. Это было хорошо рассчитанное тщеславие, потому что с ростом полноты простота одежды привлекала меньше внимания к его переваливающейся походке и растущей неловкости жестов.

Лето 1807 года ознаменовалось социальным триумфом семьи Бонапартов, когда-то якобинцев, а ныне императоров и королей. Двадцать второго августа Жером Наполеон женился на принцессе Екатерине Вюртембергской. Император уже говорил в Тильзите с царем о союзах для себя и семьи, соответствующих их рангу, но намек на союз с Романовыми был встречен холодно. Однако, по мнению императора, это была действительно великолепная партия. Рейнские принцы и второстепенные монархи поспешили в Париж, и один из них проявил недостаток проницательности, оказав заметное внимание Жозефине, которое, как он надеялся, обеспечит благосклонность ее мужа. Когда люди такого высокого и бесспорного происхождения присоединялись к тому, что казалось непреодолимым движением, само отрекшееся дворянство Франции не могло больше оставаться в стороне. Императору было забавно и интересно видеть, как они повинуются намеку Фуше и толпятся, чтобы их должным образом представили новому и бесспорному суверену не только Франции, но и Западной Европы.

Более того, они больше не были дерзкими. Они помнили о судьбе, уготованной мадам де Сталь за ее мрачные намеки, и не забыли, что последним пунктом в обвинительном заключении, по которому была сослана мадам де Шеврез, было резкое замечание в лицо Наполеону. Пораженный великолепием ее бриллиантов, он при своем собственном дворе неуклюже спросил, все ли они настоящие. "Право, сир, я не знаю, - ответила она, - но они достаточно хороши, чтобы носить их здесь". Таким образом, вследствие этого нового и теперь благонамеренного элемента двор увеличился в численности и приобрел изящество, но не радость. Императрица уже предчувствовала свою судьбу; во всем чувствовалась скованность неподготовленности, даже в развлечениях, а вялая усталость дам была непростительным императорским грехом. Острый ум императора обратил внимание на этот досадный факт и потребовал совета у Талейрана. Принц Беневенто к этому времени подал в отставку с поста министра, и отношения между ним и императором были натянутыми, но его не упрекнули, когда он позволил себе старую вольность высказываний. "Это потому, что

удовольствие не сдвинется с места под бой барабана, - был его ответ, - а у вас такой вид, словно вы готовы командовать всем так же, как вы командуете армией: "Леди и джентльмены, марш вперед!"

Бесчисленные интриги Талейрана, его продажность и своекорыстие, его цинизм и презрительный вид окончательно разрушили его превосходство над Наполеоном, хотя он все еще сохранял большое влияние. Никто не был осведомлен об этом факте лучше, чем он. До сих пор он считал себя незаменимым фактором в управлении Империей; теперь он видел, что больше таковым не является, что его время пришло.

У него был бесплодный ум, и он был лишен принципов. Конструктивная политика была выше его сил, и он был безнадежно несведущ в общественных движениях. Настоящая Европа его времени была для него закрытой книгой; и в то время как Наполеону хорошо служили во всех других государственных функциях, потому что он сам мог помогать и контролировать, он был подло предан в вопросе постоянных завоеваний с помощью дипломатии, в которой он лично был грубияном и тираном. Талейран был выдающимся и типичным аристократом старой французской школы, элегантным, ловким, с приятной речью и сообразительностью. Он был непревзойденным придворным, влиятельным благодаря своей сдержанности в словах, жестах и выражении лиц, но слабым советчиком и совершенно неспособным к широким взглядам. Его характер, не соответствовавший его мастерству, не был достаточно силен ни для того, чтобы обуздать своевольного мастера, ни для того, чтобы направлять его, поскольку его интеллект не был ни продуктивным, ни твердым. Ни один договор, когда-либо заключенный им, не был прочным, и он должен был знать, что даже Тильзитский мир начнет рушиться почти до того, как документы будут подписаны. Равновесие в Европе было нарушено этим соглашением, но временно, а не навсегда, как предполагалось; попытка Наполеона изолировать Пруссию уничтожила ее старый антагонизм к другим германским державам и положила начало объединению со всеми ее братскими государствами для воссоздания мстящей немецкой национальности.

Авантюристу в бурях революции кое-что можно простить, но Талейран подгонял свои паруса под любой ветер, преодолевал любой шторм и добивался успехов в каждом порту. Он был доверенным лицом Республики, Консульства, Империи и восстановленной монархии. Мудрый для своего времени и поколения, он задолго до этого был готов уйти, в случае необходимости, из активной жизни, накопив огромное состояние, нажитое средствами, которые шокировали даже императорскую Францию. После закрытия консульства он был озлоблен решимостью Наполеона, что его министрами не должны быть его высшие сановники, его высшие офицеры. Титул "принца" с доходом в двести тысяч франков в год был слабым утешением, когда такие люди, как Лебрен и Камбасерес, занимали посты главного казначея и эрцканцлера, в то время как — что самое невыносимое — они получали жалованье в триста пятьдесят тысяч франков. Бертье, принц Невшательский, недавно был назначен вице-констеблем, представлявшим Луи Бонапарта, который, хотя и оставался констеблем, покинул Париж, чтобы стать Луи Наполеоном, королем Голландии. Это была возможность Талейрана уйти из министерства по собственной инициативе. Он потребовал для себя достоинства, подобного тому, которое было присвоено Бертье. Император сказал ему, что, привыкнув к власти таким, каким он стал, он был бы несчастлив на посту, который не позволял ему оставаться в кабинете министров. Но министр знал свою роль в этой маленькой комедии и, проявив упорство, девятого августа был назначен вице-великим курфюрстом, в то время как Шампани, превосходный и трудолюбивый чиновник, занял свое

место в совете министров в качестве министра внешних сношений. Уход Талейрана не оказал ни малейшего влияния на внешнюю политику императора; фактически, квиднунки в Фонтенбло заявили, что его видели прихрамывающим в кабинете Наполеона почти каждый вечер. [\[18\]](#) Но он был так хорошо известен при каждом дворе, круг его личных знакомств был таким большим, таким робким и таким почтительным, что суеверные люди верили, что его отставка предвещает поворот судьбы Наполеона. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА VIII.

ИМПЕРИИ СУШИ И ОКЕАНА. [\[19\]](#)

Дипломатия в Санкт—Петербурге — Внутренняя политика России — Недоумения Александра — Война между Великобританией и Россией — Новые порядки в Совете — Миланский декрет — Позиция Соединенных Штатов — Возрождение Пруссии — Репрессивные меры Наполеона — Новая армия Австрии — Дипломатическая напряженность между Россией и Францией — Замыслы Наполеона относительно Египта — Он тянет время с Александром — Коленкур и Толстой — Требования царя — Визит Наполеона в Италию — Ограничения его амбиций — Видение Восточной империи — Контроль над Средиземноморьем — Его предложение России - Его полная программа.

Дипломатические интриги в Санкт-Петербурге были чрезвычайно забавными после заключения Тильзитского мира. Александр кокетничал с английскими агентами и скрывал свои планы от консервативных русских. Его уста были запечатаны относительно того, что произошло во время встречи с Наполеоном, и было опровергнуто обвинение в том, что кто-то из его окружения проболтался британским дипломатам достаточно, чтобы они могли догадаться об остальном. Проницательность Каннинга и его убежденность в том, что Наполеон и Александр достигли враждебного Англии взаимопонимания, в достаточной степени объясняют бомбардировку Копенгагена и возлагают ответственность за это на его плечи. Но в промежутке перед этим событием царь уговаривал английское посольство до тех пор, пока они не почувствовали уверенность в триумфе, при этом почти одновременно он заверил Лессепса, генерального консула Франции, насколько ценным было для него общество Наполеона, и заявил, что, если Англия не уступит, два союзника вынудят ее. На официальное вступительное сообщение России о мире Каннинг ответил требованием предоставить секретные статьи Тильзитского соглашения и отправил флот на Балтику. Успешный удар, нанесенный в сентябре в Копенгагене, наполнил царя заботой; ибо, подобно своему союзнику, он надеялся выиграть время, и такая поспешность в подражании презрению Наполеона к правам нейтралитета встревожила его. Все выглядело так, как будто это было первое событие в морской войне, которая должна была закончиться уничтожением верфей в Кронштадте или, возможно, даже самого Санкт-Петербурга. Но вместо дальнейшей агрессии пришла новая миссия от лондонского кабинета министров с просьбой оказать Александру добрые услуги по умиротворению Дании и предложить этой державе любую компенсацию, кроме восстановления флота. Великобритания, господствующая на Балтике, могла бы быть великодушной.

Из коллекции У. К. Крейна. Гравировка Ланже.

КОРОЛЕВА ГОРТЕНЗИЯ.

Нарисован Жироде.

Такое стечение обстоятельств лишило Александра самообладания. Он без всякой пользы разыгрывал из себя друга Англии, и теперь Англия требовала новых и невозможных доказательств его дружбы. Он не мог ни раскрыть ей секретные статьи, ни выступить посредником от ее имени в стране, которая уже присоединилась к его собственной системе. С другой стороны, французский посол Савари и генеральный консул Франции Лессепс ежедневно напоминали ему о его обязательствах перед Наполеоном. В этом не было особой необходимости, поскольку союз означал для него достижение его самых заветных целей: приобретение Финляндии на западе и великих дунайских княжеств Молдавии и Валахии на юге. При любых непредвиденных обстоятельствах ему приходилось считаться с богатыми русскими собственниками, чье процветание требовало беспрепятственного экспорта их огромной продукции в виде древесины и зерна теми же британскими судами, которые поставляли им товары первой необходимости, произведенные не в России. Для них континентальная блокада была ужасом, и многие в армии заявили, что не будут проливать свою кровь, чтобы подорвать национальное процветание.

Это напряжение не могло продолжаться долго. Англичане тайно внедрились в Россию брошюру, в которой обвиняли царя в том, что Тильзитский мир отделил его как от народа, так и от войск. Савари, помня о своем старом детективном искусстве, обнаружил его происхождение и ловко изложил факты Александру, который разразился гневными оскорблениями в адрес "клеветы" и посетовал на отсутствие способных людей, которые могли бы поддержать его как в мудрой внешней политике, так и в таких внутренних реформах, как отмена крепостного права, которые он был полон решимости осуществить. Более того, поведение Наполеона было таким, что вызывало серьезное беспокойство. Французские войска не только не эвакуировали Пруссию, но все еще занимали все ее портовые города и угрожали русской границе, как будто их командующий был врагом, а не другом. Соглашение, заключенное с Калькройтом о постепенном выводе французской армии из Пруссии, было признано недействительным, поскольку пруссаки не могли выплатить контрибуцию в размере ста пятидесяти миллионов франков, рассчитанную как прямые расходы на войну. К этому добавлялся тот факт, что не было сделано никаких шагов в сторону расчленения Турции. Император Франции захватил и укрепил Корфу, но при предварительном перемирии между Россией и Турцией, благодаря его посредничеству, ни слова не было сказано о дунайских княжествах; хотя русские войска все еще находились в Валахии, было ясно, что французское влияние в Константинополе с каждым днем усиливается и может стать достаточно сильным, чтобы полностью сорвать планы царя.

Таковы были тревожные соображения, которые в конце концов привели к кульминации отношения России с Англией. Двадцать шестого октября лорд Левесон-Гауэр, английский посол, получил ноту от графа Румянцева о том, что Россия дважды бралась за оружие в интересах Англии и тщетно добивалась даже такого сотрудничества, которое, казалось бы, отвечало собственным интересам Великобритании. Она даже не просила, по словам автора, подкрепления, а просто отвлекла внимание и была огорчена, увидев, что ее союзник, столь далекий от поддержки дела царя, вместо этого, как холодный наблюдатель за кровавым театром военных действий, где по ее приказу разгорелась война, от ее имени отправил экспедиции для захвата Египта и нападения на Буэнос-Айрес. После всего этого царь все же предложил свое посредничество, но тщетно: Великобритания ответила актом неслыханного насилия, уничтожив древнюю и достойную монархию. Мог ли царь извиниться за такой поступок? Ожидать этого было оскорбительно. После изложения этих жалоб и утверждения принципов вооруженного нейтралитета газета объявила о разрыве всех дипломатических отношений до тех пор, пока Дании не будет выплачено возмещение ущерба.

Война была официально объявлена Россией седьмого ноября, и Англия ответила приказами совета, изданными восемнадцатого и двадцать шестого числа того же месяца, в которых говорилось, что с этого момента все континентальные порты, закрытые для ее флага, находятся в состоянии блокады. Нейтральные государства были все без исключения уведомлены о том, что они будут осуществлять право досмотра в полной мере; что все нейтральные суда должны заходить в английские гавани, прежде чем следовать к месту назначения, и платить пошлину в случае повторного вывоза своих грузов. Исключение из этого последнего правила было сделано в случае Соединенных Штатов, которым было любезно разрешено иметь прямые коммерческие сношения со Швецией, но только с Швецией. Это, конечно, означало, что нейтральные государства должны были либо продолжать торговлю Англии под своими собственными флагами, либо вообще отказаться от своей торговли.

Эта мера представляла собой полное неуважение к международному праву, даже в его тогдашнем понимании, и была своевольным актом протеста против нейтральных держав, в частности против Соединенных Штатов. Он обращался с океаном точно так же, как Наполеон обращался с землями Европы. Но это было мощное оружие, поскольку в случае успешного применения оно полностью разрушило бы Континентальную систему Наполеона. Соответственно, следуя своей политике, согласно которой с огнем нужно бороться огнем, император ответил с такой же безжалостностью, обнародовав ужасный Миланский указ от семнадцатого декабря 1807 года. В нем он заявил, что любое судно, которое подчинялось приказам английского адмиралтейства или позволяло себя обыскивать, рассматривалось и будет рассматриваться как английское судно. Поэтому было важно, чтобы любая нация, желающая освобождения от актов Берлинского и Миланского декретов, с одной стороны, и английских постановлений в совете, с другой, должна была добиться уважения к себе силой оружия. Американцы должны либо принять унижительные условия Англии, либо войти во французскую систему и стремиться в морской войне захватить континентальные рынки для себя.

Наполеон, как уже говорилось, намеревался немедленно принудить их к последнему курсу, но он не был хорошо информирован об американских делах. Джефферсон в то время находился на своем втором президентском сроке в Соединенных Штатах. Демократическая партия, лидером которой он был, гораздо больше заботилась о сельском хозяйстве, чем о коммерческих интересах. Они боялись увеличить государственный долг, мало заботились о процветании торговли Новой Англии и, стремясь избежать дилеммы, поставленной перед ними Англией и Францией, приняли печально известный закон об эмбарго, запрещающий любую иностранную торговлю вообще. Американские корабли должны избегать чужих вод, которые, как и суша, стали аренной кровавой дуэли, в которой Соединенные Штаты не были заинтересованы — так, по крайней мере, наивно полагали демократы. Экспорт в Англию сократился за один год с сорока девяти до девяти миллионов долларов. Другими словами, эмбарго, хотя и причиняло большие страдания, не могло быть полностью соблюдено, поскольку восточные купцы продолжали унижительно подчиняться Англии ради своих прибыльных спекуляций.

В то же время фермеры внезапно осознали тот факт, что в конце концов они пострадали от сухого закона не меньше, чем торговцы. В результате волнений Джефферсон завершил свою общественную карьеру без звания. Мэдисон мудро добился изменения эмбарго Законом о невмешательстве, который открыл всю внешнюю торговлю, за исключением торговли с Англией и Францией. Но торговцы Новой Англии были непокорны и недовольны даже этим. Федералисты хотели иметь военно-морской флот и место в европейской системе; другими словами, справедливую долю в мировой транспортной торговле для моряков атлантического побережья. Ситуация развивалась на фоне общего недовольства и взаимных обвинений до 1810 года. Наполеон в том году проницательно объявил, что отказался от своей политики, но, несмотря на все это, фактически продолжал проводить ее в жизнь. Это пустое притворство о дружбе еще больше поссорило Соединенные Штаты с Англией и в конце концов привело ко второй войне за независимость.

Не успел царь сделать решающий шаг и окончательно объявить войну Англии, как наполеоновская политика начала разворачиваться дальше. Пруссия была немедленно вынуждена последовать примеру своего покровителя, и до следующего сезона все ее гавани были укреплены и закрыты. Несмотря на французскую оккупацию, на этой земле началось

национальное движение за реформы. В Кенигсберге была сформирована Лига добродетели, которая сосредоточила новую мораль и патриотизм масс. Перья Фихте, Шлейермахера и других великих писателей продолжали укреплять общественный дух. Штайн принял должность, оговорив, что тайный совет должен быть упразднен, а затем освободил крепостных. Среди других важных реформ он уничтожил старое различие между землевладениями и упростил передачу земель. Городам было предоставлено самоуправление. Школы были полностью реконструированы под руководством Вильгельма фон Гумбольдта, а Берлинский университет был основан как рассадник нового национального духа.

Под этим влиянием монархия Фридриха Великого прекратила свое существование; авторитет класса "юнкеров", который поддерживал ее и опрометчиво развязал войну с Францией, был временно затмеваем благотворным проявлением национальной энергии, а просвещенный либерализм Пруссии стал стимулом для аналогичного движения во всей Германии. Что касается армии, то Гнейзенау и Шарнхорст с рвением взялись за дело реорганизации, и последний был настоящим гением реформ. Наполеон, наконец, показал свое истинное лицо, запретил своей жертве содержать более сорока двух тысяч солдат и заявил в лицо брату Фридриха Вильгельма в Париже, что занятие крепостей перешло из узкой области частной политики в обширную область общей политики. Он, конечно, имел в виду, что таким образом фактически держал в узде не только Пруссию, но также Россию и Австрию. Ограничение, установленное им в отношении действующей военной силы захваченного государства, было легко обойти с помощью уловки замены новобранцами тех, кто завершил свое обучение в рядах; но французская оккупация, казалось, была практически постоянной.

Военная реорганизация Австрии была уже завершена, и двадцать шестого июля 1807 года Меттерних писал государственному министру Стадиону, что, поскольку Тильзитский мир посеял зачатки ее собственного разрушения, мудрость администрации его корреспондента однажды приведет Австрию к тому моменту, когда триста тысяч человек, объединенных единой волей и направленных к одной цели, сыграют первую роль в Европе, "в момент всеобщей анархии, в одну из тех эпох, которые всегда следуют за великими узурпациями и стирают следы войны". завоеватели; эпоха, дату которой никто не может предсказать, но которую ничто не откладывает, кроме жизни одного человека, и которую весь гений этого человека может отсрочить тем более, что он еще не сделал первого шага, чтобы предотвратить ее определенные результаты ". Эта ссылка на бездетность Наполеона и зависимость его системы от его холостой жизни достаточно ясна. Император Франции сам прекрасно осознавал влияние, оказываемое таким соображением на ход дел, и, как следствие, его отношение к Франциску было несколько менее безапелляционным, чем к Фридриху Вильгельму. Тем не менее, результаты оказались чрезвычайно унижительными для гордости Австрии. По договору, заключенному в Фонтенбло десятого октября 1807 года, касающемуся итальянской границы, ее владения были урезаны за ненадобностью. По предложению Наполеона граф Штархемберг, ее посол в Лондоне, намекнул, что Англия в интересах мира должна восстановить датский флот и заключить условия с Францией. В связи с немедленным отказом Великобритании выслушать его, посланник удалился из Лондона; но он не оставил у английского кабинета сомнений относительно причины. Он знал и широко намекал, что, хотя его хозяин не осмеливался шутить с франко-русским союзом, его сердце было на стороне Англии. Таким образом, по всей видимости, Австрия была столь же подвластна могущественной коалиции Франции и России, как и Пруссия.

Почти сразу после разрыва с Англией Александр испытал унижение, увидев, что его худшие опасения оправдались. Наполеон открыл перед ним в Тильзите ослепительную перспективу территориального расширения. Медленно, но верно желаемый эффект был достигнут. Осознавая все опасности, которым он подвергался, царь, тем не менее, пожертвовал всеми другими соображениями, даже материальным комфортом своего народа, чтобы продемонстрировать свою добрую волю. Объявив войну, он также заплатил вперед. Но при первой возможности, седьмого ноября, его посол во Франции, направленный с этой целью, потребовал возвращения, а именно двух княжеств Валахии и Молдавии. Одновременно и в другом квартале это же требование было выдвинуто настойчиво. Сразу после встречи в Тильзите французский генерал Гильемино был направлен в качестве посредника между Россией и Турцией в очаг военных действий на Дунае. Под его руководством в Слобозии было заключено перемирие, в котором содержались два или три компенсационных пункта, обещавших, что Россия вернет Турции определенные суда и военное снаряжение, которые были захвачены. Царь заявил, что очень обижен этими условиями. Вскоре после этого он отклонил весь документ, и русские войска остались в Валахии. Такое поведение должно было свидетельствовать о его упрямой решимости четко сформулировать туманные обещания Наполеона, а затем обеспечить их выполнение.

Император Франции был хорошо информирован Савари и знал, что Тильзитский союз, будучи неприятен русскому народу, зависел от личной доброй воли его государя. Он был бы рад отвлечь Александра каким-нибудь незначительным исправлением линии границы между Россией и Турцией и дальнейшими неопределенными обещаниями, но не осмелился. Соответственно, он выдвинул довод о том, что усиление Восточной и Западной империй должно идти равными темпами, но не на Западе, поскольку это было его по праву, а в тех спорных землях, с которыми Россия надеялась получить постоянное место в советах Европы. Он утвердился в своем желании отложить раздел Турции, обнаружив, что Мустафа, султан, свергнувший Селима вопреки Франции, теперь готов, в свою очередь, подружиться с ней и выполнять ее приказы. Надежда заполучить Египет снова пробудилась, но времена еще не созрели, и необходимо было обеспечить отсрочку.

В дополнение к этим соображениям существовало соображение непосредственной безопасности. В двух последних кампаниях Наполеон одержал победу, один раз над Австрией и Россией вместе взятыми, другой раз над Пруссией и Россией вместе взятыми; но в каждой из них были моменты, когда коалиция трех стран могла сокрушить его. По этой причине он с радостью объявил бы в Тильзите, что дом Гогенцоллернов прекратил свое правление, чтобы тем самым предотвратить любую будущую опасность со стороны тройственного союза. От этой идеи он на время отказался, чтобы доставить удовольствие Александру. Теперь, когда его союзник был в безопасности, он вернулся или притворился, что вернулся к ней. Пруссия слишком быстро восстанавливала свои силы; ее ожесточенная враждебность представляла собой все возрастающую угрозу. Ссылаясь на то, что она никогда не сможет выплатить обещанную контрибуцию и поэтому с ней будут обращаться как с банкротом, Наполеон, наконец, заявил, что Россия может получить Дунайские провинции, если Франция сможет передать Силезию великому герцогству Варшавскому. "Пруссия, — говорилось в депеше Наполеона по этому поводу, — в Пруссии будет всего два миллиона жителей; но разве этого не будет достаточно для благополучия королевской семьи, и разве не в их интересах без промедления и с полной покорностью причислить ее к низшим державам, поскольку все их усилия восстановить утраченное ею положение служат лишь огорчению их подданных и лелеют пустые сожаления?" "Что император предпочел бы,

- говорилось в том же меморандуме, - так это чтобы турки оставались в мирном владении Валахией и Молдавией; тем не менее, он передал бы эти провинции царю в обмен на справедливую компенсацию из прусских земель; и, наконец, хотя он далек от желания полного раздела Турции, он желает, чтобы вы не осуждали окончательно этот план, а, скорее, остановились на мотивах отсрочки его. Этот древний проект российских амбиций - узы, которые могут связать Россию с Францией".

Для целей этих трудных переговоров Наполеон выбрал Коленкура, своего преданного слугу и самого искусного дипломата. Будучи участником экспедиций в Страсбург и Эттенхайм, которые захватили Энгинен, посол был глубоко, хотя и несправедливо, замешан в дурной славе казни, и этот факт был узами, которые связывали его со своим хозяином. Эти двое, казалось, полностью понимали друг друга. Александр выбрал посланника, который был полным антиподом ловкого и элегантного Коленкура. Граф Толстой был бесхитростным солдатом, выбранным в надежде, что на него не повлияют интриги парижского общества, и он сможет добиться максимальной отдачи от Тильзитского соглашения путем прямых переговоров с самим императором, как один старый солдат разговаривает с другим. Этому офицеру было поручено уделять большое внимание освобождению Пруссии, но помнить, что целью его миссии было укрепление гармонии и доверия. По пути в Париж он остановился в Мемеле, чтобы засвидетельствовать свое почтение Фридриху Вильгельму и его королеве. Он нашел их, учитывая их положение, фактически нуждающимися, зависящими от царских подарков в виде одежды и других предметов первой необходимости для того небольшого личного комфорта, которым они пользовались. Это произвело глубокое впечатление на сердце Толстого, и хотя его приняли в Париже с таким почетом, какого никогда не удостоивался ни один другой посол, он был холоден и отстранен как с императором, так и с двором. В конце концов между ним и высокопоставленными лицами столицы возникли серьезные разногласия; прошел даже слух, что они с ней будут драться на дуэли. Оскорбительные высказывания, которые привели к такой напряженности, были вызваны заявлением Толстого о том, что Россия потерпела поражение случайно, что русские солдаты непобедимы и однажды могут отомстить.

Более того, посол не смог поладить даже с Наполеоном. И он, и его сотрудники избегали великолепия Фонтенбло, предпочитая часто бывать в гостиных известной актрисы, чье имя часто связывали с именем императора. При таких обстоятельствах дипломатия принесла мало плодов. Наполеон предложил обе Дунайские провинции в обмен на Силезию или же эвакуацию собственно Пруссии в обмен на эвакуацию Валахии; он даже упомянул волшебное слово "Константинополь" как часть доли России в возможном разделе всей турецкой империи. Толстой писал в Санкт-Петербург, что Франция откладывает эвакуацию из Пруссии в корыстных целях, намереваясь расчленить ее; и с этой отправной точки изображал ужасы наполеоновской Европы. Такие мнения встревожили Александра, и хотя он принял Коленкура с почетом, равным тому, который был оказан Толстому, он решительно отказался от предложенной им сделки. Он не согласился бы на дальнейшее расчленение Пруссии, отчасти по сентиментальным причинам, главным образом потому, что не мог вынести усиления великого герцогства Варшавского, нового политического организма, который предполагал восстановление Польши. Что касается княжеств, то они у него были бы. Российское общество на данный момент подавило свою враждебность к царю и его Тильзитскому мирному договору и спокойно ожидало, каковы будут существенные результаты. Никакая выгода, меньшая, чем приобретение Валахии и Молдавии, не

восстановила бы добрую волю Александра или сделала бы союз с Францией прочным. Это, конечно, был серьезный кризис, но Коленкур, ничуть не смутившись, решил с помощью всех тех светских приемов, в которых он так преуспел, завоевать аристократические круги Санкт-Петербурга.

В декабре 1807 года Наполеон совершал королевское путешествие по своему королевству Италия, и известие о дипломатическом кризисе в России дошло до него в Венеции, которая перешла к нему в результате Аустерлица и Пресбургского мирного договора. Хотя он отправился туда для серьезной консультации с Иосифом, очарование этого места уже формировало в голове императора любопытные планы. Его быстрое путешествие по Ломбардии и короткий визит в Милан, откуда он направил свой ответ английскому адмиралтейству, убедили его в твердой суверенности, которую он осуществлял в этих великолепных королевствах. За несколько дней своего пребывания здесь он еще больше укрепил свою власть множеством щедрых и благотворных указов. Он приехал в Венецию с чувством безопасности; он сразу же поддался ее чарам, осознав, что наконец-то его контроль над Адриатикой был полным, поскольку теперь он удерживал оба берега и командовал входом, владея Корфу. Сразу за ними простирался блистательный Восток, созревший для завоеваний. Мог ли он или должен был ли он упустить возможность использовать такую превосходную операционную базу, завоевать благодарность всей Венеции, восстановив древнюю славу ее столицы, и тем самым наконец наложить руку на безделушку, которая когда-то так ослепляла его? Кроме того, Великобритания, его ненавистный соперник, презиравший предложенные им условия, пренебрегавший континентальной блокадой, опирающийся на свою силу благодаря контролю Западных морей, был уязвим в Индии, и только там. Эти соображения с непреодолимой силой овладели его воображением, и на благоустройство гавани и некоторое восстановление великолепия Венеции было выделено четыре миллиона франков.

Новый год снова застал императора в Тюильри, как раз вовремя, чтобы принять нового курьера из России с еще более энергичным изложением желаний Александра. Идея общего раздела турецких земель становилась все сильнее, и в беседе с Меттернихом Наполеон намекнул, что Австрия должна получить свою долю. Коленкуру были отправлены инструкции о том, что он должен питать надежды, чтобы выиграть время и выяснить, действительно ли невозможно, чтобы все оставалось так, как это было предусмотрено Тильзитским мирным договором, если понимать его буквально. Такое прокрастинирующее отношение ума имело двоякую причину. Одним из них, по-видимому, было постепенное осознание в сознании Наполеона того, что мечты и планы должны материализоваться, что в тайне жизни, подобной его, один шаг неизбежно ведет к другому, что его карьера должна охватить огромный земной шар, в то время как сам он был всего лишь смертным, ограниченным и уже приближался к предельному пределу своих сил. За год до этого он написал Джозефине, что из всех мужчин он самый поработоченный: "У моего хозяина нет кишечника, и этот хозяин - природа вещей". Другой причиной была бесстрашная и воинственная позиция, занятая в Великобритании как короной, так и парламентом и объявленная с угрозами вечной войны на открытии законодательной сессии 1807 года. Точно так же представляется вероятным, что какой бы ответ ни дал Александр на свой важный вопрос, он чувствовал, что теперь его единственная безопасность - в союзе с царем.

Время, время, еще раз время — это было первостепенной необходимостью; в сутках было всего двадцать четыре часа, и в его собственном организме было лишь определенное

количество нервной силы. Перед разделом Турции, если ответ Александра сделает его неизбежным, должны быть решены два важных вопроса: во-первых, должен быть обеспечен путь к восточной империи; и, во-вторых, уже существующая западная империя Европы должна быть дополнена "урегулированием" испанских дел — присвоением, если это покажется наилучшим, всего Пиренейского полуострова. Любой новичок в географии, взглянув на карту, мог увидеть, что при существовании навигации в те дни — то есть при помощи движения непостоянных ветров среди частично известных океанских течений — командование Гибралтаром и Мальтой означало контроль над Левантом, и британцы удерживали оба места. Когда Испания окажется в руках Франции, Гибралтар в конечном итоге может быть взят, но случай с Мальтой был совсем другим. Во владении такой мореплавательной нации, как Англия, остров был неприступен. Но было ли это на самом деле единственным выходом для французской империи на Восток? Из самой Франции - да; но из Италии, у Адриатики, существовала замечательная альтернатива, если не сказать больше, единственно верное направление торговли.

С момента первого пробуждения своих амбиций Наполеон мечтал о господстве в Средиземном море, и каждый последующий договор, заключаемый с северными державами, предусматривал некоторое усиление французского влияния на этом море. Теперь, наконец, он захватил Корфу, и англичане, испытывающие нехватку войск, отзывали войска, оккупировавшие Сицилию, чтобы направить их в Португалию. Эскадрильи из Бреста, Лорьяна и Рошфора получили приказ немедленно соединиться в Средиземном море. Это был момент для захвата Сицилии, и с присоединением этого острова к Корфу Франция контролировала бы лучшую дорогу в Египет. Но враждебная судьба, которая, казалось, сопровождала все морские начинания Наполеона, снова поставила ему шах. Английские крейсера были обнаружены в районе Корфу, и высадка на Сицилии была временно прекращена, чтобы вытеснить англичан из вод Ионических островов. В случае успеха вторжение в Турцию, захват Египта и удовлетворение интересов Александра были бы легкими. В более отдаленном будущем смертельный удар по Англии мог быть нанесен в Азии. Что за концепция! Какой разгул воображения!

Но был один призрак, который, хотя и откладывался на время, полностью не исчезал и возвращался с невозмутимым упорством: существование западной империи висело на волоске от единственной жизни; у самих корон Франции и Италии не было наследника. Ситуация много обсуждалась в придворных кругах, иногда даже в народе, и становилась острой. Для решения проблемы необходим был мир, и не отдаленный, а по возможности немедленный. Русский посол, вернувшийся из Лондона, во время своего путешествия по Франции сообщил, что англичане не так отравлены, как кажется. Это была всего лишь соломинка, но о ней заговорили. Наполеон немедленно воспользовался этим и объявил, что его единственной целью, его самой страстно желанной целью является мир.

Был конец января; Толстого пригласили присоединиться к охотничьему отряду, и в глубине леса Наполеон нашел возможность побыть с ним наедине. После долгой, туманной, противоречивой, но драматичной беседы, в которой излагались те же три альтернативы — мир между Россией и Турцией без княжеств, или княжества в обмен на Силезию, или окончательный, но не немедленный раздел Турции, — великий актер внезапно остановился, словно в порыве искренности, и, сорвав обеими руками с головы шляпу, швырнул ее на землю, сказав: "Послушайте, господин Толстой; это не император Франции, а старый дивизионный генерал, который сейчас разговаривает с другим. Пусть меня сочтут самым

подлым из людей, если я не буду скрупулезно выполнять договор, который я заключил в Тильзите, и если я не эвакуирую Пруссию и герцогство Варшавское, как только вы выведете свои войска из Молдавии и Валахии! Я не дурак и не ребенок, чтобы не знать, что я оговариваю, а то, что я оговариваю, я всегда выполняю". Предоставив этому возражению время возыметь действие, император Франции несколькими днями позже — второго февраля - собственноручно написал императору всея Руси. Это было невинное и доброе послание, в котором его друг советовал усилить свою армию и обещал всю возможную помощь в случае, если он почувствует, что граница Швеции проходит слишком близко от Санкт-Петербурга. Армия в пятьдесят тысяч человек, русская, французская, возможно, "маленькая австрийская", марширующая в Азию через Константинополь, не достигла бы Евфрата до того, как Англия начала бы дрожать. "Я силен в Далмации, вы - на Дунае. Через месяц после заключения соглашения мы могли бы быть на Босфоре. Но наши взаимные интересы требуют объединения и уравнивания на личной конференции. Толстой построен не по пропорциям Тильзита. Мы могли бы подготовить все, вы и я, или, возможно, Коленкур и Румянцев, до пятнадцатого марта, и к первому мая наши войска были бы в Азии в тот момент, когда войска вашего Величества находились бы в Стокгольме. Мы бы предпочли мир, вы и я, но мы должны делать то, что предначертано, и следовать туда, куда ведет нас неудержимый ход событий".

Это письмо было шедевром. Это означало, во-первых, небольшую европейскую войну, короткую и острую, в результате которой Россия получила бы Финляндию в качестве подачки и отвлекла бы ее внимание от Пруссии и Испании; во-вторых, угрозу, которая привела бы Англию к соглашению и установила мир; в-третьих, нейтрализацию Австрии путем приглашения ее сесть за стол переговоров; наконец, консолидацию династии Наполеона для окончательного завершения его замыслов на Востоке либо с помощью России, либо без нее. Альтернативой была бы война доселе неизвестных масштабов, включающая не только всю Европу, но и Малую Азию и северную Африку; результатом такого конфликта мог бы стать постоянный порядок, основой и краеугольным камнем которого было бы французское превосходство. Англия, конечно, поспешила бы на помощь Швеции, единственной оставшейся теперь в Европе стране, которая никогда не попадала в орбиту французской системы. В этот момент Испания и Португалия, брошенные на произвол судьбы, должны перейти в руки Франции. Если Англия по-прежнему проявит решимость, то с острова Корфу отправится экспедиция в Египет, в то время как одновременно объединенные армии России, Франции и Австрии двинутся на завоевание Турции и захват Индии. Это был план настолько масштабный, настолько логичный, настолько имперский, что он оставил далеко позади мечты патриота Корсики или видения пылкого француза. Успешный как солдат, император с каждой новой победой вступал во все более широкие круги предприимчивости, которые не могли иметь отношения к узким национальным рамкам. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА IX.

ФРАНЦУЗСКАЯ ИМПЕРИЯ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ГРАЖДАНСТВО. [\[20\]](#)

Дипломатическое фехтование с Россией — Коленкур и Румянцев — Тяжелое положение царя — Наполеон и папство — Папа в плену — Дом Браганса — Раздел

Португалии — Бегство королевской семьи — Устремления Жюно — Состояние Испании — Двор — Наследный принц — Народные фракции — Планы Наполеона — Ссора Карла и Фердинанда — Суд над Фердинандом — Вторжение в Испанию — Наполеон и Люсьен в Мантуе — Наполеон и Жозеф в Венеции — Годой сорван — Французское вооружение — Унижение Испании — Падение Годоя — Отречение короля.

1808.

Инструкции, данные Наполеоном Коленкуру во время этого кризиса, раскрывают всю политическую систему писателя в поворотный момент его карьеры: они показывают его на пике своих полномочий, обещающим, уговаривающим, предлагающим, затягивающим, представляющим свои собственные действия в лучшем свете без оглядки на правду, использующим Россию до тех пор, пока она могла служить ему, и бросающим ее в течение нескольких дней, когда она становилась непокорной; все это для того, чтобы выиграть время и возможности. Французский посол с самого начала подстрекал царя захватить Финляндию, но, чувствуя, что успех в этой области ослабит его притязания на княжества, он колебался. Придворные интриги вокруг него снова начали сгущаться. С каждым днем невзгоды и неопределенность его положения делали его все более несчастным. В конце концов он повел себя непоследовательно, рассеянно и нерешительно. Почти в то время, когда шведскому послу произносились успокаивающие слова, русские колонны внезапно ворвались в шведскую провинцию и не были отведены. Александр возобновил свои требования относительно Придунайских провинций. Наполеон прислал ему изысканные подарки, северский фарфор или образцы отборных доспехов. Наконец пришло письмо от второго февраля. Первое впечатление, произведенное на царя ее чтением, было преувеличенной радостью и энтузиазмом: "Ха! стиль Тильзита! Какой великий человек! Какие широкие идеи!" Таковы были его восклицания, когда он читал. Но спокойное обсуждение пробудило подозрения, и вскоре непокорный дух привел к категорическому требованию официально отказаться от любых окончательных планов в отношении Силезии, на что Коленкур ответил: "Император Наполеон требует, чтобы ваше величество обращались к нему не более настойчиво, чем он к вам".

В качестве предварительной подготовки ко второй личной встрече двух монархов, намеченной в Тильзите, и предложения о проведении которой теперь были возобновлены из Парижа, два министра, Коленкур и Румянцев, наконец, начали обсуждать условия раздела Турции. Дипломатические гладиаторы были хорошо подобраны; между предложением и заменой, требованием и оправданием, уловкой и фальшивкой дни проходили самым занимательным образом, пока внезапно царь не осознал, что время летит и что он не добивается прогресса. Несколько раздраженная встреча была отложена, поскольку было ясно, что министры не придут к согласию к предложенному сроку, а без соглашения Александр отказался присутствовать. Тем временем его войска в Финляндии встретили ожесточенное и упорное сопротивление. Его армия была изгнана из восточной Ботнии, а его флот был блокирован флотом Великобритании под командованием адмирала Сомареза. Санкт-Петербург был в ужасе от присутствия английского флота на Балтике. Царь не мог ослабить свои силы на Дунае, чтобы не потерять желанные провинции, и он не осмеливался вывести войска из Польши, поскольку французы все еще находились в Силезии. Понимая, что Бернадотт должен быть их активным помощником, русские войска опрометчиво

пересекли шведскую границу с недостаточной численностью; и в действительности маршал действительно намеревался присоединиться к ним, но на полпути по какой-то необъяснимой причине остановился. Коленкур сказал, что это произошло из-за трудностей, возникших при пересечении Пояса; но остановка была, конечно, одним ходом в игре Наполеона. Двадцать пятого апреля последний написал Талейрану: "Должен ли я был так легкомысленно посылать своих солдат в Швецию? Мне там делать было нечего". Одновременно французские силы как в Польше, так и в Пруссии уплотнялись и укреплялись, в то время как у слияния Буга и Вислы, в великом герцогстве Варшавском, напротив российской границы, неуклонно поднимались стены мощного форта, над которым развевался трехцветный флаг. В каком тяжелом положении оказался Белый царь, внук Екатерины II, монарх-философ, воспитанный Лагарпом, благодетельным деспотом! Позади него презренная нация, перед ним безграничная война; связанный буквой двусмысленного договора, занятый сомнительным завоеванием, ущемленный в своих амбициях; короче говоря, если ему не поставят мат, он окажется в положении, очень похожем на то, которое в благородной шахматной игре называется тупиком!

Обращение Наполеона с царем делает всю ситуацию в Северной Европе и Австрии легко понятной; необходимо также рассмотреть с той же точки зрения то, что происходило в южных государствах Европы, какими бы отдаленными они ни были; в противном случае ход событий на противоположных концах Европы кажется совершенно загадочным. Если путь, пройденный в Санкт-Петербурге, был извилистым, то что можно сказать о политике, проводимой в Папской области, Тоскане, Португалии и Испании? Во время дипломатической разведки, возглавляемой Коленкуром, государственные деятели этих стран были заняты в Фонтенбло. То, чего кардинал Байанн, казалось, стремился добиться для Пия VII, а именно неприкосновенности его территорий, было утрачено еще до того, как были сделаны уступки, требуемые от папы. Дрожащий прелат согласился присоединиться к федерации против Англии, изгнать монахов, принять увеличенное представительство Франции в Коллегии кардиналов и допустить Венецию к Конкордату. Но, используя собственное выражение Наполеона в указе, изданном из Вены семнадцатого мая 1809 года, западный император уже "возобновил пожалование" Карла Великого, которое было использовано против его преемника. Больше не существовало враждебной полосы суши, протянувшейся от моря до моря, разделявшей Неаполитанское королевство и Италию, поскольку три дипломатические миссии были оккупированы в декабре 1807 года.

Используя эту точку опоры, Баянне был вынужден заключить официальный договор, содержащий все условия Наполеона. Папа был взбешен оккупацией его земель и отказался дать согласие на этот документ; он даже не захотел входить во французскую федеративную систему. Такое отношение, по-видимому, было столь же приятно императору французов, как и отношение подчинения. Апеллируя к общественному мнению на основании необходимости, он направил свои войска второго февраля 1808 года в город Рим; в марте Анкона, Мачерата, Фермо и Урбино были присоединены к королевству Италия; и до конца апреля иностранные священники были изгнаны, папские батальоны были зачислены под триколор, а дворянская гвардия была распущена: вся администрация находилась в руках Франции. В течение года преемник святого Петра оставался слабоумным принцем, запертым на Квиринале. На требование сложить с себя светскую власть он ответил буллой от десятого июня 1809 года, отлучавшей от церкви захватчиков его штатов; после этого он был схвачен и отправлен пленником в Гренобль. Наполеон, оглядываясь назад, на дни своего унижения, сказал, что эта ссора с папой римским была одним из самых

изматывающих эпизодов за всю его карьеру. Это разрушило большую часть паутины, сплетенной в Конкордате, оттолкнув римско-католиков как в самой Франции, так и на завоеванных им или союзных землях.

В те же осенние месяцы 1807 года в Фонтенбло были заключены переговоры по другому договору, а именно по секретному соглашению с Испанией о разделе Португалии. Дом Браганса, как и другие так называемые законные монархии Европы, пришел в моральный и физический упадок. Королева была сумасшедшей, а ее сын Дон Джон, который был регентом, хотя и был мягким и благородным человеком, лишен всех элементов величия, которые позволили бы ему плавать в беспокойных водах своего времени. Более того, страна была пропитана демократическими принципами. Существовало молчаливое соглашение, что из-за огромной дани, выплачиваемой Франции за признание нейтралитета, она закроет глаза на торговлю с Англией, которая была необходима для процветания, если не для самого существования, маленькой страны. Но Берлинский и Миланский декреты были задуманы как меры серьезной войны, и теперь император настаивал на их приведении в исполнение. Хотя регент был зятем Карла IV Испанского, все же после заключения Тильзитского мира мадридский двор объединился с двором Фонтенбло в попытке добиться закрытия всех португальских гаваней и точного выполнения указов, требующих отставки английского министра, ареста всех британских подданных и конфискации всех английских товаров. Ответом Джона было согласие на все, кроме ареста ни в чем не повинных торговцев.

Этот частичный отказ был достаточным предложением; французский посланник в Лиссабоне был немедленно отозван, Жюно получил приказ войти в Испанию и выступить маршем на Португалию, в то время как условия раздела были согласованы в Фонтенбло с министром Карла Искьердо в рамках договора, который Наполеон, должно быть, рассматривал как величайший розыгрыш в своей жизни. Опасаясь, что его разоблачат слишком быстро, он решительно запретил Карлу сообщать об этом своим министрам. Французский посол в Мадриде также оставался в неведении относительно его условий. В соответствии с ним король Испании должен был именоваться императором Обеих Америк; и в обмен на Этрурию, которая наконец должна была быть официально включена в состав королевства Италия, он должен был получить то, чего так долго желал, - фактический суверенитет Португалии. Над одной частью должен был править в качестве вассала молодой король Этрурии; над второй - генералиссимус и верховный адмирал Испании, принц Мира, любовник королевы, доверенный слуга короля Мануэль Годой; третья часть должна была остаться нераспределенной и поступить в распоряжение Карла на более поздний срок.

Договор заканчивался, казалось бы, невинным условием о том, что новая французская армия численностью в сорок тысяч человек должна быть сформирована в Байонне и находиться в готовности, если Великобритания высадит войска в Португалии. Однако въезд в Испанию запрещался без согласия обеих договаривающихся сторон. Тем временем Жюно по приказу своего императора отправлял домой карты, планы, топографические зарисовки и маршруты Испании. Хотя с ним выступало двадцать пять тысяч испанцев, он получил приказ, датированный тридцать первым октября, через три дня после подписания мирного договора в Фонтенбло, захватить все укрепленные пункты Португалии, занять их французскими войсками и не позволять испанцам размещать гарнизоны ни в одном из них. Его первой целью, как ему уже сказали, должен был стать захват флота, стоявшего в Тежу, и взятие регента в плен. Умный и амбициозный генерал быстро продвигался вперед и

двадцать седьмого ноября достиг со своими измотанными войсками Абрантиша, городка примерно в восьмидесяти милях от Лиссабона. Известие о его прибытии было неожиданным в столице; хуже того, как показалось встревоженному двору, были свидетельства того, что он получит восторженный прием от многих влиятельных слоев населения, которые все еще считали слово "французский" синонимом слова "демократический". Сэр Сидни Смит, командовавший британскими кораблями в Тежу, направил письмо дону Джону, обещая, что Англия никогда не признает правление в Португалии, враждебное дому Браганса, и настоятельно призывая его отправиться с королевской семьей в португальские владения в Южной Америке. Принц, вероятно, прочитал то, что было опубликовано в "Монитер" от тринадцатого ноября, а именно: "Регент Португалии теряет трон. Падение дома Браганса - новое доказательство неизбежной гибели тех, кто объединяется с Англией". Как бы то ни было, оказавшийся в затруднительном положении правитель был встревожен и издал отрывистое, слабое воззвание, в котором заявил, что он никогда не подчинится тирании Наполеона, объявил о своем бегстве, назначил регентский совет и попросил тех, кто был так расположен сопровождать его. Очень немногие верные подданные присоединились к королевской семье, и вместе с безумной королевой маленький отряд погрузился на корабль.

Флот едва успел отойти от реки, когда Жюно добрался до Лиссабона с небольшим отрядом запыхавшихся, измотанных людей. Его жертва сбежала, но и безумная королева тоже, и с этого момента он начал задаваться вопросом, почему корона не может удобно сидеть на его собственной голове. Он был верным доверенным лицом Бонапарта с самого начала его карьеры и мог бы стать королевой, которая могла бы похвастаться родословной не менее выдающейся, чем у греческих императоров из рода Комнинов. Народ был настроен дружелюбно, депутаты от могущественного тайного общества франкмасонов выступили с речами, регентство не оказало сопротивления, главнокомандующий и его армия подчинились. Но французский генерал не проявлял никаких признаков организации либерального правительства, которого они так искренне желали и полностью ожидали. Напротив, он учредил военные провинции, конфисковал все государственные средства и попытался примирить должников своего господина за счет своего господина; ибо вместо сорока миллионов отступных, требуемых Наполеоном, он, как несправедливый управляющий, взял перо и написал двадцать. Взамен португальские радикалы должны были просить императора, чтобы он стал их королем. Отчасти из-за ненасытной жадности Жюно и присвоения им огромных личных сокровищ — примера, которому его армия быстро последовала, — отчасти из-за последующего разочарования и общего отвращения к чувствам, план провалился. Вскоре испанский генерал Бельеска захватил французского губернатора Порту и поднял восстание в пользу дона Джона. Главнокомандующий, вызванный из Лиссабона для подавления повстанцев, покинул город под руководством комитета, во главе которого стоял епископ Порту. Прелат немедленно обратился за помощью к Англии, и за короткое время по всей стране были организованы тайные хунты с целью сбросить французское иго. Англия отреагировала с готовностью, отправив войска с Сицилии и из Ирландии; но самым сильным подкреплением из всех был генерал, назначенный командовать ими, сэр Артур Уэлсли. До середины августа 1808 года бушевала война на полуострове, и лавры принадлежали Англии.

Тем временем предполагаемый переворот произошел в Испании. Невозможно представить себе более глубокую деградацию, чем та, в которую погрузилась монархия Бурбонов в этой стране, а двор увлек за собой страну в ее упадок. Население сократилось до

десяти миллионов, и из номинальной армии в сто двадцать тысяч человек не пятьдесят тысяч были действительно эффективны. Сонм должностных лиц и привилегированной знати, присосавшихся, как пиявки, к истощенной казне, по численности равнялся только духовенству, светскому и обычному, с монахинями, послушницами и слугами, которые жили на доходы от церковных поместий и на то, что удавалось вымогать у обедневшего народа. В результате ужасной формы первородства земли, не принадлежавшие Церкви, постепенно перешли в руки нескольких владельцев, которые жили в Мадриде и никогда не видели своих ферм, лесов или пастбищ. Крестьяне не были заинтересованы в улучшении того, что могло быть отнято у них после смерти собственника или по прихоти оценено по более высокой стоимости из-за самих их усилий по улучшению своей участи. Вельможи пребывали в мрачном состоянии в огромных дворцах, заполненных ордами праздных слуг. Остатки с их роскошных, но плохо сервированных столов поддерживали толпы нищих, которые толпились у их ворот. Общественной жизни у них было мало; они были мрачны, одиноки и угрюмо безразличны. В их конюшнях стояли табуны мулов и висели запасы безвкусной сбруи, но все это использовалось лишь несколько раз в год, чтобы с должным достоинством проводить владельцев на большие общественные мероприятия.

На таком фундаменте стоял двор: король, великодушный, но обманутый и ревниво привязанный к слугам короны, нетерпимый к любым неприятностям и всегда заявляющий о готовности отказаться от трона; королева, трезвомыслящая и амбициозная, но потакающая своим желаниям, экстравагантная и порочная; Годой, принц Мира, названный так по договору, который он заключил в Базеле, чтобы завершить французскую и испанскую войны за независимость, — настоящий правитель, успокаивающий чувства короля и удовлетворяющий страсти королевы. Чтобы сохранить свое господство, этот триммер связал свою судьбу с Наполеоном; но, неверный и вероломный, он с радостью отказался бы от этой или любой другой защиты, чтобы обратиться к тому, кого считал более сильным. В любой централизованной монархии административный закон является основой; в Испании администрация была слабой и коррумпированной, поскольку каждый ее член был занят смиренным подражанием примеру своего главы, чей дом был складом награбленного, откуда к концу его карьеры добычу перевозили по ночам на вьючных мулах, и никто не знал, куда именно. Поговаривали, и многие трезвомыслящие люди верили в это, что Годой принадлежат все богатства Испании.

Фердинанд, принц Астурийский и очевидный наследник престола, был молодым вдовцом с добрыми побуждениями, но слабохарактерным. Его покойная жена, вышедшая замуж в 1803 году, была дочерью неаполитанской королевы Каролины; поссорившись со своей свекровью Луизой, она преждевременно скончалась, вероятно, отравленная. Принц знал о скандалах в доме своего отца и злоупотреблениях администрации Годоя, но считал оковы деградации слишком крепкими, чтобы их можно было разорвать такой слабой рукой, как его собственная. Однако его последователи, возглавляемые герцогом дель Инфантадо и амбициозным каноником Эскойкисом, его бывшим наставником, были многочисленны и просвещенны. Они понимали, насколько пустым было покровительство, оказанное Наполеоном Годой, и насколько ненадежной была мнимая дружба последнего с Францией. Их план состоял в том, что Фердинанд должен был отказаться от предложенной руки невестки Годоя, потребовать руки принцессы Богарне и таким образом заручиться интересами и помощью французского императора. С такой поддержкой они могли надеяться свергнуть министра и реформировать администрацию. Без сомнения, они также мечтали о власти и месте для себя.

С течением времени симпатии нации все больше и больше склонялись к Фердинанду, пока, наконец, он не стал лидером и представителем солидных элементов общества. Между ослабевающей властью Годоя и растущей популярностью наследного принца наконец установилось нечто вроде равновесия, и в 1807 году две озлобленные фракции стояли, как гладиаторы, ищущие возможности нанести удар. Эта ситуация была на руку Наполеону, но поскольку она порождала все более и более серьезные интриги, решение должно было быть принято незамедлительно. Должен ли он согласиться с желанием Фердинанда, официально сообщенным в письме, отправленном Эскойкисом двенадцатого октября? Талейран и Фуше оба настаивали на принятии этой политики. Невозможно предположить, что побудило Талейрана. После Аустерлица он призывал к умеренности, но, вероятно, это было потому, что он был подкуплен побежденными. Однако его суждения и заинтересованность, возможно, не уступали темпу в этом заключении. Скорее всего, в этом деле на него повлияла императрица, положение которой становилось отчаянным, поскольку семья Бонапартов теперь настойчиво и открыто настаивала на разводе. Все искусства Жозефины казались бессильными против ее закоренелых врагов, и ее последней надеждой было заручиться королевскими союзами для своих родственников, заручившись таким образом новой поддержкой против сторонников императора. У нее была очаровательная племянница, мадемуазель . Ташер де ла Пажери, которому она была горячо предана; и посадить на трон Испании ту, кто была почти дочерью, означало бы одновременно удовлетворить естественную привязанность и укрепить ее собственное положение.

Однако нет никаких указаний на то, что на этот раз Талейран скрестил руки, хотя его суждения снова совпали с интересом к разумным советам. Страна была совершенно дезорганизована, и должны были произойти перемены; народ был слишком высокомерен, чтобы дольше терпеть свое унижение; было бы лучше поддержать Фердинанда как реформатора и тем самым обеспечить французской системе не только само королевство, но и все ее колониальные владения. Как выразился Фуше, король до сих пор был одним из лучших французских префектов, и если он больше не будет эффективен, то его законному наследнику лучше остаться на этом посту. Но идея закрепления испанских колоний за его империей ослепила и привлекла императора больше, чем гарантированная поддержка Испании. Решив с этой целью посадить на испанский трон одного из своих братьев, он проигнорировал как громкие призывы о помощи со стороны короля с одной стороны, так и приближение Фердинанда с другой. Все увещания его собственной семьи были напрасны, и он приступил к осуществлению своего плана. Новый призыв обеспечил отправку сорока тысяч человек в Байонну, и генералу Кларку было приказано укрепить границу.

В самый последний момент интриги в Мадриде достигли апогея. Двадцать восьмого октября вооруженные испанские силы захватили личность и документы Фердинанда. Годой притворился больным и не выходил из своих покоев, пока королева осматривала то, что было найдено. Говорили, что там был зашифрованный код для переписки с друзьями; мемориал от Фердинанда Наполеону, обвиняющему Годоя в намерении захватить трон и тайно упоминающему позор его матери; мемориал от Эскойкиса, просящего у императора руки французской принцессы; и приказ за печатью Фердинанда VII с пустой датой герцогу дель Инфантадо, назначающий его командующим Новой Кастилией после смерти короля. Два дня спустя связь Годоя с припадком была доказана, поскольку, как бы плохо он ни притворялся, его видели входящим в Эскориал после наступления темноты. На следующий день король объявил о раскрытии этого "заговора" в воззвании к своему народу и написал письмо с аналогичными формулировками Наполеону, жалуясь, что Богарне, французский

посол, был центром интриги. Обвинение было абсолютно справедливым, поскольку этот брат первого мужа императрицы, хотя и грубоватый, честный человек, был слепо уверен в себе и попал в ловушку, расставленную для него в Париже. Он не был лишен желания угодить Жозефине, он презирал Годоя, и его очевидная дружба с наследным принцем во многом способствовала возникновению у населения уверенности в том, что Франция возродит Испанию с помощью законного наследника.

Карл также объявил о своем намерении отстранить Фердинанда от престолонаследия и смиренно попросил совета у Наполеона. Была назначена комиссия из кастильских грандов для суда над преступником, и одновременно были предприняты напряженные усилия, чтобы добиться от него признания в заговоре. Последний план провалился, но принц с готовностью откликнулся на призыв явиться. Что именно произошло, неизвестно, но это можно себе представить; некоторые факты просочились наружу, и результатом стал жалкий компромисс как при дворе, так и среди народа. Принц утверждал, что он написал подозрительный приказ во время недавней болезни своего отца, подло осудил его сообщников и, заявив, что именно Богарне предложил ему просить руки императора, укрепил всеобщее убеждение, что Наполеон спровоцировал весь его курс. Этого было достаточно, чтобы запугать короля и королеву. Преступник был немедленно освобожден и написал официальную просьбу о помиловании. Его отец издал прокламацию, дарующую благо. Его друзей официально судили, но Годой не осмелился задавать вопросы, компрометирующие французского посла, и они были оправданы.

Во время судебного процесса указывалось, что "тайная рука" все еще неизвестна; некоторые говорили, что это рука королевы, некоторые думали, что вмешивался великий инквизитор. Наполеон отправил коварное и вводящее в заблуждение послание, в котором заявлял, что он никогда не получал писем от принца Астурийского, — что буквально соответствовало действительности, хотя он был проинформирован о его существовании и содержании, — и что он не слышал ничего, кроме смутных сплетен из дворцовых разговоров. Это письмо Наполеона было доверено тринадцатого ноября одному из его самых проникательных советников, камергеру де Турнону, которому было тщательно поручено доставлять домой как можно более точную информацию о состоянии общественных настроений и тайно наблюдать за состоянием, в котором он застал пограничные крепости Памплоны и Фуэнтэррабия. В тот же день был отдан приказ Дюпону воспользоваться общим волнением, связанным с недавними событиями, пересечь границу со своей дивизией и продвинуться к Витории, откуда он должен был произвести разведку окружающей местности. Словно для того, чтобы подчеркнуть свое собственное безразличие, на самом деле, чтобы избежать неприятных вопросов и имея в виду самые серьезные цели, император отправился в Италию несколькими днями раньше; и день его прибытия в Милан был днем вторжения Дюпона в Испанию. Во время этого визита в Венецию, который был назван временем, когда Россия была поставлена в тупик, и был изложен окончательный метод действий на Востоке, Наполеон встретился с королевой-регентшей Этрурии. Она заявила, как от нее и ожидалось, что она не может продолжать править там, где она не правила, поскольку ее владения были оккупированы французскими войсками на основании большой политики; соответственно, она была отправлена в Мадрид с королевским поездом. Ее бывшее королевство было объединено с королевством Италии, и ничего не подозревающей Богарне было приказано подготовить свое новое португальское королевство к ее приезду.

Но настоящей целью этого зимнего путешествия в Италию, по-видимому, были две встречи императора со своими братьями Жозефом и Люсьеном, причем первого вызвали из Неаполя в Венецию, а второго - из Рима в Мантую. Младший брат после первых юношеских вспышек радикализма стал умеренным республиканцем, твердо придерживаясь своих убеждений. Выступив против наследственного консульства Наполеона и не думая о какой-либо награде, которую он мог бы получить за свои услуги Брюмеру, он отошел от общественной жизни, чтобы проводить время в учебе и удовлетворении своих литературных вкусов. После смерти своей первой жены, от которой у него родились две дочери, он женился, вопреки желанию Наполеона, на прекрасной и образованной мадам де Жобертон. Это было в 1803 году. Его настойчиво уговаривали убрать ее и посвятить себя проекту укрепления Империи, приняв корону и заключив королевский брак, но он отказался. Безусловно, самый способный и отважный из братьев Бонапарт, он был совершенно безразличен к расцвету наполеоновской империи, поскольку его принципы были непоколебимы. Он с неохотой приехал в Мантую. Есть два рассказа о том, что там произошло: тот, который давно принят — о Люсьене, горячо отказавшемся от короны Португалии ради руки принца Фердинанда для его дочери Шарлотты; и тот, который указывает на то, что первым предложением Наполеона была Этрурия. Однако оба рассказа сходятся в том, что император повысил свою ставку до обещания Италии — всегда при условии, что его брат разведется с женой и будет править в интересах императорской власти. Люсьен пренебрег даже этой взяткой, заявив, что он примет корону, но будет править в интересах своих подданных и что он ни в коем случае не будет рассматривать вопрос о разводе. Были произнесены гневные слова. Наполеон раздавил в руке часы, с которыми он забавлялся, прошипев, что таким образом он сокрушит волю, которая противостояла его воле. "Я бросаю тебе вызов в совершении преступления", - возразил Люсьен. Перед расставанием произошло половинчатое примирение, и Наполеон потребовал, чтобы по крайней мере старшая дочь его брата была отправлена в Париж для использования в схеме королевских союзов. Люсьен согласился, и девочку, умную девочку лет четырнадцати, отправили жить к мадам Мере. Она была совершенно недовольна и писала яркие, саркастические письма своей мачехе, которую любила, описывая скупость своей бабушки и слабости других своих родственников. Эти, как и все другие подозрительные письма того времени, были перехвачены и прочитаны в "кабинете нуар"; когда их содержание стало известно Наполеону, он отослал раздражительную, остроумную писательницу обратно к ее отцу. Отчаявшись в какой-либо поддержке со стороны Люсьена или его семьи, Наполеон официально усыновил своего пасынка Эжена, вице-короля, с целью укрепления и подтверждения чувства зависимости Италии от Франции.

Характер Джозефа также созрел к этому времени. Жизненный опыт разрушил авантюрный дух, с которым он начал свою карьеру; он стал мягким, философски настроенным, трудолюбивым монархом, заботящимся о наилучших интересах своего народа, и, соответственно, был любим им. Редерер навел порядок в неаполитанских финансах, его собственные административные реформы прошли гладко, и единственным недовольным элементом его народа была знать, которую раздражали репрессии против их власти и ограничение их привилегий. Есть достоверные свидетельства того, что Жозеф был вызван и прибыл в Венецию, но записи об этой беседе нет, за исключением заметки на полях, сделанной самим Жозефом в существующей копии мемуаров Мио де Мелито, о том, что Наполеон говорил о проблемах среди членов королевской семьи Испании как о том, что

они, вероятно, "приведут к результатам, которых он боялся". Последнее слово подчеркнуто. "Я приготовил достаточно беспокойств, - сказал он. - Беспорядки в Испании могут пойти только на пользу англичанам, которые не желают мира, уничтожив ресурсы, которые я нахожу в этом союзнике для ведения войны против них". Однако, помимо этой информации, существует высокая вероятность того, что Жозефу тогда сообщили, что, поскольку Люсьен проявил непокорность, он сам теперь направляется в Испанию; что король сначала выразил решительное нежелание принять нежелательную задачу; и что, как и Люсьен, он уехал из-за немилости своего брата. Предложение Наполеона уже обсуждалось в Тильзите как непредвиденный случай. Иосиф настолько привык повиноваться, что трезвая мысль заставила его раскаться в своей похвальной нерешительности; в течение недели, прежде чем покинуть Венецию, он отправил конфиденциального гонца, чтобы добиться официального согласия Александра на его перевод в Испанию. Он был околдован волшебником, поскольку, вероятно, именно Наполеон подсказал ему эти мысли. После правления Карла Великого империя Карла V была самой великолепной в Европе, и Иосиф, возможно, мечтал, что если не станет первым, то станет вторым, затмеваемым только своим братом.

Годой был искусным дипломатом. В ответ на письмо Наполеона он лично просил и настаивал на выдаче Фердинанда замуж за французскую принцессу, но в то же время он также настаивал на публикации того, что было оговорено в Фонтенбло. Ответ был крайне медлительным, и когда он был написан, в нем звучал новый тон: Наполеон с радостью укрепил бы союзнические узы таким браком, как так часто предлагалось, но можно ли было проявить такой знак доверия к обещанному сыну без каких-либо доказательств его раскаяния? Он добавил, что было бы преждевременно публиковать статьи Фонтенбло. В знак открытого неуважения к этому документу двадцать третьего декабря 1807 года из Милана был издан указ о назначении Жюно губернатором всей Португалии. Второго февраля 1808 года этот документ был передан королю Испании Богарне с намеком на то, что действие договора должно быть временно приостановлено. Теперь пелена спала с глаз Годоя. Его агент в Париже сообщил ему, что он был холодно принят министром иностранных дел Шампаньи, а вскоре после этого мадемуазель Дж. Ташер де ла Пажери была замужем за незначительным членом Рейнской конфедерации, герцогом Арембергским. В Мадриде считали, что император покинул обе придворные фракции; общественное мнение, благоприятствующее той или иной из них, вскоре объединилось в общем раздражении против Франции, и вскоре ходили разговоры о том, что Наполеон намеревался расчленив Испанию при попустительстве Годоя.

Тем временем новая воинская повинность была проведена, и все большее количество французской молодежи, носившей название войск, появлялось в Байонне и переходило границу. Крепкие испанцы смотрели на них с изумлением и презрением. Пока не было никаких признаков английского вторжения, и армия в Португалии не нуждалась в помощи; но Монси последовал за Дюпоном с тридцатью тысячами так называемых людей; Дюэм повел армейский корпус к Барселоне на одном конце Пиренеев, в то время как Дарманьяк со своей дивизией прошел ущелье Ронсваль в Наварру и захватил Памплону; Бессьер поспешил с гвардией в тыл; а Жерому было приказано набрать сорок тысяч человек в Вестфалии. Фигерас, Сан-Себастьян и Вальядолид вскоре оказались в руках французов. "Монитор" от двадцать четвертого января объясняла, что эти действия были вызваны планами англичан высадиться в Кадисе. Шесть дней спустя император подсчитал, что у него под ружьем восемьсот тысяч человек и что вскоре у него будет еще восемьдесят тысяч. При виде таких

фактов Принц Мира пал ниц, в то время как ужас охватил слабого короля и его злую супругу. Не уменьшилась их паника и тогда, когда от Наполеона пришло второе письмо, датированное двадцать пятым февраля, в котором явно сквозила решимость поссориться. "Ваше величество просили руки французской принцессы для принца Астурийского; десятого января я ответил, что согласен. Ваше величество больше не говорит об этом браке. Все это оставляет в неведении многие объекты, важные для благополучия моих народов". Через несколько недель Искьердо прибыл из Парижа и неохотно объяснил ужасающую правду: что тонкие нити договора, который он заключил в Фонтенбло, были развеяны, и что Португалия должна была быть полностью передана одному из Бонапартов. Это было объяснением ужасающего вооружения в северной Испании, за рекой Эбро. Годой ответил отказом на все предложения, приводящие к такому выводу. Искьердо отозвал этот ответ, и ближе к концу марта Талейран был назначен вести с ним переговоры под предлогом поиска какого-то компромисса.

Талейрану до глубины души надоело его бездействие, и он с готовностью воспользовался возможностью вновь заявить о своей значимости. Полностью отказавшись от позиции полусопротивления Наполеону, которую он занимал в течение некоторого времени, он теперь использовал свой ловкий и умнейший дар для продвижения планов императора. Документ, который был окончательно составлен им, давал французам равные права в испанских колониях с испанскими подданными и предлагал обменять Португалию на великий поход к северу от Эбро, который когда-то принадлежал Карлу Великому, а теперь принадлежал Наполеону. Когда Искьердо услышал жесткие условия, он вскрикнул от ужаса, но на каждое возражение получал холодный ответ, что такова воля императора. В начале марта Бессьер вступил в Испанию с тридцатью пятью тысячами человек. Это увеличило общую численность разрозненных дивизий французских войск, находящихся сейчас к югу от Пиренеев, примерно до ста тысяч. Испанцы, наконец, полностью осознали факт своего унижения. Волнение становилось все более и более сильным, пока не стало ясно, что вспышка народного насилия неизбежна.

В этот критический момент Наполеон предпринял шаг огромного значения. Мюрат, великий герцог Бергский, прибыл в Бургос тринадцатого марта со всеми полномочиями главнокомандующего и сразу же принял командование. Приказав сосредоточить все дивизии, он медленно двинулся на Мадрид. Принц мира и король слышали, как пробил их час. Первой мыслью Годоя было последовать примеру дома Браганса и, улетев за моря, основать испанских бурбонов в Мексике или Перу. Королева с самого начала страстно поддерживала проект, который продлил бы видимость власти для нее и фаворита, но прошло несколько дней, прежде чем Карл смог прийти к такому выводу. Наконец, пятнадцатого марта был созван совет, чтобы выслушать его решение, и был отдан приказ держать открытым путь на Кадис. Население почувствовало, что позор не может продолжаться дальше, и, осудив Годоя, умоляло короля остаться.

Они не могли получить удовлетворительного ответа из Аранхуэса, где сейчас находился колеблющийся, напуганный и разобщенный двор. Один день следовал за другим, и улицы этого города кишели разгневанными людьми, чья гордость и презрение нашли выражение в призывах к смерти Годоя. Вечером семнадцатого они начали бунтовать, и несчастный принц увидел, что его дом окружен. Полуодетый и полуголодный, он попробовал сначала одну дверь, потом другую; все они были заблокированы, и он был вынужден укрыться на чердаке, где прятался под кучей мусора, пока толпа творила свое в красивых комнатах

внизу. На следующее утро Карл уступил народному возмущению и сместил Годоя с его высоких постов. В течение сорока восьми часов министр скрывался. Наконец он не мог больше терпеть муки голода и жажды; ускользнув от внимания своих домочадцев, он добрался до улицы и девятнадцатого числа был взят под стражу охранявшими ее стражниками. Слух о его поимке распространился быстро, и со стороны солдат потребовалось большое мужество, чтобы защитить своего пленника от насилия. Их усилия увенчались успехом лишь отчасти; когда они добрались до своих казарм и скрылись за дверями, у них была окровавленная ноша, они теряли сознание. В тот момент, когда казалось, что толпа наконец-то ломает даже крепкий вход и схватит свою добычу, Чарльз отправил своего сына утихомирить бунт.

Народ обожал принца Астурийского, и он без труда усмирил бунтовщиков и предложил жизнь своему врагу. Надменный вельможа, сломленный болью, упал на колени и взмолился о защите; но он сохранил достаточно интереса к ситуации, чтобы прошептать окровавленными губами: "Ты уже король?" "Пока нет, но скоро буду", - последовал ответ. Получив обещание, что вероломный предатель чести своей страны будет предан суду по всей строгости закона, возбужденное население удалилось. Карл немедленно начал приготовления к тому, чтобы увести Годоя за пределы их досягаемости, но этот факт не удалось сохранить в секрете, и снова начались беспорядки. Население Мадрида сожгло все дворцы, принадлежавшие принцу, за исключением одного, который они пощадили, потому что считали его собственностью своего государя. Король подчинился неизбежному, но решил сложить с себя бремя своего королевского достоинства. В тот же день, девятнадцатого, он подписал необходимые бумаги и отрекся от престола в пользу своего сына. На следующее утро в присутствии большого совета, созванного в Аранхуэс, он объяснил, что подавлен несчастьем и весом правительства и что ради сохранения здоровья он должен искать легкости в частной жизни в более мягком климате. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА X.

ПРОБУЖДЕНИЕ ИСПАНИИ. [\[21\]](#)

Национальный дух — Испанцы и их династия — Фатальная ошибка Мюрата — Луи Наполеон и испанский трон — Уловка Наполеона — Ловушка для Карла и Фердинанда — Курс Савари — Наполеон и Фердинанд — Низложение испанских бурбонов — Ссоры отца и сына — Мадридская резня — Фердинанд в плену — Идея легитимности Наполеона — Испанские кортесы в Байонне — Жозеф, король Испании — Испанский народ — Волнения в Мадриде — Восстание в Испании.

Если и есть время, когда поворот судьбы Наполеона очевиден, то это весна 1808 года. Между решимостью завершить свою систему ведения коммерческой войны в Западной Европе и презрением, которое он питал к испанскому трону, он, похоже, попал в смертельную ловушку — неспособность оценить, насколько сильной и живой была народная страсть к национальности в Испании, чувство, которое так долго затмевалось неудачами испанского правительства, распушенностью испанского двора и буйством личных амбиций, безразличных к общественному благу. Меры, которые он разработал и

приказал принять, были безжалостны в своей цели запугать чиновников и монарха, в их суровом подавлении беспорядков, в их намерении преподать горький урок всем, кто противостоит его планам. Но какими бы грубыми ни были его действия, какими бы достойными восхищения ни были его военные диспозиции, есть множество свидетельств его сознания того, что в конечном счете он должен считаться с национальной гордостью народа, который, хотя и был повержен на землю, стремился подняться снова. Но такой расчет должен быть отложен до окончания завоевания, и усилия по восстанию были предприняты в рамках сопротивления вторжению со скоростью и энергией, которые никто не мог предвидеть. Первым поступком Фердинанда как короля было обращение за благосклонностью и защитой к Наполеону. Его письмо было написано двадцатого марта и передано посольству из трех грандов. Карл и Луиза, однако, раскаялись почти до того, как были завершены формальности отречения, и новоприбывшая королева Этрурии поддержала их в их непостоянстве. С презренной непоследовательностью они тоже отправили посольство, но к Мюрату, умоляя его вмешаться от их имени и оказать благосклонность Годою. В ответ Мюрат, то ли из хитрости, то ли из желания выиграть время, потребовал официального письменного требования на этот счет. Ему немедленно вручили бумагу, подписанную обоими королем и королевой, в которой говорилось, что они действовали, руководствуясь страхом, и умоляли восстановить их в должности. Этот документ был драгоценной стрелой для колчана Наполеона. Тем не менее, замешательство французского командующего было велико; он ничего не знал о планах Наполеона, он не осмеливался признать Фердинанда королем и не осмеливался восстановить Карла, суверенитету которого он фактически угрожал своим походом. Столкнувшись с этой дилеммой, он отправил адъютанта в Аранхуэс с устными посланиями утешения и, поспешив вперед, двадцать третьего числа вступил со своей армией в Мадрид.

Наполеон часто приказывал своему шурина войти в город, пополнить запасы и дать своим войскам отдохнуть; но вместе с этими предписаниями он также отдавал строгие приказы рассеять любые опасения при дворе. Эти инструкции не предусматривали революции в Аранхуэсе, и благодаря им были изменены все условия. Мюрат поступил бы мудро, если бы не подчинился букве своего приказа; но он этого не сделал, поскольку новые обстоятельства породили новые идеи, и в течение двадцати четырех часов он принял решение. Здесь было новое королевство; у всех других мужчин семьи — Людовика, Жерома и Жозефа — были короны; великое герцогство Берг было очень хорошо, но королевство было лучше, и он мог бы сохранить Испанию для себя. Для этого он должен полностью отбросить Фердинанда в тень, в то же время выставив славу и могущество Франции в самом ярком свете. Оккупация Мадрида была роковым шагом, еще более роковым для французского генерала было продемонстрировать себя в воинском великолепии, которое печально контрастировало с войсками безбородых мальчишек за его спиной. Жители встретили его с холодным презрением. На следующий день Фердинанд совершил свой королевский въезд. Население сходило с ума от восторга и демонстрировало страстную преданность, что не предвещало ничего хорошего для планов принца Иоахима Бергского. Менее эгоистичный человек увидел бы, что национальное восстание неминуемо. Но Мюрат не был ни скромным, ни проницательным; он был великим и лихим кавалерийским генералом, временами отличным главнокомандующим, но он не был государственным деятелем. Его поведение запутало нити испанских интриг в узел, который могла разорвать только война.

Его курс в конечном итоге привел даже не к цели, а к совершенно иным последствиям. Когда двадцать пятого марта Наполеон получил депешу, извещавшую о революции в Аранхуэсе и нейтральной позиции Мюрата, он ответил в похвальных выражениях, проинструктировав своего шурина сохранять существующее равновесие, не признавать нового короля до дальнейших указаний и никакими действиями не указывать на то, что старый перестал править. В тот же день, двадцать пятого, королю Людовику в Гаагу было отправлено письмо с просьбой дать ответ в категорических выражениях относительно того, примет ли он испанский трон. Жозеф заколебался и на мгновение оказался в немилости, в то время как непрекращающаяся контрабанда голландцев убедила Наполеона, что единственным способом обеспечить континентальное эмбарго было присоединение Голландии к Франции. Три дня спустя Мюрат получил еще более высокую оценку, с добавлением совершенно неуместной фразы: "Я полагаю, Годой придет через Байонну". Это был, конечно, намек на то, чтобы отправить принца Мира во Францию. Если командующий французскими войсками последует этому предложению, он выполнит работу тщательно; и в тот же день Бессьеру было приказано обращаться со старыми королем и королевой с уважением, если они встретятся ему на пути. В Мадриде должно было быть публично объявлено, что визит императора, о котором так долго говорили, откладываться больше не будет. Уверенность Наполеона в быстрой поимке своих подчиненных была настолько велика, что с этого момента он считал весь королевский двор Испании своими пленниками.

Существует то, что предположительно является письмом Наполеона Мюрату, датированным двадцать девятым марта. [\[22\]](#) Это, несомненно, авторство Наполеона, но оно было либо написано в то время для всеобщего обозрения, а не отправлено, либо это была более поздняя фальсификация, призванная ввести в заблуждение потомков, поскольку его официальный стиль нигде в переписке не используется. Это объясняет "Его Императорскому Высочеству" то, о чем стало известно только десять лет спустя, а именно, что испанцы были народом с бурными политическими страстями, способным к бесконечной войне; что нация может и должна быть возрождена только путем тщательного управления; и что ничего нельзя предпринимать опрометчиво. В то же время это дает Протектору, как обозначен Мюрат, его собственный выбор в отношении признания Фердинанда, выражает неодобрение поспешному захвату Мадрида и предупреждает его, что он не должен создавать неустойчивую оппозицию. Подлинно это письмо или нет, было ли оно отправлено или нет, на самом деле не имеет большого значения с точки зрения нашего суждения о фактах. Дезорганизация Испании была делом ее собственных рук; придворные интриги разгорались еще до того, как их раздули агенты Наполеона в надежде, что, подобно королевскому дому Португалии, неспособные испанские бурбоны сбежат в Америку. Революция в Аранхуэсе стала горьким разочарованием для великого интригана и расстроила его планы. Но поведение Мюрата и характер Фердинанда затрудняли, если не делали невозможным, любой курс, который сочетал бы осуществление его твердых замыслов хотя бы с малейшей степенью доброй воли народа в Испании. В такой важный момент ничего нельзя было добиться обычными грубыми оскорблениями, которыми император привык обрушивать на своего шурина за банальные проступки; более того, ввиду неудачной революции курс Мюрата, возможно, был не хуже любого другого. Однако он должен нести всю связанную с этим ответственность, и эта ответственность была бы на нем даже без предполагаемого письма, которое он так и не получил. Презрение народа к мальчикам-солдатам, во главе которых он вошел в Мадрид, в сочетании с презрением к его собственной напыщенности и яростью из-за его последующей жестокости объясняет многое из того, что имело катастрофические последствия для французского престижа и для самой Франции в дальнейшем.

Для сохранения испанской короны теперь было необходимо, чтобы обе враждующие группировки были удалены со сцены их скандальных интриг. Возможно, это было бы возможно, возможно, нет. Второго апреля Наполеон отправился в Байонну в сопровождении своей императрицы с величественной свитой, а ловкий Савари был отправлен в Мадрид. Мемуары Савари указывают на то, что его инструкции относительно этого памятного путешествия были очень расплывчатыми: император хотел посмотреть, заслуживают ли бурбоны свержения с престола; другими словами, могут ли они быть некоронованы. Что касается самого Савари, то он наивно заявил, что большая часть его собственного участия в последующих событиях была простой случайностью. Мюрат подчинился как его устным, так и подразумеваемым инструкциям. Согласно первому, Карл и его супруга находились в Эскориале, где с ними обращались со всеми почестями, но они были пленниками. Годой также знал, что вскоре должен появиться в Байонне. Но Мюрат пошел дальше, поскольку хитро предложил Наполеону, чтобы Фердинанд явился на то же самое рандеву. Богарне сказал Фердинанду в лицо, что он должен встретиться с Наполеоном на полпути его путешествия, чтобы лучше заключить с ним мир.

Этот намек был незаметно передан Савари перед его отъездом, и в то же время ему было доверено письмо Мюрату, в котором выражалось желание, чтобы принц Астурийский либо

остался в Мадриде, либо выехал навстречу императору, который намеревался пока не въезжать в Испанию, а подождать в Байонне. Тщательно продуманный план сработал превосходно. Никто не знает на основании неопровержимых доказательств, что Савари сказал Фердинанду, какие надежды он питал, какие обещания давал от имени своего господина; но десятого апреля молодой король передал Мадрид под управление хунты и отправился в путь, рассчитывая встретиться с Наполеоном в Бургосе. Он легко склонился к этому, поскольку Мюрат до сих пор холодно отказывался признавать его, в то время как Савари был расточителен в подобострастии и обращался к нему как к королю. Его министры Эскойис и Кавальос заявляют в своих оправдательных записках, что в дополнение к впечатлению, произведенному его поведением, Савари фактически сказал, как бы в порыве военной откровенности, что император уже находится в пути, чтобы убедиться, были ли установки Фердинанда по отношению к французской системе такими же искренними, как были у его отца, и, конечно, был бы польщен, если бы молодой король попросил личной встречи до того, как его гость доберется до Мадрида.

В Бургосе Фердинанд узнал, что Наполеон еще не вступил в пределы Испании; в Витории ему сообщили, что император еще даже не проехал Бордо. Его соплеменники категорически не одобряли это путешествие, но они радостно приветствовали его во время двухдневного путешествия в Бургос. После этого он заметил перемену, и чем ближе он подходил к границе, тем больше они выказывали свое раздражение его бессмысленной глупостью. Поэтому в Витории он вызвал Савари, чья карета "случайно оказалась в королевском кортеже", и упрекнул его в обмане. Было слишком поздно; подразделения французских солдат были разбросаны повсюду, среди них великолепная кавалерия Бессьера. Развернуться и вернуться было бы открытым оскорблением императору, которого французские солдаты не потерпели бы. Обеспокоенный молодой король написал и отправил со специальным курьером длинное письмо, в котором излагал факты и умолял императора прекратить двусмысленное положение, в котором он оказался.

Ответ был быстрым и в высшей степени оскорбительным, поскольку в нем старательно избегалось признание суверенитета Фердинанда. До этого император ожидал лично посетить Мадрид и провести некоторые необходимые реформы, но дела на Севере задержали его, а революция в Аранхуэсе изменила ситуацию. Он надеялся, что Фердинанд быстро пресечет любые попытки устроить суд над Годоем, поскольку его разоблачения неизбежно опозорят королеву. "Ваше королевское высочество, - писал он, - не имеет никаких других прав на трон, кроме тех, которые передаются через вашу мать". Было ли отречение от престола свободным актом или нет? Он хотел бы поговорить с Фердинандом о том, было ли это вызвано беспорядками в Аранхуэсе. Его "Королевское высочество" плохо относился к своему браку, поскольку он не должен был действовать без ведома короля, и каждое подобное обращение к иностранному суверену со стороны наследника престола является преступным деянием. Если бы в Аранхуэсе не было применения силы, не было бы никаких трудностей с признанием Фердинанда; более того, брак с ним во Франции был бы выгоден не только испанцам, но и интересам французов.

На следующий день, семнадцатого апреля, Бессьеру был отдан приказ, согласно которому, если принц продолжит свое путешествие, не должно быть никаких помех; но если, однако, он повернет обратно в сторону Бургоса, он должен быть арестован и силой доставлен в Байонну. Фердинанд колебался, читая оскорбления, обещания и комплименты, из которых состояло письмо Наполеона. Его испанские консультанты советовали вернуться; Савари

смеялся над такой щепетильностью и был не только многословен в словесных комментариях к двусмысленному тексту, но и щедр на обещания. Двадцатого числа король Испании Фердинанд VII, как называли его сторонники, был у ворот Байонны. Он был принят, но не с королевскими почестями, а его собственными легатами, тремя грандами, которых он послал к Наполеону; и они сообщили ему со скорбным видом, что император собственными устами заявил, что бурбоны больше не могут править в Испании. С удрученным видом и нетвердыми шагами молодой монарх и его свита последовали за Дюроком и Бертье в жалкие покои, отведенные для их проживания. На протяжении трех месяцев, проведенных в Байонне, императрица была одновременно любезна и уступчива, с изяществом играя свою роль хозяйки и смягчая добротой горечь своих вынужденных гостей. Вечером в день прибытия Фердинанда в замке, где размещался двор, был дан роскошный обед, и с приехавшим принцем обращались самым пристойным образом. С течением времени его свита становилась все более радостной и исполненной надежд, хотя все заметили, что император не обращался к своему гостю как к королю. Тем не менее, это было незначительно, и они весело вернулись в свое бедное жилище — все, кроме одного: каноника Эскойкиса попросили остаться для короткой частной беседы, пока Савари сопровождал своего хозяина. Это было идентичное сообщение, которое затем было сделано в один и тот же час и министру, и принцу; короткое, лаконичное и жестокое: а именно, бурбоны перестали править в Испании, и Фердинанд получит компенсацию от Этрурии, если он официально откажется от короны, которая даже технически ему не принадлежала, поскольку Карл заявил, что отрекся от престола из страха. Документ, в котором это было объявлено, уже был отпечатан и опубликован в Мадриде по приказу Наполеона. Теперь он вызвал Шарля, Луизу и Годоя в Байонну.

Мурату было трудно освободить Принца Мира, поскольку хунта опасалась, что население вспомнит объект своей ненависти и презрения. Но в конце концов ему это удалось, и в последние дни апреля Годой добрался до Байонны, где к тридцатому числу все марионетки были собраны. Подавленный и сломленный духом, министр согласился сыграть отведенную ему роль. Чарльзу были оказаны почести королевского звания, и он несколько дней изображал короля. Фердинанд, чей характер и поведение вызывали презрительное презрение даже у Талейрана, был виновником в суде, обвиненным в обещании своих родителей. Сцена судебного процесса была шокирующей демонстрацией человеческой слабости. Фердинанда вызвали к скамье подсудимых, состоящей из его родителей, которые утверждали, что все еще являются суверенами, и французского императора; Годой, похожий на быка, как показалось Талейрану, угрюмо сидел рядом. Старый король потребовал свою корону. Фердинанд упорно отказывался отдать ее. Наконец дрожащий и больной отец поднялся на своих трясущихся от ревматизма ногах и взмахнул посохом; непокорный сын остался непоколебим. Второе требование было выдвинуто в письме; оно касалось того же самого, но ответ был другим. Фердинанд согласился, что отречется от своего трона перед собравшимися в Мадриде кортесами, но только там и только перед Карлом IV. По приказу Наполеона Карл отказался рассматривать это предложение, сославшись на то, что Испанию может спасти только император. Это была возможность для Наполеона. Два дня спустя был обнародован императорский указ, которым Мурат был назначен диктатором Испании в звании "генерал-лейтенант королевства".

В коллекции графини Сандвич.

НАПОЛЕОН В СВОЕМ КАБИНЕТЕ.

С картины Поля Ипполита Делароша.

Тем временем этот интриган прокладывал себе извилистый путь к королевской власти. Ничто не могло так ускорить ход событий, как беспорядки в Мадриде. Чувствительность жителей этого города была задета французской оккупацией; они с раздражением наблюдали за уходом своего кумира и были еще более раздражены освобождением Годоя. Мюрат разжег накал их страстей сначала новой диспозицией своих войск, которая настолько угрожала этому месту, что стало ясно, что он больше не союзник, а победитель, а затем объявлением, что инфант Дон Франсиско должен быть отправлен в Байонну вместе со своим дядей и всеми оставшимися членами королевской семьи, включая королеву Этрурии и ее детей. Второго мая все население поднялось, чтобы оказать сопротивление этой наглой тирании. Мюрат был готов к наступлению; конфликт был коротким, но острым, поскольку он потерял несколько сотен солдат, возможно, вдвое меньше, чем патриоты, в рядах которых пало около восьмисот человек. Претендент на королевские почести с показным изяществом уступил первым представлениям хунты и пообещал всеобщую амнистию; но он также счел за лучшее подать пример в глазах своих будущих подданных, и, несмотря на

данное им слово, двести патриотов-повстанцев были схвачены и расстреляны. Однако в тот же день был объявлен указ о грубом разочаровании в нем. Именно второго мая Наполеон определенно написал ему, что королевство Испания не может принадлежать ему; у него могут быть Неаполь или Португалия. Император устал от Байонны и страстно желал вернуться в Париж, где он мог бы активно заниматься делом увековечения своей империи и своей династии. Поэтому упрямого Фердинанда вызвали еще раз и обвинили в подстрекательстве к беспорядкам в Мадриде. Несколько минут он молчал, опустив глаза. "Если до полуночи, - прозвучали холодные слова императора, - вы не признаете своего отца законным королем и не уведомите об этом Мадрид, с вами будут обращаться как с мятежником". Некоторые заявляют, что, кроме того, существовала угроза смерти.

Это положило конец всякому сопротивлению. Фердинанд передал свои права короля в руки своего отца, а свои права наследника - в руки Наполеона. Карл уже передал свои права короля тому же сюзерену. [\[23\]](#) Самодовольный старик был на самом деле весел и беззаботен, как того и желал его хозяин; но Фердинанд, несмотря на то, что ему предстояло получить Наваррский замок с доходом в миллион франков, несмотря на обещания, что вся королевская семья получит щедрую пенсию, оставался молчаливым и мрачным. Наполеону не понравилось такое поведение, и, поблагодарив его за гостеприимство Талейрана в великолепном замке Валансэ, он заявил, что весь его характер можно описать одним словом — угрюмый. Бедный Талейран! он видел себя обреченным на "почетную миссию" тюремщика при свергнутом монархе, чей почетный караул состоял из восьмидесяти конных полицейских. Милостью императора молодой преступник не должен был попасть в тюрьму, поскольку он добровольно сдался; но Талейран должен был наблюдать за ним и развлекать его, а также найти, если возможно, какую-нибудь очаровательную девушку на выданье, которая могла бы завоевать его расположение, чтобы в ее обществе он мог забыть о прелестях власти, в то время как время должно было ослабить побуждения честолюбия и мести. Через несколько дней Шарль, Луиза и Годой удобно устроились в Компьене, в то время как Фердинанд со своим братом угрюмо уехали "навестить" Валансэ. Вскоре проявился характер заключенного. В день прибытия в пункт назначения он написал раболепное письмо Наполеону, а вскоре после этого не только поздравил императора с восшествием неаполитанского короля на трон, на который тот претендовал, но даже поздравил самого Иосифа с коронацией в качестве католического величества.

Наполеон знал о таинственной силе этого очаровательного слова "легитимность" по всей Европе. Он презирал концепцию, которую оно выражало, в то время как намеревался максимально использовать его силу. Неправильно поняв силу испанского патриотизма, он теперь допустил грубую ошибку, предположив, что испанцы примут как законного принца того, кого он решит назначить наследником "легитимности", которую испанские бурбоны только что вручили ему в руки. Более того, Луи лишь недавно проиллюстрировал силу новой среды под понятием легитимности. Отвечая на письмо Наполеона от двадцать пятого марта, он категорически отказался от испанской короны на том основании, что принес торжественную присягу голландцам. Жозеф был немедленно восстановлен в благосклонности и отправлен в Байонну. Он прибыл с явной готовностью, вызванной, как он утверждал, его желанием освободить своего любимого брата Наполеона от позора. Вскоре, по-видимому, все было готово к его инаугурации.

Фонтенблонский мирный договор привел к неожиданным осложнениям и катастрофическим результатам с политической точки зрения; казалось бы, незначительные

военные пункты до сих пор успешно выполнялись. Одна испанская армия находилась далеко на Балтике, сдерживаемая Бернадотом; другая была отправлена в западную Испанию и оставалась там; тем временем север и центр страны были оккупированы французами. Генерал Солано предпринял некоторое движение, чтобы увести свои войска обратно на оккупированную территорию, но был остановлен инструкциями министров Карла IV в Мадриде. Неуверенный в своих силах в условиях революционного кризиса, он подчинился лишь наполовину; но для достижения цели Наполеона этого было достаточно, и в пределах досягаемости столицы не было ни одного испанского отряда. Соответственно, когда испанская знать была вызвана в Байонну, они не могли отказаться, и сто пятьдесят из них откликнулись. Шестого июня 1808 года корона Испании была предложена Жозефу этим странным кортесом, и он принял ее. В то же время новая конституция, предназначенная Наполеоном для возрождения страны, была представлена тому же органу, который обсудил и принял ее. В следующем месяце его католическое величество лично предстал перед народом Мадрида с этим документом и кабинетом способных министров. Карл IV и его сторонники сочли Компьень слишком холодным городом и вскоре переехали сначала в Марсель, затем в Италию. Мюрат стал королем Неаполя. Фердинанд остался доволен жизнью во Франции, облизывая руку, которая нанесла ему удар. Наполеон вернулся в Париж, встревоженный позицией испанской нации, но надеясь, что местное недовольство может быть подавлено сильной рукой, как он видел, как оно подавлялось во Франции, Италии и на Востоке. Однако в этом ему пришлось жестоко ошибиться.

В истории испанской деградации в ее худшем проявлении два имени должны стоять рядом как соучастники политического преступления — имена Годоя и Эскойкиса, которые пытались замаскировать свои собственные низменные амбиции за действиями своих слабых созданий, короля и Фердинанда соответственно. На протяжении всего мерзкого сюжета движется также фигура Королевы, аналог которой следует искать в анналах ведьм, фурий и гетер. Но одиннадцать миллионов испанцев все еще оставались незагрязненными. Они были ленивы по натуре, были скованы как традициями, так и изношенными институтами и долго стонали в цепях коррумпированной администрации. С изгнанием Бурбонов все эти атрибуты были сметены. Братья Наполеон верили, и, без сомнения, искренне, что чистое и умелое управление при современной системе вскоре приведет к порядку, промышленности, процветанию и миру, и что благодарная нация вскоре признает своих спасителей и заручится поддержкой преданного союзника против "вероломного и тиранического" превосходства Великобритании. Бесполезно рассуждать о том, насколько далеко зашла бы эта мечта, если бы не полная прогнившесть инструментов, с которыми работали реформаторы. Дряхлость короля, похоть королевы, жадность Годоя, своекорыстие Эскойкиса, ненадежность Фердинанда, честолюбие Мюрата создали скудный арсенал оружия, с помощью которого можно было совершить благотворную революцию. Но одна существенная ошибка заключалась, в конце концов, не в использовании таких инструментов: она заключалась в неуважении к национальности, проявленном сначала при заключении мирного договора в Фонтенбло, затем в его нарушении последующим захватом Португалии и, наконец, в оккупации Испании французскими войсками. Заявляя, что в результате событий, произошедших в Байонне, было потеряно больше, чем приобретено, Талейран говорит, что однажды он ледяным тоном заметил Наполеону, что светскому человеку общество многое простило бы, но жульничество в картах - никогда. Если это правда, то это был едкий упрек, затронувший суть всего дела.

К кровавой бойне и сломленной вере второго мая, в день беспорядков в Мадриде, можно отнести поворот судьбы Наполеона. Насколько он был ответственен за каждое из последовательных действий Мюрата, неизвестно. Некоторые, имея преувеличенные представления о вездесущности императора, приписывают каждую деталь на каждом этапе прямому вмешательству мастера. Это недоказано и в высшей степени невероятно; но ему был присущ дух, и то, как он использовал каждый возникающий случай, является делом истории. С тех пор огонь восстания разгорелся в каждом испанском очаге. Мадрид сам по себе был достаточно опасен, но Мадрид - это не Испания, как Париж - это Франция, и прекрасный местный энтузиазм неиспорченной испанской крови в каждом районе был пробужден к активной деятельности новостями о том, насколько вероломным было обращение французов не только с королевским домом, но и с гражданами — мужчинами и женщинами, которые сами были настоящими испанцами, братьями и сестрами всех остальных испанцев. Этой возможности Наполеон не предвидел и осознал этот факт лишь много лет спустя, когда годы горького опыта обрушились на его голову. Беспорядки в Мадриде, подавленные Мюратом с таким ужасным кровопролитием, были в то время, по мнению Наполеона, лишь желанным рычагом воздействия для того, чтобы склонить Фердинанда к уступчивости, и это было все.

Но город был полон провинциалов, съехавшихся со всех концов страны, чтобы отметить триумф своего кумира Фердинанда по случаю его восшествия на престол. Они вернулись в свои дома, окрыленные ненавистью к французам и горьким презрением к предложениям, под которыми Испания и Португалия были оторваны от коммерческой системы, принесшей им значительное процветание и многие удобства, для того, чтобы они могли быть включены при иностранных правителях в другую систему, которая не только требовала серьезного самоотречения, но и несла застой, дезорганизацию и присутствие вооруженных солдат. Одной из слабостей испанской монархии всегда было отсутствие централизации, но сам этот факт был национальной силой в укреплении местных привязанностей. В каждый город, поселение и деревушку, каждый из которых питал свою местную гордость местным патриотизмом, пришли вести из Мадрида о том, что захватчики попирают не только права Испании, но и все соображения гуманности и добросовестности. Национальная воля была взбудоражена как никогда прежде или после; ее выражение становилось громче с каждым днем, пока, наконец, пожар преданности национальному делу не разгорелся повсюду. Каждая община сформировала свои комитеты, и они организовали такое сопротивление по соседству, какое было возможно, одновременно общаясь с другими хунтами того же рода, чтобы объединить свои маленькие войны, или партизан, в большие совместные и энергичные усилия, где бы ни представилась возможность. Подспудно по всей Испании начали разгораться очаги сопротивления; их потрескивание было слышно даже тогда, когда ассамблея в Байонне принимала новую конституцию. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XI.

ПЕРВОЕ ВОССТАНИЕ НАРОДОВ. [\[24\]](#)

Новая роль Испании — Партизанская война — Французы запуганы — Капитуляция Байлена — Отступление французов из Испании и Португалии — Жалобы короля Жозефа — Раздражение Наполеона — Империалистические

настроения во Франции — Решимость императора — Дух Пруссии — Работа Штейна — Революция в Турции — Опасения Австрии — Военные настроения в Вене — Наполеон обращается к царю — Нерешительность Александра — Искаженные представления Наполеона — Австрия предупреждала — Талейран и царь — Отступление Наполеона при Сен-Клу.

До сих пор в истории Европы вся политика была в основном династической. Поскольку нации были объединены под властью могущественных домов, именно правящая семья, казалось, составляла национальное единство, а не общие институты, общая речь, общая вера, общая территория, общие цели и общая судьба людей. Испания, как и Италия, имела четко выраженную национальную территорию и, несмотря на некоторые разительные различия, довольно однородное население. Было уместно и не совсем противоестественно, что земля инквизиции, земля невежества, земля нетерпимости, короче говоря, земля, которая пала ниже всех при абсолютизме, положила начало контрреволюции, которая, остановив эксцессы Наполеона и Французскую революцию с их пренебрежением к национальности, вывела на мировой форум нацию и национальное чувство как сильнейшую силу девятнадцатого века.

Именно это и произошло в Испании. Стратегия Наполеона высмеивала военные формирования системы Фридриха Великого; партизаны Испании смеялись над регулярными военными формированиями в любой форме. Они поднялись, чтобы сражаться, и рассредоточились в поисках безопасности, оставив своего яростного врага неспособным нанести удар из-за отсутствия оружия. Более того, случайные успехи испанских регулярных войск показали, что генералы не были полностью осведомлены о собственной системе Наполеона. Когда Джозеф вступил в Мадрид, вся страна уже была охвачена открытым восстанием, за исключением тех случаев, когда французские войска вынуждали угрюмо соглашаться с французским правлением. Долгое время бездействовавшие, вялые церковники, казалось, внезапно почувствовали в себе силу сопротивляться и руководить. Они присоединились к повстанцам и ссылались на православие нации, чтобы разжечь страсти масс против гонителя папы Римского. Какими бы нерегулярными и неопределенными ни были элементы восстания, тем не менее, по сути, это было народное движение; как позже признал сам Наполеон, именно сам народ отказался утвердить его новые институты и высказался за Фердинанда VII. Продолжение послужило наглядной иллюстрацией этого факта: горцы Астурии подняли объединенное восстание; жители Картахены открыли свои арсеналы перед добровольцами по соседству; жители Сарагосы отбили осаждающих, в то время как жители Валенсии сначала вырезали французов, укрывшихся в их цитадели, а затем в отчаянном бою отбили Монси. Когда испанские вожди отважились выйти на открытое поле боя, они потерпели поражение; с другой стороны, когда они удержались на холмах и сражались как разбойники, они одержали победу.

Восстание в Испании было настолько быстрым и всеобщим, что различные подразделения французской армии заперлись в поисках безопасности во всех городах, которые они могли удержать: делая вид, что бросают вызов национальной гвардии, которая, казалось, появлялась из-под земли снаружи, на самом деле они были охвачены благоговейным страхом перед гневом вооруженных граждан внутри. Быстрая вспышка испанского гнева, резкий удар испанским кинжалом — частота подобных инцидентов начала сеять панику среди французских мальчиков-солдат. Захват и разграбление города в

течение многих лет было традиционным развлечением великой армии, которое в Италии и Германии обошлось практически без человеческих жертв и усилилось за счет приобретения огромной добычи. Молодые призывники, слышавшие эту часто рассказываемую историю из уст своих отцов, к своему горькому разочарованию обнаружили, что в Испании разграбление означает много кровопролития и мало добычи, если таковая вообще имеется. Иногда роли были более чем поменяны. Французская эскадра прибыла в Кадис для сотрудничества с войсками, посланными Наполеоном, под предлогом сопротивления вторжению, которому угрожали англичане, но на самом деле с целью терроризировать южную Испанию. Поскольку прибытие войск было отложено из-за вспышки восстания дальше на север, жители этого древнего города восстали и захватили флот. Трупы французских солдат, где бы их ни находили по всей стране, были изуродованы разъяренными испанцами, и раненые не получали пощады.

В конце мая Мюрат находился в Мадриде в качестве главнокомандующего, а Монси - его заместителем; у него было тридцать тысяч солдат. Жюно находился в Португалии с двадцатью пятью тысячами. У Бессьера было еще двадцать пять тысяч, половина в Старой Кастилии под его началом, половина в Арагоне под началом Вердье. Дюэсм командовал тринадцатью тысячами человек, находившимися в Каталонии; Дюпон стоял на Тахо близ Толедо с еще двадцатью четырьмя тысячами. В первые недели июня в разных частях страны произошли четыре различных стычки между французскими регулярными войсками и повстанцами. Вердье при Логроньо шестого числа, Фрер в Сеговии седьмого, Лефевр в Туделе восьмого и Ласаль близ Вальядолида двенадцатого - все они рассеяли противостоящие им орды. К середине месяца был отдан приказ о регулярном наступлении. Оно приняло форму рассредоточения ради полной оккупации. В то время как Лефевр осадил Сарагосу, Монси двинулся на Валенсию с десятью тысячами солдат, Дюпон - в Андалусию с девятью тысячами, а дивизия Бессьера была распределена по всей Кастилии вплоть до стен Сантандера, который закрыл свои ворота и приготовился к сопротивлению. Из-за вызывающего отношения и отчаянной храбрости людей каждое из этих движений не увенчалось успехом, каждое не достигло своей особой цели. Кордова была захвачена, но ее почти сразу пришлось оставить. Наполеон немедленно изменил свою тщательно продуманную, но тщетную стратегию и решил сосредоточить разрозненные колонны в критической точке, где бы она ни находилась. К этому времени Палафокс и другие испанские лидеры проявили большие способности как генералы. Теперь опасность заключалась в том, что испанская армия захватит Мадрид, и туда должна будет направиться французская армия. Четырнадцатого июля Бессьер успешно подавил сопротивление, оказанное в Медина-де-Рио-Секо испанцами под командованием Ла Куэсты и ирландским генералом Блейком. Единственным корпусом, оставшимся незащищенным, был корпус Дюпона, которому было быстро отправлено подкрепление; но испанцы под командованием Кастаньоса захватили его армию, насчитывавшую теперь двадцать пять тысяч человек, на горном перевале Ла Каролина, среди гор Сьерра-Морена, и двадцать первого июля вынудили его капитулировать в Байлене, где весь его корпус сложил оружие.

Это был ужасный удар, поскольку таким образом Мадрид оказался несостоятельным. Император отдал приказ отступать за Дуэро и приказал Бессьеру сохранять открытой связь с Жюно через Вальядолид. Фактически, он начал ценить свою задачу, поскольку предостерег своих генералов от любой системы кордонов в борьбе с таким врагом, полезной, как цепочка постов для проверки контрабандистов; и помимо этого изменения плана, были признаки того, что он сам вскоре возьмет на себя командование в Испании. В этом была

необходимость, поскольку его генералы и мальчишки-солдаты не остановились, чтобы удержать Дуэро; эвакуируя Мадрид, они не останавливались до тех пор, пока не оказались за Эбро, на территории, которую они считали своего рода французской границей. Осада Сарагосы была снята, и Дюэсм эвакуировал Каталонию. Таким образом, положение Жюно стало крайне опасным, поскольку, когда Уэлсли высадился в начале августа с четырнадцатитысячным английским войском и обнаружил, что коруньская хунта в нем не нуждается, он немедленно выступил против захватчиков Португалии. Разгромив французские аванпосты семнадцатого числа, четыре дня спустя он атаковал Жюно и разбил его при Вимейро. В самый разгар состязания, когда победа казалась уже обеспеченной, Беррард, вышестоящий офицер, прибыл, чтобы принять командование. Это понизило Уэлсли до ранга советника, и, поскольку к его совету не прислушались, Жюно бежал на сильные позиции в Цинтре, откуда, хотя и был полностью отрезан от своей базы в Испании, он смог продиктовать свои собственные условия капитуляции. Он и все его войска могли беспрепятственно вернуться морем во Францию, но Португалия должна была быть эвакуирована.

Наполеон находился в Сен-Клу, недалеко от Парижа, когда пришло известие об этой катастрофе. В какой-то степени он уже был осведомлен о ситуации. Он знал, что испанцы не выполнят ни одного из своих условий, утверждая, что никакой веры нет из-за враждебной армии, вторгшейся в их страну под видом союзников, — более того, армии, которая украла священные сосуды из святилищ их церквей и не сдержит своего обещания вернуть их. Письма Джозефа, который теперь был совершенно разочарован, в течение некоторого времени были всего лишь чередой горьких жалоб. Он спросил императора, нельзя ли положить конец организованному разграблению церквей, и сказал ему, что движение в Испании было таким же неудержимым, как и Французская революция, подчеркнув свою безнадежность предположением, что если Франция собрала миллион солдат, Испания, вероятно, сможет собрать по крайней мере вдвое меньше. Он также сказал, что люди открыто говорили о его убийстве; что у него не было друзей, кроме негодяев, а честные люди и патриоты были на другой стороне. "Мои генералы, - прокомментировал император эту ворчливость, - представляют собой сборище почтовых инспекторов; Эбро - не что иное, как линия; мы должны возобновить наступление на Туделу". "У меня есть там место", - сказал он, указывая пальцем на свою форму. Чтобы успокоить опасения своего брата, он ответил, что все испанское дело было давно улажено с Россией; что Европа признала перемены как свершившийся факт; и что священники и монахи были причиной всех неприятностей, разжигая мятеж и действуя в интересах алчной инквизиции. "Речь идет не о смерти, а о жизни и победе; у вас будет и то, и другое.... Я могу найти в Испании Геркулесовы столпы, но не пределы моей власти". Верный своим старым принципам, Наполеон отказался "отозвать воров", как умолял его Жозеф, и заявил, что, согласно законам военного времени, когда город захвачен с оружием в руках, грабеж оправдан.

Все это были смелые слова, но император находился в последней стадии раздражения. Письма, которые он писал в то время, в чем-то напоминают о невыразимой боли, которую он испытывал. Никто, кроме него самого, не мог по-настоящему понять, в чем для него разница: его слава была запятнана, его восточные планы и план заключения мира с Англией были отложены на неопределенный срок, его нетерпеливый союзник снова был отстранен, в то время как Австрию и Пруссию поощряли к восстанию. Неужели огромное сооружение, которое он с таким трудом возвел, теперь рухнет с грохотом к его ногам? Известие о капитуляции Жюно было еще более озлобленным из-за получения информации о том, что

испанские войска под командованием генерала Ла Романа, которые хитроумно были размещены сначала в Гамбурге, а затем отправлены в Данию в качестве авангарда Бернадотта, наконец взбунтовались и отправлялись на английских кораблях домой, чтобы присоединиться к движению национального освобождения. Из-за этой катастрофы демонстрация против Швеции, обещанная царю, стала невозможной. Это скопление несчастий — поражение под Валенсией, поражение под Сарагосой, катастрофа и капитуляция при Байлене, катастрофа и позор при Вимейро, отступление из Мадрида, оставление Дуэро как линии обороны, замена наступления слабой обороной и потеря всего Пиренейского полуострова, за исключением полосы за Эбро, — все это было постыдно и тяжело перенести. Тем не менее, при благоприятных условиях ситуацию можно было бы исправить. Условия, однако, были самыми неблагоприятными. Пример и успехи Испании ежедневно давали новое утешение врагам Наполеона как во Франции, так и за ее пределами.

Однако в настоящее время Франции можно доверять. Народ в целом стал имперским до мозга костей. Республиканцы и роялисты были настолько малочисленны и настолько подавлены цензурой, что оказались практически бессильны. Реальные возможности страны заключались уже не в отступлении, а в государственной службе; администрация, как финансовая, так и судебная, имела все признаки солидности, а условия в промышленности настолько неуклонно улучшались, что наиболее предприимчивые и умные торговцы начали верить в конечный успех Континентальной системы как средства обеспечения европейской монополии на французские мануфактуры и торговлю. Совершенная централизация Франции поддерживала провинции в такой тесной связи с Парижем, что ни в одной части страны не было открытого выражения недовольства. Люди не были хорошо информированы относительно фактов, и они не сразу осознали значение того, что узнали. К тому времени императором Франции была Франция, и все, что он делал, должно было быть сделано хорошо. Постепенное вливание воинского духа в массы сделало их пассивными и послушными. Они знали, что за Пиренеями произошли некоторые неприятные события, но сезон еще не закончился, и до наступления зимы дисциплина императора, без сомнения, увенчается успехом. Великая армия, хлынувшая сейчас из Германии через Францию в Испанию, очевидно, означала серьезное дело, но в результате сомневаться не приходилось.

Двор оставался торжественным и унылым во время своей утомительной церемонии. Подвижный дух был теперь занят в другом месте, и его постоянная рассеянность делала все сооружение бессмысленным; ибо ни для кого не было секретом, что мягкая грация и умоляющий взгляд, изящные и гибкие формы, изысканный вкус и обаятельные манеры Жозефины больше не помогут ей. Маленький племянник, сын Гортензии и любимца Наполеона, его предполагаемый наследник, был мертв; у Жозефа были только дочери, а поскольку наследника престола мужского пола не было, государственные соображения делали развод неизбежным. [\[25\]](#) Уважение окружающих к императрице и ее снисходительность к ним были всего лишь насмешкой, реальность ее власти исчезла. В этом тщеславном представлении император действовал более мрачно и загадочно, чем когда-либо. Его воля заключалась в том, чтобы ничего не менять, и каждый придворный сыграл свою роль как можно лучше, а два ведущих актера великолепно сыграли свою. Между ними наблюдалось внешнее проявление доверия и доброты, которые иногда могли быть настоящими; случались ссоры, объяснения и примирения — временами кратковременное возвращение к старой привязанности; но результат столкновения сил был таков, что разрушил супружеское доверие и вызвал всеобщее беспокойство.

Когда Наполеон посмотрел за границу, он не увидел ничего, что могло бы его успокоить, и все вызывало тревогу. В Пруссии произошло возрождение, сравнимое только с новым рождением. Старая военная монархия, при которой страна была подавлена своими суверенами, как вооруженный лагерь, исчезла навсегда. Тугендбунд, эта уже упомянутая "банда добродетели", разветвилась до самых дальних границ; партизанская война была прекращена; благочестие, достоинство, чистота, мужество и сила организации наполняли страну. Присутствие французов не смогло погасить новый дух, но вместо этого подлило масла в огонь национальной ненависти. Проводились патриотические съезды и любые другие формы тайных собраний. Шарнхорст неуклонно продолжал обучение и реформирование армии, в то время как Штайн с благородной преданностью и под руководством несимпатичного хозяина работал над совершенствованием своей новой административной системы. Церкви были полны, и слушатели понимали каждый намек в пылких проповедях, обращенных к ним преданным и патриотически настроенным духовенством; школы, колледжи и университеты кишели студентами, чье юношеское рвение находило всяческое поощрение в наставлениях их учителей, которые сочетали в себе два качества, не всегда встречающихся в преподавании, будучи в то же время полностью научными и в высшей степени стимулирующими.

Наконец, в августе Наполеон, который смотрел и слушал с глубоким интересом, собственными глазами прочел в одном из перехваченных писем Штейна, что министр и его коллеги нацелены на национальное восстание не только в Пруссии, но и во всей Германии. Прославленный государственный деятель, освободив прусский народ и став свидетелем реформирования всего политического организма в этой великой стране, продолжал распространять свое благотворное влияние по всей Германии. В сентябре Наполеон потребовал увольнения Штейна и привел в исполнение это требование, наложив арест на вестфальские владения Фридриха Вильгельма, угрожая в то же время продолжить французскую оккупацию Пруссии на неопределенный срок. Очевидно, альтернативы не было, поскольку страна, хотя и обновилась, не имела союзников и не могла сражаться в одиночку. Таким образом, Штайн ушел в отставку после насыщенного событиями министерства, длившегося около года, в течение которого он подготовил почву для всех изменений, которые в конечном итоге восстановили Пруссию.

Два движения, которые в Испании и Германии угрожали престижу Наполеона, были национальными; были и два других, которые, если не это, то, с большой натяжкой, можно назвать по крайней мере династическими. Первой была революция в Константинополе. Султан Мустафа IV с самого начала был жалким созданием солдат, которые, свергнув Селима, посадили его на трон. Вскоре он стал презренным орудием безответственной банды грабителей, известной как "ямаки", которые под видом ополченцев держали в страхе турецкую столицу. Ситуация в Константинополе в конце концов стала невыносимой даже для турок, и паша Рустчука появился у ворот города, чтобы вернуть на родину Селима III, который все еще был пленником в Серале. Когда двери этого священного убежища были взломаны, первым предметом, который увидели, было тело убитого монарха, убитого Мустафой в уверенности, что он сам теперь единственный оставшийся в живых представитель рода Османа. Но солдаты разграбили дворец и вытащили из его убежища молодого принца Махмуда, второго по имени, которому суждено было стать великим реформатором. Его они провозгласили султаном и посадили на трон, назначив своего лидера великим визирем. Новое правительство было привержено реформам, презирало французское влияние и преисполнено решимости подавить зло, которое, казалось, погубило

его предшественника. Эта суровость была больше, чем могла вынести распущенная столица. Сразу же все элементы недовольства снова вырвались наружу — янычары, улемы, или знатоки священного закона, и народ, — одни не доверяли одному, другие другому, все одинаково не желали подчиняться никакому хозяину, кроме своей собственной воли. Распад той небольшой административной организации, которая еще существовала, казался неизбежным. Турецкие генералы на Дунае начали легкомысленно относиться к перемирию в Слобозии, единственной опоре Наполеона в его восточных планах; они фактически привели в движение свои войска и приготовились перейти в наступление на Россию. Это было сделано в надежде, что, прежде чем просить сепаратного мира у царя или вернуться, чтобы захватить лидерство в Константинополе, они могли бы обеспечить себе некоторый военный престиж в качестве оборотного капитала. Вся перспектива, казалось, предвещала исчезновение французского влияния у Порты и крах на Востоке прежде, чем Наполеон был готов воспользоваться этим.

Но события в Байонне вызвали большую тревогу у австрийского дома, чем у какой-либо другой державы. После унижения Гогенцоллернов Наполеон получил санкцию на завоевание, хотя, учитывая растущую мощь Пруссии, теперь обычно говорили, что он сделал слишком много или слишком мало. Ослабляя эту нацию, он грубо подорвал мощь старого французского союзника, но не уничтожил его, а воспользовался тем, что вся Европа до сих пор признавала своим правом, — правом на превосходство в силе. Австрия, с другой стороны, была старым и закоренелым соперником Франции в гонке за территориальное расширение. Обращение Наполеона с ней после Аустерлица было горьким, но Габсбурги не могли ссылаться на прежнюю дружбу. Однако здесь произошло новое развитие наполеоновских амбиций. Все последовательные заявления о том, что мелкие правящие династии прекратили свое правление, были сделаны с частичным оправданием либо завоевания, либо общей целесообразности, либо, как в большинстве случаев, того и другого. Испанские бурбоны были самыми подобострастными и полезными союзниками императора, беспрекословно подчинявшимися его приказам: в их унижении не было ссылки ни на целесообразность, ни на право, обеспеченное завоеванием. Исчезновение того, что все еще считалось великим королевским домом, было совершено хитростью, было вызвано безграничными амбициями и стало совершенно отвратительным для всех династий божественного права под благовидным предлогом реформы, под которым это было осуществлено. Это дало Фрэнсису пищу для размышлений.

В ходе территориальной экспансии Рима ее жертвы были сначала завоеваны, затем превращены в зависимых союзников, затем, наконец, уничтожены, а их земли превратились в римские провинции. Создавалось впечатление, что это тоже было, в общем, политикой Наполеона; но в некоторых случаях он проявлял полную готовность отказаться от любого промежуточного этапа и шел прямо к своей цели. Австрия, и без того раздраженная решением Этрурии и обращением папы римского, больше не могла выносить неизвестности относительно своей собственной судьбы. Ее новая военная система была завершена, ее армии были реорганизованы и перевооружены, ее администрация была хорошо организована, ее генералы и государственные деятели были одинаково уверены в себе. Император Франции проявил в июле такое же нетерпение по отношению к Австрии, как и к Пруссии в сентябре, увещевая обеих строго соблюдать Континентальную систему; но его предупреждение не произвело никакого эффекта в Вене. Напротив, венские газеты приняли воинственный тон и призывали к войне; английские товары хлынули потоком через гавань Триеста; сообщения между министерством в Лондоне и кабинетом министров в Вене стали

более частыми и регулярными; нация поддержала своего монарха и заняла воинственную позицию. Бедствия в Испании связали Наполеону руки, и он ничего не предпринял в военном отношении, кроме как отозвать Даву из Польши в Силезию и усилить Мортье во Франконии.

С непоследовательностью высочайшего величия Наполеон изменил всю свою политическую кампанию в мгновение ока, как он это часто делал со своей военной кампанией. В течение долгих месяцев, прошедших после встречи в Тильзите, Александр пребывал в агонии неопределенности, лишенный реального французского сотрудничества ни в отношении Швеции, ни в отношении Турции, и фактически находился под угрозой продолжающейся оккупации Пруссии и укрепления стратегических пунктов в герцогстве Варшавском. Коленкур считал свою миссию лицемерия и проволочек самой сложной, отчасти из-за влияния Поццо ди Борго, отчасти потому, что завоевание московского общества было задачей, доселе неизвестной французскому искусству, и опыт приходилось покупать дорогой ценой. В этой последней работе его успех был очень умеренным, но он бессознательно стал близким другом и советником царя. Это вызвало неудовольствие Наполеона, который быстро привел его в чувство, предупредив, что он не должен забывать, что он француз. Коленкур мужественно опроверг эту инсинуацию, но переписка Наполеона как с ним, так и с царем стала настолько обширной, что император фактически стал своим собственным послом.

Содержание этих писем было частично личным и дружеским; частично многообещающим в рамках подготовки к тому, что должно было произойти в Байонне; частично предваряющим вторую встречу двух императоров, о которой упоминалось в Тильзите и которая с тех пор часто обсуждалась. Но до сих пор не было ни малейшего изменения фронта, ни существенного выполнения туманных обещаний, ни сотрудничества; мир все еще находился под властью Тильзитской системы в союзе России и Франции — союзе, который до сих пор был представлен волей Наполеона. События в Байонне глубоко затронули Александра. Его союзник знал, что это произойдет, и десятого июля он написал длинное письмо в Санкт-Петербург, неуклюже оправдывая свое поведение. Но, в конце концов, царя мало заботили древние европейские династии, и, оправившись от первого потрясения, он начал потешаться над королем, "которому больше не для чего было жить, кроме как для его Луизы и его Эммануила", а затем занял твердую позицию, одобряя курс своего союзника. К этому времени французский и российский министры завершили свой план раздела Турции, и царь окончательно и безоговорочно согласился на вторую встречу с императором.

Но прежде чем можно было бы договориться о деталях важнейшего интервью, предстояло многое сделать; в частности, необходимо было держать под контролем Австрию. Английское судно прибыло в Триест с депутацией испанских повстанцев, которые предложили трон своей страны эрцгерцогу Карлу. Вооружение Франциска укреплялось день ото дня. Никто, кроме царя, не мог держать империю Габсбургов в узде. Даже во время изнурительных боев в Байонне Наполеон помнил об этом и думал о Востоке, реорганизуя свой флот в рамках подготовки к сотрудничеству с российским флотом и приказывая составлять отчеты по географии и военной истории Персии. После потери Байлена, о которой он узнал в первые дни августа, изобретательность не покинула его, несмотря на тяжесть на сердце. Пятого числа был отправлен срочный курьер с письмом, датированным двадцать первым июля и написанным так, словно он ничего не знал о событиях в Испании.

Ему было приказано опередить обычных разносчиков новостей, чтобы, добравшись до Санкт-Петербурга раньше них, он мог представить Александру в качестве предложения дружбы обещание фактически эвакуировать Пруссию — даже, при определенных обстоятельствах, Варшаву. Двадцать четыре часа спустя был отправлен еще один гонец, передавший плохие новости в самой мягкой форме и выразивший в качестве величайшего беспокойства императора надежду на то, что русская эскадра, отправленная в Лиссабон, спасется, поскольку он получил обнадеживающие вести от ее командующего. Для него не имело значения, что это неправда; цель была достигнута, и, таким образом, истинное значение Байлена было в значительной степени скрыто от царя, или, по крайней мере, впечатление, произведенное на него этой новостью, было ослаблено.

Ожидая, пока эти сообщения возымеют действие, император от своего имени направил в Вену официальный протест против воинственной позиции Австрии, а двумя неделями позже категорически потребовал аналогичного шага от царя, еще раз открывая перед Россией перспективу неограниченного усиления на Востоке, если только европейский пожар не будет разожжен вновь. Царь был очарован обещаниями Наполеона, но когда дело дошло до грозных возражений Австрии, он заколебался. Антифранцузская партия в России теперь повторяла, как попугай: сначала уничтожена Испания, затем Австрия, затем мы сами. Более того, как считал сам Александр, договоренности, подобные Тильзитским, слишком легко нарушаются непредвиденными обстоятельствами, и в таком случае, чем была бы Европа без Габсбургов? В конце концов в Вену был направлен слабый намек, подкрепленный слабой угрозой. Мир, писал царь, - лучшая политика для Австрии. "Не может ли Тильзитский мир, который я заключил, повлечь за собой некоторые обязательства?" Предупреждение произвело мгновенное впечатление на город на Дунае. [\[26\]](#)

За этот короткий промежуток времени были ускорены все приготовления к беседе, которая теперь стала необходимой для обеих сторон. У Наполеона была только одна цель — сблизить альянс в глазах всей Европы для сохранения своего престижа. У Александра их было несколько — ослабление прусского рабства, успешная оккупация Финляндии и, что было реальной скрепой альянса, раздел Турции. По сути, это было то, что царю было обещано в Тильзите, но он еще не получил ни одного пункта из согласованного тогда списка. Несмотря на ласки Коленкура и уговоры Наполеона, он был теперь в решительном настроении и намеревался потребовать выполнения обязательства своего союзника не по доброй воле, а по необходимости. Талейран, до безумия уставший от скучной жизни в Валансае и заботы испанских принцев, решил восстановить свою дипломатическую власть и теперь начал, при содействии своих многочисленных преданных друзей в Париже, обширную подготовку к возвращению к общественной жизни и влиянию. По полуофициальным каналам царю сообщили, что Франция, опьяненная победой и завоеваниями, теперь надеется на его мудрость в поисках защиты от дальнейших амбиций своего пылкого правителя. Вскоре собственные агенты Александра начали подтверждать это заявление. Французская нация, по крайней мере, разумная ее часть, по их словам, устала от имперской политики Наполеона. Если бы это было правдой, Испанию и Австрию можно было бы использовать для сдерживания Франции, в то время как Россия должна была бы выполнять свою волю на Дунае. Теперь не имело значения, был ли ее союзник неверен: его слабость могла заставить подчиниться.

Такое расположение сил было частично предвидено Наполеоном; Коленкур проинформировал его о том, как неуклонно оно кристаллизуется в твердую решимость.

Стороннему наблюдателю момент казался критическим, но великий искатель приключений все еще был способен оседлать бурю. Откуда взялся этот импульс, определить нелегко, но он обратился к Талейрану как к агенту, способному быть полезным в подобных осложнениях. Интриган немедленно выступил вперед и, получив депеши Коленкура вместе с устным объяснением от императора, быстро был готов к исполнению обязанностей советника, к которым его призвали. Сам Наполеон принял высокомерный тон. Пятнадцатого августа он устроил прием в Сен-Клу, на который были вызваны все представители иностранных держав; представители России и Австрии стояли рядом. Снова, как и в знаменитом случае перед разрывом Амьенского мира, он произнес публичное признание в форме беседы; на этот раз это было с Меттернихом, австрийским послом, и он был спокойнее и учтивее. Упрекая австрийского императора в неблагодарности, он объявил о своем политическом курсе, а именно, что Россия будет держать Австрию в узде, в то время как он и Александр будут делить Восток между собой без оглядки на Франциска, если только последний не разоружится и не признает Иосифа королем Испании. Толстой оставался холодным на протяжении всей длинной речи. Именно он заявил и повторил, что в конечном итоге Наполеон, смирив Австрию, нападет на Россию. Двумя неделями ранее в интервью "Суровому старому русскому" император утверждал обратное, но безрезультатно: Толстой не проявлял никаких признаков веры или убежденности. Обращение к Меттерниху было, таким образом, второй тетивой к луку Наполеона на случай, если ему не удастся завоевать Александра под Эрфуртом. Его общее выражение лица было неустрашимым, а тон более возвышенным, чем когда-либо. Смысл его частной беседы с Меттернихом и другими заключался в том, что он останется доволен тем, что у него есть. Испания больше не представляла бы опасности в тылу, Австрия и Россия были бы его союзниками, разделяющими господство над миром, а Англия, непримиримый враг их всех, была бы в конце концов вынуждена позорно сдаться, потеряв средства к существованию. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XII.

НАПОЛЕОН И АЛЕКСАНДР В ЭРФУРТЕ. [\[27\]](#)

Императорское гостеприимство Наполеона — Интервью Наполеона и Гете — Встреча Наполеона и Виланда — Их беседа — Завоевания России — Опасные элементы в Двойственном союзе — Австрия под угрозой — Супружеские отношения Наполеона — Махинации Фуше с целью развода Жозефины — Предложение Наполеона русской принцессе.

Вторая встреча двух самых могущественных монархов, живших в то время, состоялась в Эрфурте двадцать седьмого сентября, и их обсуждения продолжались восемнадцать дней. Это было величайшее дипломатическое сражение Наполеона, и он вышел победителем. Город принадлежал ему, и он, конечно же, был хозяином. Такое великолепное гостеприимство, которое он расточал, тронуло бы и более жесткое сердце, чем сердце Александра. Роскошь и военная демонстрация были, с одной стороны, варварскими, в то время как, с другой стороны, были приглашены величайшие ученые Германии и литераторы, чтобы польстить интеллектуальным притязаниям царя. Здесь также

наблюдалась та же демонстрация откровенного личного доверия и императорского великодушия, что и в Тильзите. Талейран и российский канцлер Румянцев проводили длительные совещания, причем первый, как он признается в своих мемуарах, замыслил заговор против интересов своего господина, чтобы проследить за тем, чтобы Австрия не пострадала. День за днем Наполеон и Александр расхаживали по большой комнате во дворце, которая была оборудована под офис, изучая детали и подводя итоги. В самом воздухе чувствовалось опьянение. Присутствовали короли Баварии, Вюртемберга и Вестфалии со своими супругами и сопровождающими их придворными; также присутствовали принц-примас и второстепенные правители Германии. Гостиные, улицы и театры Эрфурта были наполнены великолепием их великолепных одежд и нарядов их разодетых слуг. Четвертого октября в театре перед собравшимися придворными была исполнена "Дудка" Вольтера. При словах "Дружба великого человека - это дар богов" Александр встал и, схватив Наполеона за руку, на мгновение застыл в позе, символизирующей возобновление союза. Зал взорвался аплодисментами.

Еще более запоминающимся было появление на сцене самого трансцендентного гения Германии, который пришел выразить почтение своему интеллекту к ногам того, кого он считал в тот момент и много лет спустя не только величайшей державой, но и величайшим идеалистом в мире. Гете и Наполеон встречались дважды — один раз в Эрфурте, другой раз в Веймаре. В обоих случаях именно военный искал литератора — *par nobile fratrum*. Они поговорили о Вертере и его горестях; император одобрительно и со знанием деталей. Говорят, что последний высказал возражение против какого-то конкретного отрывка; какого именно, неизвестно. Поэт, вероятно, только что закончил писать "Избирательную близость" и, казалось, узнал в своем ослепительном хозяине человека, знакомого с подобными узами, выходящего за рамки наций, за рамки банальных человеческих ограничений, за рамки обычных мыслей и речи. "Великий человек может быть признан только равными себе", - таково одно из высказываний самого Гете. Что значили для поэта обычные люди и цепи политического рабства, что значили нации и их амбиции по сравнению с обществом, где разум и мораль обладали великолепной свободой олимпийцев и могли беспрепятственно следовать по склонностям в сферах, подвластных только фантазии! Приветствие Наполеона было лаконичным: "С вами, мой друг". Это польстило Гете, который назвал это обратным "эссе homo" и почувствовал в этом намек на его гражданство не в Германии, а в мире. Затем цезарь девятнадцатого века призвал великого писателя осуществить уже сформировавшийся замысел и сочинить драму о жизни своего собственного великого прототипа; он был уверен, что такое произведение было бы более достойно темы, чем труд Вольтера. В Сен-Клу Наполеон однажды произнес пламенную хвалу силе трагических драм и, говоря о Корнеле, заявил, что его вдохновению французская нация обязана многими своими прекраснейшими порывами и самыми блестящими деяниями. "Если бы он был здесь, я бы сделала его принцем". Обращаясь к Гете, он сказал, что в искусстве, как и в политике, должны быть правила и упорядоченная красота; по поводу драмы, заимствованной из Шекспира, в которой смешиваются трагедия и комедия, ужасное с бурлеском, он выразил удивление, что такому великому уму, как Гете, не понравились четкие модели — "N'aime pas les genres tranchés". Эти два суждения, взятые вместе, дают ценную картину мышления Наполеона.

Среди блестящих сцен, устроенных для развлечения Наполеона в величественном маленьком городке Веймар, в окружении немецкой аристократии, которую он унизил, он вызвал к себе человека, который в два периода своей карьеры олицетворял сначала силу, а

затем слабость немецкого народа — престарелого Виланда. Действительно, разговор императора на протяжении всей этой поездки в Веймар был в основном об учебе, как будто он преклонялся перед немецкими знаниями, немецкой наукой, немецкой литературой. По его словам, он многому научился в казармах, "когда был молодым лейтенантом артиллерии", и его холодный, пронзительный взгляд, казалось, проникал в самые сердца гордых принцев и герцогинь, которые толпились вокруг и буквально стояли у его кресла на домашней службе. Именно на балу, который давала великая герцогиня, он попросил позвать Виланда. В течение вечера этот мягкий и теперь уже сдержанный старик присутствовал при том, как актеры французской комедии, привезенные среди прочих декоративных атрибутов из Парижа, декламировали "Смерть цезаря" со сцены герцогского театра; он выслушал многозначительное произнесение Тальмой слов "Правь без насилия над покоренной вселенной", а затем, утомленный волнением от этих странных переживаний, отказался от дальнейшего веселья. Великая герцогиня Веймарская, желая доставить удовольствие своему высокому гостю, прислала свой экипаж за автором "Оберона"; и вместо того, чтобы задержать знаменитого диктатора, поэт отправился в путь как был, в своей обычной одежде, с непудренными волосами, в маленькой тюбетейке и войлочных туфлях. Поэтому встреча была самой драматичной. Танцы почти прекратились, когда Наполеон двинулся навстречу своему гостю, поскольку компания столпилась широким кругом, чтобы посмотреть и уловить то, что они могли услышать. Но разговор шел вполголоса.

Виланд никогда бы не рассказал или не написал того, что было сказано, и мы знаем достаточно, чтобы почувствовать, что слова великого солдата были достойны как его гения, так и данного случая. Он относился к немецкой знати с высокомерием; к этому простому ученому он относился как к равному. Говоря о древних и защищая цезарей от Тацита, он обсуждал расцвет христианства и подчеркивал ценность всех религий в сохранении морали. Поэт отвечал, когда требовалось, на ломаном французском, но вскоре почувствовал себя непринужденно, поскольку император, казалось, был расположен поддержать беседу и в манере того времени задавал вопросы. "Какое из ваших произведений вы предпочитаете?" Виланд не назвал ни одно из них достойным внимания, но, несмотря на срочность, признался, что ему больше всего нравятся его "Агатон" и "Оберон". Затем Наполеон задал стандартный вопрос, который он так часто задавал ученым и литераторам: "Какой век был самым счастливым для человечества?" "Невозможно дать ответ, - сказал поэт, - добро и зло, добродетель и порок постоянно чередуются; философия должна подчеркивать добро и делать зло терпимым". "Восхитительно! восхитительно! - сказал Наполеон. - Это не просто рисовать все темным, как Тацит. Он, безусловно, искусный художник, смелый, соблазнительный колорист, но прежде всего он стремится к эффекту. История не нуждается в иллюзиях; она должна освещать и наставлять, а не просто давать описания и нарративы, которые производят на нас впечатление. Тацит недостаточно развил причины и внутренние пружины событий. Он недостаточно изучил тайну фактов и мыслей, недостаточно исследовал и скрупулезно изучил их связь, чтобы дать потомству справедливое и беспристрастное мнение. История, насколько я ее понимаю, должна знать, как запечатлеть людей и народы такими, какими они предстали бы в разгар своей эпохи. Следует принимать во внимание внешние обстоятельства, которые обязательно оказали бы значительное влияние на их действия, и четко видеть, в каких пределах это влияние имело место. Римские императоры были не такими плохими, как их описывает Тацит. Поэтому я вынужден предпочесть Монтескье; он более справедлив, и его критика ближе к истине". Обсуждая христианство, Наполеон сказал: "Философы тщетно ищут лучшую доктрину, чем та, которая примирила человека с самим собой и гарантировала мир и общественный порядок народов,

а также счастье и надежду отдельных людей". Беседа длилась два часа, и интервью закончилось движением, но не Наполеона, а самого Виланда, который, казалось, устал стоять. "Идите, идите", - мягко сказал император. "Спокойной ночи".

Таковы были сцены, которые разворачивались перед глазами Европы. Фестиваль следовал за фестивалем — спектакли, шествия, парады, охоты, балы и ужины. Зрители посылали по радио в каждый квартал отчеты о тысячелетней гармонии, которая царила над всем. Императоры, короли, принцы, дворяне, маршалы, генералы, историки, ученые, поэты, актеры, дипломаты - самые блестящие актеры на великой мировой сцене — собрались в Эрфурте в группе, равной которой не часто встретишь. Звезды русских орденов, ленты ордена Почетного легиона впервые засияли на груди, как у Гете и Виланда, которые не привыкли к таким знакам отличия. Двойная лига императоров казалась миру более сильной и прославленной, чем раньше. В некотором смысле это было правдой, поскольку к концу войны Александр, казалось, получил многое, если не все, что требовал. Двум империям все еще предстояло действовать в единстве ради восстановления всеобщего мира на условиях, которые гарантировали бы Франции ее завоевания, достигнутые на юге после Тильзита, а России - то, что она добыла на востоке и севере. Дела царя в Финляндии шли лучше, и из восточных приобретений, которых он так страстно желал, Валахия и Молдавия уже были в пределах его досягаемости. Другими словами, Англия должна была быть вынуждена признать новый порядок вещей, установленный Францией в Испании, и согласиться с захватом Россией Финляндии, Валахии и Молдавии. Если Австрия вступит в союз с турками, чтобы противостоять целям России, Франция вступится за своего союзника, и, в свою очередь, Россия сделает то же самое в случае, если венский кабинет объявит войну Франции. В любом случае, Франциск должен был быть вынужден признать новых королей Испании и Неаполя фактически под давлением объединенного призыва России и Франции. Если Англия снова окажется несговорчивой, два монарха встретятся в третий раз, причем в течение года, чтобы согласовать дальнейшие меры. Это были очень существенные завоевания для России, и на данный момент франко-российский союз был, как это представлялось миру, более могущественным и незыблемым, чем это было раньше.

Но, с другой стороны, теперь в нем было то, чего не хватало раньше, — активные зародыши разложения. Во-первых, Александр и его министры показали себя настолько твердыми, что не раз вспыхивали горячие споры даже между императорами, и воспоминания об этом были источником возросших подозрений, которые Александр перенес обратно на Неву. Более того, царь был вынужден уступить по очень важному пункту. Договор в целом должен был оставаться в секрете не менее десяти лет. Он мог оккупировать и считать своими две желанные провинции, но даже они не должны были быть открыто аннексированы до тех пор, пока не будет получен ответ Англии. Англо-турецкий союз, рассуждал Наполеон, был бы катастрофическим, в то время как русско-турецкий союз, в случае победы России, дал бы министрам в Сент-Джеймсе слишком глубокое представление об Эрфуртском соглашении и, возможно, привел бы к такому бедствию, как захват датского флота, которое ускорили подозрения Лондона относительно Тильзита. Конечная цель договора заключалась в том, чтобы на неопределенный срок скрывать его. Другим опасным элементом в делах Эрфурта был тот, который содержался в дополнительной провокации, данной Пруссии и Австрии. Принято считать, что Наполеон убеждал Александра послать войска и оккупировать не только Варшаву, но и части Австрии и Пруссии. Это поссорило бы его с соседями и обеспечило безопасность Центральной Европы, пока Франция воевала с Испанией. Если это правда, это объясняет два факта.

Пруссия в своем отчаянии посылала в Париж одного агента за другим, чтобы добиться некоторого смягчения требований Наполеона. Последним был принц Вильгельм, брат короля, который в начале сентября согласился, что его страна выплатит сто сорок миллионов франков, сдаст Франции форты на Одере и сократит свою армию до сорока двух тысяч человек в обмен на вывод войск Наполеона и уменьшение контрибуции на четырнадцать с половиной миллионов франков. Девятого октября, три недели спустя, Наполеон пригласил принца поохотиться на зайцев на поле битвы при Йене! Этот инцидент, взятый в связи с требованием отставки Штейна, казался очень важным для отношения Наполеона к Пруссии.

Генерал Винсент был отправлен из Вены номинально для того, чтобы рассказать в Эрфурте об австрийских вооружениях; на самом деле, чтобы понаблюдать за происходящим. Хотя ему без труда удалось привлечь разносторонне развитого Талейрана на свою сторону, Наполеон обошелся с ним без особой любезности и отправил обратно с письмом от него Франциску, содержащим горькие упреки и угрозы. Штайн после своего ухода нашел, как и Харденберг, убежище в Вене. Там он стал одним из влиятельных членов кружка, состоявшего из посланника Александра, Поццо ди Борго, и других единомышленников, которые неуклонно укрепляли военные настроения. Активность этих людей объясняла фразу в письме Франциску — "Последнее массовое восстание безошибочно привело бы к войне, если бы я мог предположить, что этот набор и эти приготовления были согласованы с Россией", — которая намекала на возможный интерес России к военным приготовлениям; и однажды в Эрфурте, когда мимо маршировали гренадеры Наполеона, царю пришлось слушать, как их император хвалился мужеством, проявленным ими при Пултуске и Фридланде. По поводу отсутствия деликатности у Наполеона говорят, что однажды в Тюильри он многозначительно обратился к одной из своих придворных дам, не славившейся чистоплотностью, со словами: "Я понимаю, вы любите мужчин". "Да, когда они вежливы", - последовал ответ. В Эрфурте Талейран дал такое же объяснение капризам своего хозяина. "Мы, французы, более цивилизованны, чем наш монарх, - сказал он баварскому государственному министру Монтгеласу. - У него есть только цивилизация римской истории".

Но в Эрфурте произошел еще один инцидент, более чреватый окончательными переменами, чем любой из этих. Благодаря мефистофелевским инсинуациям Фуше и просочившимся деталям, касающимся ссор между королевой Гортензией, представляющей свою мать, и великой герцогиней Бергской, представляющей Бонапарт, тема развода Наполеона стала общим местом разговоров. Новое положение в Тильзите в качестве признанного главы королевской иерархии Европы, по-видимому, уже с самого начала подтолкнуло императора к поступку, неприятному для этого человека; но то, что там произошло, неясно и не обязывало его. Следующей осенью в Фонтенбло его суровое и отстраненное обращение с Жозефиной усилило подозрение, что он снова поддался искушению. Кого бы он выбрал? спрашивали сплетники. Где-то в течение года по приказу императора был подготовлен список принцесс на выданье. В нее входили Мария Луиза Австрийская в возрасте шестнадцати лет; Мария Амелия, племянница короля Саксонии; и две сестры царя, младшей из которых не исполнилось и тринадцати. Общее мнение, казалось, остановилось то на одной, то на другой незамужней сестре царя. Этот слух вскоре дошел до Санкт-Петербурга, и скандалисты этой столицы немедленно обвинили великую княгиню Екатерину, поскольку она достигла брачного возраста, и поговаривали, что она изучает французские деревенские танцы. Александр был в смятении; русская сторона

пришла бы в ужас, если бы он согласился, в то время как отказ мог поставить под угрозу союз, от которого зависели все его амбиции.

Несколькими месяцами ранее Фуше, зная о конфликте в сознании Наполеона, фактически предложил императрице, и, вероятно, с ведома ее мужа, чтобы она взяла инициативу в свои руки. В ответ она прибежала с растрепанными волосами и слезящимися глазами, чтобы лично попросить объяснений у своего господина. Он утешал ее многими протестами, но уехал в Италию, так и не убедив ее полностью. По возвращении из Милана он резко обругал своего министра полиции и запретил ему продолжать заговор. Тем не менее дерзкий функционер упорно не подчинялся, и к марту 1808 года воздух Парижа был полон озлобленных и пылких призывов то с одной, то с другой стороны. Однажды вечером двор должен был присутствовать на гала-представлении, которое должно было состояться в Тюильри. Их Величества не явились. На самом деле Наполеон ничего не готовил; вместо этого он удалился в свои личные апартаменты и послал за Жозефиной. Она вошла в спальню своего мужа в полном вечернем костюме и обнаружила его в постели, бледного, измученного и усталого. Он тотчас же начал рассказывать о своих затруднениях, как бы изливая все свое сердце, и, хотя и не произносил просьбы вслух, казалось, в немом отчаянии вымаливал у нее решающее слово. Императрица, однако, была непреклонна. Был ли он вынужден, сказал он в сильном разочаровании, усыновлять своих внебрачных детей? Удивленный и тронутый ее знаками согласия, император поклялся никогда не покидать ее, и все осталось по-прежнему.

В Эрфурте Наполеоном овладело то же колебание, что и то, которым он мучился со времен Тильзита. По его приказу Талейран и Коленкур должны были сделать Александру замечание, что вопрос о разводе - это европейский вопрос; по его словам, он хотел испытать характер своего союзника. Оба министра предположили, что предполагаемый брак между дочерью Павла I и королем Швеции сорвался из-за конфессиональных трудностей, поскольку последний был протестантом, а первый принадлежал к Греческой церкви. Император недовольно пожал плечами, и они выполнили свою задачу. Очевидно, царь не был шокирован, поскольку, сам затронув эту тему, он сказал Наполеону, что его лучшие друзья с тревогой ожидают, что он укрепит свою работу и свою династию вторым браком. Это, конечно, привело к конфиденциальному разговору, в котором упоминалась возможность как супружеского, так и политического союза. Если бы Наполеон прямо на месте потребовал руки сестры царя Екатерины, находящейся на выданье, вряд ли Александр отказался бы. Но императорский хозяин все еще колебался, поскольку он не предпринял бесповоротного шага; было нерешительно упомянуто о младшей сестре его гостя, Анне, которая все еще была ребенком, как о возможной возможности, и больше ничего сказано не было.

Чтобы закрепить успех встречи, Георгу III было направлено совместное письмо с просьбой о мире по принципу "uti possidetis". Два монарха расстались со всеми проявлениями личной преданности, но по возвращении Александра в свою столицу его старшая сестра с неприличной поспешностью была выдана замуж за герцога Ольденбургского. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XIII.

ПРОВАЛ ИСПАНСКОЙ КАМПАНИИ. [\[28\]](#)

Великая армия во Франции — Их вступление в Испанию — Противостоящие силы — Стратегический план Наполеона — Победы Франции — Сэр Джон Мур — Британцы и испанцы — Наступление Наполеона на Мадрид — Его возвращение на Север — Отступление Мура — Наполеон в Париже — Смерть Мура — Наполеоновская конституция для Испании — Соппротивление Испании — Слабость Джозефа — Установление Новой монархии.

1808-09.

В то время как Александр ускорял приготовления к браку своей сестры, Наполеон спешил в Испанию, куда также были отправлены легионы великой армии, освобожденные в результате эвакуации из Пруссии. Байлен и Цинтра должны быть возвращены любой ценой. Когда великолепная армия солдат проходила через Францию, их принимали как людей, которые уже победили. Гражданские власти устраивали для них банкеты, комплименты сыпались из сладких уст избранных ораторов, поэты пели сладкие мелодии на тему их славы. Это показалось войскам спонтанным порывом, и они с упругостью энтузиазма приступили к выполнению своей задачи. Любопытные могут сегодня прочесть то, чего армия знать не могла, — что по личному указу Наполеона военное министерство подготовило каждую деталь этого триумфа, что префекты действовали в соответствии со строгими приказами, что по заказу в Париже были написаны три сборника воинственных песен и отправлены по одной в разные пункты, чтобы, как писал император, "солдат не мог услышать одно и то же дважды". Успех плана был полным, и ликование, по всем признакам, было неподдельным.

Таким образом, в начале ноября под стенами Бургоса собралась не усталая и обескураженная армия, а отряд отборных и энергичных ветеранов. Джозеф, конечно, мало что сделал за этот промежуток времени, чтобы воспользоваться глупой и беспечной суматохой, в которую повергла испанский народ радость победы. Несмотря на подробные указания, которые почти ежедневно получал Наполеон, Журден, который, будучи военным советником короля в Неаполе, прибыл в том же качестве в Испанию, постепенно утратил все преимущества положения. Но французские мальчишки, участвовавшие в летних боях, были старше и опытнее. Оборонительная позиция их лидера научила их жизни в лагере и обеспечила восстановление их сил. Поэтому, когда они смешались с вновь прибывшими, их можно было считать почти такими же хорошими солдатами, как и тех, кто прибыл из Германии.

Более того, теперь командовали лучшие генералы: Виктор находился в Амуррио, Бессьер - в Миранде на Эбро, Монси - в Тафале, Лефевр - близ Бильбао, Ней - в Логроньо на Эбро, Сен-Сир - в Ла-Юнкере, у каждого было по корпусу, наименьшему из двадцати, самому большому - из тридцати тысяч человек. Дюэсм был заперт в Барселоне с десятью тысячами человек. В Толосе и Витории находился тридцатипятитысячный резерв - гвардия и кавалерия.

Двадцатичетырехтысячный корпус Мортье находился в тылу, а Жюно, которого в Париже приняли лучше, чем он ожидал, подходил с еще девятнадцатью тысячами человек. В общей сложности там было около двухсот сорока тысяч солдат. Наполеон, достигнув Байонны третьего ноября, объявил, что их было от трехсот до четырехсот тысяч! При такой многочисленной и эффективной боевой силе не было нужды в преувеличении. Чтобы противостоять этому, у Блейка было тридцать две тысячи испанцев в Вальмаседе в качестве левого крыла испанской армии, а Ла Романа, высадившись в Сантандере, вскоре прибыл еще с восемью тысячами; центр, численностью в двадцать пять тысяч человек, находился между Калахоррой и Туделой под командованием Кастаньоса; правый, численностью в семнадцать тысяч человек, находился в Сарагосе и близ нее под командованием Палафокса. Перед Барселоной стоял Вивес с двадцатью тысячами человек, а около Бургоса был резерв из восемнадцати тысяч человек под командованием Бельведера — всего около ста двадцати тысяч человек. В дополнение к этой регулярной армии существовала еще одна иррегулярная, обширных, но неопределенных размеров, состоявшая из всей нации.

КАРТА ИСПАНСКОЙ КАМПАНИИ.

Среди волнующих забот Эрфурта Наполеон все еще находил время для тщательного изучения военной ситуации в Испании, и в конце концов он написал Жозефу, что прибывает лично, чтобы закончить войну одним умелым ударом. Эта надежда была основана на позиции, которую занимал Блейк, продвинутой за пределы испанской линии и достаточно удаленной, чтобы быть незащищенной. Таким образом, быстрым ударом армия этого генерала могла быть отрезана от своей поддержки и уничтожена; центр и правые силы последовательно постигла бы та же участь. Этот план был сорван опрометчивостью

Лефевра. Тридцать первого октября Блейк выступил из Дуранго для атаки. Чрезмерно ретивый французский генерал не только разгромил его, но и в пылу победы отбросил далеко назад, к Вальмаседе. Хотя император надеялся на нечто совершенно иное, отдав приказ направить его вперед, к Бискайе и Наварре, он все же не отказался от своего стратегического плана. Испанцы за один день стали воинственными, но победы опьянили их, и из военной науки они знали только то, что узнали на собственном опыте. Среди генералов не было согласия — не было даже заранее разработанного плана операции. Соответственно, основная масса французской армии была направлена к Бургосу, чтобы отрезать и сокрушить Блейка, в то время как два корпуса под командованием Сульта были направлены на перехват его отступления.

Бургос пал почти без сопротивления десятого ноября; на следующий день Блейк потерпел поражение при Эспиносе, и его разрозненные колонны, обращенные Сультом, но не захваченные, бежали в Астурию, где присоединились к силам Ла Романа. Не колеблясь ни минуты, Ней был отправлен на юго-восток, чтобы ударить в тыл Кастаньосу, в то время как Ланн должен был объединить корпус Монси с дивизией Лагранжа и атаковать его с фронта. Испанский генерал, как уже было сказано, находился на Эбро между Калаоррой и Туделой. До двадцатого числа были выполнены два хода, и все было готово. Испанцы бежали перед атакой Ланна двадцать третьего числа, но Ней со своей кавалерией оставался необъяснимо неподвижным и не преградил им путь к отступлению. Таким образом, они смогли вновь собраться в Сигуэнце, в то время как Палафокс отступил в Сарагосу. Казалось бы, это был легкий триумф непревзойденной стратегии Наполеона; его план сработал без реального сопротивления, поскольку его самодостаточный и невежественный враг был рассеян. Тем не менее, следует отметить, что исполнение было несовершенным, а результат непропорциональным. Ни Султ справа, ни Ней слева не проявили такой энергии или расторопности, как в прежние времена; общей капитуляции испанцев не было, и какая-либо часть их войск не была уничтожена. Все, чего удалось добиться — а для обычного генерала это было бы очень много, — это способность сделать еще один шаг.

Капитуляция в Цинтре, события в Байонне и восстание испанцев в совокупности усилили восстание в Португалии. Теперь она полностью сочувствовала Испании, и ее народ был едва ли менее ожесточен или менее активен, чем испанцы. Легкие условия, которых добился Жюно, привели Англию в ярость, и не только Дэлримпл и Беррард, но и сам Уэлсли были отозваны, чтобы дать отчет об их поведении. Последнее было триумфально доказано; но в то время как остальные не были осуждены за неисполнение служебных обязанностей, они были фактически отстранены от активной жизни. Сэр Джон Мур теперь командовал английскими войсками на полуострове. Он получил подкрепление в десять тысяч человек и, чувствуя уверенность в Португалии, двинулся в Испанию. Наполеону казалось очевидным, что его намерение состояло в захвате Мадрида.

Это была ошибка. Ликующие испанцы, рассчитывая поступить с Наполеоном так же, как они поступили с Дюпоном, призвали англичан присоединиться к ним. Муру было приказано помочь им, и он приготовился подчиниться, хотя хорошо знал, каковы будут последствия испанской галлюцинации. С одной колонной он достиг Саламанки тринадцатого ноября; голова другой находилась в Асторге. Его собственная дивизия насчитывала всего пятнадцать тысяч человек; другая была еще меньше — самое большее десять тысяч. Именно в этот день он узнал о победах Наполеона. Соответственно, он остановился, чтобы дожидаться следующего хода французов. Этот ход был направлен против Мадрида. Сарагоса

была осаждена Монси, Лефевр был брошен охранять правый фланг, а Ней - защищать левый от наступающих колонн; марш начался двадцать восьмого ноября.

Первым препятствием был горный хребет Гвадаррама, который нужно было пересечь по перевалу Сомосьерра. Оказалось, что это ущелье хорошо охраняется; на высотах была размещена не только пехота, но и артиллерия, шестнадцать орудий находились ниже поворота перевала на наиболее выгодной позиции. Ранним утром тридцатого французская пехота начала взбираться на утесы по обе стороны узкого ущелья, и, поскольку стоял густой туман, их передвижения были успешно скрыты до тех пор, пока испанские биваки не были захвачены врасплох и выбиты. Одновременно полк польской легкой кавалерии был брошен против батареи. Их атака была великолепной, и артиллеристы смогли сделать всего один выстрел, прежде чем их одолели. К обычному часу завтрака проход был свободен. Вечером второго декабря вся армия — пехота, кавалерия и артиллерия — соединилась на высотах Чамартин перед воротами Мадрида. Два дня спустя, после доблестного сопротивления своего небольшого гарнизона и неустрашимых жителей, город сдался превосходящим силам Наполеона и предложил условия. После некоторых переговоров они были приняты, но в сложившихся обстоятельствах император счел, что мягкость должна быть приправлена угрозой. На улицах были беспорядки, связанные с новой оккупацией французами, и этот факт он использовал в качестве довода, чтобы объявить капитуляцию недействительной, а испанских офицеров военнопленными. Их люди сбежали накануне.

Военные действия кампании, конечно, еще не закончились, поскольку Мур не появился в долине Тежу, направляясь, как предполагалось, к Мадриду. Первой задачей было найти его. Различные корпуса были разосланы во все стороны, но только в середине месяца удалось хотя бы приблизительно определить позицию британцев. Наполеон был удивлен тем, что он узнал, и пришел к выводу, что англичане собирались покинуть Португалию, чтобы обеспечить Ферроль в качестве базы снабжения. Его первым побуждением было выступить самому и предотвратить такую катастрофу; двадцатого половина его армии выступила из Мадрида, а двадцать второго он повел их через снега Гвадаррамы.

Тем временем Мур принял свое решение. Это должно было привлечь внимание французов, привлечь их к себе, а затем медленно отступать на север, таким образом оставляя Андалусию свободной от вмешательства и давая южным испанцам время снова организовать и вооружиться для второго Байлена. С этой целью он приготовился двадцать третьего числа атаковать Сульт, но, узнав о быстром продвижении Наполеона, быстро изменил свой план и начал отступление; три дня спустя он благополучно переправил свои войска через Эслу. Затем началась знаменитая погоня. Император поспешил вперед, маршируя пешком по холоду и снегу, чтобы подбодрить своих уставших людей. Ему не терпелось нанести удар в тыл своему врагу до того, как он уйдет слишком далеко, и Сульта отправили вперед, к Мансилье, чтобы обойти с фланга отступающую колонну. Двадцать девятого числа французская кавалерия достигла Эсла и была отброшена английским арьергардом, в то время как Мур задержался лишь для того, чтобы уничтожить склады в Беневенто, а затем поспешил к Асторге.

Отступление продолжалось еще два дня. Мур после многих успешных стычек достиг Ла-Коруньи, где он надеялся сесть на корабль. Наконец Сульт пересек реку Эсла, и в день Нового, 1809 года, император оказался в Асторге. Он полагал, что в Ферроле находится английский флот; погода была суровая, и его здоровье находилось под угрозой из-за

сильного холода; более того, приходили тревожные письма, и он решил, что эта игра не стоит свеч. Преследование было поручено Сульту, Ней был размещен в Асторге в качестве резерва, а Наполеон, встав во главе своей гвардии, отправился в Вальядолид, которого он достиг шестого числа. После десятидневного перерыва новые и все более тревожные депеши ясно давали понять настоятельную необходимость его присутствия в Париже, хотя его миссия в Испании была далека от завершения. Двадцать третьего января он добрался до Тюильри.

Рассказ о великолепном отступлении Мура, о его мужестве и спокойствии при потерях и катастрофах, о его превосходном управлении своими людьми во время их разочарования, когда Корунья была достигнута и там не было обнаружено флота, о его храброй битве с Султом шестнадцатого января, о смертельной ране, которая сразила его в час победы, и о самозабвении, которое позволило ему в предсмертных муках сделать все необходимые приготовления для того, чтобы его люди сели на запоздавшие корабли - все это блестящая страница английской истории, возможно, лучшая запись за весь ее славный путь, полученный в Англии. отступление, полное терпения, умеренности и успеха в самый час самого горького разочарования. Именно дух и пример Мура сделали возможными победы Веллингтона.

Французские интересы в Испании были оставлены в самом плачевном состоянии. Население Мадрида встретило героя эпохи холодно и заперлось в своих домах, чтобы не создавать толпы и не вызывать никакого энтузиазма на улицах. Они даже не вышли посмотреть на великолепный военный парад, который был устроен в их честь. Джентри и дворянство были одинаково отстраненными и холодными. Было ясно, что Испанию нельзя было ни уговорами, ни угрозами заставить даже пассивно согласиться на новое завоевание. Следовательно, необходимо было попробовать другой курс. Четвертого декабря Наполеон, выступая в роли государственного деятеля-реформатора, произнес и издал из Шамартена серию самых решительных эдиктов. Все феодальные привилегии, все межпровинциальные таможенные сборы были отменены; инквизиция была упразднена, а число монастырей сократилось до трети. Эти меры были сами по себе в высшей степени благотворными и ударили по самому корню дерева упас, под губительной сенью которого Испания медленно погибала. Но для того, чтобы творить добро, они должны быть принудительными; необходимо полное военное завоевание страны и умелое управление.

Не было ни того, ни другого. Испанская армия потерпела поражение, но, каким бы суровым ни было ее наказание, ее сила сопротивления не была уничтожена; оккупация страны также была, к сожалению, незавершенной, и не имело значения, куда маршировали французские солдаты или какие стратегические пункты они удерживали, своего рода испанские боевые силы, какими бы нерегулярными они ни были, возникли позади них и по бокам. Полная военная централизация Пруссии сделала Йену решающей для всей разрозненной территории этого королевства; компактная территория Испании и местная независимость ее народов сделали регулярные победы совершенно бесплодными на открытой местности.

Более того, Жозеф, хотя и был изгнан из своей столицы и не пользовался ни властью, ни влиянием, кроме как в качестве генерала армий Наполеона, теперь утверждал, что королем Испании является он, а не его брат. Он был разгневан и обижен тем, что император присвоил себе верховную власть. Он чувствовал, что именно он лучше всех сможет

договориться с испанцами, завоевать их расположение и укрепить свою власть. То, что его столкнули с трона и вынудили стоять в стороне, пока принимались такие радикальные меры, озлобило его. Стыд, по его словам, покрыл его лицо перед мнимыми подданными; он отказался от всех прав на трон, предпочтя честь и честность власти, купленной столь дорогой ценой. Это разозлило Наполеона, и он пригрозил разделить страну на военные провинции; но, подобно своему более благородному брату, он сам отшатнулся перед полным уничтожением такой древней и достойной нации, как Испания.

В качестве платы за эвакуацию Мадрида жители столицы поклялись снова признать Иосифа своим королем. Аналогичные клятвы верности пришли из всех провинций, оккупированных французами. Хотя эти клятвы не считались обязательными для тех, кто их давал, поскольку они считали, что действуют по принуждению, все же, по крайней мере, тень монархии Жозефа вновь появилась под защитой империи, и так называемая либеральная конституция, созданная по образцу французской, была дана народу как благо. "Это зависит от вас самих, - таков был язык императора, - сделать эту хартию вашей. Если все мои усилия окажутся тщетными, и вы не оправдаете моего доверия, тогда мне ничего не останется, кроме как обращаться с вами как с завоеванной провинцией и создать еще один трон для моего брата. В таком случае я возложу корону Испании на свою голову и научу недоброжелателей уважать ее, ибо Бог дал мне силу и волю преодолевать все препятствия".

[\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XIV.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ АВСТРИИ. [\[29\]](#)

Опасности в тылу Наполеона — Состояние Парижа — Воинственная Австрия — Политика царя — Национальные движения в Германии — Истинная позиция Наполеона — Ответственность Талейрана — Нужды Франции — Ожидаемая повторная воинская повинность — Эрцгерцог Карл — Война, объявленная Австрией — Апелляции Карла к национальным чувствам — Имперские излишества и династическая умеренность — Восстание в Тироле — Успехи Австрии.

1809.

Новости из центральной Европы, дошедшие до Наполеона в Испании, носили в высшей степени тревожный характер и выдвигали некоторые соображения настолько на первый план, что все остальные становились незначительными. Не имело значения, что он должен был оставить после себя наполовину выполненную задачу; что, хотя его стратегия была успешной, он упустил возможность уничтожить англичан, которая, хотя он и не знал этого в то время, у него действительно была из-за запоздалого прибытия их транспортов в Ла—Корунью; что национальное восстание не было подавлено его тщательно разработанными мерами; что клятвы верности Джозефу и конституции были принесены по принуждению меньшинством, которое, каким бы благочестивым ни был народ, по этой причине не рассматривало даже они сами как связанные, а тем более нация в целом - все это было

достаточно серьезно, но ничтожно по сравнению с тем, что происходило на немецких землях, пока он отсутствовал в Париже.

Во время кампании при Маренго существовала группа активных, своекорыстных и предательских людей, которые, поднявшись с помощью Бонапарта, строили планы, как лучше прокормиться в случае его смерти. Эта же группа, под руководством Талейрана и Фуше, снова разрабатывала планы для своего руководства на случай, если Несчастье постигнет Наполеона в Испании. Их активность была такова, что даже Меттерних был обманут, полагая, что за ними стоит большая партия французских патриотов, которые, устав от непрекращающихся призывов императора к Франции о помощи в предприятиях, чуждых ее благополучию, с радостью избавились бы от него. Австрийский посол настолько серьезно отнесся к кризису, что в конце ноября покинул свой пост и отправился в Вену. Сообщения Винсента о трениях в Эрфурте уже завоевали доверие в австрийской столице среди сторонников войны, и распространялось убеждение, что франко-русский союз несостоятелен.

Отсутствие Штайна в Северной Германии только усилило симпатии народа к его политике. Даже в Кенигсберге, резиденции правительства, общественное мнение требовало мер, которых он желал. Пруссия не только снова стала сильной, но и горела желанием искупить свой позор. Рефлекторное влияние народных движений в Пруссии и Австрии друг на друга усиливалось до тех пор, пока более продвинутых лидеров двух стран не стало мало волновать, начался ли процесс возрождения Германии под руководством Гогенцоллернов или Габсбургов. В эту напряженную атмосферу вошел Меттерних со своими преувеличенными заявлениями о великой реакционной партии во Франции. Результатом было возбуждение элементов. Кроме того, он заявил, что война в Испании поглотила такую большую часть эффективной военной мощи Наполеона, что в центральной Европе было доступно для использования не более двухсот тысяч человек, и что одна Австрия с ее новым вооружением могла бы противостоять любой армии, которую французский император мог бы повести против нее, по крайней мере, на первых этапах войны. Австрия вела переговоры об английской субсидии, без которой ее войска, какими бы прекрасными они ни были, не могли содержаться; но Великобритания отказалась от субсидии до тех пор, пока они действительно не вступят в бой. Этот факт был настолько сильным стимулом, что привел к обострению и без того враждебных наклонностей императора Франциска; и поскольку его министр Стадиони давно чувствовал, что власти Наполеона нельзя давать времени для дальнейшего укрепления, правительство решило нанести удар, пока трудности в Испании были на пике.

Хотя царь покинул Эрфурт в тревожном настроении, он, тем не менее, ясно сознавал, что только через Наполеона могут быть удовлетворены его амбиции. Он был в равной степени убежден, что, хотя европейскую систему не следует еще больше разрушать, в настоящее время ее необходимо сохранить в том виде, в каком она была сейчас. По пути домой у него было время обдумать ситуацию, и когда он проезжал через Кенигсберг, воинственный настрой Пруссии был настолько очевиден, что он подумал, что Фридриха Вильгельма, по крайней мере на некоторое время, следует вывести из-под его влияния. Соответственно, он настоял на том, чтобы король посетил Санкт-Петербург. Приглашение было принято, и усилия царя были настолько успешными, что, когда его гость уезжал домой, он чувствовал себя таким же недружелюбным, как и прежде. Он проинформировал Австрию, что его интересы совпадают с интересами России, что не должно быть наступательной войны и что

любой конфликт должен ограничиваться отражением нападения. Второго марта царь заявил в ответ на запрос из Вены, что, если Австрия начнет войну, он выполнит свои обязательства перед Наполеоном; но шесть недель спустя, видя, насколько решительными были военные настроения в Вене и насколько завершенными были приготовления Франциска, ему показалось, что лучше бросить якорь с наветренной стороны, и он настолько изменил свою позицию, что объяснил, что в случае войны он не будет вкладывать свои силы в любой удар, который он мог бы нанести Австрии.

Венский кабинет министров прекрасно понимал, что ни Александр, ни Фридрих Вильгельм не выражали национальных чувств своих народов. Они знали, что возможность Австрии возглавить великое восстание против Наполеона можно было найти в поддержке могущественных консерваторов России, в энтузиазме всей Пруссии, где Арндт уже кричал: "Свободу Австрии!", и в страстной преданности ее собственных народов, не исключая стойких тирольтцев, которые, изнемогая под игом Наполеона, были готовы к восстанию. Восемнадцатого марта 1809 года французский посланник в Вене написал в Париж, что в 1805 году правительство, но не армия и не нация, желали войны; что теперь этого хотят все: правительство, армия и народ. Австрийскому полномочному представителю было приказано, запрашивая субсидию у Великобритании, заявить, что в случае победы его правительство надеется обеспечить себе такую внутреннюю мощь, какой Австрия обладала до Пресбургского мирного договора. Что касается соседних государств, то она желала некоторых незначительных исправлений своей собственной границы с компенсацией младшим ветвям ее династии за их утраченные владения. Их можно было найти либо в Германии, либо в Италии, и если ей удастся разрушить систему даннических держав Наполеона, она намеревалась вернуть все их территории их законным владельцам, не исключая тех немецких князей, которые были враждебны.

Предполагать, как это делают многие, что Наполеон в Испании не имел ни малейшего представления обо всех грандиозных планах, абсурдно. Бавария была его верным подчиненным, и Польша по-прежнему возлагала большие надежды на его успехи. Обе страны находились в самом сердце Германии, и через тщательно организованную систему шпионов в обе страны регулярно поступала информация самого достоверного характера. Те же историки, которые утверждают, что после Маренго Бонапарт уехал из Италии в Париж, чтобы скрыть свое поражение, и что он бежал в Мальмезон, чтобы скрыть свою прямую связь со смертью Энгьена, ожидают, что мы поверим, что Наполеон бежал из Испании только для того, чтобы переложить ответственность за неудачу на Жозефа. Большинство мужчин в любой кризисной ситуации действуют из смешанных побуждений. Такое обвинение демонстрирует умение сочетать факты, но Маренго, будь то поражение или победа, обеспечило Францию генералу, который там командовал; отступление в Мальмезон не побудило консула отрицать свою ответственность за казнь в Венсенне; и было бы просто вмешательством сверхъестественного, если бы Наполеон по чисто субъективным причинам покинул Испанию и вернулся в Париж как раз в тот момент, когда его присутствие там было абсолютно необходимо не только для того, чтобы сдерживать тех, кто, хотя и казался его сторонником, на самом деле был его смертельным врагом, но и для военных приготовлений встретить бурю который вот-вот должен был лопнуть. Его секретарь утверждал, что письма, которые доходили до него в Асторге, содержали все эти тревожные новости, и нет абсолютно никаких доказательств того, что это не так. Вся вероятность на стороне версии, которая была общепринятой, пока ее не атаковала группа чрезмерно доверчивых французских историков, чье рвение к Революции таково, что они чувствуют себя

обязанными опровергать каждое утверждение столь же предвзятой школы защитников Наполеона.

Из коллекции У. К. Крейна. Гравировка С. В. Рейнольдса.

ЖОЗЕФ БОНАПАРТ.

Картина Ж. Губо, 30 января 1831 г., Пойнт-Бриз, США

Более того, именно из Испании император предупредил князей, входящих в Рейнскую конфедерацию, чтобы они держали свои контингенты наготове. Его язык осторожен — независимо от того, пил ли венский кабинет из вод Леты или Дуная, он сам был бы готов. Кроме того, его действия могли иметь только одно значение. В тот момент, когда он прибыл в Париж, многозначительные взгляды и поведение предупредили Талейрана об осторожности. "Должен ли Иосиф, - сказал император в интервью Редереру, - говорить как англичанин или вести себя как Талейран? Я осыпал этого человека почестями, богатствами и бриллиантами; он использовал все это против меня. При первой же представившейся ему возможности он предал меня, насколько мог. Во время моего отсутствия он заявил, что преклонил колени, умоляя помешать моему предприятию в Испании; в течение двух лет он изводил меня, чтобы я предпринял это.... То же самое было и с Энгиеном. Я даже не был с ним знаком; именно Талейран обратил на него мое внимание. Я не знал, где он был; именно

Талейран указал мне это место, и после того, как он посоветовал казнь, он стонал по этому поводу при каждом знакомом".

В то же время колонки "Монитор" были заполнены полуправдивыми отчетами об успехах императора в Испании, и французский народ знал все, что было благоприятным; но все остальное было полностью замалчиваемо. Как Австрия желала войны, чтобы получить субсидии от Англии, так и Франция снова нуждалась в средствах, которые ее собственные ресурсы не могли обеспечить. Из-за неспособности парализовать Испанию одним ударом Наполеон впервые в своей истории вернулся после "успешной" кампании без огромной военной контрибуции. В очередной раз, после временного ремонта, французские финансы пришли в расстройство, и возникла срочная необходимость в их ремонте. Люди желали мира для своих предприятий, но континентальная блокада настолько затрудняла торговлю, что любой мир, который не включал бы в себя умиротворение морей, принес бы им мало пользы. Для Наполеона было обычной формальностью возлагать всю ответственность за ведение войны на противника, и в феврале было объявлено, что переговоры с Австрией провалились. Это было в значительной степени правдой, хотя упомянутые конкретные усилия носили формальный характер и технически были направлены на то, чтобы заручиться помощью России, которая должна была воевать только в том случае, если агрессором окажется Австрия.

Таким образом, постепенно во Франции возродился военный дух. Никто не протестовал, когда в очередной раз пришлось прибегнуть к пагубной политике предвосхищения ежегодной воинской повинности. Были не только призваны призывники на 1810 год, но и их число было увеличено до предела, и теперь были собраны те, кто по причине незрелости или по другим причинам был недоступен в 1806, 1807, 1808 и 1809 годах. Общее число молодых людей, собранных таким образом вместе, составляло не менее ста шестидесяти тысяч. Чтобы обеспечить их невысокую эффективность, они были распределены между различными полками, уже действовавшими в полевых условиях, в каждом из которых эти необученные и мальчишеские новобранцы составляли пятый батальон.

С тех пор, как эрцгерцог Карл снова встал у руля военных дел в Австрии, произошли изменения не только в армии как боевом инструменте, но и в генеральном штабе, который также был полностью реорганизован. Таким образом, в течение двух лет австрийской оккупации она не только ковала меч, но и практиковалась в обращении с ним. Уроки, преподанные ей предыдущим опытом наполеоновских войн, были тщательно усвоены. Следовательно, императору Франции предстояло решить в этой кампании совершенно иную стратегическую проблему.

В течение двух лет эрцгерцог изучал свою задачу, и это в свете богатого опыта. Вывод, к которому он пришел, состоял в том, что он нападет и одолеет Даву в Саксонии; затем, воззвав к их немецкому патриотизму, поднимет и использует народы северной и центральной Германии для сокрушительного нападения на Наполеона. Но по мере того, как приближалось время действовать, моральное влияние тех уничтожающих ударов, которые французские армии наносили раз за разом, начало проявляться и вызывать нерешительность. Граф Стадиони, государственный министр, знал, что дипломатия достигла предела своих возможностей и может выиграть самое большее лишь несколько недель. Он был уверен, что враг воспользуется ими с большей выгодой для своего укрепления, чем это могла бы сделать Австрия в ее бедности. Поэтому ему срочно

требовались срочные действия. Карл, с другой стороны, не решался встретиться лицом к лицу с чудесными ресурсами Наполеона, не завершив некоторые из своих приготовлений, которые все еще были незавершены. Поэтому в январе он начал тянуть время, и, следовательно, Франциск потребовал наступления только в феврале. За это время весь план кампании был изменен. Основная армия под командованием Карла должна была быть собрана в Богемии, готовая к действиям в любом направлении, чтобы сорвать любой курс, который мог бы избрать Наполеон. Хиллер должен был охранять линию постоянного двора, эрцгерцог Фердинанд должен был выступить против Варшавы, в то время как эрцгерцог Иоанн должен был войти в Тироль из Италии и поднять народ на восстание. Девятого апреля все эти передвижения были в самом разгаре; Хиллер добрался до Гостиницы, и Чарльз объявил войну.

Якобы эта война должна была быть непохожей ни на одну другую, которая велась до сих пор. Секретные инструкции, данные императорскому австрийскому посланнику в Лондоне, ясно указывали на то, что Габсбурги надеялись с помощью победы восстановить свое влияние как в Италии, так и в Германии; ибо это означало "возвращение к законным владельцам" и "небольшое исправление их границ", или, другими словами, восстановление условий в Европе такими, какими они были до прихода Наполеона. Это была династическая сторона; национальная сторона также должна была быть использована с той же целью. "Свободы Европы укрылись под вашими знаменами, - гласило обращение Карла к армии. - ваши победы разорвут их узы, и ваши немецкие братья, все еще находящиеся в рядах врага, ждут своего искупления". Обращаясь к немецкому миру, он сказал: "Австрия сражается не только за свою собственную автономию, но и берет в руки меч за независимость и национальную честь Германии". Другой манифест, написанный Генцем, самым способным государственным деятелем Вены, провозглашал, что война должна вестись не против Франции, а против постоянного распространения ее системы, которая вызвала такой всеобщий беспорядок в Европе.

В тоне и формулировках этих статей отчетливо слышится эхо наполеоновщины: если дом-выскачка, представленный единственной жизнью и не имеющий прямых потомков, смог добиться успеха, обратившись к людям, и заручиться поддержкой их энтузиазма, отождествив свои интересы с их интересами, почему бы древней династии с сильным родом и многочисленными победами не поступить аналогичным образом? Более того, Наполеон больше не уважал естественные физические границы или ограничения по рождению, речи, религии и обычаям, которые ограничивали нацию: его империя должна была презирать такие влияния, основываться на всеобщем братстве людей и обеспечивать возрождение человечества либеральными идеями всеобщей значимости. Австрия воспримет этот заманчивый призыв трубным призывом к братству немцев, к могучим силам национального чувства, к уважению традиций и истории, которые воодушевят ее солдат и оправдают ее курс.

Если бы ей нужна была конкретная иллюстрация, она могла бы указать на тирольцев. Со времени заключения Пресбургского мирного договора их цепи натерли им конечности до крови; в этот самый момент они снова подняли открытый бунт. Административные реформы, проведенные Максимилианом Баварским, на самом деле были самыми благотворными; его решительная позиция против господства священников над тирольцами в конце концов доказала их спасение. Но зло феодализма всегда было наименьшим среди горцев, и между аристократией и крестьянством существовали патриархально-нежные

отношения. Преданность обоих классов своим институтам, своим привычкам, своей одежде, своим обычаям, своим местным названиям была огромной. Они не хотели видеть, как название их страны исчезает навсегда, терять свои приятные, удобные институты или подчиняться призыву и присоединяться к великому уравнительному движению, которое вынудило их служить в рядах обычных солдат. Своими местными собраниями они намеревались сохранить свою военную исключительность в качестве разведчиков, застрельщиков и метких стрелков, во всех этих областях они преуспели.

Более просвещенные жители городов были вполне довольны баварским правлением, но импульсивное, невежественное и суеверное крестьянство было приятным инструментом австрийских эмиссаров. Когда они узнали, что война неизбежна и вскоре будет официально объявлена, они сразу же восстали, захватили Инсбрук и удерживали его против баварских войск. Когда австрийский гарнизон вошел маршем, их встретили с энтузиазмом. Это было в середине апреля; одновременно эрцгерцог Иоанн разгромил принца Евгения в Италии и отбросил его назад к Адидже, в то время как Фердинанд подавил всякое сопротивление в Польше и двадцатого числа занял Варшаву. Такие успехи опьяняли; казалось, великого полководца наконец застали врасплох, и преимущество от удачного открытия, по-видимому, было на стороне его врага. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XV.

ПЯТАЯ ВОЙНА С АВСТРИЕЙ—ЭКМЮЛЬ. [\[30\]](#)

Стратегические предварительные указания — Заключительные приказы — План обороны Австрии — Неудача Бертье — Прибытие Наполеона в Донауверт — Расцвет способностей Наполеона — Наступление Австрии — Первое столкновение — Концентрация армии Наполеона — Австрийцы разделены — Австрийцы при Экмюле — Битва — Отступление Карла — Пятидневная битва — Ее результаты — Карл при Бисамберге — Наполеон в Вене — Восстания в Германии деморализованы — Дискриминация народа — Безуспешное обращение Наполеона к Венгрии — Пий VII Теряет свою светскую власть — Наполеон Активность Наполеона — Медлительность Шарля — Планы обоих генералов — Наполеон на Лобау.

Наполеон гордился тем, что в его кампаниях ни один враг не должен навязывать ему законы. Он не спрашивал, как поведет себя мой враг? Что я должен сделать, чтобы помешать ему? — это была оборонительная война. Для своих целей он должен спросить, откуда я могу лучше всего нанести удар? Теперь он ответил на этот вопрос, выбрав долину Дуная в качестве направления наступления и Ратисбон в качестве своей штаб-квартиры. Перед ним стояла самая трудная задача, за которую он когда-либо брался. Концентрация и обеспечение жизнедеятельности его войск должны осуществляться по линии наименьшего сопротивления. У Даву было четыре дивизии — по одной в Магдебурге, Ганновере, Штеттине и Байройте; он также командовал поляками и саксонцами. У Бернадотта было две дивизии, размещенные в Гамбурге, Бремене и Любеке; у Удино была одна дивизия в Ханау; солдаты Рейнской конфедерации были разбросаны по всем ее городам. Две другие дивизии только отправлялись в Испанию. В начале марта Бертье снова был назначен начальником

штаба, и были изданы приказы императора. Они были такими же ясными, краткими и адекватными, как и все его лучшие работы; он снова был на знакомой земле, в обычных условиях, лицом к лицу с хорошо известным врагом, чья сила была больше, чем когда-либо прежде, но личность оставалась той же. Даву должен был собрать свои войска в Бамберге, поляки должны были оставаться в Варшаве, саксонцы - в Дрездене. В столицу последнего Бернадотт должен был привести свою армию и затем принять командование. Удино было приказано отправиться в Аугсбург, где он должен был получить подкрепление. Отходящие дивизии были остановлены и отправлены обратно в Ульм под командование Массены, в то время как две свежие были собраны во Франции и отправлены в Страсбург. Рейнские князья должны были держать свои контингенты наготове и ждать приказов.

Взгляд на карту покажет, что, как сказал Наполеон, он мог бы в случае необходимости молниеносно достичь Мюнхена. Но он не ожидал никаких действий со стороны своего врага до середины апреля. К тому времени он надеялся, что его немецкая армия будет собрана, оснащена и готова; за это время силы, уже находящиеся на местах, смогут сдержать Карла; к концу марта в Бамберге, Ульме и Аугсбурге будет сто тысяч французов, а под Мюнхеном - тридцать тысяч баварцев под командованием Лефевра; до начала военных действий он надеялся иметь в общей сложности двести тысяч свободных боевых частей. "Если австрийцы нападут до десятого апреля, - говорилось в приказе, отданном двадцать восьмого марта, - армия будет собрана за Лехом, правая займет Аугсбург, левая расположится на правом берегу Дуная у Донауверта". Затем последовали мельчайшие инструкции Бертье, объясняющие каждый шаг и излагающие причины, по которым Ратисбон был выбран в качестве штаб-квартиры. Это обеспечило бы контроль над Дунаем, оставило бы открытой линию связи и позволило бы автору настолько контролировать пространство и время, что он мог бы начать кампанию так, как ему заблагорассудится.

Эти диспозиции уже вынудили австрийцев еще раз изменить план. Они ожидали повторения наступления Моро у Мюнхена; вместо этого им пришлось защищать свою столицу во второй раз. Две дивизии были оставлены для наблюдения за Богемским лесом; остальная армия во главе с Карлом отправилась кружным путем через Линц, чтобы присоединиться к Хиллеру и перейти в наступление в долине Дуная. В случае сражения две дивизии должны были подойти коротким прямым путем через Ратисбон и присоединить свои силы к основной армии. После объявления военных действий австрийцы сразу же пересекли Инн и начали свой марш; только шестнадцатого числа они достигли линии Изара. Если бы эрцгерцог не был так бережлив к своим войскам, измотанным объездом через Линц, он, возможно, изменил бы ход истории. Наполеон еще не прибыл, и Бертье, который был всего лишь человеком, оказался неспособным выполнить приказ своего командира.

Целью Наполеона было собрать свою армию на определенной, хорошо соединенной линии и оттуда использовать ее по мере необходимости. Вместо того чтобы следовать букве его инструкций, Бертье из всех сил старался подчиниться их духу, но потерпел неудачу. Командование на левом берегу было поручено Даву; командование всеми войсками на другом берегу было передано Массене; последний должен был сосредоточиться на Лехе, первый - в Ингольштадте. До сих пор все шло хорошо; затем Бертье потерял голову (критики говорят, что он никогда не смог бы научиться стратегии, если бы у него было десять жизней) и, отступив от четкой буквы приказов Наполеона, предпринял более быструю комбинацию — не ту, что за Лехом, а ту, что непосредственно у Ратисбона. Даву должен был выступить туда и остаться там; другие дивизии должны были последовательно

присоединиться к нему. Результатом было то, что прошло три дня, прежде чем какая-либо армия была собрана вообще; две части, одна в Ратисбоне, другая в Аугсбурге, были в то время далеко разделены, и каждая подвергалась отдельной атаке противника без возможности сотрудничества со стороны другой половины.

Когда эрцгерцог Карл узнал общее положение своего врага, он решил поступить именно так, то есть атаковать и сокрушить каждую часть французской армии в отдельности. С этой целью он переправился через Изар и, повернув направо, двинулся прямо на Ратисбон, чтобы атаковать командование Даву своими превосходящими силами до того, как разрозненные дивизии Массены смогут достичь отведенных им позиций. Но он опоздал. Семафорный телеграф, которым тогда пользовались, передавал от станции к станции сигналы об объявлении войны и наступлении противника на Гостиницу, пока двенадцатого числа новость не достигла Наполеона в Париже. Шестнадцатого, после четырехдневного почти непрерывного путешествия, он добрался до Донауверта. Неразбериха, в которую приказ Бертье поверг его тщательно продуманные планы, привела его в ярость; но когда, выходя из своей дорожной кареты, он услышал, где находится враг, он не мог поверить своим ушам. Когда его убедили в правде, он, казалось, по свидетельству очевидцев, стал выше ростом, его глаза заискрились, и со всеми признаками восторга он воскликнул: "Тогда я поймал его! Это потерянная армия! Через месяц мы будем в Вене!" Первой решающей ошибкой противника был марш через Линц; вторую еще предстояло совершить.

Стратегия Наполеона в последующие дни была, как по его собственному мнению, так и по мнению его военных обозревателей, величайшей в его жизни. Нерешительность Бертье, когда он увидел свою ошибку, была такова, что по крайней мере один генерал - а именно Пеле — обвинил его в предательстве. За двадцать четыре часа его озадаченный юмор и противоречивые приказы более или менее деморализовали всю армию. Но присутствие Наполеона придало всем сил, от командиров дивизий до рядовых. Семнадцатого числа последовал приказ Даву покинуть Ратисбон и вызвать противника на бой фланговым маршем вверх по правому берегу Дуная к Ингольштадту у него прямо перед носом. Лефевр должен был прикрывать движение, а Вреде с одной баварской дивизией был готов усилить любое слабое место в случае сражения. На следующий день Массене было приказано выступить из Аугсбурга в тот же пункт, "чтобы соединиться с армией, застать врага за работой и уничтожить его колонны". С этой целью он должен был двинуться на восток через Пфаффенхофен. В мгновение ока рассеянная французская армия, казалось, уже сосредоточилась, в то время как разведчики прибывали один за другим, чтобы сообщить, что австрийцы расходятся.

Австрийцы переправились через Изар в полном порядке, сам Карл находился в Ландсхуте. Если бы они продолжали двигаться прямо вперед, то, возможно, все еще вклинились бы между Даву и Лефевром. Но эрцгерцог почувствовал робость при виде открывшихся перед ним болот и лесистых холмов; неуверенный в точном расположении противника, он бросил вперед три отдельные колонны по стольким же разным дорогам и таким образом значительно удлинил свою линию: правое крыло находилось у Эссенбаха, центр продвинулся от Ландсхута к Хоэн-Танну, левое - к Морсбаху. В четыре часа утра восемнадцатого Лефевр получил приказ обрушиться на австрийский левый фланг, в то время как летучие посыльные быстро сменяли друг друга, чтобы подстегнуть Массену с настоятельными просьбами о немедленной необходимости. Была надежда, что он сможет

присоединиться к атаке, которая, хотя и была направлена главным образом на то, чтобы отвлечь австрийцев от Даву, могла с его помощью обернуться важной победой.

Эрцгерцог в течение дня собрал шестьдесят шесть тысяч человек в Роре для наступления и тридцать пять тысяч человек в Людмансдорфе для прикрытия своего фланга, оставив двадцать пять тысяч в Мосбурге. В ту ночь подошел последний корпус Даву, корпус Фриана, и он начал свой марш. Массене, собравшему свою армию и шедшему из Аугсбурга, было приказано повернуть либо налево к Абенсбергу, чтобы присоединиться к Даву, либо направо к Ландсхуту, чтобы атаковать тыл Карла, в зависимости от обстоятельств. Теперь Лефевру было приказано занять оборону и ожидать событий в Абенсберге. В течение всего утра девятнадцатого Даву и Шарль продолжали свой марш, все больше сближаясь друг с другом. В одиннадцать часов французский фурион и австрийский левый столкнулись. Последний занял твердую позицию, но был отброшен с большой резней.

Значительные силы, которые были направлены для удара Даву во фланг у Абенсберга, также потерпели поражение от Лефевра. К вечеру вся французская армия была объединена и находилась в руках противника. Даву находился слева по направлению к реке Лабер, Лефевр с баварцами и несколькими французскими дивизиями находился в центре за рекой Абен, в то время как Массена достиг точки за Мосбургом. В течение шестидесяти часов Наполеон задумал и завершил три отдельных стратегических маневра: отход всей армии к Ингольштадту, наступление правым флангом для усиления наступающего левого фланга и перегруппировку всей своей линии с правым флангом на оперативный плацдарм противника.

"На войне ты видишь свои собственные проблемы; неприятелей ты не видишь. Ты должен проявлять уверенность", - писал французский император примерно в то же время Евгению. Насколько это соответствовало его собственному курсу! Утром двадцать первого он объявил, что враг полностью отступил. Это была чрезмерная самоуверенность с его стороны, и это было неправдой; но с таким же успехом могло быть и так. В результате вчерашней перестрелки и контрмарша австрийская армия была почти рассечена надвое; одна дивизия, правая, под командованием Карла, наступала на Ратисбон, в то время как другая, под командованием Хиллера, бесцельно двигалась сзади в общем северо-западном направлении, и вся растянувшаяся линия была не менее двадцати миль в длину. Ланн, самый крепкий, самый неотесанный из всех маршалов, прибыл из Испании накануне вечером. Его присутствие укрепило уверенность армии в том, что они победят, и на следующий день он командовал дивизией, сформированной из корпусов Морана, Гюдена и Нансути. Даву получил приказ удерживать противника спереди; Массена должен был растянуться по его тылам от Мосбурга вниз по Изару, готовый атаковать с фланга или тыла половиной своих сил, а остальные под командованием Удино направить к Абенсбергу.

Утром двадцатого числа сам император вместе с Ланном и Вреде отправился прорывать линию обороны противника. У них не возникло особых трудностей. Тонкая колонна рассеялась перед ними на север и юг. Хиллера отбросили обратно в Ландсхут, откуда он бежал в Ноймаркт, оставив Изар во владении французов. Одновременно Даву двинулся против армии эрцгерцога, которая, хотя и была намного сильнее дивизии Хиллера, тем не менее отступила и заняла Экмюль, остановившись на большой дороге, ведущей в Ратисбон. В Ландсхуте император осознал, что основная масса австрийской армии находится не перед ним, а перед Даву. Оставив Бессьера и две пехотные дивизии с кавалерийским корпусом

продолжать преследование Хиллера, он повернул обратно к Экмюлю в три часа утра двадцать второго. И здесь, опять же, в самый последний момент и в присутствии врага было принято великое решение. С той же железной волей и пылающим гением, с той же выносливостью и упорством, как и в старину, он наступал во главе своих солдат. Был час дня, когда восемнадцатимильный марш был завершен и были достигнуты аванпосты противника перед Экмюлем.

Тем временем одна из австрийских дивизий, оставшихся в Богемии, прибыла в Ратисбон. Карл, усиленный этим подкреплением, решил перейти в наступление, и в полдень его продвижение началось. Вандаму, казалось, было суждено выдержать силу натиска, но за мгновение до того, как должен был произойти удар, появился фургон Наполеона. Быстро продвигаясь вместе с Ланном, император выехал на вершину небольшого холма и, оглядев приближающихся австрийцев, внезапно приказал Вандаму захватить Экмюль, а затем отправил Ланна переправиться через Лабер и обойти противника. Даву, узнав направление австрийской атаки, бросился на неприятельские колонны справа от них и после упорного сопротивления начал оттеснять упорного противника. Менее чем через два часа французы справа, слева и в центре перешли в наступление, а противник неуклонно отступал, но при отступлении вел ожесточенные бои. Так продолжалось до семи вечера, когда Ланн наконец выполнил свою задачу.

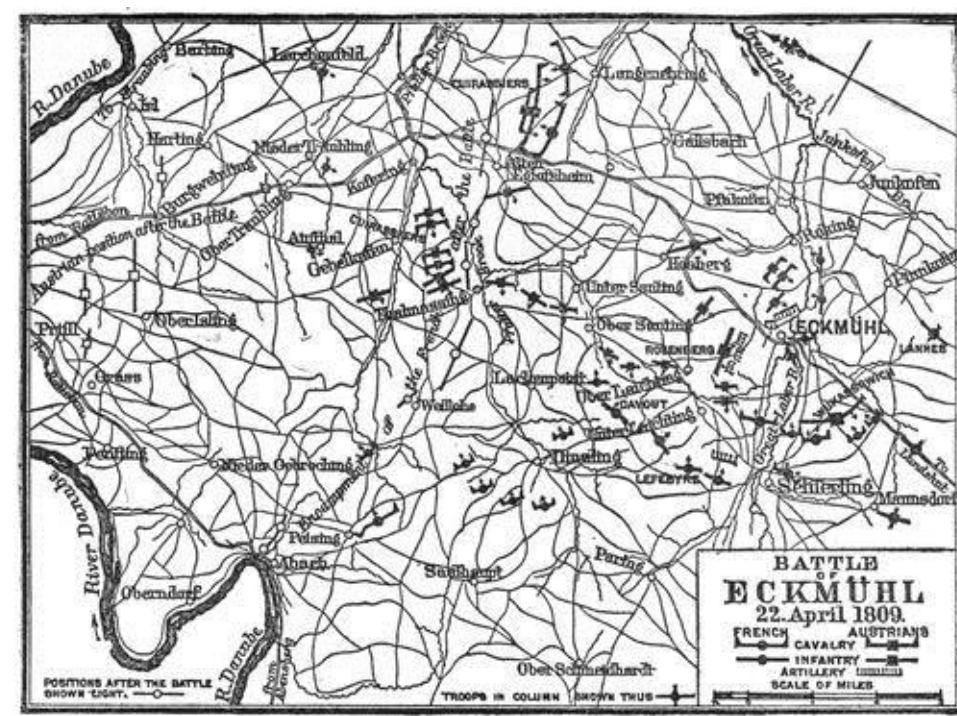
Это уничтожило всякое сопротивление. Император слабо поддался на протесты своих генералов о том, что войска истощены, и не отдал приказа о преследовании. Карл отступил в Ратисбон. Ночью и рано утром он перекинул через реку понтонный мост, через который уже был перекинут каменный, а на следующий день, после перестрелки, в ходе которой его передовые посты были отброшены в город, он переправился через Дунай; три дня спустя он соединился со своей второй дивизией, оставленной в Богемском лесу, и стоял у Чама с боеспособными силами в восемьдесят тысяч человек. Результат доказал, что суждение Наполеона было безошибочным; если бы он продолжал преследование, несмотря на все увещания и не обращая внимания на усталость своих людей, у него не было бы могущественного врага, с которым пришлось бы сражаться несколько недель спустя при Ваграме. Некоторое время спустя он сказал австрийскому генералу, что долго размышлял и воздержался от следования за Карлом в Богемию из опасения, что северные державы восстанут и придут на помощь Австрии. "Если бы я немедленно бросился в погоню, - сказал он на острове Святой Елены, - как пруссаки после Ватерлоо, вражеская армия, теснившаяся к Дунаю, оказалась бы в крайней ситуации".

"Труд - моя стихия", - заметил он на том же унылом острове почти в самый разгар мук распада. "Я нашел предел своей силы в глазах и конечностях; я никогда не находил предела своей работоспособности". Это, безусловно, относилось к этому пятидневному бою. "Его величество здоров, - писал Бертье двадцать четвертого числа, - и переносит в соответствии со своей обычной привычкой напряжение ума и тела". И снова его враг не был уничтожен, но это удовлетворение и приподнятое настроение кажутся естественными для обычных умов, которые помнят, что за неделю он развил порядок из хаоса и поразили могущественного объединенного врага, разрезав его линию надвое и отправив одну часть вправо - примерно в полном замешательстве. До конца своей жизни Наполеон считал стратегические операции, завершившиеся при Экмюле, своим шедевром в этой конкретной области. Жомини, его способный критик, всегда придерживался того же мнения. Французская история знает этот конфликт как Пятидневную битву; Танн, Абенсберг,

Ландсхут, Экмюль и Ратисбон были местами, в которых каждый день происходили стычки или сражения, отмечавшие последовательные этапы победы Франции.

Результаты были самого важного рода. Во-первых, от гордости и уверенности Австрии не осталось и следа. Она потеряла пятьдесят тысяч человек, и ее война была уже не наступательной, а оборонительной. Карл призывал к миру, но император не захотел слушать. Более того, эрцгерцог Иоанн был вынужден покинуть Тироль, и когда он снова оказался в Италии, ему противостоял уже не один Эжен, этот прекрасный молодой, но слабый генерал, которого он так легко победил: Макдональд был связан с вице-королем в командовании. В Польше также легкие успехи Фердинанда завели его слишком далеко в преследовании Понятовского, и он начал отступать. Лефевр с баварцами был размещен в Зальцбурге, чтобы предотвратить вторжение тирольских горцев на север; всей остальной армии императора было немедленно приказано выступить на австрийскую столицу.

Наступление почти не оспаривалось. Хиллер, командовавший левым крылом Карла, приостановил свое отступление и, пройдя через Инн со своими тридцатью тысячами человек, успешно атаковал Вrede при Эрдинге. Вероятно, он слышал, что Карл направляется к Пассау, но эта новость была ложной. Узнав правду, он снова повернул и пересек Гостиницу; оттуда он продолжил отступление, на мгновение остановившись у Трауна, чтобы воспользоваться сильной позицией и удерживать оборону, если Чарльз, возможно, придет туда, чтобы присоединиться к нему. При Эбельсберге третьего мая он оказал великолепное и на мгновение успешное сопротивление, но был разбит численным превосходством. Услышав о медленном продвижении своего командира и будучи сам в отчаянии, седьмого числа он повел свою армию в Маутерн на левый берег Дуная, чтобы соединиться с обескураженным эрцгерцогом, а затем разрушил мост позади него. Войска Карла и Хиллера встретились и остановились на склонах большого холма, известного как Бисамберг, который возвышается над Веной с северного берега и господствует над плодородными равнинами, по которым великая река протекает мимо австрийской столицы.

Битва при Экмюле 22 апреля 1809 года.

День за днем, с незначительными перерывами, но без реальной проверки, французские ряды маршировали вниз по правому берегу реки. Десятого мая они появились перед Веной. Тогда, как и сейчас, у него не было эффективных укреплений, и его гарнизон состоял из гражданского ополчения, усиленного небольшим отрядом, который Хиллер послал вперед, чтобы усилить их и подбодрить. Защитниками командовал эрцгерцог Максимилиан. Было оказано храброе сопротивление; все пригороды были эвакуированы, а население собралось за старыми кирпичными стенами, которые были возведены два столетия назад против турок. Сначала Наполеон думал, что это будет второй случай такого ожесточенного и отчаянного сопротивления, с каким он столкнулся в Мадриде. Но уловка французов, направленная на то, чтобы перерезать сообщение города с рекой, а также несколько пушечных ядер быстро привели несчастную столицу к соглашению; Максимилиан выступил из города в полночь одиннадцатого, а двенадцатого Наполеон вернулся в соседний дворец Шенбрунн, где он уже устроил свою штаб-квартиру. Новости, поступавшие изо дня в день, были самыми обнадеживающими. Понятовский снова овладел Варшавой, которую эрцгерцог Фердинанд покинул, чтобы воссоединиться со своим братом Карлом. Эрцгерцог Иоанн, летевший впереди Макдональда, перевалил через Каринтийские горы в Венгрию, где либеральное движение угрожало австрийскому правлению. Баварцы после отчаянных боев под командованием Лефевра изгнали тирольских повстанцев из Инсбрука. Это казалось подходящим временем для завершения, если возможно, деморализации всей австрийской империи, прежде чем перейти Дунай и уничтожить ее вооруженные силы. Франциск посеял ветер в своем объявлении войны: он должен пожать ураган.

С самого начала Наполеон максимально использовал то, что его враг был агрессором. В "Мониторе" не было слишком резких выражений, которые можно было бы применить, говоря о враждебном дворе и сопротивляющемся населении. Прокламации императора

изобиловали оскорблениями в адрес тиролец и Шилля. Последний был прусским партизаном, который, отличившись после Йены, теперь стремился использовать войну в Австрии для того, чтобы разбудить северных немцев. Он уже собрал несколько отчаянных патриотов и в открытой враждебности бросал вызов официальным властям с намерением призвать свою страну к оружию. Известие об Экмюле лишило его шансов на успех, и вскоре ему предстояло завершить свою доблестную, но неудачную карьеру в последней битве при Штральзунде, куда он отступил. Наполеон заклеил его как "своего рода грабителя, который покрыл себя преступлениями в последней прусской кампании". В неоднократных публичных выступлениях австрийский император характеризовался как трусливый, неблагодарный и лжесвидетельствующий, в то время как к венцам обращались как к "хорошим людям, покинутым и овдовевшим". Последними действиями их беглых правителей были убийства и поджоги; "подобно Медее, они собственными руками задушили собственных детей".

Эта политика ухаживания за народом при одновременном оскорблении его правителей была успешно проведена в Италии и с того дня продолжалась с разными результатами. Во времена Наполеона для Европы нельзя было придумать более эффективного революционного двигателя. Надуманные заявления императора были основаны на правде, и хотя идея, которую они выражали, искажалась и повторялась до тех пор, пока ее преувеличение не превратилось в ложь, все же Франция и наполеоновские солдаты, казалось, с энтузиазмом сражались и страдали за то, что они все еще считали великим делом. Даже тупые хамы, чей интеллект был почти подавлен веками угнетения, почувствовали прилив мужества, слушая пламенные слова императора; средние классы, хотя и не были обмануты, не имели силы опровергнуть подобные высказывания такого человека; и среди немногих по-настоящему просвещенных людей каждой нации, которые осознавали унижение своей страны при династическом абсолютизме, часто создавалось потрясающее впечатление, по крайней мере временно.

Этот факт уже был хорошо проиллюстрирован в Польше. В Австрии было еще одно удельное государство, народ которого мало заботился о престиже своих иностранных королей и очень заботился о своих собственных свободах. Венгры были консервативной, способной расой; многие из них были ярыми протестантами, хорошо образованными и хорошо информированными, успешно сочетавшими в своих институтах лучшие элементы как гражданской, так и патриархальной жизни. Пятнадцатого мая Наполеон обратился к ним с воззванием, которое было шедевром в своем роде. В нем говорилось, что император Леопольд II за время своего короткого правления признал их права и подтвердил их свободы; что Франциск I поклялся соблюдать их законы и конституцию, но никогда не созывал их сословий, кроме как для того, чтобы потребовать денег на свои войны; что ввиду такого обращения Венгрия теперь должна подняться и обеспечить национальную независимость. Прокламация произвела некоторый эффект, но в целом венгры твердо стояли на своем.

Четырьмя годами ранее из Шенбрунна было выпущено воззвание Наполеона о том, что неаполитанские бурбоны прекратили свое правление. Теперь другое, на которое уже делалась ссылка, не менее известное, было продиктовано в его стенах, хотя и датировано семнадцатым мая, из "Имперского лагеря в Вене". Это был документ еще более грамотный, чем тот, что был адресован венграм. Ссылаясь на злоупотребления, которые с незапамятных времен были результатом смешения мирской и духовной власти в папстве, он отменил

пожертвование Карла Великого Адриану I (сделанное тысячу лет назад!), объявил, что Пий VII прекратил правление и что в качестве компенсации за потерю своей светской власти он должен получать ежегодное увеличение дохода на сумму в два миллиона франков. В мирное время этот декрет вызвал бы по всей Европе огромный переполох; но в промежутке между двумя актами великой кампании люди были гораздо больше заняты размышлениями о вооруженном решении, чем переменой, которая, в конце концов, была лишь еще одним этапом затяжной, утомительной борьбы, в ходе которой папство давно уже пало со своей вершины. Однако это был элемент ужасающей деморализации австрийского дома, который, таким образом, увидел, что консолидация Италии под властью семьи Наполеонов завершена, и их последняя надежда восстановить свое европейское влияние путем расширения на этом полуострове угасла.

Таково было живописное развлечение, устроенное для большого мира во время паузы в несколько дней после оккупации Вены. Эти моменты также были заняты наибольшей военной активностью. Утром, днем и ночью писали секретари, бегали курьеры; дороги центральной Европы оглашались топотом пехоты и копыт лошадей, которые тащили обозы с провиантом и артиллерийские лафеты или везли депеши в отдаленные пункты.

Эрцгерцог Карл был прекрасным стратегом-теоретиком, в свое время уступавшим только Наполеону. После рокового разделения своей армии под Ландсхутом он чудесным образом восстановил свои силы, захватив Ратисбон, переправившись через Дунай и оставшись в Хаме с восьмидесятитысячной численностью, как это было после подкрепления дивизией, которую он вызвал из Богемского леса. Но он снова стал жертвой нерешительности. Призывая к мирным переговорам, он долго слонялся в Будвайсе, не смог присоединиться к Хиллеру, чтобы бросить их объединенные силы наперерез французскому наступлению на Вену, и когда, наконец, он оказался на склонах Бисамберга, ему на мгновение показалось, что у него нет цели. Так надежда на мир может парализовать деятельность великого полководца. Но когда, предложив начать переговоры со своим противником, он не получил ответа, когда он узнал, что австрийское министерство также намерено вести борьбу до конца, он снова стал самим собой. Его план был, возможно, величайшим из когда-либо придуманных им: настолько грандиозным, что четыре года спустя Наполеон осуществил его самостоятельно в Дрездене. Она заключалась в том, чтобы освободить Вену, угрожая французским коммуникациям.

Идея была достаточно старой; новизна заключалась в деталях. Колловрат должен был выделить двадцать пять тысяч человек из своего личного состава и захватить Линц с его мостом; эрцгерцог Иоанн должен был присоединиться к тирольской армии, которая отступила к верховьям Энса, а затем выступить с пятьюдесятью тысячами человек в тот же пункт. Но Массена уже был хозяином долины Энс, а Бернадотта послали помогать Вандаму в Линце. Император уже разгадал этот план и сорвал его благодаря быстроте, с которой были переданы его приказы и вызваны отдаленные подразделения. Коммуникации были под угрозой, но не нарушены, и Наполеон сосредоточил все свое внимание на проблеме форсирования великой реки перед лицом врага. Он делал это и раньше, но никогда при столь необычных обстоятельствах, как те, с которыми он столкнулся из-за размеров Дуная и силы его врага.

Могучий поток следует по большей части по одному руслу, пока не выходит на равнины, обращенные к Вене на севере, где через определенные промежутки времени он разделяется

на несколько рукавов, охватывающих многочисленные острова. Почти все эти ответвления представляют собой крупные ручьи; многие из них судоходны. Было решено выбрать две такие точки, одну выше, а другую ниже города, построить мосты в обеих и выбрать ту, которая окажется более выполнимой, когда задача будет выполнена. Предприятие над городом провалилось исключительно из-за бдительности австрийцев. Массена добился большего успеха на другом конце, и ему удалось без особых трудностей собрать достаточное количество материала; его мосты между двумя берегами у острова Лобау были готовы двадцатого мая. За это время Карл продвинулся вперед и занял линию фронта дальше по великой равнине, протянувшуюся от деревни к деревне — от Корнойбурга, Энзерсфельда и Гросс-Эберсдорфа до Штреберсдорфа. Эжен и Макдональд достигли Филлаха, откуда могли двинуться прямо на Вену; эрцгерцог Иоанн находился в Фолькермаркте, направляясь вниз по Драве в Венгрию. За два дня до этого восемьсот французских солдат переправились на остров Лобау, чтобы изгнать австрийских разведчиков; девятнадцатого прибыл Наполеон и были построены необходимые укрепления; двадцатого начался переход, и Массена с легкой кавалерией Ланна был отправлен на разведку. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XVI.

АСПЕРН, ЭССЛИНГ И ВАГРАМ. [\[31\]](#)

Маршфельд — Тактика двух армий — Битвы при Асперне и Эсслинге — Нерешительный результат — Отступление Наполеона — Характер сражения — Недовольство во французской армии — Дух Австрии — Подготовка к возобновлению конфликта — Французская армия на Лобау — Новая тактика Наполеона — Первый день Ваграма — Использование артиллерии Наполеоном — Второй день Ваграма — Победа, купленная дорогой ценой — Французская паника — Дилемма Наполеона.

Карл, очевидно, решив позволить своему врагу беспрепятственно переправиться через реку и дать решающее сражение на своей территории, тем временем продвинулся к еще одной линии деревень — Штреберсдорфу, Герасдорфу, Дойч-Ваграму. Утром двадцать первого армия Наполеона частично переправилась через главную реку, часть его войск все еще находилась на Лобау, часть полностью перешла на левый берег, но большая часть все еще оставалась на правом берегу. Его кавалерию снова послали очистить Маршфельд от австрийской легкой кавалерии, которая перебежала с одного наблюдательного пункта на другой; а сам он, чтобы осмотреть местность, продвинулся к первому небольшому возвышению за низкими лугами, окаймляющими реку. Недалеко от того места, где он стоял, находилась уютная деревушка Асперн, состоящая, как и другие вокруг, из одноэтажных каменных домов и высоких каменных амбаров, некоторые из которых были огромных размеров, со стенами толщиной в несколько футов. Усадьбы и погосты огорожены обычными каменными стенами. На небольшом расстоянии к востоку лежал Эсслинг, в котором, как и в Асперне, проживало несколько сотен человек, а еще дальше, но хорошо видимая, несколько более крупная деревня Энзерсдорф. Равнина, хотя и не холмистая, все же не является идеально плоской, и небольшие ручьи пересекают ее через частые промежутки времени, их направление обозначено деревьями, растущими по их берегам.

Самый важный из них, Руссбах, находился в нескольких милях к северу от того места, где он стоял. Повернувшись к Массене и осмотрев местность, он сказал: "Я откажусь от атаки слева и, наступая справа, поверну австрийский фронт влево". То есть он оставил бы свой левый фланг на реке, повернул бы австрийский левый фланг и, развернув их линию, окружил бы их тылом к Дунаю. Его успехом было бы их уничтожение, поскольку у них не было возможности переправиться при отступлении.

Менее отважным людям этот план показался бы безумным. Осторожный генерал без колебаний захватил бы Асперн, Эсслинг и Энцерсдорф и разместил там сильные гарнизоны, чтобы обезопасить свою собственную линию отступления и обеспечить достаточное пространство для развертывания. Пеле в своих мемуарах заявляет, что император отдал приказ "переправиться через реку и выступить против врага". Как бы то ни было, на левом берегу Дуная пока было всего три пехотные дивизии, а в Асперне был лишь слабый гарнизон. Карл был полон решимости сохранить, по возможности, свое численное превосходство. Река несколько разлилась, и он отправил поплавки, груженные камнями, вниз по главному каналу, чтобы они проломили мосты Наполеона. Попытка увенчалась лишь небольшим успехом, хотя и ослабила самый важный мост. Тем временем австрийцы наступали пятью колоннами: одна у Брайтенли на Асперн, одна у Адерклаа на Эсслинг, одна прямо на Энцерсдорф слева от них; две другие были кавалерийскими и двигались в общем направлении от Брайтенли на Асперн. Они появились на виду около часа дня, причем колонна, предназначенная для атаки на Наполеона, была ближайшей. Чрезмерная самоуверенность Наполеона сразу же исчезла, и пока австрийцы готовились к атаке и занимали Асперн, он послал дивизию Молитора захватить и удерживать эту деревушку под командованием Массены. Дивизии Леграна и Буде находились в тылу, справа и слева соответственно. Бессьер с кавалерией Ласалья и Эспаня стоял между Асперном и Эсслингом; дивизия Карра Сен-Сира прибыла позже и находилась в резерве. Ланну и Буде с небольшими силами было приказано удерживать Эсслинг. Энцерсдорф был оставлен и быстро занят левыми австрийскими частями.

Бои при Асперне были ужасными. Французы вторглись внутрь, были выбиты, затем повернули и снова захватили город. Снова и снова повторялась та же чередка успехов и поражений, причем самое ожесточенное сражение произошло на церковном дворе в западной части деревни. В Эсслинге передовым постом, из-за которого разгорелось сражение, был большой амбар с мощными стенами и сводчатыми подвалами. Тем временем император как можно быстрее подтягивал свои войска с тыла, но в три часа пополудни его главный мост через главный рукав Дуная рухнул перед грудями мусора, принесенного с холмов паводком, количество которого с каждым часом увеличивалось. Австрийцы от начала до конца превосходили их численностью на поле боя; их батареи, идущие анфиладой, были в состоянии прочесывать французские позиции в течение нескольких часов, и резня была ужасной. Наконец Бессьеру удалось выбить их из Эсслинга, и ценой больших усилий это место удерживалось до сумерек, когда австрийцы отступили на бивуак. Но в Асперне число сражавшихся было больше, и Леграна послали туда ближе к ночи. Эрцгерцог намеревался захватить и удержать деревню, если это возможно, и бои там продолжались до полуночи. Несмотря на то, что французы были ослаблены и уступали в численности, они лучше своих врагов понимали необходимость обороны такого места, и когда стрельба прекратилась, они все еще удерживали половину длинной главной улицы.

К полуночи французский мост был снова отремонтирован, и Даву, в ответ на срочный приказ Наполеона, начал подтягивать подкрепления, особенно артиллерию, держа их на южном берегу мейн-ривер в готовности к переправе. В два часа ночи австрийцы предприняли еще одну попытку выбить противника из Асперна; вскоре после этого они снова атаковали Эсслинг. Массена вызвал Карра Сен-Сира в Асперн; в течение часа обе атаки были отбиты, и последняя деревушка была полностью очищена от врага. Пока продолжалась отчаянная борьба, император еще раз осмотрел поле боя; и когда в семь часов утра Даву прислал сообщение, что часть подкреплений уже находится в Лобау, Наполеон решил прорваться через центр противника и с этой целью бросил вперед войска, уже находившиеся на местности. Но еще раз ослабленная и залатанная структура на Дунае дала трещину, и прибытие подкреплений было остановлено; имевшиеся французские силы были немедленно отведены назад и размещены для удержания линии от Асперна до Эсслинга. Враг приободрился и ринулся в атаку с новой энергией; в бывшей деревне повторились сцены предыдущего дня, сначала один, а затем другой участник некоторое время удерживал ее. В центре, где австрийцы почти прорвали линию фронта, Наполеон быстро собрал свою недавно прибывшую артиллерию и кавалерию Бессьера; после упорных боев им удалось сдержать австрийцев. Справа Эсслинг, после того как был захвачен и отбит по несколько раз каждой стороной, был взят и долгое время удерживался левой стороной противника; затем около трех часов дня он был отбит частью французского резерва, "молодой гвардией" Наполеона. Вслед за этим, из-за полного истощения обеих сторон, конфликт прекратился, не было слышно ничего, кроме беспорядочных артиллерийских залпов. Французы овладели Асперном и Эсслингом. В семь часов император созвал военный совет; генералы посоветовали переправиться через Дунай и отступать в Вену. "Вы, должно быть, имеете в виду Страсбург, - сказал их вождь, - потому что, если Карл последует за мной, он может загнать меня туда, а если он выступит, чтобы отрезать мне путь в Линце, я тоже должен буду выступить туда, чтобы встретить его. В любом случае я должен покинуть столицу, мой единственный источник припасов. Ответа не последовало, и было решено отступить в Лобау и удерживать его до тех пор, пока не удастся построить более прочный мост и Даву не перебросит через него все свои силы. После двух дней ужасающих оборонительных боев, настолько ужасных, что австрийцы несколько раз были на грани отступления, Наполеон был вынужден оставить поле боя.

Ночь на двадцать второе мая стала началом такой горечи для французского императора, какой он еще не испытывал. Силы его врага насчитывали около семидесяти тысяч, его собственные, возможно, сорок пять тысяч; но это была полностью его собственная вина, в основном из-за чрезмерной уверенности в себе и слабого презрения к врагам, которые после долгого и сурового послушничества теперь сражались как французы-ветераны, и которыми руководил тот, кто усвоил уроки собственной стратегии Наполеона. Эсслинг пять раз проигрывал и выигрывал; сколько раз Асперн попадал в плен и отвоевывался, можно только приблизительно оценить. Обе деревни теперь были покинуты французами. Последняя атака австрийцев на центр была предпринята и отражена с пламенной доблестью, но в ней Ланн был смертельно ранен. Таким образом, общим итогом этих двух дней стала потеря тысячи доблестных войск и этого маршала, величайшего дивизионного генерала Наполеона, друга его юности и единственного оставшегося в живых бесстрашного и честного человека. Хуже того, "непобедимый", хотя и не был побежден, был остановлен, и это тоже было не в углу, как в Испании или при Эйлау, а на виду у всей Европы, на поле, выбранном им самим.

Когда больной войной император проходил мимо носилок, на которых лежал его старый товарищ, он в порыве нежности бросился к живому, но искалеченному и полубессознательному телу; и в ту ночь, когда он сидел за столом перед нетронутой едой, соленые слезы катились по щекам, которые нечасто испытывали подобные ощущения. Но в бюллетене, который он продиктовал, говорилось: "Противник отступил на свои позиции, и мы остались хозяевами поля боя". Это последнее положение было точно так же верно для французов при Асперне, как и для русских при Эйлау — это была техническая победа, но моральное поражение. Австрийцы отпраздновали это сражение как свою победу, почести которой они отдали последней кавалерийской атаке под командованием принца Иоанна Лихтенштейна; и на мирном церковном кладбище в Асперне покоится изображение величественного льва, пораженного в самое сердце, как напоминание патриотически настроенным австрийцам о двухдневных победоносных боях, которые буквально залили это место кровью. "Мы не смогли воспользоваться победой, - писал начальник штаба Карла двадцать четвертого, - поскольку сильная позиция противника делала преследование невозможным". Это он хорошо знал, потому что накануне вечером австрийцы безуспешно пытались выбить французскую армию из Лобау.

Соответствующие чувства двух сил отражены в двух фактах. Двадцать третьего числа Наполеон снова посетил Ланна, который теперь был в полном сознании и понимал, что обречен. Он был так же бесстрашен, как всегда, и с суровой откровенностью старого республиканца излил императору все, что чувствовал. Армия, сказал он, устала от кровопролития, нация - от чувства истощения; ибо оба они в равной степени сознавали, что страдают и проливают кровь уже не за принцип, а за безграничные амбиции одного человека. Маршал-ветеран отказался от всякого сочувствия или утешения и отвернулся лицом к стене. И Марбо, и Пеле заявляют, что эта история о кадете де Гассикуре - выдумка; если это так, то она умна, поскольку мы знаем из других источников, что язык, приписываемый Ланну, выражал чувства солдат. Поскольку при таком быстром переходе и постоянных боях шансов на добычу было мало, молодежь и беднота впали в уныние. Огромные состояния, завоеванные офицерами, были бесполезны, пока им отказывали в мире ради их удовольствия; миллионы Массены не спасли его от разоблачений и тягот поля боя, и он признался, что любит роскошь и безнравственное потакание своим желаниям. Такие голоса вызвали скрытое недовольство.

Чувства Карла и его солдат не сильно отличались. В результате их победы не было ничего возможного, кроме как занять более удобную позицию на том же Марчфельде, где они потерпели поражение. Перед ними были тела десяти тысяч убитых и вчетверо больше раненых: потери, которые были примерно поровну разделены между их братьями и врагами. Эрцгерцог настаивал, что сейчас настало время для дипломатии. Битва при Асперне, по его словам, смягчила Наполеона, и Австрия могла бы обеспечить выгодный мир. Но Франциск не изменил своей натуре; он будет ждать окончательного решения. Его брат Фердинанд вскоре прибудет из Польши, а Иоанн уже был в Венгрии. Фридриху Вильгельму III он предложил Варшаву, если только Пруссия придет ему на помощь. Но король Пруссии был упрям. Опасаясь, как бы Австрия не закрепила за собой лидерство Германии, и ожидая в конце концов большего от России, он отказался, несмотря на искренние советы всех своих министров, помогать своему сопернику. Только когда его заверили, что Александр намерен сохранять нейтралитет, он согласился на секретное вооружение, но тогда было уже слишком поздно. Восстание в Вестфалии, для оказания помощи которому Шилль, вопреки приказу, вывел свой гусарский батальон из Берлина, было легко подавлено. Этот факт,

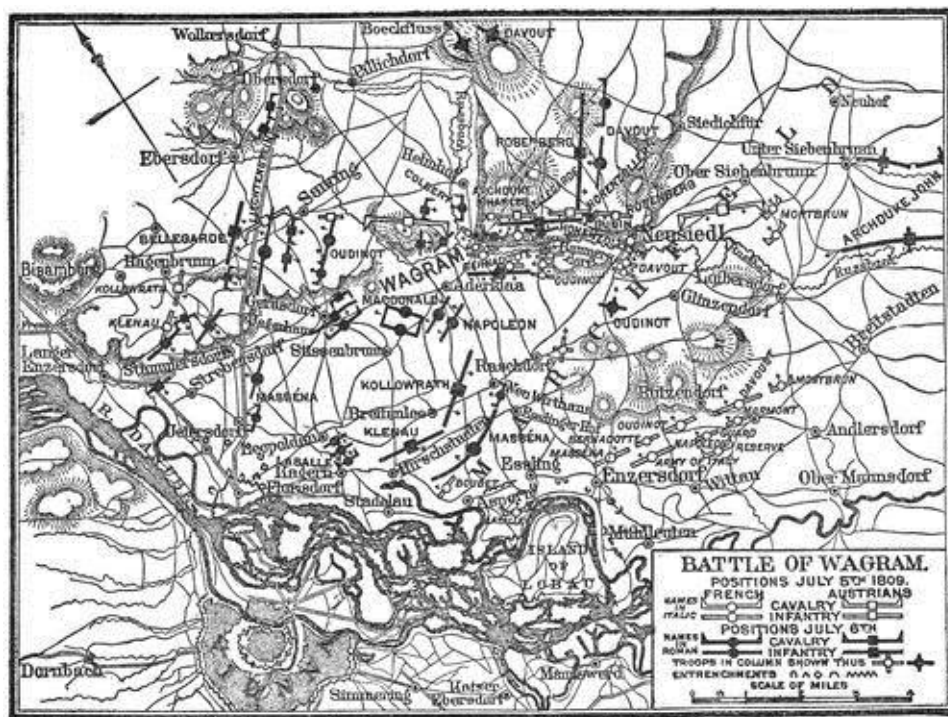
наряду с сигнальным успехом Наполеона в Баварии, казалось, оправдывал Фридриха Вильгельма и неспособность Франциска добиться какого-либо преимущества после того, как Асперн подтвердил это мнение. Однако характер прусского народа был таков, что под моральным давлением их король в конце концов предложил официальные условия союза. Истинный настрой Австрии проявился в ее расплывчатом ответе. Сначала она обратилась к Англии за дополнительной помощью, но, не получив ее, обратилась нелюбезно и с неопределенными предложениями к Пруссии. Ее посланник, конечно, не получил ответа. Таким образом, Карл и Наполеон неделями лежали, наблюдая друг за другом, как гладиаторы, каждый готовый воспользоваться любым неверным шагом, сделанным другим, и оба неуклонно набирались сил, чтобы возобновить борьбу на одной арене.

Наполеон, казалось, готовился к следующему сражению с решимостью рискнуть всем. Его линия связи с западом была полностью заброшена; Тироль тоже был фактически эвакуирован, и Лефевр с баварцами сменил Вандама и Бернадотта в Линце, так что оба последних могли одновременно продвинуться на расстояние удара. Эжен достиг Брука в Штирии и, следовательно, был совсем рядом; Мармон с десятью тысячами человек был вызван из Иллирии. Оказавшись, таким образом, в безопасности на юге, император послал две дивизии наблюдать за австрийцами у Пресбурга. К десятому июня он собрал в Вене и вокруг нее армию численностью в двести сорок тысяч человек. Тринадцатого числа эрцгерцог Иоанн, развернувшись и двинувшись к Раабу, был атакован, разбит и отброшен обратно в Венгрию Евгением, который научился если не полководческому мастерству, то, по крайней мере, послушанию и, тщательно выполняя указания своего отчима, одержал таким образом важную победу.

Тем временем на Лобау кипела жизнь. Через главный поток был построен новый прочный мост. Чтобы предотвратить еще одну подобную аварию, которая произошла ранее, это сооружение было не только защищено сваями, но и охранялось гребными лодками, которые были вооружены полевыми орудиями и укомплектованы артиллеристами. Противник отступил за Руссбах по линии от Дойч-Ваграма до Маркграфнейзидля, оставив только корпус для укрепления старой линии от Асперна до Эсслинга. Вследствие этого император полностью изменил свой план. Сначала был сильно укреплен остров Лобау, а затем под прикрытием орудий был построен не один, а множество мостов на материк по левому берегу. Ниже были приняты аналогичные меры. Таким образом, французские войска могли осуществить свой переход очень быстро и гораздо дальше на восток, чем раньше, обойти линию Асперн-Эсслинг и достичь Энцерсдорфа под защитой своих собственных фортов, повернуть левый фланг противника почти в процессе переправы и таким образом развернуть левое крыло его линии, которое было прочно укреплено на возвышенности за Руссбахом, от Маркграфнейзидля через Парбасдорф к Ваграму, где оно соединялось с центром. Все эти приготовления были завершены к первому июля, когда император выехал из Шенбрунна в Лобау. Во время сражения при Асперне он наблюдал за полем боя с качающихся перекинутых веревочной лестницы, прикрепленной к одному из высоких деревьев на острове. На этот раз он принес с собой длинную стремянку, одну из тех, что используются в дворцовых садах для подстригания высоких кустарников. Эрцгерцог Иоанн сейчас находился в Пресбурге; эрцгерцог Карл увеличил свою численность до ста тридцати тысяч человек. На Лобау и вблизи него находились сто восемьдесят тысяч французских солдат; еще двадцать две тысячи были позади.

Это был пятый раз, прежде чем все предварительные ходы были успешно сделаны. Переход был благополучно осуществлен предыдущей ночью, именно так, как и планировалось, - ложный маневр против Асперна, направивший австрийцев по ложному следу. Таким образом, утром две линии были выстроены напротив, но несколько наискосок друг к другу, причем правая французская линия перекрывала левую австрийскую за Энцерсдорфом до Виттау, чтобы либо предотвратить приближение эрцгерцога Иоанна, либо обойти левый фланг австрийцев, в зависимости от обстоятельств. Французский центр, таким образом, находился перед австрийским левым флангом, и Массена, с французским левым флангом, расположенным на Дунае, должен был атаковать австрийский центр в деревне Герасдорф, в то время как Бернадотт и Эжен должны были броситься на левый фланг Карла, который простирался за Руссбахом от Ваграма до Маркграфнейзидля. Наполеон ждал несколько часов, пока разведчики вели разведку в направлении Пресбурга. Убедившись около пяти, что Джон не покидал город и не подавал никаких признаков движения, он подготовил свои колонны и около семи вечера отдал приказ о наступлении.

Массена предпринял энергичные усилия, чтобы удержать центр и правый фланг противника, в то время как Наполеон развернул свой собственный центр и правый фланг против позиций, удерживаемых левым флангом его противника. В течение нескольких часов шли ожесточенные бои, но Карл увидел маневр императора и, быстро перебросив свой резерв из-за Герасдорфа слева от себя, выиграл время, чтобы вызвать подкрепление справа от себя у Бисамберга. Бернадот двигался медленно и в решающий момент не привел свои силы в действие. Наполеон был сильно разгневан его очевидной медлительностью. Атака Удино на Ваграм, предпринятая в семь утра, провалилась. Эта деревушка была ключевой в расположении австрийцев, образуя угол их линии, и бои там были отчаянными. К девяти часам французы были полностью отброшены назад и вынуждены вернуться на позиции, которые они занимали утром. В одиннадцать Эжен и Бернадот предприняли последнюю попытку штурма Ваграма, но, как и предыдущая, она была кровавой и бесполезной. Вечером того же дня у костра совета лидерам французских левых и центровых было приказано продвинуться дальше вправо и сосредоточиться на позициях за Руссбахом на следующее утро. На рассвете все было заменено, и еще до восхода солнца все было готово, поскольку император провел бессонную ночь на своей тигровой шкуре за бивуачным костром перед своей палаткой.

Битва при ВАГРАМЕ. Позиции 5 июля 1809 года.

Но Чарльз не стал дожидаться нападения. С новым мужеством и добавленной уверенностью он приказал своему правому флоту под командованием Кленау следовать вниз по Дунаю против ослабленного левого фланга противника, который, таким образом, мог быть повернут, в то время как с рассветом его центр двинулся к Массене. Какое-то время австрийцы выносили все перед собой, и Массена отступал шаг за шагом, пока не стало казаться, что роли поменяются и Наполеон будет побежден своей собственной тактикой. И Асперн, и Эсслинг были взяты, а затем, повернув на север, объединенный австрийский центр и правые силы полностью окружили французские левые части и атаковали их с фланга. Они считали себя победителями, когда неожиданно тяжелая артиллерия на Лобау открыла по ним огонь, и они начали колебаться. В этот критический момент великий артиллерист привел в действие мощные батареи своей собственной армии, которые он так тщательно подготовил. Лористон был выбран для проведения решающего действия, и его блестящее поведение не просто обеспечило победу, но и сделало ее ошеломляющей. По самым скромным подсчетам, под его командованием находилось сто полевых орудий — шестьдесят от гвардии, — и их поддерживали кавалерия и кирасиры; некоторые оценивают количество орудий в четыреста, но это явно дикое преувеличение. По мере того как артиллерия подтягивалась и разворачивалась, залпы дробы, снарядов и картечи начали следовать в быстрой последовательности, и за короткое время преследование противника было не только остановлено, но и с приближением пехоты Макдональда для формирования нового фланга было обращено в отступление. Австрийцы оказали один доблестный отпор, но в конце концов были вынуждены отступить к подножию Бисамберга.

Тем временем Даву атаковал левый фланг. Пока он сражался, его постоянно пополняли, пока однажды, около полудня, под его командованием не оказалось более трети армии. Противостоявшие им австрийцы не могли, даже имея выгодное положение на возвышенности, противостоять все более сильному давлению и медленно откатывались на

север по кривой. Эжен захватил Ваграм, а затем повернул в этом направлении, чтобы соединиться с Макдональдом, чья дивизия присоединилась к дивизии Вреде и неуклонно оттесняла линию противника к тому же месту. Их поддерживали Даву и Удино. Затем австрийцы справа были снова выбиты и вынуждены отступить по шоссе на Брюнн. Было около двух часов дня. Даву было приказано ждать сигнала для решительного наступления. Приказ был отдан, и когда Удино устремился к высотам у Парбасдорфа, его товарищ появился из Маркграфнейзидля, гоня врага перед собой. Сразу же была пробита брешь в линии противника, и все австрийское крыло, будучи таким образом дезорганизованным, поспешило вернуться, чтобы переформироваться, если это возможно, за Ваграмом, переправиться через Руссбах и присоединиться к основной армии. Они увенчались успехом. Правый фланг французов остановился сразу за деревней, которая дала название битве. Ласалль, блестящий генерал легкой кавалерии, был убит в последней атаке, и обе армии разбили лагерь на ночь. На следующее утро Карл отступил к Знайму, Массене, Даву и Мармону, следуя за авангардом армии Наполеона. Произошло несколько стычек между частями австрийского тыла и различными корпусами французского авангарда, в которых последние были решительно остановлены. Мармон был вынужден занять оборону под стенами Цнайма. Потери австрийцев в битве при Ваграме оценивались в двадцать четыре тысячи человек, включая семьсот пятьдесят три офицера. Потери французов были, конечно, не меньше, если учесть семь тысяч пленных. Кроме того, они потеряли двенадцать штандартов и одиннадцать орудий.

Рано утром шестого июля Карл отправил адъютанта в Пресбург с приказом эрцгерцогу Иоанну немедленно выступить в поход и атаковать вражеский тыл. Сначала была принята версия, что посыльный обнаружил разрушенные мосты через реку Марч и прибыл на шесть часов позже, чем требовалось для успешного выполнения его поручения. Однако в то время многие приписывали Джону преступную халатность, в том числе его собственный брат, главнокомандующий. Какое-то время с помощью придворных интриг и постоянных искажений фактов вину возлагали не на Иоанна, а на Карла, но в конце концов первый был признан виновным и сослан в Штирию. Если бы план последнего удался, перед Наполеоном стояла бы другая задача — задача настолько трудная, что исход сражения вполне мог быть сомнительным, если не катастрофическим. Как бы то ни было, победа была куплена дорогой ценой, и австрийцы не были деморализованы.

С другой стороны, в самый час победы французы, остановившиеся перевести дух, были повергнуты в панику появлением нескольких австрийских пикетов из армии эрцгерцога Иоанна, которые затем подошли, и тысячи солдат-победителей в дикой деморализации бежали к Дунаю. Иоанн, чье появление всего лишь незадолго до этого превратило бы поражение его брата в победу, отвел свои тринадцать тысяч человек в полном порядке для охраны Венгрии. Как сам Наполеон был в опасном состоянии чрезмерной самоуверенности перед Асперном, так и теперь его солдаты явно находились в таком же тяжелом положении. Самоуверенность сделала их ненадежными. Корпус Бернадотта в конце концов продемонстрировал нечто очень похожее на трусость и мятеж. Армия в основном все еще сражалась как совершенная машина, которой она и являлась, но отдельные люди утратили свою суровую доблесть. Они верили, что победа, грабеж и потакание своим желаниям были справедливой компенсацией за их труды. Обнаженные и освобожденные от ограничений дисциплины, они подавали признаки того, что раздражительность, робость и непокорность, которые проявлялись в Польше и Пруссии, не уменьшились.

Их император, если бы его видение было незамутненным, понял бы, что выносливость, страдания и лишения сделают таких людей ненадежными в трудную минуту. Насколько изменился он сам, видно из того факта, что Бонапарт никогда бы не успокоился, пока его враг не был дезорганизован и побежден, в то время как Наполеон видел себя вынужденным иметь дело с противником, который, хотя и был разбит, все еще оставался неустрашимым и активным. Если бы победитель боролся за жизнь, его позиция была бы морально сильной; сражаться как завоеватель мира, это было нелогично; сражаться как равный с равным, чтобы отразить агрессию, это было понятно. К этой последней позиции его вынудила кампания при Асперне, Эсслинге, Ваграме. Франциск, чью власть он намеревался сокрушить, на которого всего несколько недель назад обрушил кучу оскорблений, оказался самым опасным врагом. Технически побежденный, его противнику было бы нехорошо снова пытаться заключить с ним сделку в условиях все еще неопределенного положения наполеоновской державы. Лучше пожинать обеспеченное поле, рассуждал обескураженный завоеватель, чем рисковать опустошением, стремясь к большему. Этим, и никаким другим, объясняется тот примечательный кульбит в дипломатии Наполеона, который последовал в последующие несколько недель. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XVII.

ШЕНБРУННСКИЙ ПОКОЙ. [\[32\]](#)

Шилль и герцог Брауншвейгский — Андреас Хофер — Знаймское перемирие — Северные державы поддерживают Францию — Успехи Уэлсли на полуострове — Экспедиция Вальхерена — Переговоры о мире — Австрия второсортная держава - Покушение на жизнь Наполеона — Его большое беспокойство — Покоренный Тироль — Папа в плену.

На курс Наполеона, вероятно, в некоторой степени повлияли как рост национального недовольства во Франции, так и фактические восстания, происходившие в Германии. После отъезда Шилля из Берлина его последовательно преследовали голландцы, вестфальцы и датчане, пока в отчаянии он не бросился в Штральзунд в надежде на содействие английского флота. Город был немедленно осажден, и тридцать первого мая он пал. Король Пруссии уже объявил доблестного авантюриста и его спутников бандой разбойников вне закона. Как уже было сказано, отважный патриот был убит во время штурма, и только ста пятидесяти его товарищам удалось спастись. Офицеры, бежавшие в Пруссию, предстали перед военным трибуналом и были наказаны легким тюремным заключением. Захваченные в Штральзунде были доставлены в Брест и приговорены к каторжным работам. Фридрих Вильгельм, молодой герцог Брауншвейгский, лишенный Наполеоном трона и полный решимости отомстить за своего отца, собрал во время французской кампании в Австрии корпус богемских и других авантюристов, который вскоре прославился своими выдающимися подвигами и получил всемирную известность как Черный легион. С этими силами, которым помогал австрийский комендант во Франконии генерал Кинмайер, он разбил саксонцев при Носсене, французскую армию под командованием Жюно при Бернеке и отразил нападение короля Вестфалии Иеронима; затем он захватил Дрезден, Лейпциг и Липденау, удерживая во время Ваграма значительную часть Франконии. Победа Наполеона

сделала его положение отчаянным, но с пятнадцатью сотнями человек он проложил себе путь на север через Лейпциг, Галле, Хальберштадт и Брауншвейг, разгромив вестфальские, саксонские и голландские войска, которые пытались перехватить его, и достиг берегов Северного моря в Эльсфлете, где, захватив торговую флотилию, он со своими людьми отплыл в Англию. В Лондоне его встретили с ликованием, и за его героические приключения ему была назначена богатая пенсия.

Почти одновременно тирольцы, воспользовавшись уходом Лефевра, снова поднялись. Подвиги их героя, Андреаса Хофера, образуют романтический эпизод истории, но они весьма косвенно повлияли на центральную историю, если вообще повлияли. За пять недель, прошедших между Асперном и Ваграмом, этот способный и преданный делу человек фактически реорганизовал свою страну и очистил ее от незваных гостей. Даже двойное вторжение французов и баварцев, с одной стороны от Клагенfurта, а с другой - вниз по долине Инн, было успешно отражено. Тактика людей Хофера была наиболее эффективной против регулярных войск, которые, маршируя тонкими рядами по горным ущельям, были зарублены меткими стрелками, завалены камнями, сброшенными с высоких уступов через отвесные стены ущелий, попали в засаду или были убиты косами, дубинами и вилами крестьян.

Оставив Эжена удерживать Маршфельд, Наполеон и его армия двинулись вслед за Мармоном в погоне за Шарлем. Перед Знаймом, которого достигли одиннадцатого числа, авангард только что получил нечто очень похожее на отпор, и император приготовился к еще одному сражению, если в нем возникнет необходимость. В самый разгар приготовлений поступило предложение Карла о перемирии. После долгого обсуждения французскими генералами Наполеон принял его. "Вы должны сражаться только тогда, когда исчезла надежда на какой-либо удачный исход, - писал он примерно в то же время, - ибо по своей природе результат битвы всегда сомнителен". Мотивом эрцгерцога было выиграть время. Император Франциск принял предложенный Иоанном план воссоединения австрийских армий на границах Венгрии для продолжения войны, и он все еще надеялся исправить допущенную им ошибку, не начав переговоров на равных с Пруссией. Поэтому он согласился с предложением Карла, хотя и не рассматривал перемирие как предварительное условие мира. Наполеон изобразил неуверенность и потребовал огромной уступки территории в качестве цены перемирия. Франциск, в свою очередь, возражал, но в конце концов уступил. И снова Карл, уверенный в своей способности вести войну, не захотел слушать. Его ссора с Франциском и Иоанном становилась все более ожесточенной, и император чувствовал, что для того, чтобы уладить семейные разногласия и унять ревность, теперь необходимо любой ценой выиграть время. Поэтому Франциск настаивал, Карл сложил с себя командование, и первый принял его на себя.

Первым шагом австрийского императора было начать переговоры в надежде продлить их до тех пор, пока он не сможет перестроить управление своей армией и восстановить свои силы, полагая, что за это время калейдоскоп европейской дипломатии может полностью измениться. Он не был разочарован фактом перемены, но перемена сильно отличалась от того, что он ожидал. Теперь король Пруссии определенно отозвал предложения, которые он без особого энтузиазма высказал перед Ваграмом. Он считал, что лучше царствовать за Одером, чем не царствовать вообще. Царь сдержал обещание, данное в Эрфурте, с большой неохотой; но, обезопасив наконец Финляндию, он чувствовал себя обязанным выполнить условия своего обязательства. Князя Голицына поставили во главе тридцати тысяч

сопротивляющихся русских и послали вторгнуться в Галицию. Пересекая границу, его офицеры заявляли о своем отвращении к этой задаче и знали, что отражают чувства подавляющего большинства своей собственной нации. Вторжение обернулось фарсом и носило скорее характер дружеского приема со стороны жителей.

Поэтому Франциск надеялся на что-то от тепловатости Александра. Последний, однако, ничего не хотел предпринимать, поскольку номинально и в редких стычках на самом деле он воевал с Турцией и намеревался после заключения мира потребовать выполнения обещания Наполеона. Было бы невежливо ставить под угрозу все его амбиции каким-либо отклонением от буквы Эрфуртского соглашения. Поэтому Франциску сообщили, что он должен заключить с Наполеоном наилучшие условия, какие только сможет. Что касается Великобритании, то шансы казались больше. В морях, омывающих Италию и Ионические острова, у берегов Испании и Португалии, в водах Балтики был замечен ее флаг. Уэлсли высадился на Пиренейском полуострове и, оттеснив Сульта, не только изгнал французов из Португалии, но и разбил Виктора при Талавере и готовился к вторжению в Испанию. Английское правительство имело в готовности другую армию численностью в сорок тысяч человек и другой флот из тридцати пяти линейных кораблей. Где лучше всего они могли их использовать? После долгих раздумий была принята эгоистичная политика использования их не для того, чтобы нанести ущерб Наполеону, а для непосредственной выгоды Англии. Они были посланы не для усиления Уэлсли и обеспечения завоевания Испании, не для спасения Шилла и не для усиления Австрии. При любом из этих вариантов европейское восстание против французского императора началось бы в том же году.

Как бы то ни было, они были отправлены уничтожить верфи Нидерландов, где поговаривали, а возможно, и верили, что Наполеон строил корабли, чтобы оспорить британское превосходство на море. После высадки на острове Вальхерен армия объединилась с флотом в успешной атаке на Флашинг, которая пала пятнадцатого августа. Это был их единственный успех. Фуше собрал армию национальных гвардейцев, и Бернадотт, который, навлекши на себя неудовольствие императора в Ваграме своей медлительностью и отсутствием успеха, был с позором отправлен домой, был вынужден встать во главе ее. Офицеры английской армии и флота разошлись во мнениях относительно того, как им следует встретиться с ним. Результатом стало разделение и катастрофа; флот отплыл обратно в Англию, а армия отступила в Вальхерен, где ее держали в узде, пока болотная лихорадка опустошала ее ряды. Примерно в то же время в австрийской армии вспыхнула эпидемия чумы, которая, как утверждалось, подорвала ее боеспособность. Уэлсли, оставшийся без поддержки, увидел, что ему угрожает фланговое движение Сульта, и отступил, в то время как в августе Себастьяни разгромил дивизию испанской армии.

Таковы были обстоятельства, которые превратили мнимые мирные переговоры Франциска в реальность. Когда в Альтенбурге впервые начались слушания, они были просто фарсом. Наполеону действительно нужен был мир, если Пруссия и Россия замыслили войну; но первое предложение Австрии он отверг и говорил об отречении Франциска с разделом земель Габсбургов между новыми наполеоновскими государствами. Когда номинальные полномочные представители, Шампани и Меттерних, действительно встретились, первый все еще искал что-то вроде разумных условий, требуя для своего императора земель, оккупированных французскими войсками. Австриец, желая выиграть время, ответил столь же невозможными предложениями. Но по мере того, как шло лето и

надежды Франциска на поддержку становились все слабее и слабее, он отправил к Наполеону личного представителя, генерала Бубну, и этот полномочный представитель начал проявлять искренность. Вслед за этим император Франции проявил свое искреннее стремление к миру. До сих пор он полагался на царя, который поддерживал альянс перед лицом оппозиции своего народа. Должно быть, спросил себя Александр, сколько еще может продолжаться такое положение вещей? Ему было похвально, что он не заботился о общественном мнении, но, возможно, он не смог бы долго противостоять ему. Было очень важно, что в официальной ноте, только что полученной из Санкт-Петербурга от русского офицера, Александр советовал заключить мир. Обращаясь к этому посланцу, говоря о возможности возобновления военных действий, Наполеон с нескрываемым ужасом воскликнул: "Кровь, кровь, всегда кровь!" А затем, внезапно изменив тон, он сказал: "Мне не терпится вернуться в Париж". Как и его генералы, император Франции явно устал от войны. Его печальное лицо, как и у них, было открытой книгой, в которой русский мог ясно прочесть этот важный факт. Действительно, встревоженный, измученный войной, выбитый из колеи Наполеон действительно рассматривал возможность союза с Австрией. Было ясно, что если бы ее территории остались нетронутыми, она бы с радостью присоединилась к одной из них. Ему нужно было покончить с ней, чтобы уладить свои дела в Испании и других местах. Но он боялся Франциска и надеялся, что такой колеблющийся выжидатель может отречься от престола в пользу какого-нибудь вполне заслуживающего доверия преемника. Наполеон признался Бубне, что восхищается австрийскими войсками; они были так же хороши, как и его собственные, и под его руководством одержали бы победу. Требования Шампани, по его признанию, не были окончательными, но определенные территории на юге, на западе и в Галисии он должен был получить.

С учетом этого принцу Лихтенштейна были предоставлены все полномочия, и он направился прямо в Шенбрунн. Условия мира оказались действительно очень жесткими. Военная контрибуция в размере ста миллионов франков была сначала включена в сам договор; но впоследствии, в секретной статье, Франциск был обязан сократить свою армию до ста пятидесяти тысяч человек, и контрибуция была уменьшена до восьмидесяти пяти миллионов. Это было бы ужасным бременем для империи, даже в том виде, в каком она была раньше, и теперь австрийская территория должна была серьезно сократиться. Зальцбург, Берхтесгаден и квартал Инн отошли к Рейнской конфедерации, Новая Галиция - к великому герцогству Варшавскому, а также большой район в Восточной Галиции и город Краков. Небольшая полоска той же провинции была отведена для России. Но самым смертельным ударом стало создание вспомогательного правительства, известного как Иллирия, путем передачи непосредственно Франции Герца, Монфальконе, Триеста, Карниолы, Виллаха в Каринтии и Хорватии к востоку от Сейва. Это делало Австрию не только второсортной, но и внутренней державой, полностью отрезая ее от моря; но, тем не менее, она должна была вступить в Континентальную систему против Англии и признать все, что Наполеон сделал или мог сделать в Испании, Португалии и Италии. Таковы были жесткие, но обязательные условия, которые выдвинул император. Лихтенштейн принял их с одобрения своего государя.

Но завоеватель спешил. Двенадцатого октября состоялся большой смотр его войск в Шенбрунне. В толпе был юноша, едва ли старше ребенка, который протиснулся вперед, чтобы получить доступ к Наполеону. Его настойчивость привлекла внимание Бертье, и он был схвачен генералом Раппом. При нем был большой нож, и он открыто заявил о своей цели убийства. Он столкнулся лицом к лицу со своей предполагаемой жертвой. По его

словам, его звали Штапс, и он был сыном протестантского пастора из Наумбурга. Император холодно спросил, что он будет делать, если его помилуют. "Попытаюсь снова убить тебя", - был ответ преступника. Он не раскаивался, но заявил, что у него нет личных чувств. Далее он сказал, что с радостью поговорил бы с Наполеоном, если бы только мог добиться встречи; в случае неудачи в осуществлении своего плана он считал бы делом чести сокрушить мирового угнетателя. Предполагаемый убийца был тайно застрелен, и у полиции были инструкции сказать, если возникнет много разговоров, что он сумасшедший. Это событие, казалось, произвело глубокое впечатление на предполагаемую жертву интенсивностью чувств среди простых людей Германии, и ему не терпелось уйти. Его опасения были вполне обоснованными; убийство было в умах многих неуравновешенных людей. Капитан австрийской армии действительно добивался увольнения, мотивируя это тем, что он хотел убить Наполеона.

Эта мания убийств довершила подавленность духа, которая в течение некоторого времени была заметна у французского императора. Тяжело раненный в большой палец ноги при Ратисбоне, он был вынужден проявлять исключительное самообладание, чтобы предотвратить панику в армии. Потеряв сознание в результате падения с лошади по дороге в Шенбрунн, он по той же причине был вынужден призвать к молчанию почти двести человек, которые знали об этом факте. При Эсслинге он считал необходимым броситься под град пуль, чтобы поддержать моральный дух своих войск, и, спасши Ланна от утопления во время предварительной разведки берегов Дуная, в конце концов потерял его при самых печальных обстоятельствах. В довершение всего этих переживаний теперь казалось, что его собственная жизнь находится в постоянной опасности. Поэтому, когда четырнадцатого числа были составлены официальные статьи мира и Лихтенштейн отбыл, чтобы представить их Франциску, французская пушка, не дожидаясь формальностей, провозгласила мир уже заключенным. На следующую ночь Наполеон был на пути в Париж.

Знаймское перемирие полностью разрушило надежды тирольцев, но они продолжали сражаться в отчаянии. Шенбруннский мир освободил всю французскую армию, чтобы сокрушить их. Было организовано второе двойное вторжение. Принц Евгений предложил повстанцам амнистию, и австрийское министерство посоветовало им прекратить сопротивление. Но Хофер к этому времени убедил себя, что его миссия была более чем земной. После некоторых колебаний он отказался принять совет Австрии, и конфликт возобновился. Теперь тирольцы были одни, и после тщетного сопротивления сражающиеся рассеялись среди гор. Земля снова была подчинена. Некоторое время Хофер оставался в безопасности, но в конце концов его предали, схватили и отправили в Мантую для формального судебного разбирательства. Указания Наполеона Евгению были очень краткими. Когда бы приказ ни дошел до него, вице-король должен был созвать военный трибунал, судить заключенного и приказывать его расстрелять. На протяжении всех страданий и заточения герой проявлял величайшую стойкость и встретил свою смерть с высокой преданностью. Прошлой весной, когда по наущению Австрии восстал Тироль, он был облагорожен дворянством; десять лет спустя титул и поместья Пассейра были пожалованы его семье. Среди восточных Альп имя Андреаса Хофера звучит так же, как имя Вильгельма Телля среди гор Швейцарии. Его суровые добродетели воспеты в стихах, и о его пристанищах сохранились предания.

Указ Наполеона от семнадцатого мая, лишивший папу его светской власти, в свое время достиг Рима, и Мюрат без промедления приступил к его исполнению. Трудностей не

возникло, поскольку, как вы помните, в феврале генерал Миоллис занял город. Немедленно был назначен административный комитет, в обязанности которого входило подготовить почву для объединения с Италией. Десятого июня было официально объявлено, что Пий VII больше не является светским князем, его власть перешла к королю Италии. Он по-прежнему должен был проживать в Риме в качестве духовного главы Католической церкви. В ту ночь папа обнародовал буллу, отлучающую Наполеона и его сторонников, фаворитов и советников от церкви. В отличие от аналогичных документов его предшественников, в нем содержался пункт, объявляющий наказание чисто духовным и запрещающий кому бы то ни было использовать его в качестве санкции за нападение на личности тех, против кого оно было вынесено. В ночь на пятое июля французский генерал со своей гвардией взломал двери Квиринальского дворца и потребовал от Пия официального отказа от его светской власти. Папа твердо и спокойно отказался, и ему сообщили, что он должен быть готов покинуть город. В три часа следующего утра его посадили в карету с одним кардиналом, и после второго достойного и торжественного отказа подчиниться его приказу отвезли во Флоренцию. Там его разлучили со своим единственным спутником и передали во главе жандармов. Путешествуя днем и ночью, иногда в носилках, иногда морем, пожилой человек в конце концов был доставлен в Гренобль. Набожные французы этого города не могли понять секретности и спешки его путешествия и поспешили засвидетельствовать ему свое почтение. Толпы были так велики, и настроение было таким напряженным, что очень скоро его присутствие во Франции стало считаться опасным. Поэтому его перевезли обратно в Савону, где он оставался государственным заключенным под строгим надзором в приличных, но простых апартаментах до 1812 года, когда его перевезли в Фонтенбло и поселили как принца. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XVIII.

РОКОВОЕ РЕШЕНИЕ НАПОЛЕОНА. [\[33\]](#)

Объяснения Наполеона Александру — Его новые манеры — Печальное положение Жозефины — Объявленный и подтвержденный Сенатом развод — Переговоры по поводу сестры царя — Нетерпение Наполеона — Его желание удачной партии.

Шенбруннский мирный договор был вопиющим нарушением соглашения, заключенного между Наполеоном и Александром в Эрфурте, поскольку он существенно расширил великое герцогство Варшавское и, таким образом, угрожал России восстановлением Польши. "Очевидно, - сказал Румянцев Коленкуру, - вы хотите избавиться от союза с Россией и заменить его великим герцогством". Александр был очень разгневан, но, хотя в строгом соблюдении форм он был безукоризнен, его поведение в реальной поддержке своего союзника не было искренним. Его народ с каждым днем все больше озлоблялся на союз с Францией, и Наполеон знал, что почувствуют и нация, и царь, когда им сообщат, что провинции, оккупированные русскими войсками, были переданы Польше. Франциск, каким бы разгневанным он ни был, не осмелился нарушить всеобщую радость, столь громко выраженную по поводу преждевременного объявления Наполеоном мира. Соответственно, двадцатого октября 1809 года, в тот самый день, когда документы были подписаны и

ратифицированы, император французов направил Александру объяснение. В нем говорилось, что он не может бросить дружественный народ на произвол мести Австрии, но заявлялось, что он гарантирует их хорошее поведение под властью саксонии; что же касается имен поляков и Польши, то, несмотря ни на что, они могут исчезнуть из истории. Царь принял это оправдание со всей возможной снисходительностью, поскольку раздел Турции еще не был завершен. Но Шенбруннский мир ознаменовал начало политики, которая расторгла Тильзитский мир. Теперь уже не могло быть никакого серьезного вопроса о браке между членами двух дворов. Вынужденный обстоятельствами выбирать между двойным союзом с первоклассной державой, которая должна на равных делить мировое господство, и союзом со второсортной державой, армии которой никто не мог превзойти, Наполеон сознательно выбрал последнее, как кратчайший путь к абсолютному и абсолютному господству, к утверждению суверенной воли над покоренной вселенной.

Возвращение Наполеона в Париж было отпраздновано так, как обычно бывает после победоносной кампании. Правительственные ведомства выступили с самыми пылкими речами; короли-подданные и вассалы толпились, чтобы выразить свои поздравления; происходили обычные проявления народной радости, и никто, казалось, не помнил, что император был поражен папской стрелой. Но люди заметили большую перемену в его поведении и выражении лица. Камбасерес сказал, что он, казалось, шел в эпицентре своей славы. Более того, он уехал из столицы и собрал свой двор в Фонтенбло. Воздух был перегружен. Герцог де Бройль рассказывает нам в своих мемуарах, что он видел императрицу в начале того года, окруженную блестящей толпой "фрейлин, придворных дам и дворца, сопровождаемую вереницей "чтецов", которые составляли гарем нашего султана и позволили ему какое-то время выдерживать изображенную старость бывшей султанши". Правда, лежащая в основе этого, общеизвестна, и сцена развода перед отъездом императора в только что завершившуюся кампанию свидетельствует о том, до какой глубины опустилась Жозефина в своих отчаянных попытках сохранить и свое место, и хоть какую-то долю нежности Наполеона.

Из коллекции У. К. Крейна.

EUGÈNE BEAUHARNAIS.

Нарисован Виньероном в честь Ле Гро.

Сам Наполеон уже давно объявил, что он выше простых добродетелей, и список его любовниц с каждым днем становился все длиннее и известнее. Но все это самоуничижение со стороны Жозефины и все потакание своим желаниям Наполеона не могли сделать ничего, кроме как отсрочить судный день. "Враги мои, - имел обыкновение восклицать император, - мои враги назначают встречи у моей могилы". Он не мог довольствоваться собственной империей, которая, как он знал, рухнет под тяжестью его собственной смерти, если он не оставит законного наследника. По возвращении из Австрии он принял решение развестись с императрицей, и Эжена вызвали, чтобы сообщить об этом своей матери. Жозефина, хотя и была предупреждена, все еще не могла осознать этот факт. Она вела себя хорошо; ее собственная долгая карьера, полная интриг, распущенности и экстравагантности, исключала взаимные обвинения, и, кроме того, она должна была пожизненно наслаждаться титулом и положением императрицы. И все же, как любили женщины при Директории, она любила своего мужа, и между ними было много нежности, ни один из них не воспринимал всерьез измены другого. В конце концов, даже после того, как умеренная красота и огромное

физическое обаяние ее среднего возраста сменились блеклыми красками и формами старости (ибо она была старой в сорок пять лет), и когда искусство туалета больше не могло скрывать разрушительного действия времени и распушенности, между императрицей и ее вторым мужем все еще продолжали существовать взаимная добрая воля и чувство товарищества, порожденные воспоминаниями о приключениях, риске, заговорах и выгодах, с которыми они сталкивались бок о бок на протяжении тринадцати лет супружеской жизни. У нее было мало интеллекта и не очень много характера, но в ней было много женской привлекательности и много мягких, обаятельных приемов. Поэтому ее единственным оружием в час поражения были слезы, и она проливала их в изобилии. Когда пароксизмы горя прошли, император проявил нежность, а императрица проявила кротость и трогательное мужество.

Пятнадцатого декабря 1809 года, перед большим советом, проходившим в Тюильри, было объявлено о разводе, а на следующий день оно было подтверждено декретом сената. Жозефина удалилась в Мальмезон, чтобы провести оставшиеся годы в пустом государстве, на содержание которого ей выделяли грант в размере двух миллионов франков в год. До самой своей смерти, пять лет спустя, она заявляла о своей любви к Наполеону и вообще проявляла большую тревогу за его благополучие и успех. Потомки всегда испытывали определенную нежность к несчастной женщине, которая была так высоко поднята, а затем так внезапно низвергнута. Она не была добродетельной, она не была сильной, она даже не была очень красивой. Ее проступки были похожи на шалости домашних питомцев: импульсивные, но не злонамеренные, лживые, но без злобы, решительные, но быстро осуждаемые. По этой причине ее несчастье скрыло ее слабость и смягчило суровость мужских суждений.

Почти за месяц до официального развода Коленкур получил инструкции обратиться к царю по вопросу брака между его сестрой Анной, которой сейчас шестнадцать лет, и императором Франции. Посол не должен был предъявлять никаких официальных требований, но должен был просить о каком-либо выражении общих намерений и чувств. Александр был в провинции и вернулся только в середине декабря. Тем временем Коленкур, после тщательного расследования, узнал, что юная принцесса была слаба здоровьем и еще не достигла брачного возраста. Письмо своему хозяину, в котором содержалась эта информация, было перечеркнуто официальным требованием одного из Наполеоновцев. Разница в конфессиональной приверженности не имеет значения, сказал он, и требуется немедленный ответ. "Придерживайтесь своей точки зрения, что дети желанны". Это поставило царя перед серьезной дилеммой. Союз с Францией все еще был близок его сердцу. По Фридрихсхамнскому мирному договору, который был подписан девятого сентября 1809 года, он, наконец, закрепил за собой Финляндию, но из других великолепных проектов, предложенных в Тильзите и подтвержденных в Эрфурте, ни один не был реализован. Помимо огорчения, которое он испытывал из-за войны с Австрией и ее угрожающих результатов в виде расширения Польши, теперь у него была дополнительная причина для беспокойства, поскольку в конфликте с Турцией его войска совсем недавно были отброшены за Дунай. Если бы он порвал с Наполеоном, то мог бы даже потерять Молдавию и Валахию и больше ничего не понять. Несколько недель смягчили недовольство, которое он испытывал после Шенбрунна, и теперь он начал осыпать Коленкура любезностями, выражая величайшее беспокойство по поводу предстоящего матча. Однако молодость принцессы была серьезным препятствием, и он должен был посоветоваться со своей императрицей-матерью. Конечно, вдовствующая герцогиня всячески возражала против

этого брака; она горячо симпатизировала старой русской партии и ненавидела Наполеона. Более того, нет никаких сомнений в том, что она была совершенно права, заявив, наконец, в качестве непреодолимого препятствия, что ее дочь слишком молода. Затем Александр сосредоточил все свое внимание на том, чтобы уговорить французского посла, чтобы выиграть время. Он сказал, что всегда был скорее другом Наполеона, чем его союзником; конечно, император даст отсрочку на несколько месяцев.

Но это было именно то, чего жених не стал бы делать. Его достоинство запрещало ему оставаться при вдовствующей императрице; решение о разводе было принято, и государственные причины требовали его женитьбы. "Отложить заседание - значит отказаться, - ответил он, - и, кроме того, я не хочу, чтобы посторонние священники находились в моем дворце между мной и моей женой". Очевидно, это был полный провал, поскольку означал, что либо Александр должен уступить, либо союз окажется под угрозой. Никто не может судить по имеющимся свидетельствам, какой именно альтернативы желал Наполеон; но ввиду его общего характера, договора, который он заключил с Франциском, и последующих событий, вероятно, было последнее. Он мог бы воспользоваться уступчивостью царя, чтобы основать свою династию, но, похоже, решил, что Австрия - лучшая зависимость. Кроме того, у него были очень серьезные государственные причины для срочности. На каждом этапе своей карьеры он признавал, что его власть зиждется на воле народа, а не на традициях или теориях. Следовательно, в каждый момент времени перед ним стояли две непосредственные цели: во-первых, сохранить расположение народа; во-вторых, преобразовать свое пребывание у власти путем вливания династического элемента.

Зимой 1809 года народ Франции чувствовал себя неуютно. Обещанный мир с Англией, казалось, снова откладывался; война на испанском полуострове все еще бушевала; континентальная система неуклонно подрывала общественное процветание. В крупных французских морских портах царил застой; параллельно с торговлей чахли и промышленность, и торговля. Крупные южные города, лишённые своего испанского рынка, были на грани банкротства. Кроме того, духовенство и их приверженцы были глубоко взволнованы обращением с папой. С другой стороны, личная популярность императора также серьезно пострадала. В новой административной системе места, которые вели к продвижению по службе, теперь долгое время предоставлялись представителям старой знати; получатели рассматривали их как свое право, и ни они, ни их семьи не были благодарны, в то время как прочная демократия чувствовала себя ущемленной и оскорбленной. Даже новая знать с каждым днем становилась все более неуправляемой. Полностью владея своими поместьями, титулами и доходами, они почувствовали свою независимость и отказались больше подчиняться руке, которая привела их в землю обетованную. Они вступили в союз со старейшими семьями Франции, и надменность семейной гордости заставляла их испытывать снисхождение к великому авантюристу, в жилах которого до сих пор не текла аристократическая кровь. Наполеону казалось, что для того, чтобы заручиться доброй волей народа, он должен восстановить процветание, что было нелегко, и чтобы утвердить моральное превосходство над своим двором, он должен найти подходящую партию, что было достаточно легко. Ни то, ни другое нельзя было делать наполовину; его престиж требовал мощного удара, и было лучше сначала провести матч и тем самым ослабить напряженность до тех пор, пока Англию не удастся примирить — с помощью России, если возможно, и без нее, если необходимо. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XIX.

АВСТРИЙСКИЙ БРАК. [\[34\]](#)

Тревоги австрийского двора — План брачного союза с Наполеоном — Начало официальных переговоров — Обсуждения в Париже — Решение Наполеона — Возмущение царя — Церемонии в Вене — Приготовления Наполеона — Его встреча с Марией Луизой — Свадьба — Подарки и ликование — Впечатления от новой императрицы — Новая династия.

1809-10.

Венский двор отнесся к тому, что, по-видимому, было подготовкой к брачному союзу между Францией и Россией, не иначе как с ужасом. Такое соглашение, в случае его реализации, временно скрепило бы уже существующие политические связи и могло бы гарантировать их на неопределенный срок. Австрийская империя, уже лишившаяся стольких значительных территорий, больше не была первоклассной державой. Формулировки, использованные Наполеоном после цнаймского перемирия в отношении Франциска и необходимости его отречения, произвели глубокое впечатление в свете событий в Байонне. Действительно ли древняя монархия должна была быть унижена и навсегда остаться расчлененной? Нет, если имперский союз был единственным, что было необходимо для завоевания благосклонности Наполеона. Там была эрцгерцогиня соответствующего возраста, а дом Габсбургов был гораздо более древним и великолепным, чем дом Романовых.

Среди многих конфиденциальных агентов Наполеона, участвовавших в разработке Шенбруннского мирного договора, был некий Александр де Лаборд, который когда-то служил в Австрии и хорошо знал Вену. Оставшись после отъезда своего работодателя, он в декабре 1809 года написал мемуары, которые, хотя и были отправлены Марету, предназначались самому императору и были им просмотрены. В нем подробно описан разговор с Меттернихом, в котором последний сначала неопределенно, а затем отчетливо говорил о браке между Наполеоном и эрцгерцогиней Марией Луизой. Было объяснено, что это должно быть рассмотрено только в том случае, если развод состоится, и австрийский министр заявил, что его хозяин ничего не знал об этом проекте. Нет никаких разумных сомнений в том, что утверждение Лаборда было по существу правдой, поскольку до тех пор, пока считалось, что автор предложения принадлежит Меттерниху, Меттерних приписывал себе его заслугу и в письме от одиннадцатого сентября 1811 года категорически утверждал, что это его заслуга; но после падения Наполеона он заявил, что план возник во Франции, и тогда было сказано, что Наполеон сам проявил инициативу по подсказке Шварценберга, нового австрийского посла в Париже. Независимо от того, был ли женихом Наполеон или Франциск, вскоре выяснилось, что оба были согласны. Поэтому, когда первый узнал, что судьба союза с Россией находится в руках вдовствующей императрицы, он дал уже цитированный угрюмый ответ и повернулся к Австрии. Во время трогательной сцены развода он официально заявил, что, потеряв надежду на потомство от своей горячо любимой супруги, он собирался пожертвовать самыми нежными чувствами своего сердца ради благополучия своего народа. Ему было всего сорок лет, и он, возможно, все еще надеялся воспитать детей и обучить их своим собственным идеям. Жозефина дала согласие

на расторжение своего брака, потому что это было препятствием для благополучия Франции, поскольку оно стояло на пути будущего правления ее страной потомками великого человека.

Чтобы подчеркнуть эту мысль, император использовал два устройства. Первое заключалось в создании эффекта, предназначенного для домашнего употребления. После битвы при Ваграме Штадион, австрийский министр иностранных дел, выступавший за войну, подал в отставку; Меттерних, которого вызвали из посольства в Париже для переговоров о мире на стороне его хозяина, остался в Вене, чтобы сменить Штадиона, а принц Шварценберг был назначен во Францию. Но графиня Меттерних все еще была в Париже. Семья Богарне — Эжен с австрийским послом, Жозефина и королева Гортензия с фрау фон Меттерних — начали переговоры о том, чтобы сделать Марию Луизу второй императрицей Франции. Чтобы устранить все религиозные угрызения совести, епископский суд Парижа собрался и четырнадцатого января признал первый брак Наполеона недействительным.

Второй способ состоял в том, чтобы представить чрезвычайному совету две альтернативы и спросить их решения. Мюрат, Камбасерес и, вероятно, Фуше проголосовали за Россию. Фуше, как и Талейрана, долгое время подозревали в том, что он играет не в интересах Наполеона, а в своих собственных интересах. Определенная независимость поведения и языка, которую он проявил, собирая национальную гвардию для отражения вальхеренской экспедиции, пробудила в умах императора еще больше подозрений, и между ними произошел откровенный разговор. Министр полиции, согласно одному сообщению, теперь заявил, что в Европе есть только две партии — те, кто выиграл, и те, кто проиграл в результате революции; что Россия принадлежит к первой и является истинным союзником французской империи. Считалось, что этот аргумент был попыткой вернуть расположение императора, поскольку в его словах слышался наполеоновский оттенок. Большинство членов совета, однако, находилось под руководством Маре, и после долгой, невнятной речи Талейрана, в которой он, казалось, соглашался с Маре, высказалось в пользу Австрии. С незапамятных времен она была стержнем каждой континентальной коалиции против Франции. Теперь она была раздражена, и ее нужно было успокоить.

Друзья Наполеона утверждают, что он сам действительно одобрял союз с Россией, но рассматривал просьбу об отсрочке как скрытый отказ и считал себя жертвой обстоятельств. Это маловероятно, поскольку Марет все еще была его доверенным лицом; во всяком случае, император согласился с решением большинства. Соответственно, затем был созван семейный совет, и вопрос был представлен на их рассмотрение. В заключении не было никаких сомнений: они заявили о заключении брака с Австрией. Формальности были быстро выполнены. Бертье, принц Невшательский, был назначен чрезвычайным послом для заключения брака с эрцгерцогиней по доверенности в Вене, и дата была назначена на одиннадцатое марта 1810 года. Это известие было встречено в австрийской столице с ликованием. Население уже утратило большую часть своего озлобления против французов, поскольку убедило себя, что в прошлой войне агрессором был их собственный кабинет. Отставка Стадиона, вероятно, была для многих признанием этого факта, хотя на самом деле это просто ознаменовало смену политики. Венцы с нежной заботой ухаживали за ранеными французами, и даже под ударами плети многие оборачивались к сильной руке, которая держала ее в руках, как, вероятно, к единственной силе, способной восстановить мир и вернуть ему благословения. В здравом уме французский союз, даже если это и не был

энергичный курс, был популярен, потому что он гарантировал Австрии защиту на востоке от России и на западе от Франции. Если бы ее личность не была уничтожена, она могла бы надеяться, что в какой-то отдаленный день вновь обретет свою силу и свое место в Европе.

В Санкт-Петербурге новость произвела иной эффект. Консерваторы не были сильно обеспокоены, поскольку теперь они были избавлены от возможного позора императорского брака с Бонапартами, и они могли смириться с оскорблением, если только это разорвет узы, которые связывали их с ненавистной Континентальной системой Наполеона. Но царь был возмущен; он был лично оскорблен, и его политика потерпела крах. Он ничего не добился, он стал бы посмешищем своего народа и больше не мог оправдывать себя сопротивлением народным тенденциям. Он также был достаточно искренен, чтобы пережить потерю друга, и достаточно горд, чтобы смириться с ощущением, что его обманули. Многие из этого он скрыл, хотя его окружение считало, что может распознать все эти эмоции. Перед лицом Австрии и Франции он не мог критиковать сам поступок. Коленкур заверил его от имени Наполеона, что этот брак не носил политического характера и ничего не изменил в личной дружбе, которую продолжал испытывать его император. Он намекнул, что настоящей причиной такого решения были религиозные различия. Но Александр этого не принял. "Поздравьте императора с выбором, который он сделал", - был ответ. "Он хочет детей; вся Франция хочет их для него. Решение было тем, которое следовало принять, но, к счастью, вопрос возраста остановил нас здесь. Где бы мы были, если бы я не рассказала об этом своей матери? Какими упреками она не могла бы меня осыпать? Чего я не должна была говорить тебе? ибо ясно, что вы имели дело с обеими сторонами. "Почему, - заключил он, - что-либо говорилось о различии в религии, когда с самого начала император заявил, что это не будет препятствием?" Так был достигнут второй этап распада знаменитого Тильзитского союза.

Сцены в Вене были до крайности блестящими. С одной стороны, они обозначали австрийский подход к демократии, потому что впервые на улицах был вывешен триколор, а строгий этикет Габсбургов, благочестиво сохраняемый с седой древности, нарушался на каждом шагу, который предпринимал Бертье. С другой стороны, они знаменовали приближение Франции к абсолютизму. Наполеон приказал, чтобы его невеста получила те же подарки, что Людовик XV заказал для Марии Лещинской, пышность церемониала должна была быть королевской, поезд новой императрицы был составлен по тому же образцу, маршрут ее путешествия был обозначен как королевский. Гражданский контракт был подписан десятого числа; религиозная церемония состоялась одиннадцатого, как и было назначено; а затем последовал банкет, на котором Бертье был освобожден от всех церемоний, считавшихся обязательными для человека его ранга в Хофбурге. Три дня спустя эрцгерцог Карл усадил новую императрицу в ее дорожную карету, и под артиллерийские залпы, смешанные с одобрительными криками населения, она отправилась в путь. Было несколько признаков недовольства среди маленьких группок, собравшихся, чтобы проклинать свое национальное унижение, и аристократия не примирилась с тем, что принц Эстерхази будет сопровождать принца Ваграмского, как теперь именовался Бертье императорским указом в Париже. Но в целом Европа была впечатлена искренностью Франциска. Отец отправился в однодневное путешествие, чтобы провести вечер наедине со своей дочерью и дать на прощание свое отеческое благословение ребенку, который спас ее страну. Ее путешествие по Баварии и Вюртембергу было вызвано продолжительными овами, поскольку эти страны считали, что их благосостояние напрямую связано с благосостоянием Франции. Двадцать шестого числа ее кортеж, проехав через Страсбург, двигался в сторону Суассона.

После развода Наполеон в одиночестве удалился в версальский Трианон, как бы для того, чтобы в назначенное и приличествующее случаю время в тишине оплакать свое вдовство. Выбранное место имело значение в связи с предстоящими торжествами. Целую неделю он проводил дни за непривычным, но поистине королевским занятием - спортивными состязаниями на природе. Однажды он навестил Жозефину в Мальмезоне. Следующие месяцы он снова провел в Париже, ведя брачные переговоры и договариваясь о соблюдении всех деталей этикета в громоздком церемониале, который он разработал для празднования своего бракосочетания во Франции. Когда все было завершено к его удовлетворению, он уехал в Компьень, чтобы проследить за приготовлениями к приему своей новой супруги, и провел там последнюю неделю в ожидании. Из всей его семьи самой легкомысленной и светской была его сестра Полина. Она и его невестка, разумная и очаровательная королева Вестфалии, были выбраны для консультирования по вопросам одежды и поведения. Последняя написала своему брату полный отчет о страстных ожиданиях императора. В те дни его занятия были исключительно человеческими. Большая часть времени была потрачена на примерку великолепной одежды: расшитых золотом сюртуков и жилетов с вышивкой, присланных парижскими портными. Часть из них была передана при приобретении достижений, особенно в обучении вальсу. Каждый день он посылал письмо с цветами, чтобы встретить новую императрицу на каждом этапе ее продвижения, и каждый день получал от нее ответ, написанный на правильном французском.

Наконец она подошла к концу финального этапа, и ее жених вышел ей навстречу. На полпути между Суассоном и Компьенем были разбиты три великолепных павильона. Ее свита должна была оставаться в ближайшем к их последнему жилищу, его - в ближайшем ко дворцу, новобрачные должны были встретиться в центральном шатре, где, согласно обычаю феодализма, она должна была преклонить колени и отдать дань уважения своему сеньору как его главной подданной. Но когда император услышал, что его невеста так близко, его нетерпение, казалось, перешло все границы. Сев в свою карету без церемоний и предупреждений в сопровождении единственного спутника, короля Неаполя, он проехал далеко мимо Суассона, пока экипажи не встретились, тогда он вышел из своего экипажа, распахнул дверцу другого и вошел с пылом юного влюбленного, чтобы обнять свою невесту. Условленные остановки были отменены, и в тот же вечер, в десять часов, свадебный кортеж прибыл в Компьень. Пыл влюбленного был таков, что он снова отбросил приличия и, заявив о законности венского прокурорского обряда, спал под одной крышей со своей невестой, а не в комнате, оборудованной для его использования в одном из административных зданий. В качестве оправдания своему поведению он сослался на пример Генриха IV.

На следующий день были представлены дамы и кавалеры двора императрицы, которые официально принесли присягу при вступлении в должность. На следующий день императорский кортеж прибыл в Сен-Клу, а два дня спустя, первого апреля, в присутствии всех великих сановников империи, включая всех кардиналов, кроме двух, была совершена гражданская церемония бракосочетания. За исключением только тех, кто ссылаясь на свой возраст или немощи, весь колледж был переведен из Рима в Париж вскоре после свержения папы. Ночью было обычное празднество, сопровождавшееся артиллерийскими залпами, иллюминацией территории дворца и фонтанов. Погода, как и само свидание, была неподходящей, но парижане, несмотря на проливной дождь, устремились на улицу, чтобы предвкушать более великолепные зрелища, которые вскоре последуют. Торжественное шествие новобрачных в столицу состоялось на следующий день, и религиозная церемония была проведена в большой галерее Лувра перед собранием, которое в то время было

объявлено самым пышным из когда-либо виденных во Франции, за исключением одного зловещего факта — отсутствовали двадцать семь кардиналов. Они протестовали, утверждая, что их отсутствие было пустой формой только из-за того обстоятельства, что Пий VII не санкционировал развод. Но Наполеон был так же остро чувствителен к эффективности форм, как и любой римский прелат; нарушителей изгнали из Парижа, лишили их огромных доходов и запретили носить цвета или знаки отличия их должности. В народе их окрестили черными кардиналами.

В первом порыве восторженной лояльности Париж и нация не смогли в достаточной степени выразить свою радость. Иллюминация была пышной, толпа - буйной, подарки императрице - великолепными. Среди последних был полный туалетный сервиз из серебра с позолотой, включающий не только маленькие сосуды, но и большие предметы мебели, такие как кресло и шевалье. Очевидно, французский народ был уверен, что он сменил старую, пришедшую в упадок династию на новую и энергичную. Они ликовали при мысли о мире и безопасности, которые, как казалось поколению, воспитанному при королевской власти, были невозможны в Европе, кроме как в связи с великой семьей-завоевателем. Именно ради этого они изливали свои чувства и суть, а не из-за привязанности, которую питали к новой императрице.

По определенным меркам Мария Луиза была красива. Ее пышные светло-каштановые волосы смягчали яркий румянец ее блестящего лица, глаза были голубыми и кроткими, черты лица обладали миловидной, но неуверенной полнотой для ее восемнадцати лет, взгляд был открытым и безмятежным; но губы были полными и тяжелыми, талия длинной и упругой, фигура пухлой, как у ребенка, а ее робость и застенчивость были неконтролируемыми. Французский вкус склоняется к линиям человеческого облика, которые предполагают гибкую и жилистую фигуру; французский инстинкт ищет в выражении признаков быстрого волнения, чтобы не сказать страсти; французский глаз знает только один стандарт вкуса в одежде; только это естественно для французского чувства, которое является продуктом самообладания и непревзойденного искусства. Во всех этих отношениях австрийская эрцгерцогиня была прискорбно неполноценна. Она была набожна и, как явствует из ее писем, большую часть прошлой зимы провела в молитвах о том, чтобы Провидение выбрало Наполеону другую супругу. Но с отречением от своей веры, которое некоторые называют фатализмом, и с послушанием, которого немецкая жизнь требует от всех женщин, даже самого высокого положения, она смирилась со своей судьбой. Эти качества в сочетании с ее способностью к материнству вскоре завоевали вежливую и нежную поддержку со стороны ее мужа, и вместе они бросили вызов как непримиримым роялистам, так и радикальным республиканцам, которые, несмотря на свое постоянно ослабевающее влияние и постоянно редющие ряды, все еще раздражали императора многозначительными перешептываниями и взглядами. Оба были в отчаянии, потому что самое сильное обвинение, на котором они настаивали, теперь было отменено. Одним из предлогов Англии, заявил Наполеон, было то, что он намеревался уничтожить древние династии Европы. Обстоятельства открыли ему путь к выбору супруги, и он воспользовался этой возможностью, чтобы разрушить надуманный предлог, под которым Великобритания взбудоражила народы и разжигала междоусобицу, затопившую Европу кровью. Меттерних слышал, как люди в Вене задавались вопросом, действительно ли новая французская династия должна была быть основана ради мира и благополучия Франции, или же этот союз был предназначен для того, чтобы бросить силу доселе непримиримого и мужественного врага в очередную наполеоновскую комбинацию для завоевания Европы и всего мира.

Разгадка этой загадки так и не была найдена. В тот момент в шторме наступило затишье; какое-то время казалось, что оно перерастет в продолжительный штиль. Во время церемоний в Лувре австрийский посол, который приписывал себе заслугу происходящего и с достоинством принимал осыпавшиеся на него поздравления, схватил со стола бокал с вином и, появившись у окна, громким голосом объявил, что он пьет за "короля Рима" - титул, зарезервированный Священной Римской империей для предполагаемого наследника престола. Прошло совсем немного времени с тех пор, как гордый мастер Шварценберга отказался от своего самого гордого стиля - стиля римского императора. Собравшиеся знали, что произнесенный тост предназначался для потомства Наполеона, и разразились радостными криками при виде этого нового знака австрийской дружбы. Пленных испанцев в Валансае было не превзойти. Они пропели "Te Deum" в своей часовне и подняли тосты за здоровье "наших августейших государей, великого Наполеона и Марии Луизы, его августейшей супруги". Фердинанд достиг апогея своей отвратительной угодливости в петиции, умоляя усыновить его как сына и прося разрешения появиться при дворе. Компьень, куда вскоре вернулась императорская чета, был переполнен королевскими особами, самыми выдающимися дипломатами и курьерами, доставлявшими поздравительные депеши от влиятельных лиц со всей Европы. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XX.

СУРОВОСТЬ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ. [\[35\]](#)

Меры церковной процедуры — Реформы в Церкви — Наполеон как сюзерен Папы Римского — Методы противодействия Континентальной системе — Меры по ее обеспечению — Перераспределение немецких земель — Наполеон как контрабандист — "Фальшивые документы" — Уклонение от имперских ограничений — Визит в Нидерланды — Наполеон и его брат Людовик — Последний непокорный — Переговоры Людовика с Англией — Вмешательство Фуше — Его контрзаговор.

1810.

Консолидация власти Наполеона, по-видимому, продвигалась быстрыми темпами. В феврале указом сената Папская область была объявлена разделенной на два французских департамента под названиями Рим и Тразимен. Вечный город должен был дать свое имя, как второму городу Империи, императорскому наследнику. Папа, наделенный королевским доходом в четыре миллиона долларов, должен был иметь дворец в каждом из нескольких различных мест и проживать, по своему выбору, в любом из них или во всех по очереди. Он должен был поклясться, что никогда не нарушит решений Галликанской церкви, и каждый из его преемников должен был быть связан аналогичными обязательствами при вступлении в должность. Дауну написал книгу, которая была издана за счет императора, поддерживая два тезиса Макиавелли: во-первых, что римский двор всегда использовал свою духовную власть для увеличения своего светского состояния; во-вторых, что его усилия всегда были направлены против светской власти, наиболее сильной на данный момент в Италии. Каким бы непобедимым ни было сопротивление Пия VII в целом, он, тем не менее,

временно сдался в начале того, что можно было бы назвать вторым спором об инвеститурах, введя в должность епископов, выдвинутых Наполеоном. Однако после того, как его бросили в плен, он наотрез отказался продолжать работу, и император разрубил этот узел, назначив на освободившиеся епископства людей по своему собственному выбору под названием "викарии капитулов".

Это был лишь первый шаг к полному разрушению административной схемы, разработанной и усовершенствованной римской иерархией. Коллегия кардиналов сначала была переведена в Париж, а затем ее члены парами были сосланы в крупные провинциальные города; церковные суды со всеми их архивами также были переведены из Рима во французскую столицу; тридцать епископств двух новых французских департаментов были сокращены до четырех; армия иностранных прелатов, которых поддерживала папская система, была рассеяна по различным землям, из которых прибыли ее члены. Число римских приходов также было сокращено, и все монастыри были секуляризованы. Те из уволенных священников, которые были готовы присягнуть на верность императору и Галликанской церкви, получали небольшую пенсию; у остальных — а их, по—видимому, было большинство — конфисковали их личное имущество, а также церковные ценности, и они сами были сосланы.

Эти или аналогичные меры были применены также к Пьемонту, Лигурии, Тоскане, Парме и Плацентии, и суммы денег, вырученные от конфискованных поместий, стали огромными. Значительная часть этих средств, разумеется, поступила в императорскую казну, и этому факту, а также восстановленному общественному доверию, во многом был обязан рост цен на фондовой бирже, произошедший после заключения брака с австрийкой. Эти радикальные изменения оказали огромную услугу истинной религии и землям, в которых они были осуществлены, разорвав цепи церковного гнета, под властью которого население было доведено до нищеты, невежества и апатии. К сожалению, новое правление, хотя и было более экономичным, чем старое, было не менее произвольным — военный деспотизм так же мало подходил для развития народа, как и правление корпорации. Люди были ошеломлены, когда папство и папское влияние рухнули вместе взятые, в то время как центр реальной церковной власти был перенесен с берегов Тибра на берега Сены. Время, казалось, брало реванш. Семью веками ранее Лотарь был вассалом Иннокентия II; теперь Наполеон был сюзереном Пия VII. Папа стал настолько презренным человеком даже в глазах набожных католиков, что де Местр назвал непреклонного, но бездеятельного понтифика ничтожным панчинелло.

После Трафальгара стало ясно, что, хотя Франция и могла господствовать на земле, в воздухе и огне в Европе, она не могла овладеть морем и его островами, по крайней мере, обычными средствами. Увлечение императора правдоподобным планом уничтожения английской торговли бумажными блокадами и эмбарго на британские товары не уменьшилось ни из-за его безрезультатной борьбы в Испании, ни из-за его победы над Австрией. Напрасно он изменил свою военно-морскую политику с политики борьбы с флотом на политику уничтожения торговли; что он захватывал и продолжает захватывать нейтральные суда, груженные британскими товарами; что он расширил свою политическую систему путем завоеваний, пока не стал номинальным хозяином средиземноморских, атлантических и балтийских гаваней. С 1805 года английская торговля с Континентом не только не уменьшилась, но и неуклонно увеличивалась в руках контрабандистов и нейтральных перевозчиков, пока не достигла ежегодных размеров в двадцать пять

миллионов фунтов стерлингов. Несмотря на Тильзитский союз, даже французские солдаты иногда носили обувь и одежду английского производства. Английские корабли вывозили военно-морские припасы из русских гаваней, а колониальные товары поступали с рижских пристаней на рынки Майнца. Но главными нарушителями химерической политики Наполеона были голландские и ганзейские города. Сопrotивление в других частях Континента было пассивным по сравнению с энергичной контрабандой и тайным уклонением от выполнения указов, которые происходили на глазах у чиновников в таких местах, как Амстердам и Гамбург.

Эти факты никогда не скрывались от императора Франции, и теперь он был готов привести в исполнение угрозы, которые произносил в агонии последних войн. Дело дошло до борьбы не на жизнь, а на смерть между политикой, изложенной соответственно в императорских указах и в британских распоряжениях в совете. Ни одна из этих мер не была в строгом смысле военной, но легко видеть, что эти две были непримиримы в своих намерениях, в то время как успех любой из них означал разорение страны, которая поддерживала другую. По-видимому, именно ради ведения этого решающего, хотя и не военного противостояния Наполеон отказался от похода своих победоносных легионов в Испанию для изгнания английских войск с полуострова. То, что он сам называл "испанской язвой", могло ослабить французскую систему, и сто тысяч отборных солдат вместе с императорской гвардией должны были быть направлены для ее излечения путем сокрушения великого английского полководца, ставшего герцогом Веллингтоном, и захвата Лиссабона. Но английская торговля с полуостровом была незначительной по сравнению с тем, что она вела с Прибалтикой и с Голландией при попустительстве правительств, которые номинально были ее врагами. Континентальная система, следовательно, должна была сначала быть восстановлена, и именно для превращения номинального согласия в реальное Даву был отправлен удерживать крепости от Данцига на запад, в то время как Удино должен был принуждать Голландию.

С учетом этих целей земли, отнятые у Австрии, были распределены между Баварией, Италией, Вюртембергом и Баденом. Каждое из этих вассальных государств было вынуждено щедро платить за свои новые приобретения. Княжество Ратисбон было передано Дальбергу, принцу-примасу, а он, в свою очередь, передал княжество Франкфурт принцу Евгению. Король Вестфалии получил Ганновер и Магдебург, пообещав взамен около десяти миллионов дани в год и обязавшись поддерживать восемнадцатитысячные французские войска, оккупировавшие его новые земли. Началась постепенная эвакуация Южной Германии, и вскоре все побережье между Эльбой и Везером было удержано солдатами, сражавшимися при Эсслинге и Ваграме. Гамбургу, Бремену и другим ганзейским городам, Восточной Фрисландии, Ольденбургу, части Вестфалии, кантону Вале и великому герцогству Берг было суждено очень скоро присоединиться к Франции, чтобы дополнить имперские владения. Южная Европа могла бы заменить американский хлопок льном и неаполитанским хлопком, кофе - цикорием, колониальный сахар - виноградным сиропом или свекловичным сахаром, а индиго - вайдой, но Север не смог бы. Подобно Людовику, хотя и в меньшей степени, Мюрат и Жером, сочувствуя своим народам, согрешили против Континентальной системы и вскоре должны были искупить свои грехи потерей важных территорий. Но в настоящее время было принято мнимое согласие северных зависимостей.

Любопытно и забавно, что великим контрабандистом и настоящим преступником был сам Наполеон. Даже он считал, что требования Франции были настолько жесткими, что с

помощью системы лицензий некоторым привилегированным торговцам было разрешено обеспечивать поставки красителей и рыбьего жира, необходимых для французской промышленности, экспортируя в Англию в обмен вино и пшеницу. Лицензированные монополисты щедро расплачивались за свои привилегии не только суммами, которые они публично перечисляли, но и теми, которые пополняли карманы недобросовестных министров вроде Фуше, которые закрывали глаза на серьезные нарушения, не предусмотренные иммунитетами, полученными от Наполеона.

Широко практиковалось уклонение от британских распоряжений в совете, аналогичное французским декретам, и английское правительство также выдавало лицензии нейтральным торговцам. Но оно практиковало большую осмотрительность, и регулирование возникшей в результате обширной торговли не сопровождалось теми придворными и частными скандалами, которые так распространены во Франции. Худшей особенностью английской процедуры было принятие так называемой системы "нейтрализации". Голландские, французские и испанские торговые суда долгое время снабжались своими владельцами поддельными документами, удостоверяющими нейтральное происхождение, в основном прусского происхождения. В этом оба капитана и команды без зазрения совести клялись, когда их обыскивали британские крейсера. Эту систему Англия создала сама, выдавая не только настоящим, но и фиктивным нейтралам лицензии, которые страховали их от досмотра при перевозке товаров в английские порты или из них. Фирмы, которые занимались торговлей — а после отмены ограничений на запрет на половые контакты многие из них были американскими, — сочетали мораль с законностью, считая себя вполне респектабельными, хотя они продолжали поставлять "фальшивые документы", то есть подготовленные подделки, на свои корабли в рамках обычной экипировки.

Такая безнравственность, неравенство и абсурдность были неизбежным следствием борьбы за средства к существованию между двумя воюющими сторонами, у одного из которых не было рук, а у другого - ног. Однако торговля была настолько обширной, что, хотя Англия сочла необходимым, вследствие испанского восстания, ограничить свою бумажную блокаду побережьями Голландии, Франции и северной Италии, она, тем не менее, удвоила импорт военно-морских припасов в течение сезона 1808 года, в то время как цены на шерсть, шелк и колониальные товары давали временную надежду на возрождение мануфактур. Пока энергия Наполеона была направлена куда-то еще, повсеместное присутствие английских военных кораблей в открытом море делало использование "фальшивых документов" необычайно выгодным; и даже после того, как он начал уделять все свое внимание охране гаваней и береговой линии, это продолжало оставаться таковым. Далее следует помнить, что в договоре, который Россия заключила со Швецией семнадцатого сентября 1809 года, последняя страна обещала не только уступить Финляндию, но и закрыть доступ в ее гавани всем британским кораблям, за исключением тех, которые привозили соль и колониальные товары. В январе 1810 года Наполеон заключил соглашение с той же державой о том, что он вернет Померанию, но взамен Швеция не должна была импортировать ничего, кроме соли.

Теперь, когда австрийский брак был заключен и Австрия была присоединена к его системе, Наполеон был готов в июне начать свою новую кампанию и начать коммерческую войну, которая в конечном итоге обеспечила один из важнейших элементов его свержения, двумя другими были национальные восстания и так называемое предательство его друзей.

Но его звезда еще даже не достигла зенита. С неослабевающей проницательностью и неослабевающей властью он в сопровождении своей невесты примерно в конце апреля отправился из Компьеня к голландской границе, его целью было понаблюдать, насколько почти открытое презрение Голландии к его заветному плану теперь оправдывает уничтожение ее автономии и полное свержение ее правительства. Номинальной целью путешествия было доставить удовольствие молодой императрице и порадовать народы Бельгии и Брабанта лицеизрением ее прелестей. Эта цель соблюдалась во всех мероприятиях, но почти в каждом посещенном городе первые лучи солнца видели императора верхом на коне, инспектирующего войска, корабли, укрепления и арсеналы; и когда угасали последние лучи солнца, неутомимый человек все еще проводил беседы с местными властями, в ходе которых пересматривалась и укреплялась каждая деталь управления. Судя по всему, окончание путешествия было таким же благополучным, как и его начало. Милости раздавались щедрой рукой, народ проявлял дикий энтузиазм, когда показывалась приветливая, но отстраненная императрица, и ничто не омрачало внешнего состояния, в котором император вернулся в Париж. Но состояние его ума невозможно описать, таковы были его гнев и унижение в связи с разоблачением предательства, непреднамеренно и невинно совершенного Людовиком накануне их расставания. Чтобы объяснить произошедшее, необходим краткий ретроспективный обзор.

С самого раннего детства определенные качества Людовика вызывали симпатию Наполеона. Школа бедности, в которой младший брат был учеником старшего, также была школой братской привязанности. На протяжении итальянской и египетской кампаний они поддерживали близкие отношения в качестве генерала и адъютанта, и одной из первых забот Первого консула было подарить красавицу Гортензию де Богарне своему любимому брату. В 1804 году Людовик был произведен в генералы, затем в государственные советники, и, наконец, в 1806 году он был возведен на трон Голландии. Наполеон лелеял своего ребенка до самой его безвременной кончины как сына, которому было суждено унаследовать имперское величие. Но, как и другие королевские Бонапарты, король Голландии рассматривал свое высокое положение не как дар императора, а как право. Он правил вверенной ему землей, если не в своих собственных интересах, то, по крайней мере, не в интересах Империи, и с самого начала наполнял свои письма горькими жалобами на всех, кто выпал на его долю, не исключая и его жену. Наполеон увещевал и угрожал, но безрезультатно. Интересы его собственной королевской семьи и голландцев были Людовику ближе, чем интересы Империи.

Наконец император намекнул, что воздух Голландии не устраивает ее монарха, указав, что обстоятельства требуют ее присоединения к Франции. В марте 1808 года он предложил корону Испании в качестве замены. Чуть позже было высказано предположение, что Людовик может получить ганзейские города в обмен на Брабант и Зеландию. Оба предложения были изучены. Когда мы вспоминаем, кем были властители, кем были сделаны подобные предложения и кто отказался от них, мы, кажется, вынуждены отбросить все понятия патриотизма, честности и лояльности как мотивы того и другого и должны приписать поведение Людовика раздражительности. Наполеон был крайне разгневан. После провала Вальхеренской экспедиции Брабант и Зеландия были оккупированы французскими войсками, и Людовик был вызван в Париж. Его первой отчаянной мыслью было сопротивление, но, поразмыслив, он подчинился. По прибытии он узнал, что его судьба неминуема. Наполеон объявил законодательному собранию, что изменение отношений с Голландией необходимо. Министр внутренних дел объяснил, что, поскольку эта земля

является намывом трех французских рек, а именно Рейна, Мааса и Шельды, она по своей природе является частью Франции, одной из великих имперских артерий. Людовик попытался бежать, но был задержан. Он немедленно отправил графа де Биландта с приказом закрыть голландские пограничные крепости и защищать столицу от французских войск. Это было сделано, но неповиновение Луи было недолгим. После подписания договора, который обязывал его, среди прочего, открыть свои крепости, захватить все "нейтрализованные" и даже все нейтральные суда в своих гаванях, включая суда Соединенных Штатов, — документа, который, таким образом, оставлял ему лишь номинальный трон, — ему было разрешено в начале апреля 1810 года вернуться в Амстердам.

Последующий курс Наполеона был продиктован тем, что могло показаться внезапной сменой взглядов, но на самом деле было возрождением его давних надежд на мир с Англией. Имея в виду аннексию Голландии, ему пришло в голову, что, отказавшись от этой меры, он может вырвать у Великобритании прочный мир, от которого она до сих пор отказывалась. Соответственно, он приказал своему брату начать переговоры с Лондоном и представлять свое королевство как находящееся под угрозой уничтожения, если британское правительство не согласится на прекращение военных действий и заключение долгосрочного мирного договора. Это было сделано, и хотя Лабушер, агент Луи, мог предложить так мало, что его предложения казались фарсовыми, все же была хотя бы видимость дипломатических переговоров. В этот момент вмешался могущественный Мефистофель Империи Фуше. Через своего агента он обратился к кабинету министров Сент-Джеймса с предложением мира на основе восстановления испанских бурбонов и компенсации Людовику XVIII королевством, которое будет отделено от территорий Соединенных Штатов!

Агент Фуше прибыл в Лондон несколько раньше, чем тот, кого послал Луи. Его решительно направили в нужное место. Затем Лабушеру было сказано, что, прежде чем продолжить обсуждение этого вопроса, предложение о мире должно быть сформулировано и представлено не королем Голландии, а императором. Провал экспедиции Уолхерена привел Англию в отчаяние, Каннинг пал, и лорд Уэлсли, его преемник, олицетворял мощное стремление к продолжению войны. Поэтому Наполеон ответил запиской, в которой предлагался не окончательный мир, а шаг к нему. Если Англия отзовет приказы совета 1807 года, он эвакуирует Голландию и ганзейские города. Его записка заканчивалась характерной угрозой. Если Англия промедлит, уже потеряв торговлю с Неаполем, Испанией, Португалией и портом Триест, то теперь она потеряет ее с Голландией, ганзейскими городами и Сицилией.

Ничуть не смущенный своим первым отпором, дерзкий Фуше снова вмешался. На этот раз он выбрал Уврара, друга Лабушера и своего собственного, человека, хорошо известного как неистовый буреветник интриг, для коварных действий через аккредитованного посланника, который невинно предположил, что его друг представляет собственные взгляды Наполеона. Следовательно, в возобновленных переговорах было проявлено лишь небольшое чувство сдержанности. Практически вся континентальная ситуация считалась открытой, и любимый план Фуше о создании американского королевства для Людовика XVIII был еще более усилен предложением англо-французской экспедиции для его создания. Лабушер вернулся в Голландию, большая часть переговоров велась по почте, и Наполеон, узнав во время своего визита в Бельгию о присутствии Уврара при голландском дворе,

заподозрил обман и потребовал переписки. Само его существование приводило его в ярость; то, что подобные вопросы должны были быть изложены в письменной форме, ставило под угрозу всю его политику. Впоследствии Уврар заявил, что он лично проинформировал императора о происходящем, но он никогда не мог этого доказать; единственное возможное основание, которое можно найти для его заявления, состоит в захвате и конфискации примерно в то же время около ста тридцати американских судов, находившихся в континентальных гаванях; но каким бы низменным ни было это деяние, оно ничего не доказывает и было вызвано другой причиной. Нелегко определить, был ли этот поступок хорошо продуманной мерой французской дипломатии, направленной на то, чтобы пробудить драчливость Соединенных Штатов, или временным шагом для наполнения пустой казны. В любом случае это не должно было иметь прямого отношения к нерегулярным дипломатическим переговорам между Англией и Голландией. Обстоятельства стали прямым результатом Берлинского указа. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XXI.

СОЗДАНИЕ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЗАВЕРШЕНО.

Декреты Байонны и Рамбуйе — Фуше заменен Савари — Отречение короля Людовика — Поведение Людовика и Люсьена — Включение Голландии в состав империи — Родственники Наполеона не соответствуют его интересам — Французская империя в ее наибольшей степени — Усовершенствованная Континентальная система — Недовольство в России и Швеции.

Закон об американском эмбарго 1807 года по очевидным причинам был полностью по душе Наполеону, что подтверждается Байоннским декретом 1808 года, который предписывал захватывать и продавать во французских гаванях все американские корабли, нарушающие его. Однако Закон о запрете половых сношений от первого марта 1809 года был совсем другим делом. Он был принят демократическим большинством Конгресса вопреки федералистским настроениям и запрещал коммерческие сношения как с Великобританией, так и с Францией. Наполеон объявил, что по его условиям французские суда были захвачены в гаванях Соединенных Штатов; и номинально в отместку за это, что не было фактом, согласно Декрету Рамбуйе, изданному двадцать третьего марта 1810 года, американские суда с их грузами общей стоимостью свыше восьми миллионов долларов были захвачены и сохранены. На самом деле Наполеон рассматривал или делал вид, что рассматривает Закон о запрете половых сношений как акт открытой враждебности по отношению к самому себе, и использовал его, чтобы наполнить свой истощенный кошелек, точно так же, как он использовал заменители, принятые Конгрессом в следующем году, чтобы развязать войну 1812 года. Из-за повсеместного использования "имитированных" американских документов и печатей, система отсутствия сношений ввела британские товары во все континентальные гавани. Судно, имеющее как французскую, так и британскую лицензию и "поддельные документы" Соединенных Штатов или любого другого нейтрального государства, могло бы благодаря беспринципной ловкости торговать английскими товарами почти без ограничений, а это было далеко от намерений Наполеона. Между 1802 и 1811 годами девятьсот семнадцать американских судов были захвачены

британцами, а пятьсот пятьдесят восемь - французами в их гаванях; количество захваченных в портах Голландии, Испании, Дании и Неаполя было очень большим, но точно неизвестно. Отношения Наполеона с Соединенными Штатами в этом вопросе, как и отношения Англии, были нерегулярными и уклончивыми; но в них нет ничего, что указывало бы на то, что император Франции намеревался либо расчленить американскую республику, либо отказаться от своей Континентальной системы.

Проследив весь англо-голландский заговор непосредственно до Фуше, Наполеон намеревался привлечь вероломного министра к суду по обвинению в государственной измене. Опасаясь, однако, последствий такого зрелища не только в Европе, но особенно во Франции, и разоблачений, которые неизбежно должны были его сопровождать, он удовлетворился унижением и изгнанием своего неуправляемого приспешника. Важный пост министра полиции был заполнен назначением Савари, столь же беспринципного, но более послушного инструмента. Убийцу Энгьена и опекуна Фердинанда, каким он был сейчас и каким был после возвращения Талейрана к общественной жизни, в Париже одновременно боялись и ненавидели. "Я полагаю, - говорит он в своих мемуарах, - что известие о чуме, разразившейся в какой-нибудь точке побережья, не вызвало бы большего ужаса, чем мое назначение в министерство полиции".

Луи, в рамках суженной сферы своей деятельности, оставался таким же неисправимым, как и прежде. Он отказался от полного повиновения, которого от него требовали, и даже с неуважением обошелся с французским дипломатическим агентом в Голландии. Презрению Наполеона не было предела. "Людовик, - писал он в письме, тщательно исключенном из авторизованного издания его переписки, - ты не хочешь долго править; твои действия раскрывают твои истинные чувства лучше, чем твои личные письма. Послушайте того, кто знает эти чувства дольше, чем даже вы сами. Вернись по своим следам, будь французом в душе, или твой народ выгонит тебя, и ты покинешь Голландию, став объектом жалости и насмешек со стороны голландцев. Мужчины управляют государствами, руководствуясь разумом и политикой, а не импульсами кислой и испорченной лимфы". Два дня спустя, услышав о намеренном оскорблении своего брата в адрес французского министра, он снова написал: "Не пишите больше банальных фраз; вы повторяли их в течение трех лет, и каждый день доказывает их лживость. Это последнее письмо, которое я напишу тебе в своей жизни". Вскоре французские войска вступили в Амстердам. Людовик созвал свой совет и посоветовал сопротивляться; но советники убедили его, насколько бесполезным был бы такой курс. Удрученный король немедленно отрекся от престола и бежал.

Несколько дней местонахождение Людовика было неизвестно. Было много разговоров, и Наполеон был взволнован. Он написал, умоляя Жерома узнать, где находится беглец, и отправить его в Париж, чтобы он мог вернуться в Сен-Ле и перестать быть посмешищем Европы. Леу. Через десять дней стало известно, что Людовик находится в Теплице в Богемии. Французским дипломатам за границей был немедленно направлен циркуляр, в котором объяснялось, что король Голландии должен быть оправдан за свое поведение на том основании, что он хронический инвалид. Поскольку примерно в то же время Люсьену не совсем понравилась атмосфера французского департамента Рима, и он попросил разрешения своего брата эмигрировать в Соединенные Штаты, семейные отношения императора были опубликованы по всей Европе в самом неприличном свете. Корабль, на котором плыл Люсьен, был захвачен английским фрегатом, и его доставили в Англию, где он оставался в приятном плену до 1814 года.

"Монитор" от девятого июля 1810 года опубликовал лаконичный императорский указ, в котором говорилось, что Голландия отныне является частью империи. "Что мне было делать?" - воскликнул император на острове Святой Елены. "Оставить Голландию врагу? Назначить нового короля?" С его точки зрения, трудно ответить на эти вопросы иначе, как отрицательно. Людовик относился к своей королевской задаче так, как если бы он был династическим королем, которым, конечно, он никогда не был, хотя и был очень любим многими своими подданными. Он перенес столицу из Гааги в Амстердам, реформировал голландскую юриспруденцию, введя Кодекс Наполеона, покровительствовал образованию и искусству. Во всем этом он не следовал примеру своего брата, и результаты были превосходными. Но голландские купцы страдали ровно пропорционально усилению континентальной блокады, участились бунты безработных, и король, забыв о лестнице, по которой он поднимался, стал другом и союзником своего народа. Его судьба была естественным следствием его поведения.

Как часть французской империи, Голландия была разделена на восемь департаментов, ее государственный долг был сокращен с восьмидесяти до двадцати миллионов, французское управление было поставлено на основу самой жесткой экономии, и в течение последующих четырех лет голландцы находили утешение, какое только могли, в связи с потерей своей независимости и своей торговли, в сносном физическом благополучии, в подавлении всех беспорядков и в вынужденном спокойствии, которого Людовик, по причине своего ложного положения, не смог обеспечить для них - благо, которого, следует признать, их безмятежный нрав не принес им. недооценивать. Однако, когда представилась возможность, они храбро восстали, чтобы еще раз заявить о своей национальности.

В этой связи интересно отметить, какой эффект в конце концов произвело на него поведение императорской семьи. Братья и сестры в равной степени стали считать, что изменившаяся судьба ввела их в королевскую иерархию старой абсолютистской Европы, которую из-за их ограниченности и невежества они считали все еще существующей. Их поведение явно напоминало поведение монархов старых династий, чья жизнь была для них образцом. Император наконец понял свою ошибку. "Родственники и кузены, мужчины или женщины, - сказал он в сентябре Меттерниху, - все бесполезны. Я не должен был оставлять существующий трон даже моим братьям. Но мудрее становишься только со временем. Мне не следовало назначать никого, кроме штатгальтеров и вице-королей". С тех пор он придерживался этой политики. Выполняя угрозу, высказанную в ответ на жалобы Джозефа, Испания до самого Эбро была присоединена к империи в марте 1810 года; в декабре все побережье Северного моря до Любека также было включено в состав империи. Жером был лишен части Ганновера, которую он получил только в январе, а герцог Ольденбургский, женившийся на любимой сестре Александра, руки которой предварительно добивался Наполеон, был свергнут с престола.

В том же году Вале, маленькое содружество, которое было отделено от Швейцарии и стало независимым, чтобы нейтрализовать шоссе в Италию, также было аннексировано. Этот новый департамент, названный департаментом Симплон, вместе с четырьмя другими, возведенными на береговой линии Северного моря, расширил границы наполеоновской империи до их наибольших размеров. Иллирийские провинции и Ионические острова не находились под прямым гражданским управлением Парижа и служили военными форпостами. Бискайя, Наварра, Арагон и Каталония также являлись военными правительствами. Мюрат стал королем Неаполя, малолетний сын Людовика стал великим

герцогом Бергским, Элиза уже была великой герцогиней Тосканской и принцессой Лукки и Пьомбино. Следует помнить, что Полина была герцогиней Гвасталлы, Джером королем Вестфалии, Жозеф королем Испании, Бертье принцем Невшательским, Талейран принцем Беневенто и Эжен вице-королем королевства Италия. Эти государства, вместе с Рейнской конфедерацией, Гельветической республикой, Баварией, Саксонией, Вюртембергом и Данией с Норвегией, были вассальными державами. Но Рим, Генуя, Парма, Флоренция, Сиена, Ливорно, Оснабрюк, Мюнстер, Бремен и Гамбург теперь были столицами настоящих французских департаментов, общее число которых достигло ста тридцати. Ими непосредственно управляла центральная бюрократия, столь же автократическая, как и любая военная деспотия.

Таким образом, наконец-то была осуществлена программа революции, лидеры которой в 1796 году решили закрыть Континент для английской торговли. То, что представлял себе республиканский идеализм, имперская энергия, по крайней мере частично, реализовала. Согласно Трианонскому декрету от пятого августа 1810 года и декрету Фонтенбло, изданному восемнадцатого октября того же года, французские солдаты пересекли границы империи, захватили все склады английских товаров в радиусе четырех миль и сожгли все содержимое, за исключением сахара и кофе, которые были доставлены в крупные города и проданы с аукциона за чрезвычайные расходы императора; сами контрабандисты были выслежены, схвачены и переданы на милость суда, созданного специально для их разбирательства. От Пиренеев до Нордкапа "лицензии", разработанные Директорией и выданные Империей, были единственными сертификатами, по которым английские товары могли быть введены в ныне почти завершенную систему. Дания, которая все еще держала Норвегию под своим влиянием, не забыла и не простила бомбардировку Копенгагена в 1807 году; и ее король Фредерик VI, надеясь, что в случае несчастных случаев Швеция тоже может попасть под власть его короны, был только рад помочь императору и закрыть его порты для всей британской торговли, даже для "нейтральных" судов, перевозящих английские товары. Народный гнев против Англии заставил людей отказаться от всех удобств и преимуществ свободной торговли колониальными товарами.

Именно ревнивыми глазами Наполеон наблюдал за растущей теплотой России и отмечал ее уклонения от заключения пакта. Он знал также, что, несмотря на его указы и бдительность, английские товары по-прежнему перевозились под турецким флагом в Средиземное море. Но прямое и эффективное вмешательство на Балтике или в Леванте было пока невозможно. Чтобы завершить одну часть его структуры, сначала необходимо установить кордон как вокруг Швеции, так и вокруг Испании. Первое, по-видимому, было безопасным, поскольку Густав IV, едва не разоривший свою страну из-за сохранения союза с Англией, уступил место своему дяде, который теперь правил как Карл XIII под защитой Наполеона. Новый король, будучи бездетным, избрал своим преемником маршала Бернадотта, чьи добрые отношения с померанцами вызвали расположение ко всем шведам. Сословия Швеции, помня, что он женился на сестре жены Жозефа Бонапарта, и помня о его давнем общении с Наполеоном, поверили, что в его лице они имеют кандидата, приемлемого для французского императора, и поэтому официально приняли его. Они не знали ни подробностей его недружественных отношений к Наполеону, ни того, с каким нежеланием император дал согласие на его кандидатуру. Император с большой неохотой разорвал узы французского гражданства, ибо в его груди терзало глубоко укоренившееся чувство недоверия. Но его вынудил к неприятному согласию страх разоблачения сомнительных деталей его собственной политики. Сам новый наследный принц был хорошо

осведомлен о фактах. Он жаждал заполучить Норвегию и просил о ней, чтобы после своего восшествия на престол он мог заменить Швецию потерей Финляндии; но Наполеон не стал бы таким образом отталкивать короля Дании. Царю не препятствовали таким же образом, и в декабре 1810 года он предложил Швеции желанную землю в качестве цены за ее союз. Когда мы вспоминаем ранний республиканизм Бернадотта, его неоднократные неудачи в критические моменты, — как на Марчфельде, так и в других местах, - нетерпеливые и суровые упреки, с которыми обращался к неэффективному и вспыльчивому гасконцу его командующий, нас не удивляет, что наследный принц Чарльз Джон, как теперь принято говорить, сразу после своего вступления в Стокгольм начал вымещать свою злобу на Наполеоне. Хотя объявленной вражды не было, все же этот факт не предвещал ничего хорошего для стойкости по отношению к французскому союзу страны, над которой ему вскоре предстояло править. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XXII.

Ход войны на полуострове. [\[36\]](#)

Планы Наполеона в отношении Испании — Характер посланных туда войск — Противоречивая политика в Англии — Битва при Бусако — Линии Торрес—Ведрас — Медлительность Сульта — Последствия испанской кампании — Мнение англичан противоположно Веллингтону — Трудности ведения войны в Испании — Мармон заменяет Массену — Успехи Франции — Их незначительность - Французский характер и испанское вторжение.

Но дела обстояли гораздо хуже за Пиренеями, где шла открытая война. Захват северных провинций ознаменовал начало новой политики, не что иное, как включение всей Испании во Францию. Азанза, посланник Жозефа в Париже, едва мог доверять своим чувствам, когда после долгих и бесплодных попыток убедить Наполеона в том, что беды Испании вызваны грабежами французских генералов и ссорами их необузданной солдатни, и что умеренность нового короля была бы прекрасным лекарством, если дать ей сработать, ему, наконец, показали тщательно написанное отречение его хозяина, ожидавшее публикации, и в ответ на его ходатайства о целостности его страны ему резко сказали, что это всего лишь "естественное продолжение Франции". Именно Талейран изначально сказал, что Италия - это фланг Франции, Испания - ее естественное продолжение, а Голландия - ее намыв.

Испания должна была завоевываться шаг за шагом, и к периоду военного управления каждое новое приобретение должно было быть готово для того, чтобы в конечном итоге получить статус французского департамента. Был подготовлен манифест, излагающий эту политику, который должен был быть должным образом распространен среди испанского народа, но он так и не дошел до Мадрида. Курьер, доставивший его, был схвачен партизаном, и прокламация была немедленно напечатана в популярном журнале и скопирована оттуда в "Лондонский курьер". Нетрудно представить, насколько его прочтение усилило постоянно растущую национальную страсть восставших испанцев к освобождению от французского ига.

Этот дух был могущественным союзником Англии и разрушительным врагом Массены. Великий маршал, уступавший по способностям только своему императорскому повелителю, унаследовал командование на полуострове. Императорская гвардия была основой подкреплений, отправленных туда для того, чтобы положить конец военному конфликту и положить начало новой мирной войне путем введения континентальной системы торгового эмбарго для унижения Англии. Однако, помимо гвардии, там были некоторые из тех полков, которые дрогнули в Вене перед предполагаемым приближением армии эрцгерцога Иоанна из Венгрии после битвы при Ваграме, ни в коем случае не составляя цвет императорских войск. Эти вновь прибывшие вместе с войсками, уже находившимися в Испании под командованием Суше, Ожеро, Рейля и Тувено, а также остатками тех войск, которые были под командованием Сульта, были быстро организованы для ведения наступательной войны, сначала против испанцев, а затем против англичан под командованием Веллингтона, которые все еще удерживали Португалию. Три армейскими корпусами, собранными в Леоне и готовыми к наступлению, командовали соответственно Ней, Жюно и Ренье. На бумаге их численность составляла восемьдесят тысяч; в действительности боеспособных бойцов было не более пятидесяти тысяч. К прибытию корпуса Хилла на подкрепление Веллингтону англичан было почти столько же, если не совсем.

В течение трех лет общественное мнение в Англии разделялось: одни поддерживали, с одной стороны, политику Каннинга, направленную на победу над Наполеоном путем воодушевления континентальных наций и предоставления им субсидий на ведение войны, другие предпочитали политику Каслри, который выступал за отправку английских войск на Континент. Последняя теория временно возобладала. Три экспедиции, одна в Португалию, одна в Вальхерен и одна на Сицилию, потерпели полный или частичный провал. Но победа Веллингтона при Талавере сохранила порты полуострова открытыми для английской торговли, и его старший брат, лорд Уэлсли, который теперь был министром иностранных дел в новом кабинете и который горячо верил, что только так Англия может победить, постоянно усиливал армию в Португалии, пока, наконец, она не стала многочисленной и эффективной боевой машиной.

От начала и до конца кампания Массены была отмечена неожиданной катастрофой. Рвение и выносливость испанцев были таковы, что старая, плохо построенная крепость Сюдад-Родриго продержалась с начала июня до девятого июля. Из-за сильной жары и приготовлений, необходимых во враждебной и пустынной стране, Алмейда, которая затем преградила путь, даже не была осаждена до пятнадцатого августа, и держалась почти две недели. Наконец, шестнадцатого сентября Массена пересек португальскую границу, и Веллингтон, который находился поблизости, но не рискнул перейти в наступление, начал медленное и осторожное отступление вниз по долине Мондего, опустошая страну по пути. Наконец он занял позицию на высотах близ Бусако, напротив ущелья, где река прорывается сквозь холмы на равнины внизу. Массена атаковал двадцать седьмого сентября и был отбит с потерей четырех тысяч пяти сотен убитыми и ранеными. Командиры его дивизий сразу проявили дух, который вскоре перерос в непокорность: они с самого начала заявили, что их войска недостаточно сильны для выполнения поставленной перед ними задачи, и теперь требовали отступления. Но ветеран Массена стоял на своем: его разведчики донесли о некоей незащищенной долине или, скорее, углублении слева от англичан, которое, очевидно, ускользнуло от наблюдения Веллингтона и не было укреплено, и французский командующий решил обойти своего врага с фланга на этой линии. Движение было

полностью успешным, и британцы начали быстрое отступление на юг перед наступающими французами.

Массена нашел легкую пищу для людей и животных в плодородных низинах вокруг Коимбры и, ненадолго остановившись в этом городе, чтобы набраться сил и ухаживать за больными, наконец, на волне успеха двинулся к Лиссабону и морю, чтобы загнать англичан к их кораблям и завершить континентальное эмбарго. По мере того как один день сменял другой, его надежды росли, пока, наконец, он не догнал английский арьергард и не вступил в перестрелку. Но после последнего рывка одиннадцатого октября этот арьергард внезапно исчез. Два дня спустя французы были внезапно остановлены перед длинной, прекрасно построенной и ошетилившейся линией укреплений, о существовании которых они абсолютно ничего не знали. Это были знаменитые линии Торрес-Ведрас, построенные Веллингтоном во время его недавнего вынужденного отпуска, чтобы прикрывать его возможное отступление и посадку на корабль при условии, что неудачная кампания сэра Джона Мура и последняя австрийская война завершатся аналогичной победой Франции над всей Испанией. Эти линии эффективно защищали правый берег Тежу. Они состояли из ста пятидесяти двух редутов, оснащенных семьями орудиями и укомплектованных тридцатью тысячами англичан, тридцатью тысячами португальцев и восемью тысячами испанцев. Поскольку у Массены теперь было всего сорок пять тысяч человек, о штурме такой крепости не могло быть и речи, и ничего не оставалось, как дожидаться подкрепления и спланировать стратегическое движение, с помощью которого он мог бы переправиться через Тахо, угрожать Лиссабону с левого берега, отвлечь противника на его защиту и, таким образом, возможно, ослабив гарнизон, обеспечить возможность успешной атаки на укрепленные линии впереди.

Эта идея не была дальновидной. Сулыт был отправлен с сильным отрядом на юг, в Андалусию, с приказом подавить сопротивление этой провинции; затем он должен был повернуть на запад, присоединиться к Массене в Португалии и сотрудничать с ним в соответствии с его приказами в изгнании англичан. Запоздалая экспедиция еще не прибыла, но, несмотря на задержку и разочарование, она, несомненно, должна была наконец прибыть; и если бы император только согласился отдать приказ войскам, находящимся в Кастилии, быстро составленный и блестящий план Массены был бы осуществим. Но, к несчастью для этого плана, то, что, по-видимому, было ревностью со стороны Сулыта, охладило весь пыл андалузского вторжения. В этот момент он находился перед Кадисом, ведя осаду, в ходе которой либо испанцы проявили большое мужество, либо французы - малодушие. Его медленное продвижение не осталось незамеченным в Париже, и, наконец, под давлением обстоятельств он оставил половину своих сил перед стенами "белого города", в то время как с другой частью продвинулся вперед и захватил крепость Бадахос. Там он остановился по необходимости, получив ложную информацию о том, что Массена, который отступил только к Сантарену, полностью отступил, но был правильно уведомлен о том, что части его собственных сил, оставленные перед Кадисом, не смогли удержаться. Потерпев фактическое поражение в своем нападении на сэра Джона Мура, его вторжение в Португалию в 1809 году было временно успешным; но он занял Порту только для того, чтобы, подобно Жюно, устроить заговор ради короны страны, и англичане без труда изгнали его оттуда. Назначенный главнокомандующим после пустой победы Веллингтона при Талавере, он выиграл крупное сражение при Оканье девятнадцатого ноября 1809 года; но с тех пор его время было фактически потрачено впустую, поскольку его препирательства с Джозефом и зависть к Массене сделали все его успехи, даже этот последний при Бадахосе, совершенно

бесполезными. Вскоре он вернулся в Кадис, и французы перед Лиссабоном остались, таким образом, без своих вспомогательных сил.

Обе эти проверки вызвали сильное неудовольствие Наполеона. Часто утверждается, что именно из-за того, что он испытывал одинаковое презрение к испанским партизанам и английской пехоте, он делегировал ведение дел на полуострове своим лейтенантам. На самом деле все обстоит как раз наоборот. Фуа, посланник Массены, прибыл в Париж примерно в конце ноября и застал императора в состоянии, похожем на глухую ярость. Его личный опыт теперь подтверждал то, что пережили Массена и Сульт, два его лучших лейтенанта. Он сам обнаружил, что суровая и плохо возделанная страна неспособна содержать большие армии. Обескураживающим фактом было то, что ни Сульт, ни Массена не преуспели лучше, чем сам великий полководец, и поэтому Наполеон был убежден, что Континентальная система не может быть применена против такого упорного упорства, как у неразумных, дезорганизованных, но отважных и неистовых испанцев, которым помогает холодный, расчетливый и удачливый Веллингтон: по крайней мере, не без ужасной потери жизни и денег. Соответственно, Массена остался без немедленного подкрепления, в то время как десятого декабря 1809 года был обнародован указ о включении побережья Северного моря в состав империи. Александр решил расценить этот судьбоносный поступок просто как неуважение, выразил протест французскому посланнику в Санкт-Петербурге и направил циркуляр державам, сохранявшим права его дома на Ольденбург; он отказался от небольшой компенсации Эрфурта, предложенной Наполеоном, и год спустя, в декабре 1810 года, издал указ, который устанавливал запретительные пошлины на французские шелка и вина, в то же время поощряя "нейтральную" торговлю английскими товарами. Но в тот момент он перенес оскорбление без какой-либо угрозы войны и просто привлек внимание к общим обязательствам дружбы между суверенами. Если прорыв произойдет, то это должно быть явно делом рук Наполеона.

Неспособность Наполеона усилить Массену сделала ситуацию перед Лиссабоном опасной. Нельзя доказать, что он понимал все трудности положения Веллингтона, но не исключено, что он понимал. Лиссабон был переполнен беглецами и требовал немедленной помощи путем наступательных операций. Если бы Массена начал бомбардировку с противоположного берега, его жители подняли бы восстание против английского генерала. Оппозиционная партия в Вестминстере использовала то, что в Англии казалось постоянной задержкой младшего брата, как основание для критики поведения старшего и обвинения всей политики министерства. Английский народ услышал об испанском восстании с диким восторгом, но неэффективность и упрямство лидеров повстанцев вкупе с ненадежностью временных правительств охладили их пыл, и после поражения при Оканье — битвы, в которой тщеславные испанцы сражались прямо вопреки советам Веллингтона, — они громко ругали своих союзников. Лорд Ливерпуль открыто атаковал Веллингтона, народное недовольство усилилось из-за насмешек оппозиции, и какое-то время казалось, что министерство должно отказаться от экспедиции или пасть.

Но если Веллингтону требовалась вся сила его воли и принуждение высшей необходимости, чтобы сделать его глухим к призывам своих союзников к наступлению, Массене в равной степени требовалась сила, чтобы поддерживать свои войска и противостоять призывам своих собственных генералов к отступлению. Фой, наконец, привез необходимые приказы о прибытии подкреплений из Кастилии; но, поскольку значительная часть людей, расквартированных в этой провинции, существовала лишь на бумаге, из тех, кто действительно находился там, удалось выделить только девять тысяч. Массена по-прежнему стоял как скала. Веллингтон писал домой, что при всех своих деньгах и доброй воле жителей он не смог бы содержать одну дивизию, где Массена всю зиму добывал пропитание для шестидесяти тысяч человек и двенадцати тысяч голов скота. Эта дань уважения боевым способностям французов между прочим раскрывает преувеличенное представление противника об их силе.

Возвращение Сульта в Кадис придало Веллингтону смелости для продвижения в Испанию. После различных маневров с обеих сторон Массена был разбит при Фуэнтес-де-Оноро, а Алмейда был отбит англичанами. Бадахос был осажден англичанами, и Султ еще раз двинулся им на помощь. Он тоже потерпел поражение в битве при Албуэре, но в конце концов преуспел в соединении с Массеной, так что Веллингтон почувствовал себя вынужденным снова отступить в Португалию перед объединенной армией. Раздражение Наполеона неудачей Массены в битве при Фуэнтес-де-Оноро привело к опале старого маршала, и на его место был отправлен Мармон. Таковы были трудности, с которыми столкнулись французы при получении продовольственных припасов из разоренной страны, что Веллингтон, казалось, был доволен тем, что позволил нужде вести свои сражения. Сезон 1811 года был отмечен бездействием с обеих сторон, за исключением востока, где Суше захватил Арагон и Валенсию, уничтожив испанскую армию под командованием Блейка. Но в конце года Султ был вынужден отступить на юг, к побережью, в надежде получить необходимые припасы. Испанские партизаны в центральной Испании преследовали французских солдат и выбивали из них дух. Веллингтон немедленно возобновил наступление; двенадцатого января 1812 года перед ним пал Сьюдад-Родриго, а восьмого апреля, после одного из самых храбрых и кровопролитных штурмов, зарегистрированных в английских летописях, был взят и Бадахос.

Мармон отступил, чтобы сосредоточиться, и англичане двинулись к Дуэро. После этого французы снова повернули, Веллингтон отступил к Саламанке и там закрепился, разгромив своего врага двадцать второго июля в блестящем сражении. Затем французский командующий двинулся на Бургос, но его противник, вместо того чтобы последовать за ним, повернул к Мадриду, чтобы сначала изгнать Иосифа из его столицы. К тому времени Бургос был настолько укреплен, что все попытки захватить его оказались тщетными, Сульт немедленно покинул Кадис и повернул на север, чтобы помочь Джозефу. Таким образом, англичане оказались между двумя врагами, и такова была деморализация британских солдат, когда они осознали грозящую им опасность, что Веллингтону с трудом удалось увести их обратно в Португалию. В конце 1812 года французы контролировали всю Испанию, за исключением юга, который был освобожден движением Сульта на север. Кадис стал столицей националистов, но они не смогли сдерживать свои революционные порывы достаточно долго, чтобы сформировать респектабельное или заслуживающее доверия правительство, и Веллингтон снова был обречен на бездействие. Его вынужденный досуг был занят обдумыванием планов больших успехов, которыми он увенчал следующий сезон.

С военной точки зрения война французов в Испании казалась совершенно катастрофической. [\[37\]](#) Полки таяли, как лед под лучами апрельского солнца; дезертирства становилось угрожающе много, а болезни уносили жизни тысяч людей. Партизанская война деморализовала регулярные войска. Новобранцы поначалу проявляли шумное рвение, но их слишком рано оторвали от домашнего воспитания, и у них не было ни сил, ни возможностей сопротивления. Войска из вассальных королевств и недавно присоединенных территорий были встревожены страданиями, которые им пришлось вынести, и с интересом наблюдали за национальным восстанием испанцев, которое, несмотря на местную зависть, бешеные и радикальные доктрины, которые не могли привести ни к чему, кроме анархии, катастрофический провал в правительстве, слабость и лживость временных правителей, казалось, не могло свести на нет усилия и успехи великой империи.

И все же в некоторых отношениях французский характер предстал в более ярком свете во время бедствий войны на полуострове, чем в любое другое время. Рассказ Марбо о красивой молодой кантиньерке, или женщине-маркитантке, из Двадцать шестого полка, которая после Бусако целой и невредимой прорвалась через английские аванпосты, чтобы облегчить страдания захваченного в плен генерала своей бригады, и которая вернулась на своем осле через линию фронта, не потерпев ни одного оскорбления, в равной степени свидетельствует о бескорыстной отваге французов, которую она олицетворяла, и о чистосердечной доблести англичан. Рассказ того же автора о французских дезертирах, которые под предводительством маршала Стокота зарекомендовали себя как флибустьеры в монастыре недалеко от штаб-квартиры Массены в Сантарене, и о том, как генерал быстро и снисходительно наказал за такое поведение, наглядно описывает положение французов, которое привело их к крайним мерам, опустошившим страну, но это также показывает качество дисциплины, которая применялась там, где это было возможно. Не следует также забывать, что два самых замечательных писателя последующей эпохи Франции были глубоко впечатлены ужасными сценами французского вторжения в Испанию. Жорж Санд провела в Мадриде младенцем значительную часть 1808 года; Виктор Гюго провел 1811 год в мадридской школе, участвуя в детских битвах за "великого императора", которого его испанские одноклассники называли Наполадрон (Напо-разбойник). На обоих факт их участия в отражении наполеоновских армий произвел глубокое впечатление. Первого

неудержимо тянуло вновь посетить страну; второй вспоминал о своих впечатлениях в нескольких своих самых благородных стихах. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XXIII.

РОЖДЕНИЕ РИМСКОГО КОРОЛЯ. [\[38\]](#)

Англия при континентальной системе — Конец конституционного правления во Франции — Личное правление Наполеона — Богатство его высокопоставленных чиновников — Литература и империя — Устремления мадам де Сталь — Ее попытки победить Наполеона — Ее Гений, спасенный поражением — Премии Десятилетия — Беременность Марии Луизы — Наследницы династии Наполеонов.

1810-11.

Было бы напрасно предполагать, что зимой 1810-11 годов императорский жених в Париже не до конца оценил ситуацию в Испании или что он недооценил конечные последствия того, что происходило на Пиренейском полуострове, если бы этот процесс продолжался. Еще менее вероятно, что, направив всю свою энергию в эту сторону, он не смог бы подавить неуверенные и судорожные порывы испанского патриотизма ни искусством, в котором он был мастером, ни тем, что превратил пустыню в мир. Нет; все указывает на то, что его взор все еще был прикован к Англии в ее жизненно важной точке и что он предпринял свои меры на Севере, чтобы нанести ей такой удар, чтобы жизненная энергия, поддерживающая войну на полуострове, либо лилась неэффективно, либо была полностью отведена от Испании и превратила всегда сомнительный успех Веллингтона в неминуемую катастрофу. Какой бы богатой ни была Англия, было очевидно, что ее кредит не сможет долго продержаться ввиду щедрых субсидий, которые она постоянно предоставляла континентальным державам, в то время как экспедиции в Испанию, Голландию и Сицилию были еще более дорогостоящими, какими бы безрезультатными они ни были до сих пор. В 1810 году английские банкноты стоили двадцать процентов. ниже номинала, и соверен можно было обменять на Континенте всего за семнадцать франков вместо двадцати пяти, которые обычно приносили. Крахи бизнеса в Лондоне становились угрожающе частыми, а за границей царила паника. Каким должен быть необходимый результат, если бы континентальное эмбарго соблюдалось более тщательно? Огромная контрабандная торговля на Севере теперь практически прекратилась. Там, где английским купцам до сих пор удавалось получать по крайней мере половину цен, полученных контрабандистами от потребителей, теперь они уже не могли обеспечить себе даже этот сомнительный рынок ни за какие деньги; присоединение Голландии и побережья Северного моря к Франции практически не оставляло для них выхода в Европу, кроме как через Россию. Судьба Англии и всего мира, казалось, зависела от того, насколько далеко царь сможет или захочет выполнить обязательства, данные им в Тильзите.

Это могло бы быть не столь полной правдой, если бы французские финансы были в отчаянном положении; но они таковыми не были - то есть личные финансы императора такими не были. После заседания законодательного собрания в декабре 1809 года Франции

вскоре стало ясно, что фарс конституционного правления в Империи почти разыгран. Мало того, что члены сената, которые должны были уйти в отставку в соответствии с конституцией, были сохранены на своих местах указом органа, к которому они принадлежали, но императорским указом были назначены заместители в новые департаменты даже без формы выборов. Фонтанес ушел с поста председателя сената, чтобы стать великим магистром университета; на его место был назначен главный камергер дворца. Император уже продал частным корпорациям каналы, принадлежавшие государству; законодательный орган ратифицировал незаконный акт. Теперь был готов уголовный кодекс. Он предусматривал несправедливое и опасное наказание в виде конфискации за определенные преступления, наказывая таким образом детей за ошибки их родителей и открывая перед судами самый заманчивый путь для потворства продажности в законных формах. Дебатов было немного, и кодекс был принят полностью в том виде, в каком он был представлен.

Причина этого паралича конституционного правительства ясна. Даже огромных военных контрибуций, взятых с покоренных государств, было недостаточно для содержания огромных армий, которые покрывали Европу подобно стаям саранчи. Маршалы и генералы были ненасытны, а жадность гражданских администраторов была едва ли меньшей. От верха до низа государственной службы каждый чиновник стоял с протянутой рукой и голодными глазами. Такое положение вещей было напрямую связано с политикой Наполеона привязывать всех к себе личными узами, и в раздаче он проявлял щедрость парвеню. Получатели никогда не были довольны, копили свои гонорары и становились богачами, постоянно преследуя каждый свои личные амбиции и часто отвечая дерзостью на одолжения. Для покрытия этих огромных расходов по всей Европе была введена система того, что можно назвать частными конфискациями, огромные масштабы которых никогда не могут быть справедливо оценены. Немецкие принцы и испанские гранды, английские купцы и итальянское духовенство - все были выжаты досуха; робкие государственные деятели, хитрые церковники и пронырливые подрядчики, беспринципные финансисты и амбициозные политики - ни один не был забыт или обойден вниманием при накоплении сокровищ, которые долгое время назывались армейскими сундуками, а теперь были возведены в ранг "исключительных владений".

Хранившиеся до сих пор в приличной безвестности, эти добытые нечестным путем владения, принадлежавшие если не их первоначальным владельцам, то государству, при низком уровне общественной морали были не просто признаны — они фактически увеличились за счет новых источников снабжения. Конфискованные дворцы, леса, земли и рыбные промыслы, доходы от продажи американских кораблей, ценности любого рода - все это стало частной собственностью императора. Если какой-либо из этих источников дохода иссякнет, можно будет положиться на уголовный кодекс с его законодательством о конфискации, который создаст угрозу, достаточно сильную, чтобы извлечь неисчерпаемые сокровища из еще нетронутых хранилищ. Один оратор заявил, что этот варварский фонд был в руках императора "французским Провидением, которое сделало лавр плодородным деревом, плоды которого питали храбрецов, укрытых его ветвями". Наполеон считал, что денег короны достаточно для него самого. Теперь доход Бертье составлял один миллион триста пятьдесят тысяч восемьсот франков, а Даву был едва ли менее царственным с доходом в девятьсот десять тысяч; у Нея было всего семьсот двадцать восемь тысяч, а у Массены пятьсот тысяч; Султ был честолюбив увеличить свой доход в триста пять тысяч франков за счет завоевания португальской короны. С учетом крупных общественных

благотворительных мероприятий, выделенных из этого чрезвычайного фонда, с учетом крупных общественных работ в Париже и других местах, которые были проведены на его средства, общие расходы составили более четырехсот тридцати миллионов франков. Общая сумма поступлений возросла примерно до семисот шестидесяти миллионов, и, следовательно, в кошельке императора все еще оставалось свыше трехсот миллионов. Его нельзя было назвать обездоленным или даже бедным.

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ в 1809 году.

С картины Рене-Теодора Бертоне,
находящейся во владении потомков художника в Канаде.

В те же годы, когда угасали остатки независимости законодательной власти, были также построены шесть государственных тюрем, в которых должны были содержаться недовольные люди, которые были слишком влиятельны, чтобы их можно было оставить на свободе, но чьи судебные процессы в открытом судебном заседании выявили бы неприятные факты. Цензура прессы также была восстановлена с железной жесткостью, и издатели приобрели те скудные привилегии, которыми им разрешалось пользоваться, выплачивая любые пенсии, которые император решал назначить нуждающимся литераторам. Поэт Шенье, Бернарден де Сен-Пьер, автор книги "Поль и Вирджиния", и другие получали, помимо орденов Почетного легиона, значительные доходы, которые фактически выплачивались их собратьями по ремеслу; в то время как немногие избранные,

в том числе Гро, Жерар, Герен, Лагранж, Монж и Лаплас, были возведены в новый баронский титул. Даже Карно без колебаний согласился на работу и место у Наполеона. Сначала он попросил ссуду для удовлетворения своих насущных потребностей. Император сделал это ненужным, приказав Военному министерству выплатить всю задолженность по его пайку и другим льготам, дав ему поручение подготовить книгу о фортификации и назначив ему пенсию в размере десяти тысяч франков. Увесистая кувалда цензуры, по-видимому, была выкована для того, чтобы убить комара. Истории литературы не известно ничего более раболепного и смиренного, чем поведение подавляющего большинства французских писателей и художников при Империи.

Было одно исключение — мадам де Сталь. Эта переоцененная женщина приобрела ореол мученицы в результате так называемых преследований императора. Но преследование было, по мнению проникательных наблюдателей, скорее с ее стороны, чем с его. Комитет общественного спасения счел ее интриганкой и потребовал от ее мужа выдворить ее из Парижа; Директория держала ее под наблюдением в Коппе и приказала арестовать, если она вернется во Францию. Ее устремления были безграничны, и Малле дю Пан, агент роялистов, сказал, что она бесстыдно выставляла напоказ свои прелести на публичных мероприятиях. В 1796 году, стремясь править страной через своих друзей, она написала Бонапарту, находившемуся в Италии, что вдова Богарне далеко не обладает необходимыми качествами, дополняющими качества такого гения, как он, и по его возвращении в Париж она сразу же сделала подозрительные заигрывания, чтобы завоевать его расположение. Бурьен заявляет, что видел одно из ее писем Бонапарту, в котором она категорически заявила, что они двое, она сама и ее корреспондент, были созданы друг для друга. В другом месте упоминалось о холодности, с которой Бонапарт обошелся с ней, когда по ее собственной просьбе она была представлена ему в гостиную Талейрана. Вскоре после этого, на приеме, устроенном министром иностранных дел завоевателю Италии, неутомимый искатель дурной славы обратился к последнему еще раз.

Сцена описана в мемуарах Арно. Сначала она осыпала своего кавалера нескромными комплиментами. Бонапарт холодно выслушал, и разговор иссяк. В отчаянии она выпалила: "Генерал, какую женщину вы могли бы любить больше всего?" "Мою собственную", - последовал язвительный ответ. ("Quelle femme?" "La mienne"). Поскольку во французском языке "Женщина" и "жена" - одно и то же слово, реплика Наполеона была презрительным каламбуром. "Очень хорошо; но которая из них ценила бы вас выше всех?" - настаивала она. "Лучшая экономка". "Да, я понимаю; но которая из них была бы для вас лучшей среди женщин?" "Та, кто должна была бы рожать больше всего детей, мадам", - последовал ледяной ответ, когда измученный солдат с отвращением повернулся на каблуках. Несколько позже она сказала Люсьену тающим голосом: "Я всего лишь дура в своем желании угодить твоему брату. Я теряюсь, когда хочу поговорить с ним. Я выбираю свой язык и изменяю выражения; я хочу заставить его думать обо мне и заниматься мной. Это заканчивается тем, что я становлюсь глупым, как гусыня ". Когда самодовольный Люсьен сообщил о языке, его брат ответил: "Я знаю ее досконально.... Она заявила тому, кто сообщил мне, что, поскольку я не буду ни любить ее, ни позволять ей любить меня, ей ничего не остается, кроме как ненавидеть меня, поскольку она не может оставаться равнодушной. Какая мегера!" В письме Жозефу, датированном девятнадцатым марта 1800 года, будущий император писал: "Господин де Сталь пребывает в глубокой нищете, а его жена дает обеды и балы. Если вы продолжите с ней встречаться, не будет ли хорошо, если эта женщина будет выплачивать своему мужу тысячу или тысячу двести франков в месяц? Неужели мы уже достигли того

времени, когда без какого-либо протеста со стороны порядочных людей может быть растоптана не только мораль, но и самые священные узы, связывающие детей со своими родителями? Предположим, мы судим о мадам де Сталь как о человеке, — только, конечно, как о человеке, унаследовавшем состояние господина де Неккера, — который долгое время пользовался привилегиями выдающегося имени и который оставил свою жену в нищете, в то время как сам жил в достатке: могли бы мы общаться с таким человеком?"

Вскоре после этого произошла битва при Маренго. Теперь вся ее страсть превратилась в ненависть, и коварная женщина открыто желала поражения Бонапарту. С тех пор она была явным и злейшим врагом; он назвал бы ее заговорщицей. Десять лет ее изгнания, как она сама заявляла, были потрачены на скитания от двора ко двору в Англии, России, Пруссии и Швеции, связанные с подрывом имени и славы императора и разжиганием коалиций, которые в конечном итоге погубили его. Когда Бонапарт стал ультраимпериалистом, она стала ультралибералом. Ее книга о Германии, опубликованная в 1810 году, была, в основном, справедливой похвалой возрожденной стране; но она ставила Франции в пример достижения страны, которая теперь была ее злейшим врагом. Цензоры придали ему фиктивную известность, отдав приказ о его полном подавлении.

Когда в ноябре 1810 года были распределены премии десятилетия, учрежденные в качестве стимула для литературы и науки, судьи не смогли найти в науке ничего, что было бы достойно их благосклонности позднее 1803 года; но лауреаты, какими бы старыми они ни были, все были людьми по-настоящему выдающимися. Имена коронованных литераторов теперь известны только изучающим историю. Наполеон поинтересовался, почему имя Шатобриана было опущено из списка, каким оно и было. Возможно, он вспомнил, как предполагает один из его недоброжелателей, что в великой книге этого писателя была привлекательно представлена римская доктрина подчинения официальной власти; или же, что более вероятно, он, возможно, пожелал, чтобы его список авторов был более блестящим. Император, возможно, и учредил эти премии, как заявляли его апологеты, он сам сказал, что он это сделал, чтобы отвлечь активные умы от занятий политикой; но демонстрация того, как Империя подавила оригинальность и плодovitость во французских умах, должно быть, ужаснула его, каковы бы ни были его мысли.

Зимой 1810-11 годов личная жизнь Наполеона была практически посвящена благотворительности. В дополнение к милостям, оказанным Карно, он расточал деньги на другие объекты, некоторые из которых были не столь достойны. Канова, которого вызвали из Рима для создания портрета-статуи императрицы, получил значительный грант для ученых обществ этого города. Шенье, как и Карно, был ярким противником Империи. Теперь он искал работу в нем и был назначен генеральным инспектором университета - должность, до которой ему оставалось недолго. Все старые фавориты были вспомнены при общей раздаче хороших вещей. Талейран только что потерял огромную сумму из-за банкротства банка, которому доверял, и император пришел ему на помощь, купив один из самых великолепных дворцов своего министра более чем за два миллиона франков. Двор проживал иногда в Сен-Клу, иногда в Рамбуйе, иногда в Трианоне, но по большей части в Фонтенбло, где церемонная жизнь, к которой все заинтересованные лица теперь хорошо привыкли, не была отмечена прежней неловкостью и трениями, а протекала настолько блестяще, насколько позволяли щедрые расходы.

Беременность императрицы была отмечена грандиозными торжествами, во время которых Наполеон совершил одно из своих самых почитаемых деяний — пожертвование огромного родильного дома. Императрица приобрела большую известность как президент общества, состоящего из тысячи благородных дам, под покровительством которых находилась благотворительная организация.

Нескрываемый и экстатический восторг будущего отца находил выход в деликатном и нежном внимании к матери своего ребенка, и до ее освобождения он был нежным, преданным и внимательным мужем. Вся его натура, казалось, преобразилась. Когда ранним утром двадцатого марта 1811 года стало известно, что у императрицы начались роды и что ложное представление поставило перед необходимостью немедленного выбора между жизнью матери и жизнью ребенка, чувства императора можно лучше представить, чем описать.

Если ожидаемый наследник умрет, его династия окажется под угрозой, его враги снова будут назначать встречи у его могилы, надежды всей его жизни могут быть разбиты вдребезги. Но он ни на секунду не колебался. "Думай только о матери", - воскликнул он. В конце концов, опасения лечащего врача были напрасны, и ребенок мужского пола, появившийся на свет без единого крика и семь минут лежавший без дыхания, словно колеблясь, принять свою судьбу или отвергнуть ее, наконец издал вопль, когда наконец-то обрел дыхание жизни. Наполеон повернулся, подхватил свое сокровище и прижал его к груди. Сто орудий возвестили о рождении, и город разразился ликованием, которое эхом прокатилось по всей Европе от Данцига до Кадиса. Фестиваль следовал за фестивалем, и какое-то время люди верили, что храм Януса снова закроют. Ни один мальчик никогда не выходил на земную сцену среди такого великолепия и, казалось, не был обречен на такие почести, какие ожидали этого. Преданность отца была страстной и непоколебимой. Это продолжалось даже после того, как его бросила и предала мать, после того, как ребенок отдалился от нее и превратился в австрийского принца. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XXIV.

НАПРЯЖЕННОСТЬ МЕЖДУ ИМПЕРАТОРОМ И ЦАРЕМ. [\[39\]](#)

Угрозы войны — "Чрезвычайные владения" Наполеона — Разрыв Конкордата — Перспектива войны — Империя подготовилась к торговой осаде — Самообман Наполеона - Океанские и Континентальные империи — Унижение царя — Польша и Французская империя — Подход Александра к Франциску — Фальшивые переговоры.

1811.

Среди других организаций, направивших делегации поздравить императора с рождением его ребенка, была Парижская торговая палата. Их обращение было достаточно назидательным, но в нем содержалось предположение, что торговля в стране - это не все, чего можно желать. Наполеон ответил на языке, который привлек внимание всей Европы. В

его тоне чувствовалась некоторая раздражительность, но была и безоговорочная уверенность в отношении будущего. Среди прочего, он сказал, что Англия находится в депрессии. Это было правдой; об этом свидетельствовали новые меры, принятые для обеспечения соблюдения континентальной системы. Британские гавани были забиты продуктами всех колоний — не только ее собственных, но и тех, которые она захватила во время наполеоновских войн. Склады больше не могли вместить, а поскольку колониальная торговля велась по бартеру, все продукты английской промышленности должны были оставаться дома из-за отсутствия экспортного рынка. Бизнес застопорился, и призрак английского банкротства витал за границей. Что касается Франции, император заявил, что он ни в коем случае не является преемником ни Людовика XIV, ни Людовика XV, но Карла Великого; ибо нынешняя империя была всего лишь продолжением старого франкского владычества. Через четыре года, по существу, сказал он, у меня будет военно-морской флот. Когда мои флоты пробудут в море три или четыре года, мы сможем противостоять англичанам. Я знаю, что могу проиграть три или четыре сражения; очень хорошо, я их проиграю. Но мы всегда мужественны, всегда в сапогах и со шпорами, и мы добьемся успеха. Не пройдет и десяти лет, как я разгромлю Англию. Ни одно государство Европы больше не будет иметь с ней никаких сношений. Именно мои таможи наносят англичанам наибольший вред. Ее блокада нанесла ей наибольший вред, научив нас обходиться без ее продуктов, ее сахара, ее индиго. Еще несколько лет, и мы полностью привыкнем к этому. Скоро у меня будет достаточно свекловичного сахара, чтобы снабжать им всю Европу; для вашей продукции открыт рынок сбыта во Франции, Италии, Неаполе и Германии. В конце он добавил слова на этот счет: "Банк Франции полон серебра, в то время как в банке Англии нет ни одного белого су [пяти франков]". С 1806 года я собрал пожертвования на миллиард франков. Деньги есть только у меня. Австрия уже обанкротилась, а Россия и Англия обанкротятся. Существуют три версии этого знаменитого распределения. В одном из них есть слова: "Я проявил милосердие к российскому императору в Тильзите в обмен на обещания помощи; но если эти обещания не будут выполнены, я поеду, если понадобится, в Ригу, в Москву, в Санкт-Петербург".

Три чрезвычайно важных момента требуют внимания в этом типичном выступлении "императора", произнесенном на волне имперского успеха: два из них, оба отрицательные, зловещи; третий - положительный и очевидный. Здесь нет упоминания о финансовом состоянии Франции или о церковной ситуации. России открыто угрожали. Хвастовство богатством относилось к собственным "необычайным владениям" Наполеона. Примерно в это же время Меттерних доложил своему правительству, что Франция - самая богатая страна в Европе, но ее казна пуста. Бюджет 1811 года насчитывал девятьсот миллионов по кредиту, но в нем также было девятьсот пятьдесят четыре миллиона по дебету. В прошлом году на армию и флот потребовалось пятьсот десять миллионов, в нынешнем - шестьсот пятьдесят миллионов. Император придерживался неизменного принципа: каждое поколение само оплачивало свои расходы. Единственным источником снабжения, который он мог найти, было увеличение косвенных налогов и установление государственной монополии на табак. Это средство было бы адекватным, если бы не две причины — засуха следующего лета и враждебное отношение России к французским шелкам и винам. 1811 год завершился с дефицитом в сорок восемь миллионов. Этот факт оказал влияние на политическую ситуацию, потому что в целом средством императора от опустошения казны была новая война.

Теперь церковная ситуация стала острой. По мере того как одно епископство за другим становилось вакантным, император назначал епископов; но папа, который все еще находился в плену в Савоне, с момента своего заключения упорно отказывался учреждать их. Какое-то время, как уже объяснялось, этой трудности искусно избегали с помощью процесса церковного права, согласно которому главы различных епархий избирали имперских кандидатов в качестве викариев столицы и, таким образом, позволяли им выполнять епископские функции независимо от учреждения. Но это не могло продолжаться вечно, и было приложено все усилия, чтобы заставить савонского узника сдаться. В ответ он занял более твердую позицию и указал капитулам Италии и Франции, что им больше не следует избирать имперских кандидатов в качестве капитульных викариев. Это был разрыв Конкордата, и именно так расценивал его Наполеон. Отношение всех благочестивых католиков становилось тревожным, и это новое объявление войны Церковью могло только усилить воинственный настрой императора. В конце концов папу смирили, частично ужесточив условия его заключения, частично терроризировав его агентов во Франции, но главным образом благодаря представлениям, сделанным ему самыми способными священнослужителями королевства, и созыву церковного собора, который оказался почти таким же послушным светской власти, каким был еврейский Синедрион.

Что касается третьего пункта, кажется невозможным определить, действительно ли угроза России была высказана, как гласит одна из версий ответа, или же более поздняя речь на открытии законодательного собрания в июне и отчет о положении Франции, опубликованный в том же месяце, не были перепутаны с речью императора в марте. В любом случае результат был идентичным, поскольку Франция и Европа инстинктивно оценили ситуацию и ясно поняли, что император не был настроен против возобновления войны в Северной Европе. Этот третий момент, конечно, был самым примечательным из трех, поскольку это мог быть только вопрос времени, когда разразится буря.

Если бы в ту эпоху мировой истории было возможно провести различие между Наполеоном-человеком и Наполеоном - воплощенной политической силой Европы, аспект первого вызвал бы огромный интерес у людей. Исполненный отеческой нежности, он, казалось, какое-то время стремился лишь к тому, чтобы сохранить то, чего он добился, - лидерство в западной империи, столь же великолепной, как у Карла Великого. Чтобы удостовериться в этом приобретении и передать его своему наследнику, он, кажется, на мгновение возмечтал выступить в роли умиротворителя Европы. Он фактически вывел большую часть своих войск из Германии для использования в Испании, оставив лишь столько, чтобы наблюдать за Пруссией и охранять Вестфалию; с прежней властью он, наконец, сформулировал свои денежные требования, как будто таким образом хотел положить конец раздорам. "Восстание" в Испании он намеревался подавить с помощью мирных операций коммерческой войны с Англией, которые, как он был уверен, приведут Великобританию к соглашению теперь, когда впервые с начала военных действий кровь ее солдат "лилась рекой". Вероятно, его укрепило в этом убеждении неохотное согласие кабинета Сент-Джеймса начать переговоры об обмене пленными на той самой основе, которую он предложил задолго до этого. Более того, полагая, что европейские принцы к этому времени утратили свою деликатную чувствительность, не казалось чудовищным преступлением укреплять свою империю для ее коммерческой осады простым способом удаления герцога Ольденбургского из его наследственных владений, граничащих с океаном, и предоставления ему внутреннего суверенитета в Эрфурте, или избрав альтернативный способ оставить его наслаждаться первым под защитой Франции. Кажется самонадеянным

пытаться как-либо раскрыть свои чувства, но, несомненно, он мог надеяться, что тогда, контролируя все каналы европейской торговли от Корфу и Триеста, Италии, Испании и Текселя до Любека, его стена защиты французских мануфактур сделает свое дело, и через несколько лет Франция станет промышленным и торговым центром континентальной Европы. С Парижем, столицей новой западной империи, будут восстановлены истинные отношения между светскими и церковными главами мира, чего не могло быть, пока папство имело свою резиденцию в Риме, и все будет работать сообща под руководством сильной руки, чтобы смирить островную империю Англии, уничтожить ее господство на материке и, таким образом, приблизить моральное и материальное тысячелетие для цивилизованного мира.

Но увы такому самообману, если он действительно когда-либо существовал. Природа слишком сложна, а привычки слишком сильны для таких внезапных возвышений цели. Если бы истинный, сложный Наполеон в своем предполагаемом общении задал этот вопрос, Что тогда? искренность заставила бы его ответить, и даже больше. Люди помнили, что в те самые дни он употреблял выражение "Император Континента", возможно, в шутку, но все же со значением. В марте 1811 года были отданы приказы снаряжать суда для двух экспедиций: одной против Сицилии и Египта, другой против Ирландии; в случае успеха он мог бы тогда проявить свою волю на мысе Доброй Надежды и, в конечном счете, в Ост- и Вест-Индии. "Они хотят знать, куда мы направляемся, где я установлю новые Геркулесовы столпы", - сказал он. "Мы покончим с Европой, а затем, как грабители набрасываются на других, менее смелых, мы набросимся на Индию, которой овладел последний класс". Примерно в то же время баварский министр, умолявший о мире, получил ответ: "Еще три года, и я стану властелином вселенной". Когда Моллиен посоветовал воздержаться от войны из-за финансовых неурядиц, ответ был таким: "Напротив, финансы приходят в беспорядок, и именно по этой причине нужна война". За спиной Наполеона отец был амбициозным и надменным государственным деятелем в сочетании с уверенным в себе генералом, воплощением французских амбиций, которые укрепились при старом режиме и были переданы Империи через Революцию, Директорию и Консульство.

Но на арене были еще два гладиатора: Англия, оказавшаяся в тяжелом положении, но все еще неустрашимая в своем господстве над морями, омывавшими ее величественную колониальную империю; Россия, твердо решившая поддерживать равный баланс сил с Францией в Европе, одновременно восстанавливая путем свержения Турции восточный противовес западному владычеству Наполеона. Московский царь охотно сошел бы за философа. Четырнадцатью годами ранее, когда ему было восемнадцать, он подпал под обаяние принца Адама Чарторыйского, юноши примерно его возраста, которого императрица Екатерина взяла в заложники после окончательного расчленения Польши в 1795 году. Обученный своей бабушкой играть свою собственную роль просвещенного деспота, молодой правитель, еще в те ранние годы, когда правят великодушные порывы, беседовал со своим другом, представителем угнетенной страны, о возможности восстановления Польши, признавшись в своем тайном отвращении ко всему, что он был вынужден публично исповедовать. Мы можем представить радость благородного поляка при мысли о том, что его страна снова станет единой, даже несмотря на то, что ей суждено было оставаться лишь полуавтономной в составе Российской империи. Но шли годы, и Чарторыйский, хотя и предпочитал занимать место и оказывать почести царю, все меньше и меньше слышал о планах молодого философа. В 1805 году он, наконец, вырвал у Александра обещание, что тот начнет действовать; но очень скоро оно было отозвано, и Чарторыйский

удалился в свои поместья. Реалии и эгоизм жизни затмили чувствительность человека и превратили его в деспота. Однако какое-то время он пробовал себя в роли европейского посредника, чему Тильзит является свидетелем.

Испытывая отвращение с практической точки зрения к старым династиям и их махинациям, Александр не только отказался от идеи воссоздания Польши, но и стал равнодушен к территориальным границам всей древней Европы и на мгновение возмечтал о Наполеоне как о своем императоре-близнеце. Для этого он тоже должен быть завоевателем. Финляндию он завоевал, но ценой приверженности торговой системе, которая постепенно разоряла его народ. Изнурительная, вялотекущая война с Турцией все еще продолжалась, и ни Молдавия, ни Валахия еще не были приобретены. Ольденбург был включен в состав Франции. Великое герцогство Варшавское было не просто призраком восстановленной Польши: присоединение Галиции к его территориям придало ему прочность и содержательность. Франко-австрийский союз представлял угрозу всем устремлениям царя на Балканском полуострове. Было ясно, что ему придется выбирать между соблюдением своих обязательств в соответствии с буквой и открытым разрывом. Он был избит и унижен в своей собственной игре.

Первые шаги к разрыву были сделаны еще до второго брака Наполеона. В последние дни 1809 года Александр вел переговоры с Коленкур, французским послом в Санкт-Петербурге, о заключении договора, требующего от его союзника официального обещания, что Польша никогда не будет восстановлена и это название никогда официально не будет использоваться. Из использованных в то время формулировок ясно, что два вопроса о Польше и браке с Россией не были связаны; первый он мог поднять просто как союзник, справедливо ожидая благоприятного ответа. Конечно, возможно, что Александр надеялся, что Наполеон соединит их и таким образом подпишет польский мирный договор в надежде, что его просьба о великой княгине будет удовлетворена в ответ. В этом случае российский император все еще мог бы отказать в руке своей сестры, обосновав уступчивость своего союзника в отношении Польши существующими политическими отношениями. Тогда он, возможно, посмеялся бы про себя над своим обманутым дураком. Как бы то ни было, Наполеон был хитрее. Он ответил, что подпишет не этот документ, а несколько иной, хотя и столь же удовлетворяющий Россию. Соответственно, он разработал, привел в исполнение и направил России контрпроект, обещающий "никогда не оказывать помощи какой-либо державе или какому-либо внутреннему восстанию вообще, направленному на восстановление королевства Польского". Через несколько дней после ее прибытия в Санкт-Петербург пришло известие о браке с австрийкой.

Теперь перед царем были открыты два пути. Один из них состоял в том, чтобы воспользоваться сильной русской партией, существовавшей среди поляков в Варшаве, пообещать восстановление Польши с самим собой в качестве короля и начать наступательную кампанию против Франции. Этот план содержится в дошедшем до нас письме, адресованном ему князем Голицыным. Другой вариант заключался в дальнейших переговорах и ожидании событий. Поразмыслив некоторое время с первой идеей, царь наконец сказал Чарторыйскому, что он никогда не мог бы рассматривать возможность отказа от провинций, уже включенных в состав России, — что, конечно, означало, что он не восстановит целостность Польши, — но что он может принять корону великого герцогства Варшавского такой, какая она есть, включая Галицию. Вслед за этим были отправлены секретные агенты для зондажа австрийского двора. Если раздел Турции состоится, как было

уже решено, не могли бы Россия и Австрия взяться за руки, чтобы защитить каждая свои интересы от Франции? Учитывая тот факт, что Наполеон отверг идею уничтожения Турции, потому что Россия проявила ревность к Австрии и отказала ей в какой-либо доле на турецких землях, это было фактическое объявление военных действий.

Увертюра Александра осталась без внимания в Вене, по крайней мере на данный момент, потому что Меттерних был в Париже, добиваясь расположения Наполеона. Таким образом, одновременно и открыто продолжалось фехтование между Парижем и Санкт-Петербургом. На стол Наполеона был положен ответ на контрпроект, содержащий идентичные слова: "что королевство Польское никогда не будет восстановлено". Такая настойчивость разозлила получателя и, казалось, допускала только одно толкование. Если Александр не считал гарантии, данные Францией после Фридланда и Ваграма, достаточными, мог ли Наполеон увидеть в этом повторном требовании что-то большее или меньшее, чем решимость царя не выполнять обязательства России, если он сам не даст новых? Поэтому он ответил мягко, ни к чему не обязывающий ответ и начал безошибочно готовиться: поездка во Фландрию с целью привлечения общественного мнения в свою пользу, укрепление определенных крепостей и общее сближение с Австрией во всех своих отношениях. Переговоры продолжались еще немного, Россия настаивала на том, чтобы фраза была написана первой, Франция заявила, что ее использование было бы признанием содержащейся в ней инсинуации и, следовательно, несовместимо с ее достоинством. Любой другой эквивалентный язык, который она использовала бы, но не этот. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XXV.

Множество наций. [\[40\]](#)

Отчуждение Франции и России — Предчувствия войны — Тайная политика Александра — Различные факторы ситуации — Бернадотт — Накануне всеобщего пожара — Англия и Пруссия — Австрия и Пруссия — Союз Швеции и России — Англия и Соединенные Штаты — Рейнская конфедерация — Государство Франция.

1811-12.

Тем временем Меттерних, уверенный, что при разделе Турции для Австрии можно добиться лучших условий от Наполеона, чем от Александра, делал все возможное, чтобы обострить отношения Франции и России. Сильная русская партия в Вене поддерживала тесные контакты с многочисленными поляками в Варшаве, которые надеялись на восстановление целостности своей страны Александром. В обоих местах было много разговоров о восстановлении Польши, особенно в Варшаве, и эта фраза постоянно появлялась в газетах. Посол Александра в Париже сделал срочные заявления в связи с "упорным слухом о том, что император намерен восстановить Польшу". Наполеон в ярости возразил и пригрозил войной, но тут же написал успокаивающее заверение, что он по-прежнему верен Тильзитским обязательствам, а что касается самого договора, то он

согласится на изменения, но никогда не запятнает свою собственную память бесчестьем. Первого июля, когда строки были в руках переписчика, произошел инцидент, который, как многие думали в то время, изменил ход истории. Во время великолепного праздника, устроенного австрийским послом, украшения на открытом дворе загорелись, и пожар распространился, охватив все посольство. Все важные гости остались невредимыми, за исключением российского посла Куракина, который был настолько ранен, что больше не мог выполнять свои официальные обязанности. То, что почти сразу же его настроение, казалось, изменилось, пролило яркий свет на характер Наполеона как человека; его личные обязательства перед подвергавшимся многочисленным оскорблениям, но хорошо воспитанным посланником теперь не могли быть перечеркнуты вежливым ответом хозяину; следовательно, по-видимому, он коротко отпустил российского поверенного в делах и завершил переговоры. Именно когда эта новость достигла Санкт-Петербурга, Александр во второй раз предложил Норвегию Швеции.

Истинной причиной резкого поведения Наполеона была новость, сообщенная Меттернихом, о том, что русская армия успешно продвинулась к Дунаю. Семнадцатого июля Франциск отправил посланника с просьбой к своему новому зятю присоединиться к нему в знак протеста против агрессии царя; другими словами, пустить по ветру Тильзитское и Эрфуртское соглашения. Наполеон ответил решительным и благородным отказом, но многозначительно сказал Меттерниху: "Если Россия поссорится с нами, она потеряет Финляндию, Молдавию и Валахию", добавив, что если царь, вопреки своему обязательству 1808 года, захватит что-либо к югу от Дуная, то он сам вмешается от имени Австрии. Но вся Европа, казалось, была убеждена, что война неизбежна. На всех водоемах только и разговоров было, что о войне. Русская партия в Вене осмелела; Поццо ди Борго, давний враг Наполеона, который временно скрывался в России, появился в Вене в своей русской форме, обласканный и пророческий. Он остановил французского переводчика, направлявшегося в Персию, и подкупил его, чтобы тот поступил на русскую службу. В краткой личной записке, написанной его собственной рукой, Наполеон привлек внимание Александра к фактам, но, не дожидаясь ответа, пошел дальше. Куракин, частично выздоровевший, уезжал из Парижа домой. Через него император долго разъяснял своему союзнику ситуацию, говоря по существу, что войны следует избегать, что у него нет ни малейшего намерения восстанавливать Польшу и что, если царь напишет то, что требуется в качестве гарантии, в форме газетной статьи, эти слова следует поместить без изменений в "Монитор". В то же время был отдан приказ Коленкуру прекратить все переговоры, а полякам было категорически предписано молчать. Одновременно постепенно совершенствовались планы новой военно-морской кампании, чтобы их можно было реализовать в следующем году.

Что-то из тайной дипломатии Александра, должно быть, просочилось наружу, но он казался невозмутимым. Он неуклонно готовился к войне, укреплял свои крепости и размещал укрепленные лагеря в районе между Двиной и Днепром. Но его главной заботой была Польша. Полагаясь на влияние иезуитов в Варшаве в поисках поддержки против тюремщика папы римского, он снова взялся за свой старый план восстановления страны в качестве удела российской короны и написал Чарторыйскому. План был ошеломляющим: национальная армия, национальная администрация и либеральная конституция. Но этот дворянин, после долгого проживания на своей родине, узнал, насколько сильна была убежденность его соотечественников в том, что Наполеон предоставит им более полную автономию, чем царь, и прислал обратно ответ, который, должно быть, был обескураживающим, хотя он так и не был найден. Александр по его получении решил, что

предстоящая война должна быть оборонительной с его стороны, и немедленно установил контакты с Англией и Швецией относительно Континентальной системы. Наконец, в последние дни года он издал указ, запрещающий ввозить вина, шелка и подобные предметы роскоши из Франции, но облегчающий ввоз колониальных товаров, которыми торговала Англия. Это был акт открытой враждебности по отношению к его старому союзнику, объявление торговой войны. Пруссия немедленно сделала полуофициальные авансы царю, но они были отброшены.

Нелегко оценить ответственность Наполеона за то, что произошло и вот-вот должно было произойти. Он был настойчиво деспотичен, презирал национальные чувства и династическую политику, чрезмерно уверен в непоколебимой преданности Франции, непреклонен в своей политике территориального расширения, безжалостен в применении своих специфических концепций финансов и политической экономии и безжалостен в собственных корыстолюбивых устремлениях. С другой стороны, Александр, получив автономию от Пруссии в качестве своей части, с самого начала показал себя ненадежным союзником. Захватив Финляндию, он не захотел платить такую цену, но сначала уклонился от Континентальной системы, затем отверг ее и, наконец, объявил коммерческую войну Франции; в последнем конфликте между Францией и Австрией он фактически добился благосклонности последней. Затягивая брачный процесс, он пришел в ярость, когда просительница обратилась в другое место, и сразу же проявил оскорбительное недоверие к Польше; наконец, он объявил дипломатическую войну своими заигрываниями с Англией и своими тайными махинациями в Вене; оставался лишь последний шаг в развитии полной враждебности - объявление военной войны. Австрия тоже сделала все возможное, чтобы спровоцировать конфликт, надеясь найти свое объяснение в разногласиях двух империй. Ее политика требовала территориального расширения за счет Турции; в войне между Францией и Россией она была уверена, что добьется своего, а в отношениях Меттерниха с Наполеоном не было ничего такого, что могло бы сохранить мир в Европе.

Швеция при Бернадотте явно стремилась найти повод для нападения, была непокорной по характеру и готовой на все, чтобы укрепить позиции Александра и избежать французского покровительства. Титульный король Швеции был настолько слаб, что приемный наследный принц быстро стал настоящим правителем, и его личные желания вскоре превратились в государственную политику. Это была странная трансформация, произошедшая с этим человеком. Он был щедр и добр на трудных должностях, которые занимал в качестве французского генерала. Признанный революционным демократом самого радикального толка, он, тем не менее, был истинным гасконцем и не проявлял своих выдающихся способностей там, где его сердце не было занято. Более того, он грелся в лучах императорской милости и в век атеизма оставался в лоне Римской церкви. Сам замышлявший заговор против Наполеона под влиянием личных амбиций, он часто оказывал помощь и утешение врагам императора. Когда его приняли в королевскую семью Швеции, ему не стоило особых усилий исповедовать лютеранство; его республиканские симпатии угасли, и он превратился в благодушного деспота, стремящегося поставить Швецию в один ряд с Россией. Ему так и не удалось завоевать расположение своего народа, и когда перед концом его жизни они потребовали либеральной конституции, этот демократический монарх, воспитанный на французских революционных доктринах, сдерживался до тех пор, пока у него не пришлось вырвать бумагу. Этапы жизни Наполеона едва ли более поразительны, чем этапы жизни этого довольно заурядного актера на сцене,

которая была провинциальной по сравнению с космополитической сценой жизненной драмы императора.

Весной 1811 года вся Европа знала, что война неизбежна. "Это произойдет, - писал Наполеон второго апреля того же года, - вопреки мне, вопреки императору Александру, вопреки интересам Франции и России. Я уже так часто видел это, что именно мой опыт прошлого открывает мне будущее.... Все это - сцена в опере, и англичане управляют механизмом ". Неделю спустя он уведомил Александра, что ему известно о движении русских войск в сторону Польши, и заявил, что он сам также готовится. Лористон был отправлен заменить слишком миролюбивого Коленкура в Санкт-Петербург, а Шампани был уволен из Министерства иностранных дел, чтобы освободить место вспыльчивому Маре. Многие предстояло сделать до фактического начала военных действий. История Англии - это история ее борьбы за национальность, за религиозную, гражданскую и политическую свободу, а также за господство в сфере торговли. Ее врожденное стремление к высшей цивилизации не противоречило ее мрачной решимости противостоять системе, которая стояла на Континенте во имя прогресса, но которая, как она пришла к убеждению, означала для нее гибель страны. Пруссия с новой энергией, рожденной самоотречением, образованием и страстным патриотизмом; Швеция, беспокойная и встревоженная под гнетом наполеоновского господства; Дания, дружелюбная, но независимая в своей квазиавтономии; Соединенные Штаты, раздраженные ограничениями в своей торговле; Турция, смертельно больная, но тогда, как и сейчас, ключевая во всей европейской политике, — отношение всех этих держав к надвигающемуся конфликту все еще оставалось вопросом, и в течение года многое могло быть сделано дипломатическим путем, чтобы определить это. Весь цивилизованный мир должен был быть в строю, хотя борьба не на жизнь, а на смерть должна была развернуться между двумя ненасытными деспотизмами, одним западным и современным, другим восточным и теократическим. Наполеон смутно понимал направление своей собственной карьеры. Гете сказал о нем: "Он живет всецело в идеале, но никогда не может осознанно постичь его". Также бессознательно Александр Македонский боролся за распространение греческой культуры; Цезарь - за разрушение удушающих институтов изношенной системы; Карл Великий - за создание "града Божьего" на земле; Наполеон - за национальность, личную свободу, народный суверенитет. То, что было личным и мелочным в работе этих Титанов, будучи эфемерным, исчезло со смертью каждого; то, что было человеческим и большим, выстояло и будет выстоять. Творческие идеи революционной эпохи, с которыми так тесно связано имя Наполеона, больше не ставятся под сомнение; его собственная карьера теперь была на грани упадка, но в его падении были твердо установлены фундаментальные концепции эпохи.

В январе 1812 года Веллингтон, как уже упоминалось, взял штурмом Сьюдад-Родриго; шестого апреля пал Бадахос. Восемнадцатого апреля Наполеон предложил условия мира: Испания оставалась нетронутой при Жозефе, Португалия возвращалась дому Браганса, Сицилия оставалась под властью Фердинанда, а Неаполь - под властью Мюрата. Учитывая все обстоятельства, это предложение заслуживало рассмотрения, но английский кабинет отклонил его. Видя, что возможность мира с Великобританией таким образом исчезла, Наполеон обдумал, какой курс ему следует избрать по отношению к другой великой протестантской стране, которая также чувствовала, что борется за жизнь. Некоторые хорошо информированные люди утверждали, что сначала император намеревался полностью уничтожить державу Гогенцоллернов. Если это и так, он быстро отверг эту идею как связанную с ненужным риском. После успешного завершения реформ Штейна и

Харденберга, завершения строительства системы образования и реорганизации армии, когда ее народ, наконец, проникся истинным патриотизмом, Пруссия снова стала грозной державой. Ее влияние распространилось по всей Германии, и тайные объединения, разветвленные повсюду, трудились ради единства Германии, их члены уже мечтали о Юре, Вогезах и Арденнах как о западной границе своего отечества. Сначала Фридрих Вильгельм заигрывал с царем, предлагая армию в сто тысяч человек. Александр, желавший вести чисто оборонительную войну, был холоден; но в конце 1811 года он согласился в случае нападения на Пруссию продвинуться до Вислы, "если это возможно".

Тем временем Австрия сначала рассматривала возможность нейтралитета, но отказалась от этой политики, убедившись, что, какая бы сторона ни одержала победу, Пруссия будет расчленена. Франциск с растущей тревогой наблюдал за продолжающимися успехами Александра на Дунае и, узнав, что Наполеон выставит на поле боя четыреста тысяч человек, решил, что Франция должна победить. Соответственно, в марте 1812 года был подписан мирный договор, который передавал тридцать тысяч австрийских войск под личное командование Наполеона и предусматривал расширение Австрии за счет Галиции, Иллирии и даже Силезии при определенных обстоятельствах. Во время этих переговоров Фридрих Вильгельм узнал, насколько грандиозными были приготовления Наполеона, и, после некоторых колебаний, в конце концов отправил Шарнхорста в зунд-Австрию. Результат был решающим, и двадцать четвертого февраля 1812 года был подписан мирный договор между Францией и Пруссией, который ничего не дал Пруссии, но потребовал от нее двадцать тысяч человек для действительной службы, сорок две тысячи - для гарнизонной службы, и предоставил французским армиям свободный проход по ее территориям с правом взимать такие поборы, которые были произведены в счет военной контрибуции. К этому перевалу гордую, возрожденную нацию привела ограниченность Александра; можно себе представить его характер.

Французская дипломатия, торжествовавшая в других местах, потерпела полный провал в отношении Швеции. Александр предложил Норвегию в качестве цены за союз, с намеками на корону Франции для Бернадотта где-то в туманном будущем. Наполеон соблазнительно предложил Финляндию за сорок тысяч шведских солдат. Но новый наследный принц, казалось, был застенчив и развлекался с обоими. Этому выжиданию внезапно пришел конец в январе 1812 года, когда Даву оккупировал шведскую Померанию. Двенадцатого апреля союз между Швецией и Россией был скреплен. Это привело к заключению перемирия между Россией и Великобританией. Это было важно для царя, поскольку он был бы вынужден отвести свои войска от Дуная для службы на Севере и с этой целью должен был заключить какое-то соглашение с Турцией. Он предложил самые выгодные условия; Наполеон, с другой стороны, потребовал сто тысяч человек, если он вернет Блистательной Порте все, что она потеряла. Англия пригрозила бомбардировкой Константинополя, если там будет слишком много колебаний, и двадцать восьмого мая 1812 года султан заключил сделку с Россией, которая предоставила ему Прут в качестве границы.

Несмотря на подчинение Турции, Великобританию нельзя было оставлять пассивной. Нейтралитет Соединенных Штатов в целом успешно поддерживался, но их торговля пострадала. Первого мая 1810 года Конгресс постановил, что торговля с Великобританией должна быть запрещена, если Франция отменит свои декреты, и наоборот. Мэдисон и республиканцы верили, что это снимет напряжение, от которого сейчас страдают как фермеры, так и торговцы. Это позволило Наполеону в те дни медленного общения сделать

вид, что смягчил берлинский и Миланский декреты, продолжая, как и прежде, захватывать американские корабли. Англия ни на минуту не была обманута и проводила в жизнь приказы совета с дополнительными унижениями. Такое поведение настолько возмутило американский народ, что он потребовал войны с угнетателем, и девятнадцатого июня началась война 1812 года. Дипломатическое жонглирование Наполеона было полностью успешным.

Годом ранее князья Рейнской конфедерации получили свои приказы. Их народы не реагировали, но рвение правителей преодолело всякое сопротивление. Король Саксонии был живо признателен за грядущие милости, и его великое герцогство Варшавское превратилось в вооруженный лагерь, а сами поляки ожидали своего национального возрождения. Владения принца-примаса были преобразованы в великое герцогство для Евгения, чье наместничество предназначалось маленькому римскому королю, и под влиянием нового гражданства народ дал больше, чем требовалось. Вюртемберг и Баден узнали, что Наполеон "предпочитал врагов неопределенным друзьям", и оба нашли средства для обеспечения своих соответствующих квот. Джером, верный братским инстинктам Бонапартов, колебался; но его королева была женщиной здравомыслящей, и оба прекрасно понимали неопределенность пребывания на королевском посту, так что, получив повелительный вызов, Вестфалия подчинилась. Бавария и Швейцария предоставили свои контингенты как нечто само собой разумеющееся. Среди немцев одни ненавидели Наполеона за его отношения с папством, другие - как разрушителя их мелких национальностей; некоторые набожные протестанты даже считали его антихристом. Но подавляющее большинство находилось в состоянии ожидания, многие понимали, что даже династическая политика Европы была оживлена его приходом; другие, либералы, такие как Гете, Виланд и Дальберг, надеялись на полное исчезновение феодализма и династицизма до его прихода.

Это уже было достигнуто во Франции, и по этой причине крестьянство и горожане поддерживали Империю. В Париже высшие классы никогда не забывали Террор и были готовы к монархии в любой форме, лишь бы она принесла устойчивый порядок и мир. Оставалось еще несколько радикалов и много роялистов, но массы заботились только о двух вещах - славе и безопасности. Они наслаждались временным покоем при правлении, которое защищало семью, собственность и в определенном смысле даже религию. Семейная жизнь в Тюильри была образцовой, император находил наибольшее удовольствие в домашних развлечениях, играя в бильярд, занимаясь верховой ездой и даже резвясь со своей молодой женой, в то время как его нежность к младенцу была феноменальной. И все же он не был пуританином, а опустившиеся классы могли предаваться пороку, если только они платили; из их кошельков баснословные суммы превращались в секретные фонды императора. При Континентальной системе промышленность находилась в застое, и каждая семья испытывала лишения, воздерживаясь от бесплатного употребления сахара и других колониальных товаров. Однако существовала общая уверенность в скором облегчении, а были вещи и похуже ожидания. Крестьяне устали видеть, как их сыновья-солдаты возвращаются из тяжелой кампании без славы и добычи, и начали возмущаться законом о воинской повинности, который отрывал подрастающее поколение от дома, когда оно было еще мальчиками. Дезертирство стало настолько частым, что был принят ужасный закон, возлагающий ответственность за пропавших мужчин сначала на семью, затем на коммуну и, наконец, на округ. Это безжалостно применялось группами всадников, известными как "летающие колонны". Наконец, каждый трудоспособный мужчина был зачислен на военную

службу в трех классах - бан, второй бан и тыловой бан, последний включал всех в возрасте от сорока до шестидесяти. Тем не менее, несмотря на все другие трудности, было много энтузиазма в связи с перспективой скорых перемен к лучшему. В марте 1812 года Наполеон мог насчитать около четырехсот семидесяти пяти тысяч человек, готовых выступить в поход. Бертье остался начальником штаба. В гвардии было сорок семь тысяч отборных людей: старая гвардия под командованием Лефевра, молодая гвардия под командованием Бессьера. Корпус Даву насчитывал семьдесят две тысячи человек, все французы; тридцать семь тысяч Удино, французы и швейцарцы; тридцать девять тысяч Нея, французы и вюртембергцы; сорок пять тысяч принца Евгения, французы и итальянцы; тридцать шесть тысяч Понятовского, все поляки; двадцать пять тысяч Гувииона Сен-Сира, все баварцы; семнадцать тысяч Ренье, все саксонцы; восемнадцать тысяч Вандама, гессенцы и вестфальцы; тридцать две тысячи Макдональда, Пруссак и поляки. Мюрат командовал кавалерийским резервом из четырех корпусов под командованием Нансути, Монбрена, Груши и Латур-Мобура соответственно, общей численностью в сорок тысяч человек. В дополнение к этому величественному строю под командованием Шварценберга находилось тридцать тысяч австрийцев, а за ними должен был последовать девятый корпус из тридцати трех тысяч французов и немцев под командованием Виктора. "Я никогда не делал больших приготовлений", - писал император Даву. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XXVI.

КОНГРЕСС КОРОЛЕЙ. [\[41\]](#)

Дурные предчувствия — Наполеон и Мария Луиза — Ультиматум царя и выбор императора — Последний дипломатический ход Наполеона — Императорский двор в Дрездене — Наполеон и Польша — Здоровье Наполеона — Его стратегические возможности не уменьшились.

1812.

Готов — по крайней мере, внешне, Наполеон на самом деле был готов настолько, насколько позволяли оборудование, организация, комиссариат, стратегический план и каждая приятная деталь официальной предусмотрительности. Но как насчет эффективности и рвения солдат и офицеров? В течение нескольких последних лет раздавался ропот. Было отмечено, что учебой Наполеона в 1808 году были кампании Рима против парфян со времен Красса и далее; со смертного одра Ланн предупреждал своего шефа в 1809 году, насколько готовы многие из его самых доверенных слуг предать его, если он продолжит свою завоевательную карьеру; Декре, еще один настоящий друг, выразил в 1810 году свое беспокойство, как бы все они не оказались брошенными в последнее ужасное стихийное бедствие; а в 1811 году Рено де Сен-Жан-д'Анжели воскликнул: "Несчастный человек погубит себя, погубит всех нас". , отмени все". Император не слышал ни одного из этих последних предзнаменований, но, как сомнительно сообщают, сам заявил: "Я движим вперед к цели, которой я не знаю". Коленкур не скрывал, что его беспокойство росло по мере того, как он лучше узнавал Россию. Его отозвали потому, что, узнав о гордости России и ее ресурсах, он не пытался скрыть своего отвращения к окончательному решению вопроса о

кровапролитии. Понятовский верил, что Литва откажется восстать против своего деспота; Сегюр и Дюрок предвидели, что Франция, если ее низведут до статуса всего лишь одной провинции великой империи, утратит свой энтузиазм; даже Фуше, которому было разрешено, сославшись на плохое самочувствие, вернуться из своего изгнания в Италию, рискнул составить энергичный и всеобъемлющий мемориал против войны и привел в пример судьбу Карла XII. Содержание статьи Фуше было разглашено Наполеону шпионом, и когда автор представил ее, он был встречен презрительным сарказмом. Император считал Пруссию беспомощной, упрекая Даву за его печальные сообщения о появившемся новом характере. Жомини заявил, но много позже, что великий полководец признался близкому другу в своем стремлении к азарту битвы.

Но, несмотря на тревогу, которую испытывали несколько ведущих французов, царила общая уверенность, и только после катастрофы были вспомнены подробности, подобные перечисленным. Принято приписывать военное рвение Наполеона пламенным советам Марет. Но нет необходимости искать козла отпущения. На самом деле перспективы в 1812 году были лучше, чем в 1809 году. Настроение Наполеона было приподнятым, его новобранцы были не заметно хуже, чем те, кого призвали с начала консульства, а замечание ветерана Куанье по поводу похода на Россию гласит, что "Провидение и мужество никогда не покидают хорошего солдата". Что касается главнокомандующего, то он в значительной степени отказался от своего распущенного образа жизни, отчасти по соображениям политики, отчасти из-за своей искренней привязанности к жене и ребенку. На протяжении всей юности и раннего возмужания он потворствовал своим любовным страстям, но до своей второй женитьбы ни одной женщине не отдавал предпочтения власти, даже Джозефине. Мария Луиза, однако, была императорской супругой, для которой ни внимание, ни возвышение не были слишком велики. Будучи австрийской эрцгерцогиней, она оставалась таковой как императрица, очевидно, без воли или предприимчивости. Мужчины, тем не менее, чувствовали, что, оставаясь австрийкой внешне, она, вероятно, все еще была ею в душе, возможно, просто приманкой, брошенной, чтобы удержать ястреба от другой добычи. В ее последующем поведении было много такого, что оправдывало подобные подозрения, но полное бесстыдство ее последних лет скорее свидетельствует о самоотверженности человека, бунтующего против жестких социальных ограничений и личного уничтожения в ранней жизни. Часов, которые Наполеон провел с ней, было так много, что он подставил себя под обвинение в распутстве. Врач, присутствовавший при рождении малолетнего римского короля, заявил, что мать скончается от повторных родов, а отец проявил сдержанность, соответствующую тому вниманию, которое он проявил при рождении своего наследника. Он был оруженосцем и постоянным сопровождающим своей супруги, даже ее учителем верховой езды и часто был ее товарищем по играм, которые она все еще любила. Зоркие глаза обслуживающего персонала ежедневно наблюдали сцены идиллического блаженства. За выбором гувернанток, наставников и слуг для маленького принца лично следил его отец, и каждая деталь кормления, одевания и проветривания будущего императора была предметом тщательного расследования и регулирования. Когда стало ясно, что война неминуема, Наполеон, казалось, впервые был готов отказаться от своего отвращения к женскому правлению. Конечно, семейное счастье не подорвало его моральных сил; возможно, оно делало его временами чересчур встревоженным и, возможно, из-за отвращения к тревоге, чересчур самоуверенным.

В течение двух лет дипломатического фехтования инициатива принадлежала России, а подстрекательство - Франции. Для войны, которая последовала за этим, нельзя назвать ни

одной причины. Некоторые обвиняли Наполеона, утверждая, что с его планом создания всемирной империи это было неизбежно; Меттерних сказал, что Россия развязала войну непροстителыным образом. Тильзитский союз был личным; разделение договаривающихся сторон неизбежно ослабляло его. Связи русской аристократии с австрийской; положение обеих в условиях Континентальной системы, сделавшей их сельское хозяйство нерентабельным; позиция Англии при Каслри; ольденбургский вопрос — все это имело кумулятивный эффект. При Александре настоящими трудностями были Польша и Континентальная система; вопрос о браке был лишь второстепенным. Двенадцатого января 1812 года царь со скорбным и торжественным видом объявил, что его руки чисты от кровавой вины, и выдвинул свой ультиматум. На сосредоточение русских войск Наполеон ответил отправкой своих в Эрфурт и Магдебург. Александр официально заявил о своей готовности отказаться от своего шага, если император выведет французских солдат; он даже согласился бы отдать Эрфурт Ольденбургу и позволил бы Варшаве стать столицей саксонской провинции. Но он ни словом не обмолвился о Континентальной системе, будучи полон решимости не уступать ни на йоту, а для Наполеона это было первостепенным вопросом. Ультиматум Александра благодаря своей продуманной форме вынудил его союзника либо отказаться от плана создания западной империи, либо вступить в бой. Обе стороны Тильзитского союза понимали, что, поскольку европейские гавани закрыты для английской торговли, Великобритания должна прекратить поддерживать испанское восстание, которое в этом случае могли бы сдержать несколько тысяч солдат. Тогда великая схема революционного расширения, которая была начата Конвентом и логически развивалась Наполеоном шаг за шагом в каждой войне и договоре, начиная с Кампо Формио, через несколько коротких лет была бы завершена. Но, таким образом, в континентальной Европе остались бы две реальные державы — Франция и Россия. Совместными действиями они могли бы сокрушить британскую мощь как на суше, так и на море. Отнять у Наполеона эту наполненную до краев чашу от губ было для него невыносимой мыслью. Очевидно, надеясь добиться от царя последней существенной уступки, он двинул свои войска к Висле на следующий же день после подписания договора с Пруссией.

Естественным ответом на наступление Наполеона было бы вторжение в Варшаву; хотя новая Польша была укреплена для обороны, все же она могла быть разгромлена прежде, чем помощь смогла бы достичь гарнизонов. Более того, в начале 1812 года во Франции появились зловещие признаки. Запасов продовольствия было мало, и спекулянты скупали все, что было. Наполеон чувствовал, что должен остаться еще ненадолго, чтобы обуздать такое возмущение и укрепить общественное доверие. Якобы для того, чтобы избежать окончательного разрыва, но на самом деле для предотвращения преждевременного начала войны, он вызвал Черничева, царского адъютанта, который, как своего рода лицензированный шпион, находился рядом с ним в течение трех лет, и предложил принять каждый пункт русского ультиматума, если только указ от декабря 1810 года можно будет заменить справедливым торговым договором; другими словами, если Александр согласится соблюдать букву и дух Континентальной системы. В течение двух месяцев, предшествовавших ответу царя, нога казака не ступала на польскую землю, в то время как день за днем армии Наполеона продвигались через Европу к равнинам России, и было найдено временное средство от экономических проблем Франции. Когда в конце апреля пришел ответ, это было, как и ожидалось, заявление о том, что без нейтральной торговли Россия не сможет жить; она несколько изменит указ, но в качестве условия, предшествующего миру, Франция должна эвакуировать Пруссию и заключить лучшие

условия со Швецией. Первого мая французская армия достигла Вислы; девятого мая Наполеон и его супруга отправились в Дрезден, куда были вызваны все союзные монархи, чтобы засвидетельствовать свое почтение в качестве вассалов Карлу Второму Великому.

Всплеск немецкого патриотизма едва не погубил Наполеона в 1809 году, но по очевидным причинам он снова пошел на убыль. Австрийский брак лишил дом Габсбургов руководства Германией; императорский поход на Дрезден и состоявшийся там высший императорский двор были направлены на то, чтобы ослепить массы Европы, возможно, чтобы запугать царя. Французы были полны неподдельного энтузиазма; немцы не проявляли злобы; свита принцев, властителей и представителей власти пополнялась; все монархи коалиции во главе с Франциском в качестве декана корпуса выстроились в шеренгу, чтобы встретить августейшего императора. С точки зрения зрелищности Дрезден является кульминацией наполеоновской драмы. Окруженный людьми, которые, по крайней мере, носили стиль монархов, корсиканский победитель одиноко стоял в центре монархического великолепия. Рядом с ним, блистающая не своей, а его славой, была дочь цезарей, отпрыск царского дома, не имеющего себе равных по древности и величию, его жена, его супруга, его вызов преходящей системе. Мария Луиза была такой же надменной, какой и подобает быть западной императрице, покровительствовала своему отцу и мачехе и хвасталась тем, насколько цивилизация Парижа превосходит цивилизацию Вены. Именно в эти дни она впервые увидела Нейпперга, австрийского камергера, который позже стал ее морганатическим мужем. Наполеон выглядел лучше: сдержанный и добродушный. Его вассалы и родственники, его маршалы и генералы - все казались довольными и даже веселыми. Король Пруссии потерял свою прекрасную и несчастную королеву; только у него одного было печальное выражение лица. И все же ходили слухи, что прусский кронпринц был поклонником одной из племянниц Наполеона. Под веселой внешностью скрывалось много печальных, ожесточенных, растерянных сердец. Императора редко видели, кроме как в качестве щедрого хозяина на публичных приемах; большую часть времени он проводил за закрытыми дверями с занятыми дипломатами. В качестве последнего средства Нарбонн был отправлен в Россию якобы для того, чтобы пригласить Александра к себе в интересах мира; на самом деле, конечно, для того, чтобы в последний раз взглянуть на его приготовления. Аббат де Прадт был отправлен в Польшу, чтобы разжечь энтузиазм в отношении Франции.

Этот беспрецедентный двор был распущен двадцать восьмого мая, императрица вернулась через Прагу в Париж, Наполеон поспешил через Познань и Варшаву в Торн. Поляки были вне себя от восторга; они мало знали, что их предполагаемый освободитель уступил Франциску Галицию в обмен на поддержку Австрии. За это предательство и свое общее презрение к полякам ему пришлось дорого заплатить. Если бы он искренне трудился над организацией сильного ядра польской национальности, коалиция России, Пруссии и Австрии, подобная той, которая в конце концов сокрушила его, была бы трудной, возможно, невозможной. Но основатель императорской династии не мог доверять польской демократии. Когда сейм, заседавший в Варшаве, умолял его объявить о существовании Польши, он раскритиковал вкус, который заставил их составить свое обращение по-французски, а не по-польски, и дал еще одно представление о своем характере, отправив свой австрийский контингент служить на Волынь, чтобы ни французский, ни польский энтузиазм не смогли пробудить русских поляков. Добравшись до Вильно, он обнаружил, что невозмутимые литовцы не собирались восставать против России, и не было предпринято никаких попыток их разбудить. Если, как представляется, его первоначальным намерением было провести пограничную кампанию, то этот план был быстро изменен. Сохранив Венецию и Триест для использования против Востока, поскольку Австрия фактически была членом его системы, он решил вынудить Россию вернуться к границам Европы, возможно, в Азию, и тогда — кто может сказать? Кажется, что Польша должна была быть разделена на французские департаменты вместо того, чтобы превратиться в еще одну беспокойную нацию, вассальное государство или полуавтономную державу.

В начале русской кампании постепенные изменения, которые неуклонно происходили в телосложении Наполеона, были завершены. Теперь он был полным и медлительным во всех своих движениях. Иногда у него наблюдались проявления повышенной чувствительности, которые были истолкованы как симптомы нерегулярной эпилепсии; но в целом его чувства, как и выражение лица, были притуплены. У него были предчувствия болезненной болезни (дизурии), которая вскоре развилась в полную силу. Его усталость была заметна, и когда он поднимался, то часто по пустякам. В других кампаниях он крался из Парижа с военной простотой; на этот раз он привез с собой придворную пышность. Он также планировал привезти театральные и оперные труппы в самое эпицентр войны. Прежде всего, он был глубоко озабочен своим имперским положением, поскольку в его сундуках лежали безделушки и платье, которые он надевал на свою коронацию в Соборе Парижской Богоматери. Его осанка была гордой, но в глазах не было блеска; он казался бездушным и больным; он не выказывал уверенности в своей великолепной армии.

Надменное, требовательное выражение лица 1812 года сильно отличалось от полушутливого, полусаркастического изгиба губ и блеска глаз, которые вдохновляли его последователей в прежние дни ничуть не меньше, чем его волнующие, язвительные речи. Тем не менее, тщательное изучение докажет, что его проницательность как великого полководца ни в коей мере не была ослаблена; его военные комбинации были более грандиозными, чем все, что он когда-либо создавал. Поскольку в истории Европы невозможно найти параллель численности занятых в этом предприятии, ничего похожего на его организацию нельзя найти в истории какой-либо страны или эпохи. У каждого корпуса был свой обоз с боеприпасами, и большие запасы припасов хранились в Модлине, Торне, Пиллау, Данциге и Магдебурге. В двух последних арсеналах находились осадные поезда для осады Дюнабурга и Риги. Понтоны и материалы для мостов были в изобилии; тысяча триста пятьдесят полевых орудий и восемнадцать тысяч лошадей, чтобы тянуть их.

Продовольственные запасы были огромными, и для их перевозки использовались тысячи повозок, запряженных волами. В конечном итоге скот предстояло зарезать и съесть. Кроме того, в различных удобных опорных пунктах имелись запасы на четыреста тысяч человек на пятьдесят дней. Зная Россию, он был готов покорять реки и болота, кормить армию, не опасаясь опустошающего населения, и не доверять месту войны ничего, кроме фуража. Его стратегический план был потрясающим, поскольку содержал старые элементы неожиданной концентрации, прорыва через линию противника, окончательной победы и занятия столицы противника. Это также было доведено до успешного завершения, и в одном отношении исполнение было прекрасным. Препятствия, которые приходилось преодолевать, замедляли каждое движение, и, хотя обширная, сложная военная организация может быть надежной неделями, для того, чтобы она работала месяцами, требуются качества величия, которые возрастают в геометрической прогрессии с течением времени. Дважды Наполеон обнажал свои сокровенные мысли: один раз перед Меттернихом в Дрездене, другой раз перед Жomini на званом ужине в Вильне. В первый сезон он намеревался захватить Минск и Смоленск, перезимовать там и организовать свои завоевания. Если это не приведет к миру, он продвинется в следующем сезоне в самое сердце страны и там будет ждать капитуляции царя. К своей армии он обратился с обращением, столь же прямым и звонким, как то, которое шестнадцать лет назад эхом разнеслось по равнинам Ломбардии. Суть его заключается в том, что вторая польская война принесла бы французскому оружию такую же славу, как и первая, но мир был бы таким, который навсегда положил бы конец высокомерному вмешательству России в европейские дела. Тем, кто это слышал, показалось, что пробил час России. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XXVII.

ВТОРЖЕНИЕ В РОССИЮ—БОРОДИНО. [\[42\]](#)

Успех и неудача — Борьба с летней жарой — Наполеон под Витебском — Чрезмерная самоуверенность русских - Битва под Смоленском — Техническая победа и реальное поражение — Роковое решение Наполеона — Русские при Бородино — Боевой порядок — Победа Наполеона — Попытки русских сжечь Москву.

Когда Наполеон покинул Дрезден, его силы были расположены так, что русские не могли сказать, намеревался ли он нанести удар с севера или юга, и соответственно они разделили свои силы: Барклай де Толли со ста двадцатью семью тысячами человек стоял перед Вильно; Багратион с шестьюдесятью шестью тысячами человек укрылся за болотами верхнего Припяти на Волыни. Барклай, надеявшийся нанести резкий, стремительный удар и начать кампанию моральной победой, вскоре убедился в опасности и вызвал Багратиона, которого должны были заменить вспомогательные силы. Но прежде чем длинная русская линия смогла собраться вместе, Наполеон нанес первый решающий удар. Расположив свою армию эшелонами, он с великолепной точностью внезапно повернул направо от противника, форсировал Неман и захватил Вильно. Это повернуло русский фланг, и Барклай отступил в укрепленный лагерь, который был разбит в Дриссе для прикрытия Санкт-Петербурга. Если бы, таким образом, дивизия Джерома быстро выдвинулась из Гродно, Багратион был бы

отрезан и уничтожен. План провалился отчасти потому, что Наполеон не руководил его осуществлением лично, отчасти потому, что Даву не проявил достаточной бдительности, но главным образом из-за невежества, медлительности и самоутверждения Джерома. Багратион повернул назад и, спустившись по Днепру, оказался вне зоны преследования. На мгновение Наполеон задумался о соединении Нея и Эжена против Барклая, но первый двинулся дальше, чтобы захватить Дюнабург, и был вне досягаемости. Этот план, как и предыдущий, провалился; Багратион долгим, мучительным обходом смог установить сообщение с Дриссой и, казалось, мог соединиться с Барклаем по дороге на Смоленск. Поскольку в ходе этих передвижений оба русских командования потеряли много людей, в их объединенных силах будет всего сто двадцать тысяч человек, что является жалким показателем с учетом двух лет подготовки, необходимых для их объединения. В русском лагере воцарилось смятение. Царь не мог собрать денег, Дрисса была совершенно неадекватна в качестве оплота, и народ впал в отчаяние. Нация приписывала свое плачевное положение плохим советам немецких советников царя, и деморализация в столице была такова, что Александр был вынужден поспешить туда, чтобы предотвратить полную катастрофу. Несмотря на свою личную непопулярность, он добился значительного успеха. Дворянство и бюргерство Санкт-Петербурга и Москвы заразились военной лихорадкой, открыли свои сундуки, снарядили многочисленное ополчение, и к концу июля вся Россия была полна надежд и рвалась в бой.

Это тоже было самым искренним желанием Наполеона. Наступление от Вислы до Немана и от Немана до Двины было успешно продолжено - но какой ценой! "С тех пор как мы переправились через Неман, - писал художник Адам, находившийся в ставке вице-короля, - император и вся его армия заняты одной мыслью, одной надеждой, одним желанием — мыслью о великой битве". Люди говорили о великой битве как о великом празднике. Если русская армия на своей собственной территории истощилась, как это было перед летней жарой, из-за болезней и дезертирства, то можно себе представить, как уменьшилась французская. Их ужасные страдания могли быть прекращены только битвой. Жара, пыль и засуха сеяли хаос в их колоннах; безжалостное северное солнце оставляло людям и животным мало сил сопротивляться; беглые жители опустошали их поля, лошади и быки объедались полусгнившей соломой заброшенных хижин и умирали на обочине дороги; у задыхающихся солдат не было никакой пищи, кроме мяса. Свирепствовала дизентерия, и солдаты умирали как мухи. Какое-то время баварский корпус Сен-Сира терял от восьмисот до девятисот человек в день, и это ни в коем случае не было единственным исключением. Такие факты отчасти объясняют медлительность передвижений Наполеона; в остальном его имперские планы требовали, чтобы он организовал все территории в своем тылу, и он приложил к этому максимум усилий. Кроме того, перед ним никогда прежде не стояла задача, столь героическая во всех ее аспектах, и каждая деталь военной и политической процедуры требовала времени и тщательности в полной мере, тем более при подготовке к решающему, необычному сражению.

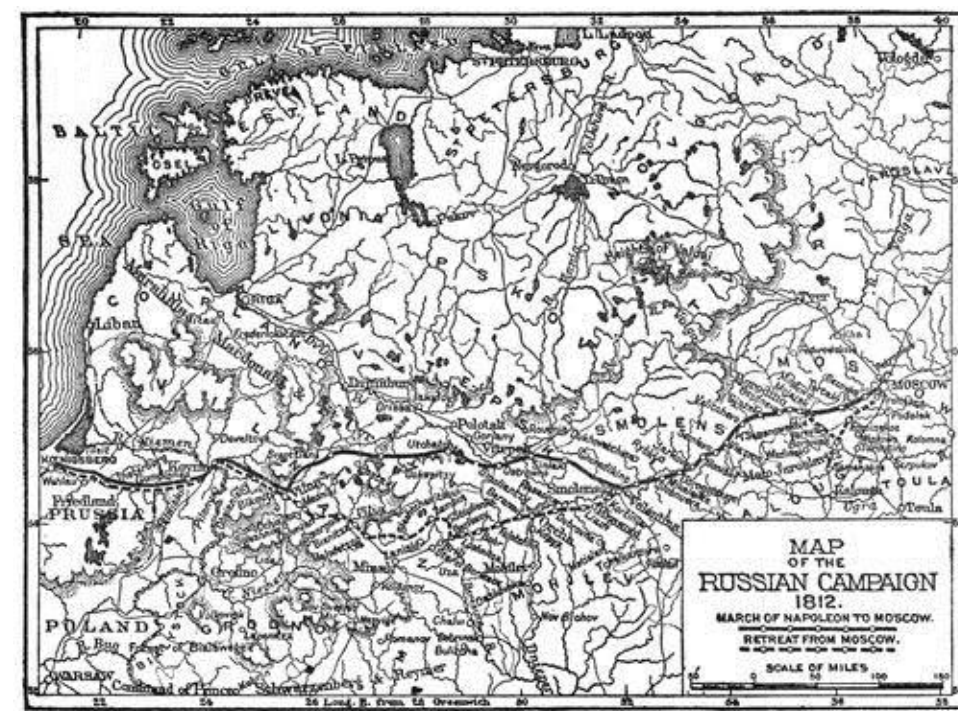
Витебск и Смоленск занимают аналогичные позиции на реках Двина и Днепр, первая из которых находится на западе и течет на север; вторая, дальше вглубь страны, течет в противоположном направлении, в самое сердце России. Барклай планировал ожидать Багратиона в Витебске, и Наполеон, прибывший двадцать седьмого июля, надеялся на решающее сражение там. Но действия Даву отбросили Багратиона дальше на восток, и Барклай, вместо того чтобы ждать, поспешил к Смоленску, где и произошло соединение. Это принудительное преследование, при тогдашнем состоянии коммуникаций, отбросило

крайние фланги армии Наполеона практически за пределы досягаемости: пруссаки находились под Ригой, а австрийцы - на Волыни. Следовательно, длинная и тонкая линия его центра должна была быть оттянута в целях безопасности; и поскольку характер местности улучшился, он решил сосредоточиться под Витебском и восстановить силы своих войск в сравнительно приятной местности, окружающей этот город. И командующий, и офицеры поначалу были настолько обескуражены, что подумывали остаться на сезон, и только Мюрат возражал; но Наполеон сказал, что для войны с Россией необходимо три года. Такие советы недолго преобладали; с новой силой пришла прежняя отвага, и Макдональду и пруссакам на левом фланге, а также австрийцам под командованием Шварценберга на правом были посланы приказы, свидетельствовавшие о большом проекте. Престиж Наполеона среди поляков фактически упал вместе с его армией. Последнего он не мог завербовать, но первого он должен был отремонтировать во что бы то ни стало; это могло быть сделано только с помощью того, что он назвал Жомини "хорошим сражением". Успех мелких столкновений справа и слева, инцидент с концентрацией, обнадеживал в связи с таким быстрым и ошеломляющим триумфом.

Русские под Смоленском были тщеславны тем, что перехитрили Наполеона, и жаждали сражаться. Одному Барклаю было не по себе, но, отдавая должное преобладающим настроениям, он двинулся вперед, чтобы дать бой, и девятого августа произошла перестрелка между пикетами. Наполеон немедленно привел свою армию в движение, но поскольку ни один из генералов не был по-настоящему хорошо информирован или подготовлен, Барклай двинулся вправо, и две армии потеряли связь. Воспрянув духом, французы больше не терпели промедления и были полны решимости разыграть "хорошую битву" под Смоленском, который, лежа на правом, или северном, берегу Днепра, мог быть достигнут только переправившись через реку. Этот маневр был блестяще выполнен. Барклай находился на расстоянии дневного перехода на южном берегу, когда Ней и Мюрат шестнадцатого августа развернулись на другом берегу для боевых действий. Багратион, находившийся ближе, перебросил один корпус через реку в город, а затем поспешил направить свои основные силы вниз по течению, чтобы воспрепятствовать прохождению французов.

Смоленск, названный из-за своего местоположения Ключом России и получивший название "Священный" из-за своей важности как святыни, был тогда городом с населением около тринадцати тысяч человек. Вокруг внутреннего города тянулась линия толстых, но полуразрушенных стен, а снаружи они были окружены плотно застроенными предместьями. Первая попытка Нея штурмовать стены провалилась, и был отдан приказ о бомбардировке. К вечеру семнадцатого вся французская армия была выстроена на северном берегу между городом и рекой; русские находились напротив, на высотах. Ночью семнадцатого русская армия начала переправляться через Днепр по постоянному мосту, который они удерживали; в Смоленск был переброшен свежий гарнизон, и в четыре часа утра восемнадцатого авангард начал отступать в сторону Москвы. Наполеон, потерпев неудачу в своей попытке взять Смоленск штурмом, надеялся, что Барклай даст сражение под стенами города. Поэтому он ждал до полудня ожидаемого появления своего врага, но напрасно. Озадаченный и встревоженный, он решил форсировать сражение новой атакой. Пригороды были захвачены поздно вечером, но стены были неприступны. Затем Барклай поджег квартал напротив того, который атаковали французы, и в возникшей неразберихе благополучно вывел свой гарнизон; на следующее утро его тыл оказался далеко за

пределами досягаемости Наполеона, а мосты за ним были разрушены. Двадцать третьего числа он остановился и приготовился к бою за Ущельем.

Карта Русской кампании 1812 года.

Технически Наполеон победил, поскольку была захвачена важная пограничная крепость; но он не участвовал в своей великой битве и не отрезал пути отступления своему врагу. Ней и Мюрат были отправлены в погоню, но авторитетные источники утверждают, что они действовали безрассудно, без сговора и впервые продемонстрировали деморализацию, которой впоследствии суждено было стать катастрофической. В другой стране и при обычных обстоятельствах битва под Смоленском была бы если не решающей победой, то, по крайней мере, эффективной. Но в то время как Россия деспотична политически, в социальном плане она наименее централизована из всех стран, и рана в одной части ее ослабленного организма не обязательно достигает жизненно важной точки или влияет на место жизни и действий. Это Наполеон прекрасно понимал. Он мог либо вновь проявить терпение, которым хвалился сначала в Дрездене, затем в Витебске, либо поддаться своему импульсу к быстрым действиям и отправиться в Москву в надежде, прежде чем войти в столицу, принять участие в "хорошей битве", к которой он так стремился. Офицеры постарше с хорошей памятью сравнивали русский Смоленск с сирийской Акрой. Мюрат предвидел, что сражение под Смоленском ничего не даст, и умолял Наполеона избежать конфликта. Рапп приехал после победы и вспомнил сцены горя, которыми был отмечен каждый шаг его долгого путешествия от Немана: многочисленные жертвы дизентерии и тифа, умирающие на обочинах дорог, отчаявшиеся банды мародеров и дезертиров, которые влачили сомнительное существование, разоряя деревни, обезумевшие орды крестьян и торговцев, которые расстреливали ослабевших солдат, оставших от армии, как быков на свалке. Рассказывая обо всех этих ужасах, он умолял императора воздержаться. Но Наполеон вспомнил, что его транспортные баржи потерпели крушение на речных отмелях и что в его

обозах не было ни лошадей, ни волов, которые могли бы их тянуть. Фальшивые бумажные деньги, которые он привез из Парижа, больше не имели хождения; где ему было найти средства к существованию для своих все еще многочисленных войск, насчитывающих по меньшей мере сто восемьдесят пять тысяч человек? Только наступая на какой-нибудь густонаселенный город; и двадцать четвертого числа его армия двинулась на восток. Если бы Александра можно было примирить, он сдался бы быстрее, если бы одна из его столиц оказалась в руках врага. Пытаясь составить спокойное суждение относительно этого вывода, следует помнить, что французская база была в безопасности; в Витебске, Орше и Могилеве стояли гарнизоны численностью около четырнадцати тысяч человек каждый; еще один был оставлен в Смоленске. Линия от Немана до Москвы была очень длинной, но Шварценберг находился справа, чтобы помешать Тормассоффу прорваться, а Наполеон был уверен, что Витгенштейн слева слишком слаб, чтобы представлять угрозу. Если бы великий полководец остановился под Смоленском и укрепился на двойной линии Двины и Днепра, что, возможно, было возможно, несмотря на все трудности, он был бы столь же силен в военном отношении, как перед Аустерлицем или Эйлау. Но если бы Россия ничему не научилась из этих двух опытов, и пришла бы она в третий раз, как в тех двух случаях, к верному поражению? Действовать в соответствии с утвердительной гипотезой означало бы ожидать многого. Царь предпочел бы потратить время на то, чтобы поднять всю нацию; если потребуется, организовать, дисциплинировать и обучить своих многочисленных рекрутов; истощить терпение захватчиков и нанести удар, когда преимущество было на его стороне, а не на их. С учетом того, что войска должны были остаться в гарнизоне, у Наполеона все равно оставалось бы сто пятьдесят семь тысяч человек, закаленных ветеранов, которые, хотя и роптали по-солдатски, тем не менее были вполне надежны и стали бы упрямыми, если бы были вынуждены отступить.

Если это были рассуждения Наполеона, то они оказались ошибочными, потому что русские постоянно наращивали свои силы, в то время как силы французов, как на оперативной базе, так и на марше, уменьшались. Более того, австрийские войска вели себя по отношению к России так же, как русские солдаты вели себя по отношению к Австрии в последней кампании; то есть как дружественный разведывательный отряд, а не как враждебные захватчики. Сейчас легко сказать, что удлинение французской операционной линии было военной ошибкой. Это, безусловно, было неправильно. Причины, однако, не совсем стратегические; они в основном моральные и тогда не были столь отчетливо различимы. Перед лицом национальных чувств, перед маршем национального возрождения, одинокий человек, каким бы завоевателем мира он ни был в период национальной дезорганизации, является объектом микроскопических размеров. Французский император не знал силы русских чувств, великий революционер не знал о Европе, которую он бессознательно возродил. Если он допустил ошибку как стратег, не признав поражения под Смоленском, то в государственной мудрости он вел себя как новичок, когда добивался свержения власти в Москве.

Старые русские обвиняли Барклая в том, что он был слишком немцем по своим чувствам, робко проявлял маневренность, когда следовало сражаться, и — святотатство из святотатств! — с оставлением священного образа Богородицы в Смоленске, чтобы он попал во враждебные руки. Поддавшись буре народных чувств, Александр назначил вместо себя Кутузова, любимца консервативной славянской партии; но Барклай убедили остаться в качестве советника, и его политика была поддержана. Русские отступали перед наступлением французов, пока третьего сентября их авангард не остановился на правом

берегу Калачи, напротив Бородино, чтобы нанести решающий удар в защиту Москвы. На четвертый день авангард Наполеона атаковал и оттеснил от себя русский тыл, который как раз приближался. У него под рукой было сто двадцать восемь тысяч человек, и еще шесть тысяч были в пределах досягаемости. В тот вечер он выступил с громким обращением: вспомнив Аустерлиц, он призвал солдат вести себя так, чтобы будущие поколения говорили о каждом: "Он участвовал в той великой битве под стенами Москвы". На следующее утро прибыл курьер с портретом маленького римского короля. Император повесил его перед своей палаткой и пригласил своих офицеров полюбоваться им. Но ночью пришло зловещее известие о поражении Мармона при Саламанке. Наполеон ничего не сказал, но было слышно, как он, обращаясь к самому себе, выражал сожаление по поводу варварства войны. Всю ночь он, казалось, не находил себе покоя, опасаясь, как бы русские не ускользнули от него, как это случалось во время других кризисов; но, поднявшись в пять часов и разглядев их строй, он громко крикнул: "Наконец-то они наши! Маршируйте дальше, давайте откроем ворота Москвы".

Русские, воодушевленные религиозным рвением и фаталистическим предчувствием успеха, возвели траншеи и редуты в выгодных точках на выбранных ими полях сражений. В своем первом натиске они продвигались вперед, как преданные, с криком "Боже, помилуй нас!", и по мере того, как каждая передовая шеренга падала перед безжалостными захватчиками, те, кто был позади, продвигались вперед по телам своих товарищей. Но все было напрасно; в течение четвертого и пятого сентября был взят один аванпост за другим, пока в десять часов вечера последнего дня все русские силы не были отброшены на свои основные позиции, простиравшиеся от берега Москвы на севере, за Калачой, до Утизи на юге, причем те участки, которые не были защищены естественным образом, были защищены мощными редутами. Всего их было сто двадцать тысяч, из которых около семнадцати тысяч составляли разнородное крестьянство. Напротив стояли французы: Понятовский справа, Даву с гвардией в арьергарде, затем Эжен; за Даву, слева, Ней; и еще дальше, в том же ряду, Жюно. Был отдан приказ начать канонаду, Понятовскому окружить русский левый фланг, Эжену переправиться через Калачу по трем мостам, переброшенным ночью, и атаковать русский правый фланг, в то время как Моран и Жерар, его вспомогательные силы, должны были двинуться в центр и штурмовать возведенные там укрепления.

Сражение велось почти в соответствии с буквой этих приказов, но доблесть русских была такова, что вместо блестящего маневрирования оно переросло в кровавый конфликт лицом к лицу, решаемый исключительно силой. В шесть утра открыла огонь артиллерия. Понятовский двинулся вперед, был остановлен, но, поддерживаемый Неом, твердо стоял до тех пор, пока не вмешался Жюно; затем они вдвоем встали вместе, в то время как Ней и Даву бросились в центр обороны противника. Эжен действовал слаженно, Понятовский затем двинулся вперед в одиночку, и его задача была выполнена к девяти. Но он был настолько ослаблен своими потрясающими усилиями, что смог удержать только то, чего добился. В тен Ней и Даву, усиленные Фрианом, овладели центральными редутами; но они тоже были измотаны и могли только удерживать русскую линию, которая прогнулась внутрь и стояла, не ломаясь. Затем Эжен собрал всю свою дивизию и бросился в атаку. Соппротивление было упорным, а бои ужасающими, но к трем часам его противники сдались, его артиллерия открыла огонь, и он удержал свои позиции. Примерно в то же время Жюно добрался до Понятовского, и их совместные усилия, наконец, одолели русских левых. Усилия обеих армий были настолько нечеловеческими, что они всю ночь опирались на оружие на этих

относительных позициях, русские были слишком измотаны, чтобы бежать, французы слишком утомлены, чтобы преследовать противника. Но в начале седьмого началось бегство Кутузова, и французы пустились в погоню.

Между генералами русского тыла и генералами авангарда Наполеона было заключено соглашение, что если первым удастся беспрепятственно пройти через Москву, то вторые должны овладеть городом без единого удара. Договаривающиеся стороны выполнили свой договор, но московский губернатор признал соглашение недействительным. Огромные толпы жителей присоединились к русским колоннам, когда шесть дней спустя они маршировали между рядами легко воспламеняющихся деревянных домов, из которых состояли пригороды; и пока они угрюмо брели вперед, тонкие столбы поднимающегося дыма начали появляться тут и там на внешних линиях. Но когда через два часа после того, как исчез последний русский солдат, кавалерия Мюрата прогрохотала по улицам, пожары не привлекли особого внимания, и это несколько не уменьшило довольства Наполеона, поскольку с "горы приветствия", откуда благочестивые паломники обычно приветствовали святой город, он приказал своей гвардии наступать и занять Кремль, эту крепость, хранящую все самое святое в русской вере. Кутузов, хвастаясь, что он удержал свои позиции всю ночь, убедил жителей Москвы и даже царя, что он был победителем и что он отступает просто для того, чтобы дожидаться прибытия победоносных и опытных легионов с Дуная, когда он выберет поле боя и уничтожит захватчиков. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XXVIII.

ЭВАКУАЦИЯ МОСКВЫ. [\[43\]](#)

Причины наступления Наполеона — Важность Москвы — Сожжение города — Французская оккупация — Военная ситуация — Стойкость Александра — Нетерпение Наполеона — Стратегическая проблема — Преувеличение факторов — План отступления — Малоярославец — Колебания Наполеона.

Некоторое представление о душевном состоянии Наполеона можно получить, рассмотрев его поведение во время и после Бородинской битвы. Этот конфликт был, в целом, самым кровавым и яростно оспариваемым из всех, в которых он до сих пор участвовал. Потери французов были подсчитаны императором в двадцать тысяч человек, у русских их было не менее чем вдвое больше. И все же этот день не был решающим. Наполеон, страдавший от сильной простуды и потери голоса, проявлял непривычную усталость. Придавая большое значение своей личной безопасности, он не вмешивался в критические моменты, как он привык делать и как, по его утверждению, было необходимо в новой военной науке, с целью наэлектризовать офицеров и рядовых. Его схема свертывания линии Кутузова двойной атакой слева и по центру, следовательно, провалилась, по мнению величайших экспертов, потому что он не задействовал защиту в центре в решающий момент. Эта неудача произошла из-за пренебрежения его собственной максимой о том, что "генералы, которые берегут войска на следующий день, всегда терпят поражение"; не предполагая полного прекращения боевых действий Кутузовым, он думал, что его резерв может потребоваться завтра. Похоже также, что он постепенно начинал осознавать опасности, связанные с

продлением срока его пребывания в Москве. У Можайска он остановился на три дня, несомненно, в надежде, что Александр начнет переговоры, чтобы предотвратить разграбление его священной столицы. Во время этой паузы были отданы тщательные приказы о сосредоточении сильного французского резерва у Смоленска. Виктору было приказано привести свои тридцать тысяч человек с Немана, чтобы в случае крайней необходимости быть готовым продвинуться даже до Москвы. Похоже на умышленный самообман, что десятого числа Наполеон написал Маре, как будто был убежден, что оголение его флангов ускользнет от внимания Кутузова, сказав, что враг, пораженный в сердце, был занят только сердцем, а не конечностями. Это было бы оправданным доверием, если бы Бородино было решающим. Но это не было решающим, поскольку русская армия, отнюдь не уничтоженная, отошла со своими рядами, ротами и полками, которые были настолько нетронутыми, что были легко доступны для быстрого набора новых рекрутов. Именно это придавало правдоподобие хвастовству Кутузова и делало французскую оккупацию Москвы делом сомнительной целесообразности.

И все же искушение было непреодолимым. Мать-Москва, как гласит ласкающая слух русская фраза, действительно является источником вдохновения для всех москвичей. Омываемый извилистым ручьем с одноименным названием, его сердцем является Кремль, цитадель русской архитектуры, русского православия, российской власти и русской учености. Из его церквей доносятся авторитетные высказывания греческого митрополита, в его треугольных стенах обнаруживается наиболее характерная московская архитектура, за его порталами стоят самый большой колокол, когда-либо отлитый, и самая большая пушка, когда-либо созданная до самых недавних времен; статуи русских героев украшают его открытые пространства, величие его дворцов изобилует московским изобилием, эдикты Белого царя гремят над его многочисленными миллионами подданных с его стен. Вокруг Кремля сосредоточены различные кварталы города, которые занимают площадь, равную площади Парижа, и вмещают примерно на четверть больше жителей. Эпитет "святой город" вполне оправдан святилищем-цитаделью, но его уместность дополнительно подтверждается тремястами шестьюдесятью церквями, каждая со своей башней и луковичным куполом, которые разбросаны по всем районам. В начале нынешнего века Москва изнутри представлялась скоплением деревень, окруженных рощами и садами, каждая со своей усадьбой и приходской церковью. Вокруг всего этого тянулся пояс загородных усадеб, и красота пейзажа, открывшаяся приближающемуся путешественнику, была такова, что могла разжечь энтузиазм в самой холодной груди. Жители надеялись, что "бородинская победа" избавит их дом от позора иностранной оккупации. Когда губернатор объявил, что на военном совете было решено оставить город, воцарилось сначала смятение, затем ярость, затем отчаяние. Длинные поезда отъезжающих горожан с угрюмым видом и безрадостными голосами распевали свои церковные гимны.

Капитуляция ознаменовалась варварским поведением со стороны гражданских властей. Рассказывалось, что по военной конвенции русскому арьергарду было разрешено беспрепятственно отступить после Бородино в обмен на обещание не разрушать Москву. Однако четырнадцатого сентября, в день французской оккупации, как также сообщалось, в пригородах вспыхнули пожары, случайно или намеренно, невозможно определить. Кроме того, по получении уведомления об эвакуации были разрушены все магазины, до которых можно было добраться за короткий промежуток времени; двери тюрем были открыты, и орда обезумевших преступников была выпущена на свободу на улицы. Тем не менее, на протяжении всего пятнадцатого был соблюден относительный порядок. На следующий

день разразился бушующий пожар. В то время и много лет спустя это приписывалось захватчикам как акт подлого поджога; с ростом современных представлений о безжалостности на войне российские историки начали приписывать это жителям как героическую меру. Теперь утверждается, что губернатор отлил первую марку в своей собственной загородной резиденции. Более вероятно, что фанатизм населения, усиленный преступной яростью сбежавших заключенных, привел к почти одновременному поджогу многих зданий в разных кварталах. Однако возможность применения метода при разрушении города начинает проясняться, когда вспоминается, что опустошение окружающей местности бегущими русскими было столь же тщательным и проводилось в соответствии с тщательно разработанным планом.

Въезд французов в Москву сравнивали с появлением великих актеров перед пустым домом. Когда вспыхнул пожар, было приложено все усилия, чтобы остановить его, и восемьсот огненных извергов были сурово наказаны. Но когда рухнули горящие стены складов, чернь схватила обнаруженные таким образом бочки со спиртным и напилась в слепой ярости; французские солдаты грабили без всяких ограничений, не пощадив даже Кремль. Наконец, пламя было потушено и порядок восстановлен, но только после того, как были уничтожены три четверти собственно города; Кремль и оставшаяся четвертая часть были спасены. Вечером четвертого дня французская армия расположилась в довольно комфортных условиях внутри Москвы или около нее, и всадники Мюрата начали приносить донесения об армии Кутузова. Чтобы успокоить крестьянство соседних округов, была выпущена одна из старых коварных прокламаций, взывающая к их мужественности против тирании их правителей. "Умрите за свою веру и царя!" - был ответный клич, когда они схватили отставших французов, застали врасплох гарнизон Варехи и окружили смоленскую дорогу. День за днем люди трудились, горожане помогали собирать крестьянское добро, оба класса подстерегали французские обозы с припасами и прятали все предметы обихода в огромных подземных помещениях, построенных специально для этой цели. Захватчиков охватил ужас, и их положение стало отчаянным, когда они узнали о расположении русских войск и поняли, что Кутузов уже угрожал их безопасности.

Подстрекаемый Каслри, Бернадот высвободил русский корпус, предоставленный в его распоряжение, для завоевания Норвегии, и Витгенштейн на правом фланге русских, таким образом, внезапно получил сорокатысячные силы, с помощью которых мог угрожать левым окраинам Наполеона на севере. При английском посредничестве также был заключен мир между Турцией и Россией, что позволило освободить Чичагова, который немедленно присоединился к Тормассоффу и противостоял Шварценбергу от крайне правых французских сил почти два к одному. Тем временем Кутузов занял позицию у Тарутино, откуда командовал левым флангом основных сил французской армии, и ежедневно принимал новых рекрутов, которые стекались, чтобы пополнить его поредевшие ряды. Со времени Бородино Наполеон ежедневно ожидал какого-нибудь сообщения от царя. Критическое положение дел делало его нетерпеливым, и двадцатого числа он написал своему странно молчаливому врагу, что Москва сожжена - несчастье, которого можно было бы избежать, если бы после Бородино начались переговоры. Ответа не последовало. Пятого октября Лористон был отправлен в лагерь Кутузова, номинально для обеспечения обмена пленными. Последний сказал, что дело должно быть передано в Санкт-Петербург; но французский генерал узнал, что русские расширили свою линию на юг, к Калуге, чтобы обезопасить плодородную базу позади и еще больше угрожать длинному и слабому французскому флангу.

Молчаливая стойкость Александра была поистине замечательной. До сих пор в каждом кризисе — как, например, после Аустерлица и Фридланда — он уступал. Почему он теперь был так тверд? Штейн, прусский патриот, был на его стороне; но таким же был и доверенный Румянцев, лидер французской партии, выступавшей за мир. Старая русская партия, деморализованная продвижением Наполеона в сердце империи, также требовала мирных переговоров. Английское посольство, состоящее из лорда Кэткарта и группы английских офицеров под командованием сэра Роберта Уилсона, посланных для реорганизации русской армии, до сих пор мало чего могло добиться, поскольку, по общему мнению, их влияние было незначительным. Улучшение военной ситуации, без сомнения, многое объясняет, но лучшая информация показывает, что Александр двигался и говорил как ошеломленный, чувствуя себя брошенным бурей ребенком судьбы. Лишенный уверенности в себе, он, по-видимому, тянулся к Голицыну, чье благочестие было выдающимся и граничило с мистицизмом. Несомненно, что в те дни царь впервые стал страстным читателем Библии и часто восклицал: "Рука Божья сотворила это!" Наконец, уехав из Санкт-Петербурга в эпицентр войны, он на прощание основал Российское библейское общество. Лишь в малой степени полагаясь на военную ситуацию и с чувством божественного руководства, он решил возобновить конфликт.

Так прошло пять недель. Нескончаемыми они казались встревоженному московскому завоевателю, который зевал даже в театре; который забыл о строгой воздержанности за своим столом и, подобно гурману, часами сидел за едой только для того, чтобы убить время; который впал в порочный образ жизни и заразился отвратительной болезнью; который потерял всякий интерес даже к своим войскам и, наконец, неопрятный, озабоченный и лихорадочный, казался равнодушным ко всему. Корона, скипетр и мантия, в которые он надеялся облачиться как император Запада, не были извлечены из походных сундуков. Помпезные церемонии военной оккупации выполнялись скрупулезно; учения, парады и концерты следовали в надлежащей последовательности; но интерес императора был вялым. Наконец тоскливое ожидание стало невыносимым, сезон, хотя и не был ни ранним, ни суровым, быстро приближался, грабительские вылазки солдат в окружающую местность с каждым днем становились все более длительными, трудными и все менее плодотворными. Опасность ежечасно возрастала в ужасающем соотношении. Дару посоветовал превратить Москву в вооруженный лагерь и перезимовать там. "Совет льва", - сказал Наполеон, но отложил его в сторону. Вопрос об отступлении вскоре должен был стать насущным, и он иногда обсуждал его, но лишь вяло, пока восемнадцатого октября без предупреждения перемирие, заключенное Мюратом, не было нарушено, и его командование не было вытеснено. Затем, наконец, капитан в Наполеоне пробудился, император исчез, был отдан приказ об отступлении, и всемирная империя, зависимый царь, поход из Тифлиса к Гангу, униженная Англия и освобожденный океан — все было забыто перед лицом реальности. Мантию, скипетр и корону больше никто не видел.

Политические соображения побудили к отходу на северо-запад, как будто против Сент-Луиса. Петербург, но военные соображения возобладали, и между двумя альтернативами — прямым отступлением к Смоленску по опустошенной земле или обходом на юго-запад, через плодородные районы, к Калуге, как будто для атаки Кутузова — выбор пал на последнее. Причина ясна. Очаг боевых действий находился внутри треугольника, обозначенного Ригой, Брест-Литовском и Москвой; от Риги до Москвы, левого фланга, пятьсот пятьдесят миль; от Риги до Бреста, базы, триста семьдесят пять миль; от Бреста до Москвы, правого фланга, шестьсот пятьдесят миль; перпендикуляр от Москвы до базы, который был кратчайшей

линией отступления, составляет, следовательно, около пятисот семидесяти пяти миль. Все эти расстояния огромны; слева было всего сорок две тысячи человек, справа - около тридцати четырех тысяч; вдоль линии фронта - сорок две тысячи. Диаграмма, если ее нарисовать, отобразит все особенности наполеоновского формирования в целом, если рассматривать абстрактно, но она также покажет тот факт, что при самой высокой и совершенной организации армии, известной в то время, было бы практически невозможно разработать комбинацию. Ни один из чудовищных флангов не мог быть удержан сравнительно скудными имеющимися силами; оперативное направление было столь же слабым. Какая безопасность была у отступающей армии? Нет.

Никогда не будет полного согласия относительно причин катастрофы Наполеона в России. Сравнение относительных значений массового формирования, тактики и организации в современной войне, в которой используются железные дороги и телеграф, с расстояниями, практически возможными в современных операциях, должно, тем не менее, выявить главную причину — то, что наполеоновская организация не поспевала за развитием наполеоновской стратегии. Император перевесил генерала, поскольку первый воспарил в эфир, который не выдержал бы крыльев последнего. Часто используемые доводы о "божьем промысле" не выдерживают критики. Осень 1812 года была мягкой, зима наступила поздно. Ни безрадостные степи, ни феноменальный холод, ни неслыханные снега, ни какое-либо изменение законов природы, ни даже национально—пестрый состав великой армии, ни неисторическая миграция с юга на север — ничто из этого не было главной причиной неудачи, которая проявилась в попытке чудовищно преувеличить факторы стратегической системы, разработанной для национальных, а не континентальных масштабов.

На мгновение возникла первая и естественная мысль о прямом отступлении к Смоленску; но от нее пришлось отказаться, потому что из-за слабых флангов и голой местности расстояние было слишком большим. То же самое было верно и в отношении переезда в Санкт-Петербург — расстояние было слишком велико для тех условий. Обход в направлении Калуги сначала рассматривался как уловка, направленная на то, чтобы сбить русских со следа; это стало необходимостью, когда они перешли в наступление в ходе непредвиденной атаки на Мюрата. Император не осмелился подставить свой фланг и тыл наступающему противнику, и соответственно его армия была собрана на дороге в сторону Калуги. Должен ли он наступать или ждать дальнейшего продвижения противника? Очевидно, первое, иначе весь моральный эффект первого наступления был бы утрачен. Длительный марш пришлось продлить еще больше, отчасти по стратегическим соображениям, но главным образом для того, чтобы обеспечить себе дополнительное преимущество первостепенной важности, а именно получение средств к существованию из страны, когда расстояния были слишком велики для работы любого возможного отдела комиссариата. Если бы русские хотя бы на мгновение обманулись, поверив, что французы возобновили наступление, линия от Калуги до Смоленска все еще была бы открыта для отступления, пока противник готовился к бою.

В Москве распространился слух, что Наполеон собирается сокрушить Кутузова, а затем вернуться. Мортье с восемью тысячами молодых гвардейцев остался позади, ему было приказано взорвать Кремль перед уходом. Основная армия переправилась через реку Пахра и двинулась к Луше. О противнике пока не было никаких известий; возможно, он был введен в заблуждение и наступал прямо на Москву. Поэтому Наполеон повернул на запад в надежде, что сможет беспрепятственно дойти до Калуги. Двадцать четвертого появился

русский авангард. Если бы Кутузов действовал в соответствии со своей точной информацией и бросил вперед всю свою армию, решающее сражение могло бы положить конец вторжению. Как бы то ни было, Эжен после кровопролитного сражения при Малоярославце остался хозяином поля, и робкий Кутузов отвел свои силы. Тем временем правда просочилась в Москву. Подозрения были вызваны тем, что французы-резиденты заметили не только огромную добычу, упакованную в багаж офицеров, но и груды московских художественных ценностей, под которыми стонали правительственные фургоны. Они действовали быстро, и вскоре в сопровождении женщин и детей присоединились к маршу со всеми принадлежностями своего домашнего обихода. С самого начала эта толпа, объединившись с обычной ордой отставших от лагеря сторонников, препятствовала всем быстрым передвижениям армии; фактически, если бы не они, полусумасшедший Кутузов не смог бы показать даже свой авангард французской линии. Попытка Мортье разрушить Кремль провалилась и не послужила никакой цели, кроме демонстрации жажды мести дикой натуры, загнанной в угол.

Короче говоря, каждый план Наполеона казался безрезультатным, и нерешительность отмечала каждый его поступок. Результатом ужасной борьбы Эжена стал список раненых, насчитывающий четыре тысячи человек. Прежний Наполеон оставил бы их, а затем атаковал бы Кутузова даже в лесных ущельях, где тот укрылся; или же он прорвался бы мимо Калуги или быстро повернул бы, чтобы вернуть себе северную дорогу к Смоленску. Измученный, больной, измученный человек 1812 года не сделал ничего из этого, но созвал военный совет и почти неделю взвешивал представленные там аргументы, когда, наконец, принял решение и форсированными маршами повел свои колонны к северной дороге на Смоленск. Он написал Жюно, что его причиной задержки было желание оказать помощь пострадавшим со своего склада в Можайске, но на самом деле он недостаточно долго ждал, чтобы оказать материальную помощь раненым, и не получил никаких преимуществ от кровопролитного сражения. В отсутствие достоверной информации он выбрал (когда однажды все-таки переехал) долгий, кружной путь. Холодов пока не было, за исключением обычной пронизывающей холодности осенних ночей, но летняя форма солдат была изодрана в клочья, а обувь изношена. Немцы, итальянцы и иллирийцы начали отступать, и ужасы надвигающихся холодов, описанные русскими пленными, глубоко запали в умы удрученных французов, оказавшихся так далеко от своих уютных домов. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XXIX.

Отступление из России. [\[44\]](#)

Душевное состояние Наполеона — Неминуемая гибель — Дело при Вязьме — Робость Кутузова — Отчаяние Наполеона — Прибытие в Смоленск — Реорганизация армии — Отвага Наполеона при Великом подвиге Красного — Страдания армии — Русский план — Взятие Чичаговым Боррисова.

Отступление продолжалось девять дней. Двадцать седьмого октября прибыл Мортье; Даву было поручено прикрывать тыл. Наполеона больше не видели верхом; иногда он ездил верхом, но обычно он тащился среди людей, внешне такой же бездушный, как и все

остальные. Жюно он написал, что принял свое решение из-за холода и для того, чтобы обеспечить своих раненых со склада в Можайске. Сильных холодов еще не было, и дорога до Смоленска была гораздо короче. В голове писателя царил хаос, он путал то, что, как он знал, скоро будет, с нынешними реалиями. Его карты ничего не стоили, и, цепляясь за опыт, он не проявлял ни капли своей обычной предприимчивости. Поношенная летняя форма его людей не защищала даже от прохлады осенних ночей. Какая перспектива, когда придут зимние холода! Этого было достаточно, чтобы ошеломить даже Наполеона.

Но настоящее было достаточно скверным, и с каждым мгновением становилось все хуже. Вдоль дороги тянулись обугленные руины и опустошенные поля, а обочины были усеяны группами вялых, отчаявшихся солдат, которые падали и оседали на землю, пока нестройные ряды их товарищей топали дальше. Обходя поле Бородинского сражения, марширующие батальоны косо смотрели на жуткие кучи непогребенных трупов; но оставшихся в живых раненых вытаскивали из полевых госпиталей и других похожих на пещеры убежищ, чтобы нести дальше вместе с отходящей армией. Это было зрелище, которое в некоторых случаях превращало меланхолию в безумие. Чтобы перевезти их, повозки облегчали, бросая московские трофеи в пруд в Семлино. Тридцатого числа императору были доставлены депеши чрезвычайной важности, в которых сообщалось, что Шварценберг отступил за Буг, оставив ветеранам Чичагова открытую дорогу из Бреста для атаки правого фланга колонн, идущих из Москвы. Виктор, узнав о проливе Наполеона, оставил пятнадцать тысяч человек в Смоленске и продвигался к Сен-Сиру на Двине, чтобы обеспечить безопасность главной армии с этой стороны. К нему пришли печальные известия о том, что Витгенштейн возобновил наступление на Сен-Сир и что линия атаки французского левого фланга была такой же открытой с севера, как и с другой стороны, с юга. Арьергард Даву неуклонно распадался под натиском трудностей и изматывающих атак русских всадников под командованием Платова. Партизанская война принимала угрожающие размеры. Одним махом две тысячи французских рекрутов под командованием Бараге д'Илье были взяты в плен, и подобные события становились все более частыми. Вследствие этих сокрушительных поражений вся армия была перегруппирована. "Мы должны идти маршем, как мы делали в Египте", - гласил приказ: "обоз в середине, окруженный настолько плотно, насколько позволит дорога, с половиной батальона впереди, половиной батальона позади, батальонами справа и слева, чтобы, оказавшись лицом к лицу, мы могли вести огонь во всех направлениях". Затем корпус Нея был направлен в опасное место в тылу — место, которое он защищал с отчаянной храбростью, пока не заслужил титул "храбрейший из храбрых".

Первоначальное обещание существенно усилить армию Кутузова не было выполнено. Фанатичное рвение, проявленное поначалу, вскоре прошло, новые рекруты оказались ненадежными, и долгие переходы русских сказались на них почти так же ужасно, как отступление на их врагах. Таким образом, армия Кутузова, хотя и была доступна для обороны, была плохим оружием для нападения, особенно когда объектом была французская армия под командованием наводящего ужас Наполеона. Русский командующий преследовал их лишь вполсилы; и когда, выбрав короткий путь, неизвестный противнику, его авангард третьего ноября вошел в соприкосновение с французской линией обороны у Вязьмы, у русских солдат не хватило духу сражаться. Обстоятельства предоставляли все шансы для мощного, если не решающего удара по летучей колонне с фланга и тыла; но натиск был слабым, главнокомандующий сдерживал свои основные силы в тревожной робости, и во второй раз была упущена возможность уничтожить отступающего противника, численность которого теперь сократилась примерно до шестидесяти тысяч. Наполеон был далеко на

фронте, когда напал Кутузов, и сражение велось на французской стороне маршалами по согласованию с Евгением и Понятовским. Арьергард был на мгновение оторван от линии фронта, но эти два генерала развернулись и яростно атаковали наступающих русских, поражая все в пределах досягаемости, пока Даву не смог избежать боя и присоединиться к основной армии.

Французы потеряли около четырех тысяч человек, русские - примерно вдвое меньше. Ни у одной из двух армий не хватило мужества возобновить борьбу на следующее утро, и каждая держалась своего пути, как могла, обе они были измотаны, обе с каждым часом теряли силы и численность. Поведение Кутузова как при Малоярославце, так и при Вязьме объяснялось его твердой решимостью предоставить уничтожение захватчиков своим изможденным союзникам, нужде и зиме. Если бы, однако, что было возможно в любом месте, он уничтожил отступающую армию, это могла бы быть последняя наполеоновская война, поскольку император Франции обращался к своему народу не за новой армией, а за чем-то совсем другим, а именно за людьми для пополнения старой. Как бы то ни было, Наполеон впервые узнал о столкновении при Вязьме четвертого числа и обдумывал маневр, который мог завести его преследователей в засаду. Но он обнаружил, что три колонны, которые были задействованы, были настолько жалко разрушены, что он в отчаянии сдался — чувство усилилось, когда в морозном воздухе впервые появились снежинки, зловеще порхающие в воздухе.

Таким образом, утомительный марш был возобновлен, и в нем установилось некоторое подобие порядка, хотя Ней писал Бертье, что уже на четвертый день в великой армии было без преувеличения четыре тысячи человек, которые отказались маршировать в строю. Их число росло с каждым днем. Шестого числа Наполеону сообщили, что Виктор, соединившись с Сен-Сиром, остановил Витгенштейна в серии доблестных сражений, но что шаг за шагом две дивизии были отброшены назад, пока не оказались всего в тридцати милях друг от друга, оставив линию Двины, включая депо Витебск. "Продолжайте наступление; от этого зависит безопасность армии", - был отчаянный ответ Наполеона. Какой бы ужасной ни была эта новость для генерала, она затмила ужас императора из-за сообщений, которые он получил в то же время из Парижа, описывающих заговор Мале, движение с целью свержения Империи, основанное на ложном слухе о его собственной смерти. "А Наполеон II, неужели никто не подумал о нем?" - воскликнул он в отчаянии. Великая армия, репутация, личный престиж — все это он мог потерять и выжить; но потерять Францию - это было бы настоящим крахом.

В ту ночь выпал сильный мороз; тогда, и не раньше, началась безжалостная суровость русской зимы. Это подтверждается знаменитым двадцать девятым бюллетенем Наполеона и дневником Кастеллана, адъютанта, сделавшего его последнюю копию; несмотря на утверждения, выдвинутые позже в поддержку легенды об армии, побежденной стихией, осень затянулась гораздо дольше положенного времени. На следующий день утомительный марш возобновился; император едва ли произнес хоть слово. Он был бледен, но на его лице не было никаких признаков паники; просто царило мрачное, упорное молчание. Враг наступал с фланга и тыла, преследуя деморализованную колонну до тех пор, пока она не стала больше похожа на орду, чем на армию. С онемевшими конечностями и мучаясь от пронизывающего холода, французы брели дальше. Люди и лошади гибли десятками; выжившие нарезали полоски падали, чтобы поддерживать жизнь, и отчаянно продвигались вперед, ибо все, кто покидал шоссе, попадали в руки врага. На некоторых бивуаках за ночь

погибло триста человек; в официальных бумагах есть заявления, которые, по-видимому, указывают на то, что в борьбе за жизнь более слабые часто погибали от рук своих же товарищей. Полубезумные, обмороженные, растерянные солдаты французского авангарда достигли Смоленска девятого числа, а тринадцатого подошли остатки арьергарда со многими отставшими и расположились лагерем. Героями часа были Эжен и Ней. Дивизия Ней почти исчезла в своей славе. Сражаясь без страха и неустрашимо умирая, они спасли часть великой армии, дошедшую до Смоленска; другая половина погибла по дороге. Эжен проделал долгий путь, но его подразделение потеряло меньше людей и было менее деморализовано, чем его коллеги. Безрассудство Мюрата в бою с казаками привело к потере почти всех его лошадей; его люди прибыли пешком.

Сцены в Смоленске были позорными. Сначала гарнизон закрыл ворота прямо перед носом у людей-волков, которые требовали еды и крова. Дисциплина была восстановлена, и охранник был допущен. Запасов хватило бы на двухнедельный рацион всем выжившим; но алчущую толпу невозможно было сдержать, и распределение было настолько нерегулярным, что драгоценные припасы вываливались на улицы; в конце концов выяснилось, что гвардии хватило продовольствия на две недели, в то время как очереди едва хватало на неделю. Больные и раненые, однако, были размещены и обеспечены довольно удобными условиями. После этих тошнотворных потрясений император, казалось, восстановил большую часть своих физических сил, а вместе с ними вернулись его мастерство и изобретательность: отставшие были преобразованы в полки; повозки с припасами были в большом количестве уничтожены, а лошади переданы артиллерии, многие орудия были брошены, чтобы служба оставшихся могла быть более эффективной; армия была перегруппирована в четыре дивизии под командованием императора, Эжена, Даву и Ней соответственно; и французы приготовились оставить Смоленск решительным фронтом. Презрению Наполеона к своему врагу соответствовал только их трепетный страх перед ним. Большинство людей отказались бы от надежды в такой критической ситуации. Наполеон был богат не только на стратегические уловки, но и на приемы для реализации своих планов. Соответственно, он распорядился, чтобы четыре колонны двигались параллельными линиями в сторону Литвы на расстоянии дневного перехода друг от друга, он с шестью тысячами гвардейцев в авангарде; Ней, взявший остальные четыре тысячи для усиления своей собственной линии, должен был прикрывать тыл. Движение началось двенадцатого, то есть до того, как вошли последние отставшие солдаты; четырнадцатого Наполеон отбыл; а три дня спустя, семнадцатого, когда башни крепостного вала были взорваны, последние из вновь построенных шеренг выступили. Больные и раненые нашли приют в домах, примыкающих к стенам; многие погибли от взрывов, остальные были брошены врагу и нашли гуманное обращение. Беспорядочные и взбунтовавшиеся французские солдаты оставались в значительном количестве для грабежа; по большей части они были схвачены вошедшими русскими и бесчеловечно убиты. Все эти дни холод не ослабевал, и временами столбик термометра показывал пятнадцать градусов ниже нуля.

Дальнейший путь отступления пролегал через Красный, Борриссо и Минск, император ожидал, что Шварценберг, усиленный четырнадцатью тысячами немецких рекрутов, прикроет переправу через Березину у Борриссо. Русские упрямо продолжали свое параллельное преследование, беспокоя французский тыл и фланги. Пятнадцатого их авангард соприкоснулся с дивизией Наполеона близ Красного почти в тот момент, когда он сам проезжал мимо, и их артиллерия открыла огонь. Мячи с визгом проносились мимо, и было большое волнение. Лебрен привлек внимание к этому факту, как к чему-то

примечательному. "Ба!" - воскликнул Наполеон, устремляясь вперед. "Пули летали у наших ног все эти двадцать лет". Он хорошо знал, что его встревоженный враг не станет всерьез нападать на него и его охрану; но, справедливо рассудив, что с его тылом дело обстоит иначе, он остановился, чтобы дожидаться их прибытия. Рано утром семнадцатого он выслал разведывательный отряд, как бы собираясь развернуться и дать бой; Кутузов, который в тот момент значительно уступал численно, мгновенно попал в ловушку и, отведя свой авангард, как предвидел и желал Наполеон, приготовился к битве.

Эжен и Даву были в пределах досягаемости, но положение Нея было ужасным: он только тогда покидал Смоленск. Неужели его бросили на произвол судьбы? Вокруг и позади его шеститысячного войска скопилось почти столько же отставших; и восемнадцатого числа русские, несмотря на кратковременную остановку, бросили вперед свой авангард в надежде отрезать его стесненную и сильно теснимую дивизию. Но короткая задержка оказалась драгоценной: Ней воспользовался случаем и девятнадцатого числа переправился через Днепр по льду, надеясь следовать правым берегом на запад и соединиться с основной армией в Орче. Это был один из его самых смелых подвигов, возможно, самый блестящий военный подвиг. Призванный флагом перемирия сдаться, он ответил: "Маршал Империи никогда не сдавался!" Платов и казаки неотступно следовали за ним по пятам; но, сражаясь и маршируя в течение всего утомительного, сурового дня, ночью неустрашимый маршал оказался на связи с Евгением, который выехал ему навстречу по шоссе из Витебска в Орчу. Когда двадцатого числа они соединились, у Нея в строю было всего восемьсот человек; еще около двух тысяч в беспорядке тащились позади.

Восемнадцатого числа наступила оттепель; пошел дождь, корка под ногами людей треснула, и дороги превратились в полосы обледенелых комьев. У солдат не было никакой обуви, кроме лохмотьев; каждый шаг был агонией, и тысячи людей, которые до сих пор терпели, теперь сдались и бросили свое оружие и снаряжение. Регулярно маршировало не более двадцати пяти тысяч человек. Уже накануне гвардия выказывала признаки деморализации. Один император казался невозмутимым. В течение нескольких дней он разделял общие трудности; одетый в длинную польскую шубу из меха куницы, с крепким березовым посохом в руке, без признаков физического или нервного истощения, он молча преодолевал большие расстояния среди своих страдающих людей. Если мы представим его стоящим под Красным, взвешивающим, как долго он осмеливался противостоять врагу, который, если бы объединился и обрушился на его позиции, уничтожил бы их, мы должны почувствовать, что крах был предотвращен тогда только благодаря его мужеству и ужасу при упоминании его имени. Он еще раз оценил влияние своего присутствия на чашу весов и, выступая перед стражниками в этот ужасный день, просто сказал: "Вы видите дезорганизацию моей армии. В несчастливом увлечении большинство солдат выбросили свое оружие. Если вы последуете этому опасному примеру, надежды не останется". Состояние людей было, если это возможно, хуже, чем когда-либо; фактически, это было неопишимо. Ночь за ночью они разбивали лагерь на снегу. Из-за сырости, ослепительного блеска и недостатка пищи — в лучшем случае у них был только бульон из конины, загущенный мукой, — на некоторых напала слепота, на некоторых — острая мания, а на некоторых — полная бесчувственность. Те, кто теперь оставался в строю, были одеты в лохмотья, и в них едва можно было узнать солдат. Поэтому казалось, что такой призыв мог пробудить лишь эхо в пустом склепе; но таков был характер французов, что, какими бы отчаянными ни были обстоятельства, крик был услышан. Ответ был мрачным и угрюмым,

но призыв не пропал даром; и девятнадцатого числа армия все еще была в Орче. Однако пока никаких известий о Нейе не поступало.

Небо казалось темным, а перспектива пустой, когда стало известно, что и Виктора, и Шварценберга неуклонно отбрасывали назад. Русский план состоял в том, чтобы Витгенштейн и Чичагов атаковали крайние левую и правую дивизии соответственно ослабленной линии Наполеона, а затем сконцентрировались у Борриссофа и атаковали основную французскую армию, отступающую перед Кутузовым. До сих пор различные части этой схемы были успешно выполнены. Борриссофф и его мост все еще находились во владении польского полка; но гарнизон был очень мал и не мог отразить атаку сходящихся русских колонн или какой-либо их части. Поэтому Наполеону следовало действовать быстро, если его немногочисленные оставшиеся войска хотели безопасно переправиться через Березину. Именно в этой ужасной дилемме наконец оказался Ней. Сказал Наполеон, когда ему сообщили эту новость: "Если бы час назад у меня попросили три миллиона, которые хранятся в хранилищах Тюильри, в качестве цены за это событие, я бы отдал их". Присутствие маршала само по себе было прекрасным стимулом.

Закупив припасы, которые предлагали еврейские подрядчики, отказавшись от тяжелых понтонов и запрягая лошадей в несколько полевых орудий, найденных в парке, неустрашимый император отправил приказы Виктору и Удино, предписывая им совершить форсированный марш и встретиться с ним в Борриссоффе. Двадцать первого числа, среди слякоти, грязи и разломанных коржей, он повел свою собственную армию в стремительный отчаянный бросок к этому решающему пункту. Было слишком поздно; в тот же день ван Чичагова после упорной и кровопролитной борьбы занял город и захватил важнейший мост. Оттепель вскрыла реку, и ее разлившийся поток шириной более шестидесяти ярдов был полон плавучего льда. Русским казалось, что Наполеон уже попался в их ловушку, и Чичагов издал общий приказ о том, что все пленники ниже среднего роста должны быть доставлены к нему. "Он невысокий, полный, бледный, с короткой толстой шеей и черными волосами", - гласило его описание "виновника страданий Европы". По специальному указу царя со всеми французскими военнопленными обращались по-доброму, каждого снабдили теплой одеждой стоимостью около двадцати долларов. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XXX.

УЖАСЫ БЕРЕЗИНЫ. [\[45\]](#)

Наполеон в страхе — Виноват враг — Переправа через Березину — Резня — Конец трагедии — Уход Наполеона — Остатки армии в Вильно — Русские генералы — Путешествие Наполеона — Заговор Мале — Беспокойство императора — Состояние Франции — Дела в Испании.

Положение французов было действительно отчаянным. Имея безжалостного врага позади и с каждой стороны, а теперь и спереди, защищенная валом разлившейся реки, которая вышла из берегов и была окаймлена с обеих сторон густыми лесами, армия казалась обреченной. Единственная всепоглощающая мысль начала овладевать умом Наполеона —

мысль о его личной безопасности. Казалось, он принял важное решение — решимость понемногу жертвовать своей армией, чтобы спасти ее голову. Однажды приняв это решение, он стал сильным и отважным, его голова была ясной, а изобретательность активной. Был вызван Удино с его восемью тысячами человек, чтобы изгнать Чичагова; и Виктору были отправлены приказы, предписывающие ему взять одиннадцать тысяч, которые у него были, и при любой опасности отрезать Витгенштейна от Березины. Шварценберг был временно остановлен русской дивизией под командованием Сакена и больше не был фактором, влияющим на проблему. Удино выполнил свою задачу, но русские, убегая, подожгли мост.

Наполеона едва ли утешило известие о том, что его кавалерия нашла брод у Студенки. Рано утром двадцать третьего французские мостостроители со всеми доступными помощниками и материалами были на пути вверх по реке. Остатки армии были реорганизованы, а обоз уменьшен до минимально возможных размеров. К сожалению, Виктор не получил своих приказов вовремя и, не зная о планах императора, изменил направление своего марша на более южное, таким образом оставив дорогу на Студенку открытой для Витгенштейна, который отказался от преследования и двинулся прямо к месту. Продвижение последнего было, однако, медленным; Чичагов был полностью введен в заблуждение, как полагают многие французы, уловкой Удино, но, как он сам заявил, как ложной информацией о передвижениях Шварценберга, так и искажениями относительно марша Наполеона, переданными как через Кутузова, так и через Витгенштейна. Как бы то ни было, ветераны с Дуная целый день маршировали вниз по течению, чтобы защититься от воображаемой опасности. Таким образом, французы работали в Студенке без помех, и, когда снова установились морозы, болотистые берега достаточно укрепились, чтобы облегчить подход к их работам. К двадцать шестому были построены два моста — легкий для пехоты ранним утром и ближе к вечеру другой, который сочли достаточно прочным для артиллерии и обозов. В час дня пехотинцы Удино начали переправляться, и отряд кавалерии успешно переправил их лошадей вплавь через ручей, который из-за прилива теперь местами был глубиной в пять футов вместо трех с половиной, как при первом обнаружении брода; несколькими часами позже последовала артиллерия, и противоположный берег был очищен от противника настолько, чтобы полностью открыть мостовую и контролировать прямую дорогу на Вильно, которая ведет из Минска на юг. Этот грандиозный успех был отчасти обусловлен несравненной удачей, но главным образом доблестными ребятами, которые часами безропотно работали в ледяной воде, среди кусков мелкого льда.

С двумя короткими перерывами, на три и четыре часа соответственно, из-за разрушения более тяжелого моста, переправа продвигалась нерегулярно, временами почти с перерывами, до утра двадцать восьмого. Около полудня двадцать седьмого император проехал мимо; проследив за некоторыми ремонтными работами на мосту, он на следующее утро отправился в Зембин. В тот же день фургон Виктора достиг Боррисовфа несколько раньше Витгенштейна, который подошел несколькими часами позже и, атаковав первого с тыла, захватил в плен две тысячи человек. Чичагов, наконец-то узнав правду, появился той ночью напротив Боррисова; сообщение с противоположным берегом было быстро установлено, и после совещания два запоздалых русских генерала согласились выступить вверх по течению, на правый и левый берега соответственно. В восемь часов утра следующего дня Чичагов атаковал Удино и Нея — двадцать шесть тысяч человек против

семнадцать тысяч; два часа спустя Витгенштейн с двадцатью пятью тысячами обрушился на Виктора, у которого теперь было около семи тысяч. И все же французы удержали мосты.

В течение всего дня продолжался кровопролитный бой; он был неуверенным и беспорядочным из-за тысяч отставших солдат и неуклонно усиливающегося холода. За двумя героическими сражениями происходили сцены, которые не поддаются описанию. Невероятное количество отставших запрудило дороги и подходы; огромная толпа приверженцев лагеря упрямо держалась за свое имущество и с громкими проклятиями хлестала своих усталых лошадей, в то время как сами они опирались плечами на колеса повозок. Сотни людей были растоптаны; семьи были разорваны на части под вопли, наполнявшие воздух; слабых сталкивали с мостов в темный поток, который теперь сгущался из-за жестокого холода. Ближе к полудню начал дуть пронизывающий ветер, и к трем часам он превратился в ураган. В этот момент более тяжелый мост рухнул, и все находившиеся на нем оказались затоплены. Сторонний наблюдатель заявил, что над бурей и битвой поднялся вопль смертной агонии, который неделями звенел у него в ушах.

Толпа на берегу реки на мгновение протрезвела, и на какое-то время установился порядок при переходе по оставшемуся мосту; но с наступлением сумерек и ветер, и битва разгорелись еще яростнее, и группы начали вырываться справа и слева, чтобы обогнать тех, кто шел впереди. Многие бросались очертя голову в бурлящую реку; другие, не найдя выхода, сидели в немом отчаянии и ждали, что будет дальше. В девять утра остатки войск Виктора начали переправляться, и русские начали артиллерийский обстрел моста. Вскоре балки были покрыты трупами, уложенными, как поперечные бревна на вельветовой дороге; но ужасный переход продолжался до тех пор, пока не прошли все солдаты. Тяжелый мост временно починили, но в конце концов ни один из них не стал безопасным; время от времени из толпы собирались небольшие группы и безрассудно перебежали через рушащиеся конструкции, пока в восемь утра следующего дня французы, не решившись дольше ждать, не подожгли оба, оставив в Студенке семь тысяч своих сторонников. Они сожгли также деревянную дорогу, которую проложили через болота. Русские рассказы о том, что было видно в утреннем свете, описывают сцены, не имеющие аналогов в истории: тысяча или более обугленных трупов были намертво заморожены на поверхности реки, многие из ужасных голов принадлежали женщинам и детям; городские хижины были набиты мертвецами. Двадцать четыре тысячи тел были сожжены во время одного холокоста, и торжественно заявлено, что во время весенних оттепелей было обнаружено еще двенадцать тысяч тел. Десять лет спустя на мелководье ручья все еще виднелись островки, покрытые незабудками, которые украшали гниющие кости тех, кто погиб в ту ужасную ночь двадцать восьмого ноября 1812 года.

На следующий день император написал Марет, признав правду. "Армия многочисленна, но шокирующе дезорганизована", - заявил он. "Потребовалось бы две недели, чтобы снова привести его в соответствие со стандартами; а как мы можем найти две недели? Холод и лишения дезорганизовали его. Мы можем дойти до Вильно — сможем ли мы продержаться там? Если бы мы только могли, хотя бы первые восемь дней! Но предположим, что на нас нападут в течение этого времени, сомнительно, что мы сможем остаться. Еда! еда! еда! — без этого нет таких зверств, которые эта неуправляемая толпа не совершила бы против города. В этой ситуации я могу считать свое присутствие в Париже необходимым для Франции, для Империи — да, даже для армии". В тот же день он также составил бюллетень, получивший известность и датированный третьим декабря. В нем недвусмысленно

заявлялось, что до шестого ноября император везде добивался успеха; после этого стихии сделали свое черное дело. Единственной полной правдой, которая в нем содержалась, была заключительная фраза: "Здоровье его Величества никогда не было лучше". По мере того как жалкие остатки великой армии продвигались к Вильно, их становилось все меньше и меньше. Многие бредили от голода и холода, многие мучились от сыпного тифа. Третьего декабря в рядах армии все еще оставалось девять тысяч человек; пятого маршалы собрались, чтобы выслушать объяснение Наполеона о его решимости немедленно отправиться в Париж, и сразу после этого он отбыл.

Это была не очень "великая армия", которая осталась под командованием Мюрата с приказом сформироваться за Неманом. Восьмого числа термометр показал двадцать пять градусов ниже нуля, и несколько безоружных негодяев, всего около пятисот человек, последовали за своим предводителем в Вильно. Их уши и горло, ноги и ступни были обмотаны тряпками; их тела были завернуты в поношенную одежду их погибших товарищей или в ту поношенную женскую одежду, которую они смогли раздобыть по дороге. За ними последовал Ней с четырьмя сотнями, Вrede с двумя тысячами и, наконец, две или три тысячи отставших. После нескольких нерешительных и безрезультатных попыток организовать эту толпу в подобие армии Мюрат отказался от попытки и отбыл в свое Неаполитанское королевство — курс, строго осужденный императором. Это была заключительная сцена великой драмы вторжения Наполеона. Его люди и лошади умирали от летней жары так же быстро, как и от зимних морозов; он погубил свое предприятие, неверно рассчитав соотношение неодушевленной природы и человеческой стратегии и проявив фатальную нерешительность в критические моменты, когда промедление государственного деятеля губило солдата. Россия, как и Испания, обладала силой низших организмов; ее энергия не была сосредоточена в одном члене, уничтожение которого означало бы уничтожение целого; Москва не была Российской империей, так же как Берлин был прусским королевством.

Однако справедливость требует рассмотрения некоторых несомненных фактов. Принимая во внимание все обстоятельства, верно, что стихия была злейшим врагом Наполеона, когда его отступление шло полным ходом, и не последним из великопепных достижений Наполеона было то, что после форсирования Березины все еще существовал каркас армии, который в течение нескольких месяцев снова стал тем чудесным инструментом, с помощью которого велись кампании 1813 и 1814 годов. Это чудо произошло благодаря недалёковидности и робости русских генералов. Чичагову непростительно как безразличие, которое он проявлял в отношении различных пунктов, в которых можно было пересечь Березину, так и невежество, которое сделало его легкой жертвой обманов и вводящих в заблуждение сообщений. Что касается Витгенштейна, осторожность, которую он проявлял, поскольку действовал в одиночку, была близка по своему характеру к трусости; его улиткообразные движения препятствовали какому-либо эффективному сотрудничеству в общем плане, и он не смог уловить ситуацию, которая оставляла открытой лишь одну линию отступления для Наполеона. Ни один из этих двоих не имел адекватного представления о потерях, понесенных французами, и они упустили последнюю возможность уничтожить захватчиков. Что касается Кутузова, который был полностью информирован о полном распаде "великой армии", то его поведение по сдерживанию основных сил России в решающий момент совершенно неоправданно; возможно, он спас тысячи своих солдат, но он вошел в историю как человек, который косвенно несет ответственность за реки крови, которым еще предстояло затопить

европейский континент. И он, и Витгенштейн возложили всю вину на адмирала Чичагова, и мнение современников поддержало их. "Если бы не адмирал, - сказал главнокомандующий, отвечая на тост, предложенный за победителя Наполеона, - простой джентльмен из Пскова (а именно он сам) мог бы сказать: Европа снова дышит свободно". Это мнение история должна отвергнуть как совершенно ложное.

Когда солдаты услышали, что их император отбыл, произошла почти всеобщая вспышка бешеного гнева. "Он летит, - кричали они, - как в Египте! Он покидает нас после того, как принес нас в жертву!" Как уже отмечалось, это отчаяние было естественным, но обвинение было несправедливым. Оставление Наполеоном великой армии при Сморгони не было дезертирством, подобным тайному бегству из Египта; поскольку теперь он был главнокомандующим, а не подчиненным, его собственное решение было последней инстанцией. Более того, для самого существования армии было необходимо, чтобы ее генерал снова стал императором, главой государства. Путешествуя инкогнито, он проехал через Вильно, Варшаву и Дрезден. Марет была оставлена отвечать за дела в Литве, де Прадт был тщательно проинструктирован, как обращаться с поляками, и четырнадцатого декабря в Дрездене были отправлены депеши Франциску и Фридриху Вильгельму, чтобы гарантировать их дальнейшую приверженность. Король Саксонии был крепко связан узами личного обаяния, которое так и не было полностью развеяно. Дважды за время долгого и стремительного путешествия разочарованные немецкие офицеры предпринимали попытки убить Наполеона, но ему удалось скрыться благодаря секретности своего бегства. Подобные заговоры были предвестием того, что вскоре должно было произойти в Германии. Однако они были незначительными по сравнению с состоянием общественного мнения в Париже, продемонстрированным заговором Мале. Несмотря на все, что он сделал для создания оседлого общества, Франция еще не излечилась от своих революционных привычек; было слишком ясно, что конституция, кодексы и замечательная административная система действовали не по политической привычке, а по личному побуждению. Это была настоящая рана; сам заговор был гротескным делом, работой безмозглого энтузиаста, легкомысленно оформленным и легко сокрушенным.

Мале был вспыльчивым дворянином, который, пробежав всю гамму между роялистом и радикалом, превратился в заговорщика, составив в 1800 году заговор с целью захвата Первого консула по пути в Маренго, и снова, в 1807 году, был заключен в тюрьму Ла Форс за попытку свержения Империи. Притворившись сумасшедшим, он добился перевода в сумасшедший дом, где успешно возобновил свои заговоры и, в конце концов, сбежал. Двадцать третьего октября 1812 года он явился к командующему парижской гвардией, объявив седьмого числа о смерти Наполеона; используя поддельный указ сената о создании временного республиканского правительства и проявив поразительную наглость, он заручился поддержкой как рядовых, так и офицеров. Возглавив их, он освободил своих сообщников Лаори и Гидаля из Ла Форс, схватил Савари и Паскье, министра и префекта полиции соответственно, и ранил Хулина, коменданта города, в ходе аналогичной попытки. Но Дусе, помощник Юлена, схватил и одолел дерзкого заговорщика, Савари и Паскье были немедленно освобождены, и почти прежде, чем факты стали известны всему городу, все соучастники заговора были арестованы. Мале и двенадцать его сообщников были преданы суду и казнены.

Парижские остряки заявили, что полиция устроила грандиозную "демонстрацию силы", и что касается города, то дело, похоже, закончилось смехом. Но Наполеон был встревожен, ибо видел глубже. "Это резня", - воскликнул он, услышав о численном расстреле.

Если бы русская кампания была успешной, она положила бы начало имперскому великолепию. Но французские массы уже знали о его провале, и ходили ужасные слухи; сам император был далеко; императрицу не любили; маленького наследника едва ли можно было назвать личностью; имперскую администрацию сильно критиковали; "система"

повышала цены, угнетала промышленность и увеличивала лишения каждого семейства. Пий VII сейчас жил в комфорте в Фонтенбло, но он был пленником, и ревностные католики были встревожены; возможно, Небеса пришли во Францию с возмездием. Хуже всего то, что с тех пор, как народы на обоих концах Европы поднялись с оружием в руках против тирании Наполеона, французская молодежь погибала под имперскими орлами в ужасающем количестве, и во всех районах Франции, которые в глубине души были роялистами, нарастала волна ожесточенной мстительности.

То, что произошло в Испании, не развеяло общего беспокойства. Мармон, переигрывавший Веллингтона до двадцать второго июля, в тот роковой день слишком далеко продвинул свой левый фланг у Саламанки и потерпел сокрушительное поражение; южная Испания была потеряна для Франции. Сюше, взяв и удержав Таррагону, сосредоточился на востоке, так что, удерживая Арагон и Каталонию для Наполеона, Жозеф мог временно создать правительство в Валенсии. Веллингтон, которому мешало смятенное состояние английской политики, чувствовал себя обязанным, несмотря на победу, отступить к португальской границе. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XXXI.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА. [\[46\]](#)

Война между Великобританией и Соединенными Штатами — Наполеон восстанавливает свои силы — Его административные меры — Социальные силы и политические результаты — Идеи мира — Военная ситуация — Резолюции царя — Таурогенский конвент — Дезертирство Пруссии — Величайшие усилия Франции в деле Наполеона — Наполеон как чудотворец.

1813.

Строгим исполнением Приказов Совета Каннинг нанес серьезный ущерб Великобритании. В некотором смысле результатом всеобщего раздражения стало то, что в начале мая 1812 года Персиваль, премьер-министр от тори, был убит в вестибюле Палаты общин Беллингемом, банкротом с помутившимся рассудком. В результате последовавшей реконструкции кабинета министров Каслри сменил маркиза Уэлсли. Тринадцатого мая катастрофические приказы были отменены, но Соединенные Штаты уже объявили войну. На суше американцы с самого начала потерпели сокрушительное поражение; но на море они одерживали пятикратные победы в стольких же различных сражениях, причем два английских фрегата подняли свои флаги против того, что тогда считалось практически равными силами. Это была моральная победа огромной важности. Конечно, это было несоразмерно фактическим потерям англичан, которые было легко возместить, но это было ужасающей новинкой для британцев, которые неохотно осознали, что сыновья проявили морское мастерство высочайшего качества и были достойны своих родителей. Беспокойство Веллингтона и морские успехи американцев не были нежелательными

огнями в мрачной картине европейских дел, на которую Наполеон был вынужден обратить внимание после своего возвращения из Москвы.

Блудный император был непоколебим; как он восстановил свои физические силы в невероятных испытаниях, так и его умственные способности обострились среди величайших трудностей. Его первой заботой было обезопасить Францию. Перед депутацией раболепствующего сената он резко осудил всех малодушных гражданских чиновников как угрожающих власти закона. "Робкие и трусливые солдаты, - сказал он, - могут стоять нации независимости; однако малодушные чиновники подрывают авторитет законов. Лучшей смертью была бы смерть солдата на поле чести, если бы смерть чиновника, который умирает, защищая своего монарха, трон и законы, не была еще более славной ". По отношению к государственному совету он презирал всех тех, кто продолжал приписывать народу суверенитет, который он был неспособен осуществлять; кто черпал власть не из принципов справедливости, не из природы вещей и не из гражданских прав, а из каприза людей, которые ничего не понимали ни в законодательстве, ни в управлении. Смысл такого языка был ясен, и слов мастера было достаточно, чтобы привести всю машину в идеальный порядок. Высшие государственные чины не замедлили отреагировать — из полиции, из университета, из судов поступали заявления о лояльности одно за другим; словарь французского языка был перерыв в поисках терминов, способных выразить самое откровенное преклонение. Твердый фронт Наполеона сам по себе был источником вдохновения, и такое единодушие в преданности в высших кругах утвердило народ в изменившихся тенденциях. Вскоре не только французская нация, но и вся Империя вновь оказалась под чарами волшебника. Начали прибывать депутации не только со всех концов самой Франции, но и из крупных городов центральной и западной Европы, из Рима, Флоренции, Турина и Милана, из Гамбурга, Майнца и Амстердама, и выражения преданности, произносимые депутатами, были ограничены только возможностями выражения. Насмешливые остроты вспомнили знаменитую сцену из Мольера, в которой влюбленный Оргон проявляет безразличие к своей верной жене и проявляет интерес только к Тартюфу.

Но, несмотря на эту язвительную шутку, наполеоновское правительство твердо стояло на ногах во Франции, и вскоре, когда этот важнейший момент был достигнут, энтузиазм был немалым, заразительным, который рос по мере того, как император с каждым днем и часом применял свои замечательные административные способности. Несмотря на сокращение ассигнований, общественные работы в Париже продолжались; военно-морская база в Бресте была достроена; ветераны получили самую тщательную заботу своего императора; обездоленные семьи солдат, погибших за Францию, получили облегчение; императорская чета повсюду была на виду, когда предстояло выполнить хорошую работу. Наконец, когда был обнародован план регентства Марии Луизы, было обнаружено, что похвальные, искренние чувства, лежащие в основе этих общественных мероприятий, усилили их драматический эффект в достаточной степени, чтобы сделать план приемлемым. Этот план, хотя и предоставлял императрице все великолепие имперского суверенитета как на территории Империи, так и в вассальных государствах, был тщательно разработан с тщательными проверками. Однако то, что она не могла сделать, было менее очевидным и менее важным, чем то, что она могла сделать. В руках способной, преданной жены регентство могло бы стать опорой для отсутствующего мужа, сражающегося за существование своей Империи; управляемое тщеславной, нестабильной и, возможно, уже нелояльной натурой, оно имело, при всей своей силе и напоях, но мало ценности как

защита от компашек из семейства Талейран, которые желали краха Империи, чтобы среди руин они могли продолжать грабить за свой счет.

То, что интриганы не добились успеха раньше, чем они были, объясняется сочетанием мелочей — каждая, возможно, тривиальна сама по себе, но в целом наиболее эффективна для сохранения власти Наполеона над французами. За время его пребывания в Париже вся прежняя любознательность и безграничная забота о деталях, казалось, вернулись с прежней силой. Перед своим последним отъездом он завоевал сердца публики образцовой семейной жизнью Тюильри, которая, хотя и никогда не выставлялась напоказ, все же была замечена и широко обсуждалась. В гуще российских ужасов он нашел время переписываться с гувернанткой своего ребенка о трудностях и опасностях прорезывания зубов; чувствовалось, что пока император и генерал воевал в степях Московии, муж и отец духом присутствовал на берегах Сены. По его возвращении все отмечали, что прием, оказанный ему в лоно семьи, был нежным и любящим, и что родительская гордость за преуспевающего ребенка имела первостепенное значение для стремления правителя к основанию династии. Императорскую чету видели в компании как на многолюдных улицах, так и на внешних бульварах Парижа. Их всегда встречали с энтузиазмом, иногда проявляли страстную преданность. Когда император навестил своих ветеранов-инвалидов, он попробовал их еду и попросил императрицу тоже попробовать ее; она милостиво согласилась, и был всеобщий восторг. Короче говоря, семейное блаженство Тюильри излучало счастье в простые дома нации и делало простых людей не просто терпимыми, но и любящими такой отеческий деспотизм.

Наполеон вернулся из России, искренне заявляя, что больше всего на свете он желает мира. Да, мира, но какого рода? Ответ был всеобъемлющим для всего европейского вопроса. Было легко поверить, что Испания почти истощена, что если процесс опустошения продлится еще три года, ее разрушенное общество наконец примет кроткого Джозефа как своего возроденца. Для императора не было ничего противоестественного в том, что он считал свою Рейнскую конфедерацию безопасной и лояльной; и все же, точно так же, как в Московской кампании его превосходная стратегия намного превзошла остальные элементы его системы, так и он, воплощение нового общественного порядка, каким он себя считал, потерпел неудачу в полной оценке созидательной силы революции в средней и южной Германии. Некоторое представление о национальном движении он, должно быть, имел, поскольку вялость Шварценберга пробудила подозрения в отношении Австрии, а новую силу Пруссии невозможно было полностью скрыть. Вскоре после прибытия в Париж он с ужасом узнал, что его прусские союзники заключили соглашение с царем. Это было сделано вопреки их королю; но это свидетельствовало о национальном настрое, который, видя руку Божью в бедствиях чудовища, которое после унижения Пруссии осмелилось вторгнуться в Россию, сделал невозможным для прусских войск снова служить в рядах французской армии. Молнии божественного гнева обрушились на французов и их иждивенцев, прусский и австрийский контингенты остались невредимыми; обе немецкие армии, несомненно, были пощажены для особой цели.

В своей беседе в Варшаве с де Прадтом Наполеон предсказал, что вскоре у него появится еще одна пешая армия численностью в триста тысяч человек. В этот приблизительный расчет он включил как пруссаков, так и австрийцев. С напускной бравадой он упомянул о тех чудачествах, которых ему едва удалось избежать в своей жизни: потерпев поражение при Маренго до шести часов утра, на следующее утро он был хозяином Италии; при Эсслинге

подъем Дуная на шестнадцать футов за одну ночь единственный предотвратил уничтожение Австрии; одержав победы над русскими во всех битвах, он ожидал мира; возможно ли, спрашивал он, чтобы он предвидел характер русских или предсказал их героическую жертву в Москве, за которую, несомненно, он сам был бы обвинен? Так что теперь, если его союзники проявят твердость, у него будет еще одна великая армия, и он все равно победит. Не все это было бахвальством, поскольку его расчеты в основном были верны. Более того, мощь России неуклонно убывала, и он смутно осознавал этот факт. Из двухсот тысяч человек Кутузова осталось только сорок тысяч, когда он вошел в Вильно после того, как наполеоновские войска оставили его; армия Витгенштейна понесла пропорциональные потери, а войска с Дуная - еще большие. Кутузов хотел мира не меньше, чем Наполеон, и неэффективное преследование русских было поручено Ермолову, неопытному офицеру; Витгенштейну; и неспособному Чичагову. Стычки и неподчинение французских маршалов теперь стали печально известными, но они были полностью компенсированы разногласиями и неэффективностью русских генералов.

Александр, однако, не был сторонником мира. В результате грубого опыта, которому он подвергся, у него сформировались две устойчивые идеи: что Наполеон не смог бы, даже если бы захотел, отказаться от своего превосходства в Европе и что он сам мог бы надеяться выступить в роли освободителя европейской национальности. На мгновение царю показалось возможным утвердиться в качестве короля Польши с помощью иезуитов и друзей Чарторыйского. Но лидер иезуитов знал, что силы Наполеона далеко не исчерпаны, и бежал в Испанию. Чарторыйский лелеял идею, что в случае свержения Наполеона он мог бы объединить Польшу под своим собственным руководством и потребовать по-настоящему либеральной конституции, такой, которая не могла быть принята русским самодержцем с тремя сотнями тысяч русских солдат за спиной. Если бы фактическая независимость Польши была вырвана у Александра и не была обеспечена французским союзом, то единственным доступным конституционным правителем, по его мнению, был бы член его собственной княжеской семьи, а не один из соперничающих Понятовских. Автократ не совсем понимал, к чему клонит его друг детства, но он увидел достаточно, чтобы сделать идею восстановления Польши в любой форме неприятной, и в конце концов отказался от нее. Затем он принял разумное решение пополнить свои силы не за счет опустошения собственного тощего кошелька, а заручившись сотрудничеством со своими войсками сильных армий, созданных Пруссией и Австрией. Поэтому восемнадцатого декабря он выехал из Санкт-Петербурга в Вильно с вполне определенной целью. Он имел в виду сначала закрепить плоды победы энергичным преследованием, а затем испытать настроение Пруссии и Австрии.

Четырнадцатого декабря Мюрат оставил остатки великой армии за Неманом; девятнадцатого он вступил в Кенигсберг. За день до этого Макдональд узнал из депеши Бертье об окончательных бедствиях русской экспедиции, и двадцать восьмого числа его фурион прибыл в Тильзит. Прусские вспомогательные войска находились в тылу под командованием Йорка, который в течение почти двух месяцев поддерживал регулярную связь с царем и знал подробности разгрома Наполеона в отличие от Макдональда. Витгенштейн был послан отрезать отступление Макдональду. Но из-за медлительности, характерной для всех передвижений русских, он прибыл слишком поздно, и единственный отряд под командованием Дибича столкнулся с пруссаками на их собственной территории. Прусский генерал оказался в затруднительном положении; он был достаточно силен, чтобы победить Дибича, но его солдаты были дружелюбны к России и озлоблены против

Наполеона. Его собственные симпатии совпадали с симпатиями его людей, и учитывая, что в крайнем случае он мог бы сослаться на свою изоляцию, поэтому тридцатого декабря он заключил Таурогенскую конвенцию, в которой он согласился нейтрализовать оккупированный им район Пруссии и ждать приказов из Берлина. Шесть дней спустя от Фридриха Вильгельма прибыл посланник, номинально для того, чтобы унизить Йорк, на самом деле для заключения союзного договора с Россией.

При содействии Штейна, вызванного из Вены для консультирования царя, такой документ был окончательно составлен и подписан в Калише двадцать восьмого февраля 1813 года. Таким образом, Пруссия и Германия возродились под эгидой России. Именно с разрешения царя Штайн начал реорганизацию провинций, удерживаемых прусскими войсками. Эти обстоятельства сделали позиции Мюрата под Данцичем и на Висле несостоятельными. На протяжении всей кампании он гораздо больше заботился о своем личном престиже, чем о деле Наполеона, и был готов покинуть тонущий корабль. Пятнадцатого января, как уже говорилось, сдал свое командование Эжену в Познани, он отбыл в Неаполь. Он спешил, потому что двенадцатого числа русские вошли в великое герцогство Варшавское по пути в его столицу. Шварценберг со своим личным составом и остатками двух других корпусов — Рейнье и Понятовского, - мог бы легко сдержать врага; но Таурогенский конвент оживил в памяти австрийцев дружескую теплоту России в 1809 году, Франциск был не в настроении поддерживать падающее дело своего ужасного зятя, и после некоторых показных переговоров был установлен временный нейтралитет. Когда шестого февраля несколько казаков появились перед Варшавой, австрийский генерал покинул город, как будто уступая превосходящим силам, и отошел за Вислу к границе.

Эти удары, казалось, легли легко на броню бесстрашия Наполеона. Император был далек от того, чтобы испытывать какое-либо смятение, но и не помышлял об ограничении своих амбиций. Возможно, он был не совсем обманут; вполне возможно, что малейшее проявление меньшей активности могло ослабить его влияние на огромной земле, которая составляла сердце его владений. По мере того как одна плохая новость за другой достигали Парижа, каждая из них, в свою очередь, казалась императору и народу лишь стимулом к новым усилиям. Франция к тому времени была не просто полна энтузиазма; она была очарована и обожала. Обычная воинская повинность 1813 года принесла сто сорок тысяч новобранцев; из праздных матросов были сформированы четыре полка для артиллерийской службы, три тысячи человек были взяты из жандармерии, некоторые даже из национальной гвардии. Тринадцатого января сенат постановил провести дополнительный призыв в количестве ста тысяч человек из списков 1813 года и постановил, что призыв на военную службу в 1814 году должен быть отложен, чтобы набранные таким образом сто пятьдесят тысяч мальчиков могли закалиться в течение года лагерной жизни и быть доступными для немедленного использования, когда придет их время. Есть доля правды в обвинении в том, что Наполеон ограбил колыбель и могилу. Чтобы укомплектовать это могучее войско, в которое входила примерно треть трудоспособных мужчин Франции в возрасте от семнадцати до сорока пяти лет, те командиры, которых можно было пощадить, были отозваны домой из Испании, а толпа унтер-офицеров, которая начала прибывать из России, была возвращена на службу. С этими выжившими обращались как с завоевателями, их восхваляли и продвигали по службе до тех пор, пока нация не пришла в замешательство и не стала думать о русской кампании как о серии побед. Иностранные гости писали, что императору стоило только топнуть ногой, и вооруженные люди появлялись со всех сторон, как отряд колхидских воинов Эета на Марсовом поле.

Сравнение напрашивается само собой — Наполеон был Эетом и Ясоном вместе взятыми; он запрягал быков, которые фыркали огнем и топтали поля медными копытами, он держал плуг, он боронил поле, он сеял зубы и собирал урожай. У нас есть множество доказательств того, что буквально каждый административный департамент почувствовал импульс его воли, в то время как организации армии, подбору формы, конструкции лафетов, вопросам, касающимся ремней, пряжек и складских принадлежностей, нраву простого солдата, мнению нации, каждому из этих вопросов он уделял такое внимание, что другим ничего не оставалось делать. Благодаря этой демонстрации гигантской силы был создан истинный национальный импульс. Имея это в виду, сенат в апреле вызвал еще один отряд численностью в сто восемьдесят тысяч человек, частично из национальной гвардии, а частично из тех, кого обычно не брали в рекруты. К этому времени фермы Франции и западной Германии отдали всех имевшихся у них лошадей - количество, достаточное для того, чтобы устроить бравую демонстрацию как кавалерии, так и артиллерии. С учетом болезней, дезертирства и симуляций — а всего этого было немало, — Франция и ее император-волшебник к первому мая подготовили довольно эффективные силы численностью почти в полмиллиона вооруженных людей. Это не считая испанского контингента, и их было на сто тысяч больше, если считать рекрутов Баварии, Саксонии и Рейнской конфедерации. В то время люди говорили, что было совершено чудо: это было чудо железной воли, величественных способностей и неугомонного упорства, которые сочетались лишь в немногих других людях, если вообще были, кроме Наполеона Бонапарта. Все, что он мог сделать, было сделано — снаряжение, муштра, организация, — но даже он не мог обеспечить единственное, чего не хватало, чтобы сделать из своих мальчиков солдат, — двухлетний возраст и опыта. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XXXII.

ВОССТАНИЕ НАРОДОВ. [\[47\]](#)

Наполеон как финансист — Неспособность заручиться помощью аристократии — Конкордат в Фонтенбло — Непокорный Наполеон — Его проект предстоящей кампании — Положение второстепенных германских держав — Политика Меттерниха — Ее влияние на Пруссию — Пруссия и ее король — Новая нация — Калишский мирный договор — Шестая коалиция.

Более того, это волшебство было сотворено без какой-либо помощи драгоценных армейских списков, которые Наполеон с удовольствием называл своей библиотекой, поскольку эти тома были либо утеряны, либо уничтожены, либо оставлены в отдаленных штабах: великий полководец навел порядок в своем военном сословии не просто вспомнив о своих былых способностях, но и невероятным усилием памяти, настолько всеобъемлющей, что ее не описать даже в превосходной степени. Неудивительно, что при таком напряжении другие задачи, требовавшие рассмотрения, выполнялись не столь безупречно. Финансовое положение, социальная неопределенность, религиозные проблемы - ни одно из них нельзя было упустить из виду, и каждое, в свою очередь, требовало внимания. В методах, используемых для решения этих чрезвычайных ситуаций, проявляется революционная подготовка императора. Чтобы покрыть огромные расходы на его новую армию, были

"приглашены" пожертвования от богатых корпораций и финансистов, и было объявлено, что любое частное лицо, которое будет готово содержать лошадь и всадника для императорской службы, заслужит особую благодарность императора. Ни о каком увеличении прямых налогов деспот и слушать не хотел. "Кредит, - сказал он, - это всего лишь освобождение от уплаты наличными". Однако, несмотря на протест Моллиена, был заказан новый выпуск бумажных денег, но для этого было предоставлено дополнительное обеспечение. Это было обнаружено на определенных участках земли или владениях, принадлежащих соответственно каждой из многих тысяч коммун, за счет сдачи которых они в аренду несколько уменьшали свои прямые местные налоги. Эти объекты стоимостью в триста семьдесят миллионов франков приносили только девять миллионов, хотя предполагаемая прибыль от них была бы намного больше. С пятью процентами от правительства при продаже по цене семьдесят пять долларов инвестиции в размере ста тридцати пяти миллионов принесли бы фактически полученные проценты. Этот шаг был предпринят, земли были конфискованы, и правительство выплатило двести тридцать пять миллионов; сто сорок миллионов из пяти процентов были отложены для покрытия подоходного налога и одновременно использовались в качестве обеспечения по векселям для оплаты текущих расходов до тех пор, пока земли не будут проданы. Эти последние были сохранены по справедливой цене за счет изъятия для их покупки сокровищ стоимостью в семьдесят один миллион долларов из хранилищ Тюильри. В течение всего предыдущего года умирающий законодательный орган бездействовал, бюджет утверждался без его согласия, и император сказал Меттерниху в Дрездене, что он рассматривает возможность его отмены. Однако в кризисе, подобном этому последнему, его помощью нельзя было пренебрегать; теперь его активизировали и заставили скрепить эти ребяческие меры "народным" одобрением.

В государственной душе всегда была "тайна". Когда люди перестали придавать правительству сверхъестественный характер, они, несмотря на все это, не развеяли тайну. Современные государственные деятели в большинстве своем предпочли поверить в оккультную доктрину о том, что обещание государства заплатить - это плата, и Наполеон был одним из таких. Он был столь же инфантилен в отношении стоявшего перед ним сложного социального вопроса, очевидно, полагая, что его личная воля как выражение политической власти была или должна была быть эквивалентна народной спонтанности. Смещение старой и новой аристократии, несмотря на все усилия, было скорее механическим, чем химическим, за исключением того, что первое скорее оказывало преобладающее влияние, придавая соединению цвет. Чтобы сделать смещение реальным, император предложил "спонтанное" восстание тех высокородных юношей, которые каким-то образом избежали призыва в армию. Они должны были быть сформированы в четыре полка и названы "почетным караулом". Эта мера оказалась настолько непопулярной, что от нее на данный момент отказались; у молодых людей не хватило духу даже на затейливую кампанию, а их родственники не собирались сдавать их в качестве заложников. Более того, охранник проявил сильную ревность.

Оставался церковный вопрос, а именно вопрос о каноническом учреждении. Пий VII во многом утратил свое упрямство с момента своего переезда в Фонтенбло, поскольку австрийский союз теперь был опорой Франции; французские священнослужители угрожали свергнуть папу Римского; но католики Баварии, Италии и Австрии были лояльны, и они сыграли важную роль в решении проблемы Наполеона. После обмена новогодними поздравлениями переговоры между светскими и духовными властями были возобновлены.

Сначала император был требователен, а папа непреклонен. Наконец, восемнадцатого января Наполеон лично появился в Фонтенбло в сопровождении Марии Луизы, и они без предупреждения вошли в апартаменты пленника. Папа вскочил от приятного удивления. "Мой отец", - воскликнул его посетитель. "Мой сын", - последовал ответ. Император заключил старика в объятия и поцеловал его. На следующее утро началась серия личных совещаний, длившихся пять дней. То, что произошло или было сказано, никогда не разглашалось ни одним из участников, но двадцать третьего января были согласованы условия нового конкордата. Пий VII должен был проживать в Авиньоне со своими кардиналами, получая достаточный доход, и учреждать в должной форме епископов, избранных собором. Предполагалась амнистия для всех опальных прелатов, должны были быть восстановлены кафедры римских епископов, и папа должен был выдвинуть кандидатуры на десять епископств либо во Франции, либо в Италии по своему выбору; его изолированные римские владения также должны были быть восстановлены. Документ не должен был быть опубликован без согласия кардиналов, и Наполеон должен был активно продвигать бесчисленные интересы Церкви. Император и папа едва расстались, как первый начал выражать огорчение из-за того, что он так мало выиграл, а второй стал жертвой искренних угрызений совести. Как только кардиналам сообщили о новом договоре, они выразили горькое негодование, и Наполеон, предвидя неприятности, нарушил свое обещание, опубликовав текст Конкордата в Фонтенбло четырнадцатого февраля в качестве императорского указа. Двадцать четвертого марта папа отказался даже от своего квалифицированного согласия. Император получил временное преимущество и занял прочную позицию в противовес светскому владычеству папы; но он не заручился постоянной поддержкой ни со стороны Франции, ни со стороны Римского престола, с которыми он обращался либо слишком сурово, либо слишком снисходительно.

В июле прошлого года при посредничестве Великобритании были заключены переговоры о заключении мирного договора между царем и испанской нацией, представленной кортесами. Недавнее поведение Йорка было достаточным показателем того, что чувствовал прусский народ. Следовательно, Наполеон знал, что он столкнулся лицом к лицу с виртуальной коалицией, включающей Великобританию, Россию, Швецию, Турцию, Испанию и Пруссию. С момента своего возвращения из России он проявлял в личной жизни величайший здравый смысл. Но в общественной жизни он, казалось, был неспособен смириться с ситуацией, в которой, по его мнению, находился, придерживаясь самых возвышенных и претенциозных выражений как по отношению к французской нации, так и ко всему миру. В своей речи на открытии законодательного собрания он подробно остановился на неудачах Веллингтона на полуострове и предложил Великобритании мир на старых условиях "*uti possidetis*" в Испании. Менее публично он дал понять всей Европе, что не предпримет никаких шагов к миру с Россией; что он не уступит ни пяди в том, что касается великого герцогства Варшавского или аннексированных земель Италии, Голландии и Ганзейского союза. Казалось, весь мир должен был увидеть, что обычных человеческих уступок нельзя ожидать от того, кто был побежден только по воле Провидения и теперь, как всегда, был непобедим в глазах людей. Однако он упустил из виду намеки на то, что Пруссия, которая все еще была связана своим договором, могла надеяться на некоторое территориальное увеличение и что Австрия могла рассчитывать на Иллирию. Подобные идеи, выраженные высокопарными фразами, не могли рассматриваться как свидетельствующие о миролюбивых чувствах. У каждого социального класса Франции были свои претензии; однако среди звона оружия и ослепительного великолепия военных приготовлений даже отмена Конкордата привлекла мало внимания, а несколько

беспорядков в голландских городах, которые были единственным открытым проявлением недовольства во всей Империи, не вызвали вообще никакого интереса. Вест о примирительной позиции Наполеона разошлась по всей стране, в казне были деньги, было подготовлено огромное вооружение, мир, которого так страстно желали, очевидно, должен был быть таким, какой заключает лев со своей добычей. Пятнадцатого апреля все еще надменный император Запада отправился к месту военных действий.

Вокруг острова, оставленного Мюратом в Позене, Эжен сформировал из оставших четырнадцатитысячную армию, которая, как он надеялся, позволит ему выстоять; но поскольку Йорк дезертировал на одном конце линии, а Шварценберг искал убежища в Кракове на другом, он был вынужден отступить в Берлин. Сочтя, что его встретили слишком холодно, чтобы выдержать это, и снова столкнувшись с угрозой русского наступления, он отступил оттуда за Эльбу и в начале марта разместил свою штаб-квартиру в Лейпциге. К тому времени из Франции и различных гарнизонных городов прибыли новые силы, так что на изгибающейся линии от Бремена через Магдебург, Бернбург, Виттенберг, Мейсен и Дрезден стояли силы численностью около семидесяти пяти тысяч человек в шести дивизиях под командованием Вандама, Лористона, Виктора, Гренье, Даву и Ренье. Наполеон приказал Евгению занять позицию перед Магдебургом, откуда он мог бы защищать Голландию и удерживать Дрезден. Общий план императора состоял в том, чтобы собрать армию на Эльбе на линии Магдебург, Гавельберг, Виттенберг, а Главную армию - на линии Вюрцбург, Эрфурт, Лейпциг; затем, направив первую армию через Гавельберг к Штеттину, заставить вторую наступать ей на пятки, освободить Данцик и захватить нижнюю Вислу.

Это был бы план, достойный гения Наполеона, если бы не один факт. "На войне, - писал он четырем годами ранее, - моральный элемент и общественное мнение - это половина успеха". Если бы он понял эти факторы в 1813 году и если бы здравый смысл развил его идеи, планируемая кампания прославилась бы смелостью своей концепции и тщательной оценкой естественных преимуществ. Но человеческая природа, какой ее знал Наполеон—победитель - по крайней мере, прусская человеческая природа - изменилась, и побежденный Наполеон не принимал во внимание эту перемену. Он больше не сражался с абсолютными монархами с помощью наемных армий, но с восставшими нациями, которые сами были армиями, наделенными способностями и энергией. Двадцать первого марта Эжен начал выполнять указания своего отца. Если бы не новые настроения в Пруссии, они могли бы быть выполнены полностью. Вассальные князья Рейнской конфедерации получили императорские распоряжения относительно новых сборов. Герцог Мекленбург-Шверинский, осведомленный о немецком национальном движении и наиболее удаленный от французского влияния, отказался подчиниться. Король Вестфалии Иероним ссылаясь на бедность и медлил до тех пор, пока больше не осмелился на это. Бавария на мгновение задумалась о том, чтобы утвердить свой нейтралитет, но угроза французского вооружения вынудила ее неохотно согласиться. Вюртемберг и Франкфурт были слишком близки к Франции, чтобы вообще колебаться. Саксония находилась в положении, сильно отличающемся от положения любого другого государства конфедерации, и затруднительное положение Фридриха Августа, ее короля, было своеобразным и исключительным. После беседы с Наполеоном во время перелета последнего через Дрезден он почувствовал, насколько ненадежным было будущее. Варшава, жемчужина его короны, исчезла, и прусский народ восстал против императора Франции; он волей-неволей повернулся к Австрии. Но в Австрии тоже было неспокойно; народ снова был враждебен Наполеону, и Франциску, терзаемому неопределенностью, оставалось только тянуть время.

Когда Саксония заняла такую позицию, Меттерних дал полный ход своей изобретательности.

В течение прошедшего года этот министр вел двойную игру. Стремясь через своего посланника в Стокгольме поссорить Бернадотта с царем, он почти одновременно сказал Харденбергу, что с Россией все кончено, что Англия истощена и что Австрия собирается взять на себя роль посредника. С другой стороны, именно для достижения своей цели он пообещал относиться к России так, как Россия относилась к Австрии в 1809 году. Когда в своем отчаянии Наполеон написал Франциску из Дрездена с требованием увеличить австрийский контингент, чтобы сдержать продвижение Кутузова через Польшу, Меттерних не дал своему хозяину ответа, но отправил специальное мирное посольство в Лондон и отправил Бубну, любимца Наполеона, добиваться той же цели в Париже. Император Франции отменил свой старый ультиматум, но предложил Австрии субсидию, если она удвоит число своих вспомогательных войск. Вслед за этим Меттерних приготовился покинуть Наполеона, отказался предоставить вспомогательные войска, приказал Шварценбергу "поберечь свои войска для следующей кампании" и тайно посоветовал Пруссии объединить свое дело с делом России. Стараясь не формулировать каких-либо определенных условий мира, на которые он так громко призывал, он отказался вмешаться в дела России с целью восстановления прусской Польши, избежав таким образом открытого разрыва с Францией, заверив, что очаг войны будет в Саксонии, и выиграв время, чтобы укрепить достоинство Австрии как посредника путем подготовки вооружений, достаточно сильных, чтобы привести в исполнение ее предложения.

Такая позиция вынудила Пруссию принять решение. Фридрих Вильгельм больше не мог вести притворную войну или прикрывать враждебные намерения притворной бескорыстностью. Необходимо было принять решение, и поведение генерала Йорка показало, каким должен быть болезненный вывод. Таурогенская конвенция была должным образом дезавуирована; но в русской ставке находился посланник, и Александр вступил на территорию Пруссии в своем наступлении против Евгения; Наполеон требовал увеличения вспомогательных сил. Выжидатель больше не мог тянуть время. Он твердо верил, что ничто, кроме коалиции между Австрией, Россией и Пруссией, не может уничтожить Францию, а Австрия фактически отказалась участвовать в такой комбинации. Более того, Россия не имела никаких обязательств в отношении прусской Польши. Что было делать? Первый инстинкт короля побудил его искать убежища у Наполеона, и он отправил посланника, предлагая свой постоянный союз либо за увеличение территории, либо за девяносто миллионов франков в качестве оплаты поставок продовольствия, поставленного в 1812 году. Однако с каждым днем прусский народ все больше проникался русскими чувствами, и двадцать второго января 1813 года, до возвращения посла, общественное мнение вынудило двор перебраться из Берлина в Бреслау, за пределы сферы французского влияния. Вскоре пришел ответ Наполеона; в нем не было ни слова об оплате, ни какого-либо обязательного обязательства относительно территории — просто повторение расплывчатых обещаний. Фридрих Вильгельм был разочарован и неохотно согласился на мобилизацию своей теперь возрожденной и великолепной армии. Он лелеял надежду удержать Александра за Вислой и принудить Наполеона к перемирию до того, как тот сможет переправиться через Эльбу.

Но Харденберг, Штайн и Шарнхорст были убеждены, что в Европе не может быть мира без восстановления древнего баланса сил и уничтожения превосходства Наполеона, тем более что от каждого класса нации поступали обращения и петиции, выражающие отвращение к

французскому правлению. Более того, длительный и трудный процесс объединения Германии был, в некотором смысле, завершен. "У меня есть только одно отечество, и это Германия, - писал Штайн в декабре 1812 года. - Династии мне безразличны в этот момент могучего развития". Прирожденный и последовательный либерал, он одинаково ненавидел тиранию Наполеона, Франциска, Александра и своего собственного короля. Но царь любил его, поскольку объединенная Германия была бы безразлична к тем польским провинциям, о которых так заботилась Пруссия. Поэтому, будучи уверен в русском монархе, великий государственный деятель решил присоединиться к Фридриху Вильгельму в Бреслау и настоять на мобилизации войск. Властью Александра он уже убедил владения восточной Пруссии одобрить действия Йорка и обеспечить вооружение ополчения и резервов. Их готовность подчиниться была тем более значимой, что немецкий патриот до некоторой степени был оторван от общего движения, последовательно и принципиально отказываясь работать через народную лигу добродетели или какое-либо другое тайное объединение вообще, и став за время своего долгого изгнания фактически чужаком среди пруссаков.

Едва ли возможно в умеренных пределах дать хоть малейшее представление о Пруссии в начале 1813 года. Народная ненависть к Наполеону была вызывающей; смерть королевы Луизы сделала короля угрюмым. Там была великолепная армия в сто пятьдесят тысяч человек, и государственные деятели управлялись так хорошо, что у каждого трудоспособного мужчины в возрасте от семнадцати до двадцати четырех лет было оружие. Из них почти никто не уклонялся; большинство были добровольцами, многие платили, многие делали и то, и другое. Женщины продавали свои волосы и золотые украшения, носили железные безделушки в качестве стимула к патриотизму. В некоторых случаях полные немецкие девушки обслуживали орудия своей артиллерии, и одна из них, переодетая в форму, сражалась в строю до тех пор, пока ее серьезно не ранили. Крестьянство невозмутимо смотрело на разрушение своих усадеб, когда ему говорили, что это ослабит Францию. Кернер пел и сражался; Арндт трубил в трубу о единстве Германии; Лютцов собрал свой знаменитый "черный отряд", а университеты проявили такое рвение, что профессор Штеффенс из Бреслау издал первый призыв к войне против Наполеона; призыв, который привлек в свои ряды студентов этого университета, а также студентов Берлина, Кенигсберга, Галле, Йены и Геттингена. Где бы ни появлялись русские, их приветствовали как освободителей не только в прусской армии, но и среди граждан.

Это была движущая сила, которой Фридрих Вильгельм не мог противостоять. Шаг за шагом он продвигался вперед, откладывая свои планы по возвращению польских провинций и принимая вместо этого условные обещания. По Калишскому мирному договору, уже упоминавшемуся в другой связи, ему определенно гарантировалась Старая Пруссия, и у него должна была быть полоса, соединяющая ее с Силезией, но территориальное расширение королевства должно было ждать завоевания Северной Германии, вся которая, за исключением Ганновера, могла при определенных обстоятельствах быть включена в состав его короны. Обе партии согласились приложить все усилия, чтобы привлечь Австрию к участию в коалиции, Россия пообещала также запросить субсидию у Великобритании для своего обедневшего союзника. Другое условие было выполнено, когда семнадцатого марта Фридрих Вильгельм созвал все службы национальной армии и, призвав свой народ освободить свою страну от иностранного ига, объявил войну. Два дня спустя было выпущено громкое воззвание, призывавшее к оружию не только пруссаков, но даже немцев Рейнской конфедерации. Колеблющимся князьям пригрозили потерей их владений, и — что было весьма недвусмысленным намеком —

Штейн был назначен главой административного комитета по созданию новых правительств на всех оккупированных землях. Последним публичным актом Кутузова было издание манифеста, в котором говорилось, что те немецкие князья, которые были неверны делу Германии, созрели для уничтожения силой общественного мнения и мощью праведного оружия.

Такая ситуация была ужасна для короля Саксонии. У России уже было его великое герцогство, Пруссия жаждала его королевства; фактически, в настоящее время царь, как сообщалось, справедливо заявил, что Саксония лучше Польши подходит для расширения владений Фридриха Вильгельма. Дрезден приветствовал российских и прусских государей, потому что граждане страдали от испытаний военной оккупации. Но когда король повернулся к Австрии и, двинувшись со своей кавалерией на Ратисбон, фактически предоставил свою армию в распоряжение Меттерниха, саксонцы в целом поддержали его. Двадцатого апреля было подписано секретное соглашение между Саксонией и Австрией, по которому первая в обмен на тридцатитысячное войско обеспечивала целостность своих владений. Это был триумф австрийского министра, но не единственный, потому что европейская дипломатия в целом вскоре присоединилась к национальным восстаниям. Наполеон, слишком поздно принявший решение о расчленении Пруссии, предпринял последнюю попытку вернуть своего старого товарища по оружию и в феврале предложил Бернадотту не только Померанию, но и земли между Эльбой и Везером. Но хитрый гасконец изучил действия пруссии и, отбросив в сторону довольно неопределенные обещания Наполеона, предпочел присоединиться к коалиции ради более безопасной и легкой добычи в виде Норвегии. Великобритания отказалась от своего плана расширения Ганновера от Шельды до Эльбы и, субсидируя как Швецию, так и Пруссию, укрепила новую коалицию. Это было возвращением к политике Питта по восстановлению прежнего баланса сил в старой Европе. Бернадотт, пообещав тридцать тысяч человек, переправил двенадцать тысяч в Германию и присоединился к Бюлову для прикрытия Берлина. Этой силой вскоре стали российские правые. Кутузов умер в апреле, и Барклай в конечном счете был восстановлен в качестве главного командования, получив Блюхера и вторую прусскую армию в качестве части русского центра. Меттерних видел, что коалиция не намеревалась заключать такой мир, который оставил бы Наполеону преобладание в Европе; чтобы обеспечить какой-либо мир вообще, он был бы вынужден, как сказал Талейран, стать королем Франции. Соответственно, австрийской дипломатии был быстро придан новый оборот, и конкретное предложение французского императора о Силезии в обмен на сто тысяч человек было отклонено. С тридцатью тысячами, которые Саксония предоставила в его распоряжение, и с такой армией, какую могла собрать сама Австрия, министр был уверен, что в какой-то критический момент она сможет, как хорошо вооруженный посредник, добиться мира на условиях восстановления престижа его страны незапамятной империи. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XXXIII.

ПЕРВАЯ КАМПАНИЯ В САКСОНИИ. [\[48\]](#)

Чрезмерная поспешность Наполеона - Слабость его армии — Низкое положение союзников — План Наполеона сорван — Первая неожиданная встреча — Битва при Лютцене — Обычная победа — Посредничество Австрии — Попытка Наполеона

приблизиться к России — Битва при Бауцене — Смерть Дюрока — Величайшая ошибка Наполеона.

Мрачную решимость Наполеона править или погубить можно прочесть в его поведении в это время. Это можно было бы назвать почти безрассудством, поскольку, когда он прибыл в Майнц семнадцатого апреля, он почти ничего не знал о позиции, силах или планах противника. Желая опередить своего врага в начале кампании, он провел неделю в бесплодных попытках в этом месте, а затем отправился в Эрфурт, чтобы посмотреть поближе. Общий вид его солдат не внушал оптимизма, поскольку молодые рекруты были еще неопытны, а незрелость его подготовки проявлялась в нехватке обученных лошадей и наездников. Он украл у врага три недели, но лишил себя всего, чего его неутомимая энергия могла бы достичь за это время. Его безрассудство в дипломатии, его отказ от любых уступок и его преувеличенный ум в предвосхищении действий своих противников должны были доказать его несостоятельность с военной точки зрения. Другими причинами его неудачи были уже упомянутые политические факторы.

При первом появлении казаков Теттенборна Гамбург восстал и изгнал французов, оставаясь во владении союзников до конца мая; но надежные французские гарнизоны в Данциге, Штеттине, Кюстрине, Глогау, Модлине и Замосце, получившие подкрепление от Эжена, удержали свои опорные пункты, и им было предоставлено это делать. Отсутствие этих столь необходимых ветеранов было первым признаком слабости армии Наполеона. Вторым было отсутствие настоящей кавалерии, такой же храброй, какой был парад лошадей во Франции. Это было твердое убеждение великого полководца, неоднократно и решительно высказываемое, что без действующей кавалерии, вооруженной дальнобойными орудиями, наступательная война невозможна. Этот недостаток он надеялся исправить в последние три недели перед началом кампании. Третьим элементом в роковой триаде был характер его генералов, который был беспокойным и неподчиняющимся почти с самого начала. Это были его самые могущественные люди: Бертье в качестве начальника штаба; Мортье, командующий гвардией; Даву, Ней, Бертран, Лористон, Мармон, Ренье, Макдональд и Удино, каждый с корпусом наготове; Виктор подходит с другим; Ожеро готовится повести баварцев, Рапп в Данциге, Понятовский в Галиции — всего двенадцать корпусов.

Французские солдаты сформировали огромную армию: двести тридцать пять тысяч человек на бумаге, на самом деле двести тысяч, из которых сто тридцать пять тысяч были мобильны и находились в готовности, когда император принял командование. У Эжена было еще сорок семь тысяч. Следовательно, когда Наполеон, обеспокоенный преувеличенными сообщениями о том, что его враг сильнее и продвинулся в подготовке больше, чем он считал возможным, выступил в Саксонию на три недели раньше первоначально назначенного им дня начала военных действий, он уже был жертвой собственных нервных предчувствий. С более холодной флегмой он бы предвидел правду. Россия впала в апатию, как только очаг войны был перенесен за пределы ее границ; какими бы напряженными ни были усилия Пруссии, средства Шарнхорста были невелики, и он не мог творить чудеса. В целом, у союзников на данный момент было только семьдесят тысяч человек, готовых к выступлению. Витгенштейн на данный момент был главнокомандующим. Монархи, совершенно не гении, изо всех сил пытались действовать согласованно, но двойная слабость - это еще не сила. У них было только одно преимущество — отличные лошади в изобилии как для кавалерии, так и для артиллерии. "Чем хуже

войска, тем больше потребность в артиллерии"; "великие сражения выигрываются артиллерией" - таковы были два афоризма Наполеона. Великий стратег потерял свою разведывательную руку в России и Польше, специалист по артиллерии, должно быть, презирал устаревшие орудия, которые теперь заменили великолепные полевые орудия, покоившиеся на дне прудов и рек, куда он бросил их во время своего катастрофического отступления. С угрюмыми высшими офицерами, непроверенными званиями, слабой кавалерией, артиллерией, спешно собранной из арсеналов, неполным личным составом и падающим престижем император вполне мог временно отречься от престола и воскликнуть, что он и сделал: "Я буду вести эту войну как генерал Бонапарт". Это решение было свято соблюдено.

Преждевременное начало предвыборной кампании, несомненно, снова сделало Австрию ключевой страной в европейской политике. Ее приготовления продвигались не очень хорошо, но ее сила росла с каждым днем, в то время как сила ее соперников, несомненно, уменьшалась, пока, в конце концов, коалиция не оказалась бы бессильной без нее. Наполеон понял это и разработал свою стратегию, направленную на то, чтобы поставить мат тому, что он теперь считал враждебным нейтралитетом. Полагая, что враг пойдет ему навстречу на полпути, его первый план продемонстрировал все признаки величия, которые характеризовали аналогичный план, который он так успешно осуществил в Йене. Его центральной идеей было массовое построение с Эженом, чтобы прорвать линию противника, затем колесом двинуться на юг, чтобы уничтожить их левый фланг, и, наконец, предстать победителем перед Австрией. В случае успеха он мог бы диктовать свои условия. Но враг не наступал; возможно, для императора Франции было хорошо, что они этого не сделали. Очевидец заявил, что в тот день, который, как предполагалось, был самым кануном сражения, реальной дисциплины за пределами сферы личного наблюдения командира было мало, что офицеры не доверяли своим людям, а люди - своим офицерам, что начальство было поглощено обеспечением некоторой меры физического комфорта, что подчиненные были вялыми и непослушными. Продвижение вперед было успешным, и союз с Эженом был заключен двадцать восьмого апреля. Однако прошло целых два дня, прежде чем враг был обнаружен, и было первое мая, когда французский фургон въехал на русские аванпосты из Лютцена, навсегда известного как место свержения Валленштейна Густавом Адольфом сто восемьдесят один год назад. Центр русских войск был сосредоточен между Эльстером и Плейссом; линия Наполеона была более протяженной, перекрывая линию противника как справа, так и слева. В предварительной стычке на перевале Риппах Бессьер, опрометчиво выставивший себя напоказ во главе кавалерии гвардии, был убит. Его потеря в таком кризисе была подобна гибели огромной когорты накануне близкого сражения. Мармон, прощенный за свою неудачу в Испании, был рядом; но каким бы близким ни был Наполеон, даже он не мог заменить доблестного, заслуживающего доверия командира кавалерии, который почти семнадцать лет почти не покидал своего императора.

Вероятно, из-за недостаточных разведывательных сил Наполеона, битва при Лютцене носила характер неожиданности. Витгенштейн выделил пять тысяч человек, как бы для прикрытия Лейпцига, к которому продвигалась французская линия фронта; затем, сосредоточив основные силы своего центра и левого фланга, он рано утром второго мая переправился через Эльстер, чтобы атаковать корпус Нея справа от императора. Около девяти корпус Лористона, с которым находился Наполеон, налетел на врага и вступил в ожесточенный бой — действительно, настолько ожесточенный, что казалось, будто путь ему преграждает правое крыло русских. Немедленно был отправлен посыльный за Неем,

который прибыл около одиннадцати. Маршал и его император немедленно отправились на разведку и как раз заметили, что между ними и городом находится лишь небольшой отряд, который они могли смутно различить на заднем плане в свои полевые бинокли с его крышами, заполненными любопытными зрителями, когда сзади, справа, послышались звуки тяжелой канонады. Генерал Бонапарт сразу стал самим собой. Никакое движение не считается более трудным, чем то, при котором армия, марширующая колоннами, поворачивает, когда ее атакуют с фланга, чтобы, в свою очередь, обойти нападающих с фланга. В мгновение ока и, по-видимому, не задумываясь, император отдал мельчайшие приказы относительно этого сложного маневра, и его генералы выполнили его с виртуозной ловкостью. Затем Наполеон поскакал вперед к Лютцену, чтобы нести охрану за центром в качестве резерва, а Ней бросился в самую гущу боя, чтобы принять командование своими мальчиками-новобранцами, которые начали сдаваться.

Конфликт бушевал весь день с различными результатами на линии от Большого и Малого Гершен до Старзиделя, причем последняя деревушка была ареной ужасающих боев. В пять часов пруссаки отступили от Кая и начали сдаваться по всей линии вплоть до Гершенов, которые они до сих пор удерживали. Наполеон с самого начала был безрассуден, подбадривая своих сыновей своим присутствием и примером, пока они не сражались как ветераны. Поскольку пруссаки проявляли признаки слабости, он ввел в бой свою артиллерию, какой бы бедной она ни была, в старом парадном стиле и приказал молодой гвардии ворваться в брешь, которую, как он был уверен, пробьет. Однако в решающий момент подоспел русский резерв, который приостановил наступление до семи утра. В этот час Макдональд потеснил своих противников у Эйсдорфа и атаковал русско-прусскую линию с фланга; затем вторая колонна была отброшена к ее центру, и сражение было закончено. Русский резерв был достаточно силен, чтобы не допустить превращения отступления в разгром, но поскольку Лористон занял Лейпциг уже в два часа дня, у союзников был открыт только один путь: отойти за Эльбу. Наполеон собрал свою армию в три колонны и последовал за ними, но медленно и осмотрительно, потому что без кавалерии он не мог их преследовать. Когда восьмого мая французы достигли Дрездена, они обнаружили, что их противник взорвал мосты и укрепился в Нойштадте на правом, или северном, берегу. Таким образом, победа Лютцена была, в конце концов, нерешительной.

И все же сражающиеся с обеих сторон проявили высочайшее мастерство и храбрость. Поле боя было усеяно трупами не тех грубых и отважных крестьян, которые до сих пор пополняли ряды противоборствующих армий, а нежной молодежи из французских лицеев и прусских университетов. Всего их было сорок тысяч, поровну от каждой армии, которые остались убитыми или ранеными на поле ожесточенных боев. Они пали без особой пользы. Победитель не захватил ни пленных, ни орудий в значительном количестве, и для него то, что Шарнхорст был убит, было незначительной компенсацией за потерю Бессьера. Союзники, хотя и были разбиты, не дрогнули; длительный опыт отточил их ум и укрепил их целеустремленность; в их штабе уже было много стратегических способностей, и их должно было стать еще больше, поскольку Моро, вызванный из Америки, вскоре должен был выступить со своими великолепными силами против своей страны. Каким бы великим ни было сражение, поэтому его следует рассматривать как обычную победу; оно послужило продлению существующих условий, но не решило проблему. Однако это придало французам уверенности в себе, граничащей с энтузиазмом, и более того, после того, как Наполеон начал восстанавливать дрезденские мосты, Фридрих Август, король Саксонии, заявил о своей благосклонности к французам. Покинув Австрию, он отозвал свои войска из Торгау, и

союзники отступили на восток за Шпрее. Нижняя Эльба также была отвоевана. Король Дании направил вспомогательные силы в Гамбург. Их командующий, полагая, что судьба Наполеона уже решена, сначала помогал русским, но после Лютцена он обратился за помощью к Вандаму. Город был отбит, три тысячи человек из отряда Бернадотта выступили оттуда, а тридцатого мая Даву с пятнадцатью тысячами своих людей и тремя тысячами датчан вступил в город.

Главная цель Наполеона, однако, не была достигнута, поскольку Австрия не была ни охвачена паникой, ни встревожена. Напротив, она по-прежнему выступала в качестве посредника, и теперь с оружием в руках для выполнения своих требований. Сразу после Лютцена Штадион, бывший когда-то военным министром Австрии, был отправлен в лагерь союзников. Он заявил, что минимальными условиями мира будут расчленение Варшавы, восстановление Пруссии, капитуляция Францией Голландии, Ольденбурга и ганзейских земель, отказ Наполеона от протектората над Рейнской конфедерацией и передача Австрии Иллирии и Далмации с исправлением ее западной границы. Почти одновременно Бубна появился в ставке Наполеона с предложениями о всеобщем перемирии, во время которого конгресс держав должен был как можно быстрее продолжить мирные переговоры. Останавливаясь на необходимости территориальных уступок Франции ради общего умиротворения Континента, посланник заявил, что, если это будет достигнуто, Великобритания, оказавшись в изоляции, должна уступить и предоставить Наполеону значительную компенсацию за счет своей обширной колониальной системы. Предложения Австрии были восприняты союзниками с открытым рвением, императором Франции - с явной нерешительностью. После создания его континентальной империи унижение Великобритании было высшей целью Наполеона. Компромисс с ней означал поражение. Поэтому со смесью гордой решимости и тревоги он ответил Франциску, что желает умиротворения так же горячо, как и любой другой; что он готов к такому конгрессу, какой был предложен; что он даже пойдет дальше и допустит на него делегатов от восставших испанцев; что он все равно согласится на перемирие во время его заседаний; но что он скорее умрет во главе своих пылких французов, чем выставит себя на посмеище перед Англией. Никогда еще государственное искусство писателя не проявлялось с такой смелостью. Проводились долгие консультации с королем Саксонии, человеком мягким и утонченным, который был полностью покорен почти сыновним вниманием Наполеона, и Бубну часто засиживали за столом совета полночь. Эжен, однако, был немедленно отправлен набирать новую армию в Италию с приказом не скрывать своих передвижений из Австрии.

Но главные усилия Наполеона были направлены в сторону России. Ловкий Коленкур был выбран в качестве подходящего посланника, и ему было поручено не только восстановить свои личные отношения с царем, но и отказаться от каждого пункта, который оспаривался в ходе предыдущих переговоров. Он должен был предложить, во-первых, отказ от Континентальной системы в том, что касалось России; и, во-вторых, такую реконструкцию карты Восточной Европы, которая навсегда положила бы конец великому герцогству Варшавскому. Это грибовидное государство с владениями Данцик должно было быть разделено между герцогом Ольденбургским, ближайшим родственником Александра, и королем Пруссии; сама Пруссия должна была стать пограничным государством под влиянием России со столицей либо в Кенигсберге, либо в Данцике, либо в Варшаве. Бранденбург вместе с Берлином пал бы под ударами Иеронима, а Саксония, несомненно, получила бы территорию вокруг Кроссена. Капитуляция не могла быть более полной.

"Вашей главной заботой, - гласила последняя инструкция, написанная семнадцатого мая, - будет добиться разговора с императором Александром. Мое намерение - построить золотой мост, чтобы спасти его от интриг Меттерниха". Увы таким тщетным надеждам! При русском дворе взошла новая дипломатическая звезда в лице молодого графа Нессельроде, и Коленкур упорно отказывался от личной встречи; предложения Наполеона, как сообщили посланнику, должны быть сделаны через австрийский кабинет министров или не делаться вообще.

Во время переговоров с Австрией Наполеон одержал вторую великую победу, которая оказалась совершенно безрезультатной, поскольку у него не было кавалерии, с помощью которой можно было бы преследовать противника. В течение нескольких дней после оккупации Дрездена по той же причине он ничего не знал о местонахождении своего врага. Узнав, наконец, что союзники не были разделены, как он надеялся, а стояли в Баутцене на сильной оборонительной позиции за Шпрее, он покинул Дрезден в полдень восемнадцатого мая, полный решимости нанести решающий удар. Его противник, усиленный Барклаем шестнадцатью тысячами русских и Клейстом одиннадцатью тысячами пруссаков, насчитывал около девяноста тысяч человек. Девятнадцатого и Барклай, и Йорк выступили из Баутцена; первый был разбит Бертраном в упорном бою, второй - Лористоном в затяжном сражении; и с наступлением темноты французы были перед этим местом. Впереди был неважный ручей, а за ним союзники выстроились в двойную линию, их фронт располагался на берегу, а тыл - на высотах позади. Около полудня двадцатого французы атаковали. Макдональд штурмовал мост, Мармон и Бертран переправились по понтонам; в три часа их позиции были завоеваны, и штурм этого места начался. В течение трех часов шел ожесточенный бой, но в шесть часов защитники отступили за город на вторую линию; в восемь остальные сделали то же самое. На следующее утро, в пять часов, Наполеон после бессонной ночи отдал свои приказы; в восемь часов началось сражение по всей линии фронта. Затем, когда мамелюкский телохранитель расстелил ложе из шкур, император захотел отдохнуть; он несколько часов спал под колыбельную пушек и мушкетной пальбы, спокойно уверенный в том, что его комбинации сработали безукоризненно. К часу дня Ней сковал правый фланг русских под командованием Барклая, и Наполеон, очнувшись, послал Мармона и Бертрана в обход справа от центра противника. К четырем часам союзные армии были в полном отступлении. Тогда бы настал момент для удара артиллерии и преследования кавалерии; но ни то, ни другое не было эффективным, и хотя французская армия делала то, что могли делать люди, в лучшем случае они могли только следовать на равной скорости с противником и не могли привести его ряды в беспорядок. "Что? никаких результатов от такой бойни?" - спросил Наполеон. "Ни ружья? Ни пленного?"

Впереди было еще хуже. Время от времени летучие колонны разворачивались и обрушивали на преследователей шквальный артиллерийский огонь. Под Райхенбахом Брюйер был убит пулей; затем Кирхенер был убит другой, которая, срикошетив от дерева, смертельно ранила Дюрока, верного помощника командира, его второе "я". Такой удар был поистине ошеломляющим, ибо это была потеря его самого близкого наперсника, человека, который во всех превратностях судьбы был близким, верным другом, почти единственным спутником человека, обреченного на одиночество своим великим возвышением. Наполеон был поражен в самое сердце и, остановившись, до наступления темноты давал волю своему отчаянию. "Бедняга! - говорили солдаты друг другу. - Он потерял своих детей". "Все завтра", - был единственный ответ опечаленного правителя на все предложения. Время от времени он подходил к постели умирающего; наконец сам Дюрок не мог больше выносить

прострации своего императора и умолял его вернуться к солдатам. Друзья расстались в долгом объятии. После этого погоня была продолжена, но без энтузиазма и без успеха.

Природа победы Наполеона при Бауцене погубила его. Если бы это был второй Фридланд, Коленкур, без сомнения, встретился бы с Александром; но как бы то ни было, союзники сохранили свою армию, и присоединение Австрии к коалиции все равно обеспечило бы им успех. Нессельроде был убежден, что Меттерних согласится, и, несмотря на мрачный час, упорно отказывался поддерживать связь с Францией иначе, как через Австрию. Витгенштейн потерял свое командование, Барклай был полностью восстановлен в качестве главнокомандующего, и, чтобы выиграть время для Австрии, чтобы попробовать свое хваленое посредничество, Наполеону было предложено короткое перемирие. Если бы последний знал слабость, разлад, истощение своего врага, каким бы жалким ни было состояние его собственной армии и каким бы подавленным ни был его дух, он мог бы отказаться, и даже монументальная ошибка 1812 года могла бы теперь быть исправлена. Как бы то ни было, 1813 год - это дата его единственной непоправимой ошибки, положившей начало его последней катастрофе. Он совершал и другие ошибки, но все они были мелкими по сравнению с той великой, к которой он сейчас испытывал искушение. Но его верные офицеры падали, как пшеница под градом; его молодые солдаты, хотя и сражались как ветераны, внушали мало доверия, поскольку среди простых рядовых царило такое же беспокойство, как и среди великих офицеров; у него не было ни кавалерии, ни артиллерии, и его доступные силы сократились до ста двадцати тысяч мужчин и юношей; Барклай мог, что на мгновение он задумал сделать, отступить в русские степи; предатели в Париже уже зашевелились; короче говоря, император чувствовал, что он должен по крайней мере подумать. Это была величайшая ошибка в его жизни, потому что она отдала его на милость Австрии, не заставив ее раскрыть свою политику. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XXXIV.

НАЦИИ В БОЛЬШОМ СТРОЮ. [\[49\]](#)

Положение дел после Баутцена — Пойшвицкое перемирие — Новые условия Австрии — Зависимость Наполеона от своего династического влияния — Вмешательство британских агентов — Беседа Наполеона с Меттернихом — Гнев императора — Решимость Меттерниха — Победы Веллингтона — Наполеон при Майнце — Коалиция завершена — Дипломатическое ограждение — Возобновление военных действий — Ответственность.

Наполеон решил, однако, занять как можно более выгодную позицию и по этой причине продолжил свое преследование до Бреслау, который был занят к концу месяца. Одновременно Берлину угрожал Удино, Виктор освободил Глогау, а Вандам выступил на помощь Даву, так что Гамбург был в безопасности. Союзные войска стояли за Швейдницем, и с помощью той же великолепной стратегии, что и в старые времена, различные корпуса французской армии под командованием Нея, Лористона, Ренье, Макдональда и Бертрана были расположены таким образом, чтобы фактически окружить противника. Наполеон со своей гвардией находился в Ноймаркте; один смелый рывок на юг, к горам Эйлен, со своими

сосредоточенными силами, и он сокрушил бы своих противников. Но еще одна победа, подобная победе Лютцена и Бауцена, еще больше уменьшила бы его армию, и тогда из-за своей слабости он столкнулся бы со ста тысячами австрийцев, которые, согласно лучшим советам его тестя, были собраны в Богемии. В такой ситуации Франциск мог рискнуть вступить в битву, и в случае успеха он мог бы продиктовать не просто перемирие, но и условия мира — случай более ужасный, чем любой другой. Более того, время казалось императору Франции столь же ценным, как и его врагу: пока они стягивали резервы и укрепляли свои ряды, его сто восемьдесят тысяч новобранцев 1814 года могли быть отправлены маршем на Эльбу, а Эжен мог завершить свою работу в Италии. Не подозревая о панике в штаб-квартире своего врага, встревоженный завоеватель решил поэтому, что его лучшим выходом было бы, продемонстрировав стремление к миру и согласившись на перемирие, избежать всеобщего осуждения Европы. Соответственно, он предпринял еще один катастрофический шаг и принял предложение союзников о конференции.

Насколько искренне Наполеон желал мира, видно из его спонтанных уступок. Он согласился бы на эвакуацию Бреслау ради гармонии и согласился бы на такое перемирие, которое в равной степени соответствовало бы величию правителя и правам удачливого генерала; но с ним не стали бы обращаться как с осажденным командующим. Гамбург должен остаться таким, каким он был по завершении переговоров, и продолжительность перемирия должна быть больше предложенного срока — не менее шести недель. По этим двум пунктам он высказал свою позицию. Роковое Поошвицкое перемирие было подписано в этой деревне четвертого июня тремя комиссарами: Шуваловым от России, Клейстом от Пруссии и Коленкурот от Франции. Это был компромисс, предусматривающий создание нейтральной зоны, простирающейся от устья Эльбы на юго-восток до Богемии, которая должна была разделять воюющих сторон до двадцатого июля. Военные действия могут быть возобновлены только первого августа. Бреслау должен был быть эвакуирован; Гамбург должен был остаться таким, каким его установило перемирие. Эти условия были достигнуты только после большого шума, когда союзники, какими бы слабыми и дезорганизованными они ни были, сначала потребовали эвакуации Бреслау и Гамбурга с прекращением вооружений на месяц. Эту позицию они заняли, полагаясь частично на Англию, частично на Австрию. Компромисс, как взаимно принятый, был достигнут, несмотря на британское влияние, когда Фрэнсис, явно нервничающий и встревоженный, прибыл в Гичин, недалеко от границы с Богемией, и начал совещание с Нессельроде.

В Вене, когда пришли известия о Баутцене, люди говорили, что завоеватель был, возможно, ангелом, возможно, дьяволом — и уж точно не человеком. Кабинет министров с тревогой наблюдал за его попыткой вести переговоры напрямую с царем. Успех в завоевании России снова отдал бы Австрию во власть Наполеона; Александра необходимо поддерживать в воинственном настроении любой ценой. Нессельроде требовал ни больше ни меньше, как присоединения Австрии к коалиции; Франциск все еще не был готов сражаться; и Меттерних, проявив всю свою ловкость, в конце концов добился от Нессельроде основы для посредничества, состоящей из шести пунктов: уничтожение Варшавы, расширение Пруссии за счет ее польских провинций и Данцига, возвращение Иллирии Австрии, независимость ганзейских городов, роспуск Рейнской конфедерации и восстановление западных границ Пруссии в границах 1806 года. Это был "минимум", значительно меньший, чем тот, который предлагался перед Баутценом; но союзники вполне могли бы принять его, если бы Австрия пообещала никогда не принимать сторону Франции, как, как говорят, Меттерних устно заверил царя на секретной встрече, так и будет. Двадцать

седьмого июня было официально решено, что конгресс для умиротворения Континента на этой основе должен быть проведен до заключения всеобщего мира, включая Англию; и в тот день в Рейхенбахе был тайно подписан договор, обязывающий Россию, Пруссию и Австрию к союзу в случае отказа Наполеона. Если Наполеон отвергнет статьи Австрии о посредничестве, она должна была двадцатого июля присоединиться к коалиции и сражаться не только до тех пор, пока он не будет отброшен за Рейн, но и до тех пор, пока крепости на Одере и Висле не будут эвакуированы, Италия освобождена, Испания возвращена бурбонам, а Австрия вернулась к своим границам 1805 года.

"Если союзники добросовестно не желают мира, - сказал Наполеон пятого июня, покидая свою штаб-квартиру в Дрездене, - это перемирие может оказаться для нас фатальным". В конце жизни он поверил, что, если бы он в период своего великого кризиса двинулся прямо вперед, Австрия не выступила бы против него. Каким бы проницательным он ни был, в династической политике он был новичком. Австрия была создана, возвеличена и спасена браками; но никакая концепция долга, налагаемого на семьи этими отношениями, как она понимается в частной жизни, никогда не влияла на ее политику. Фрэнсис никогда не отказывался использовать свою дочь в общественных целях и, похоже, получал удовольствие от создания семейных чувств, сформированных в сознании его зятя домашним уютом. Нелепо предполагать, что Наполеон действительно придерживался такого взгляда на свой брак, как у парижского буржуа; но, считая себя признанным династическим правителем, он вполне мог вообразить, что, когда у Австрии был выбор между двумя чисто династическими союзами, она, ради Марии Луизы, выбрала бы союз с Францией. Эту довольно простую концепцию он, по-видимому, придерживался какое-то время, потому что, когда Марет и Меттерних встретились, первый настаивал на супружеских узах в качестве соображения. — Брак, — кашлянув, возразил тот, - да, брак; это был брак, основанный на политических соображениях, но... - И в заключение фразы многозначительно покачал головой.

Первым предательским порывом Наполеона был порыв генерала, и он был здоровым. Его подозрения полностью возросли, как только он прибыл в Дрезден, поскольку Бубна сразу же начал настаивать на устаревших формальностях в переговорах и довел Наполеона до раздражения своей очевидной решимостью тянуть время. Соответственно, император вызвал Меттерниха на личную встречу. Министр не смог толком объяснить. С момента возвращения Каслри к власти в январе 1812 года Великобритания держала в Берлине, Санкт-Петербурге и Вене способных дипломатов, готовых с кошельком в руке заплатить практически любую сумму за создание сильной коалиции. Именно появление сэра Чарльза Стюарта из Берлина и лорда Кэткарта из Санкт-Петербурга в штаб-квартире союзников объясняло высокомерную твердость Шувалова и Клейста и определило характер перемирия. Четырнадцатого и пятнадцатого июня эти посланники заключили договоры с Пруссией и Россией соответственно, которые объясняют выступления Бубны в Дрездене и конгресса, который позже собрался в Праге. Пруссия обещала в обмен на субсидию в две трети миллиона фунтов стерлингов уступить определенную часть нижней Саксонии с епископством Хильдесгейм Ганноверскому курфюршеству и согласилась содержать восемьдесят тысяч человек; Россия должна была содержать сто шестьдесят тысяч человек в обмен на полтора миллиона фунтов стерлингов, а за содержание английских судов в своих гаванях она должна была получить еще сумму в полмиллиона. Великобритания и Россия должны были совместно выпустить эмиссию бумажных денег на сумму в пять миллионов фунтов стерлингов, и этот заем должен был быть гарантирован Англией, Пруссией и

Россией совместно. В заключение было торжественно оговорено, что ни Россия, ни Великобритания не должны вести отдельные переговоры с Францией.

Ввиду последовательных этапов изоляции Наполеона, а именно перемирия, этих двух договоров о субсидиях, и секретного договора от двадцать седьмого июня, подписанного в Рейхенбахе, представляется бесполезным обсуждать вопрос о том, действительно ли Наполеон желал мира в своей знаменитой беседе с Меттернихом двадцать седьмого июня — беседе, которая длилась без четверти двенадцать дня почти до девяти вечера и которая ошибочно рассматривалась как поворотный момент в карьере Наполеона. До этого момента вмешательство Меттерниха было ничем иным, как эгоистичным двурушничеством. У Наполеона были письменные свидетельства этого. Неудивительно, что изворотливый священник описал свое интервью как "любопытнейшую смесь самых разнородных тем, перемежающуюся дружелюбием с самыми страстными вспышками", и постарался в своем отчете сгустить тени своей картины, благоразумно умолчав о некоторых моментах — трюку, которому он, возможно, научился у Уитворта. Недружелюбный рассказчик заявляет, что Наполеон, когда ему сказали, что его солдаты всего лишь мальчишки, швырнул шляпу в угол и прошипел: "Вы не знаете, что творится в голове у солдата; я вырос в полевых условиях, и такой человек, как я, мало заботится о миллионе человек". Австрийский государственный деятель далее сообщил, что французский император охарактеризовал свой второй брак как проявление глупости и обвинил своего высокопоставленного собеседника в продажности!

Вероятно, все это правда: точка зрения профессионального солдата ужасна для мирян. Кошут заявил заслуживающему доверия свидетелю, что он видел письма Марии Луизы, в которых она предавала своего мужа своему отцу; и никто никогда не отрицал, что Наполеон был справедливым судьей людей и называл вещи своими именами, когда был зол. И он был зол. Это был человек, прославивший себя союзом Бонапарта и Габсбургов, который до сих пор выражал самое горячее личное уважение к самому Наполеону и который до сих пор находил наивысшее благо Австрии в поддержке наполеоновской системы. И каково было его поведение? Полная и внезапная перемена его предыдущего поведения, личная дерзость и общественное презрение. Тогда и там он потребовал приостановления, по крайней мере временно, союзного договора между Австрией и Францией — документа, который он сам торжественно подписал немногим более года назад; затем он также потребовал дальнейшего продления перемирия, пока будет заседать мирный конгресс, и, хладнокровно отбросив все остальные соображения, дал своей жертве понять, что Австрия больше не посредник, а вооруженный арбитр, решивший вернуть себе славу путем наименьшего сопротивления, то есть путем союза с Россией, чтобы обеспечить мир на континенте, на который Великобритания не должна соглашаться. будьте веселой компанией.

Удивительно ли, что при такой провокации горячая корсиканская кровь Наполеона вскипела или что его непослушный язык произнес поразительные слова? Пришло время, когда он должен был признать хозяев и законы, и это было нелегко. В тридцать лет, как он любил хвастаться, он одержал победы, усмирил народную бурю, объединил партии и сплотил нацию. Кроме того, в течение многих лет он потешался над европейскими династиями и, в частности, обнаружил, что австрийские династии двуличны и отбывают срок. Вырвав листок из ее книги, он стал ее жертвой обмана, и ей было тяжело нести ответственность за последствия. Таким образом, бурная сторона знаменитого интервью не имеет исторического значения; его единственное значение заключается в том, что оно знаменует собой последний этап в эволюции австрийской дипломатии. Будучи теперь достаточно сильной, чтобы подтвердить равенство с Францией в советах Европы, империя Габсбургов была готова действовать. Меттерних считал, что помощь Александра была бы

более ценной, чем помощь Наполеона, и в письме своему хозяину, написанном через два дня после знаменитой беседы, он объяснил, что установление мира на континенте является линией наименьшего сопротивления. Соглашение, которое он предложил Наполеону, предполагало, что Англия и Франция возобновят борьбу и будут сражаться до изнеможения, в то время как Австрия, Россия и Пруссия будут восстанавливать силы. Единственным оружием Наполеона против Англии была его Континентальная система; на следующий день после победоносной кампании он не мог так легко отбросить ее. Если речь шла о континентальном мире, а не о всеобщем, он должен был быть заключен после окончательной решающей победы; и чтобы собрать свои войска для грандиозной битвы с Австрией, Россией и Пруссией, ему требовалось время. Пойшвицкое перемирие было его первой роковой ошибкой; перед завершением беседы он согласился на его продление до десятого августа, якобы для того, чтобы Пражский конгресс мог согласовать условия континентального мира; и это его погубило.

Пражский конгресс был кукольным спектаклем, и ему нет места в истории, за исключением того, что он продемонстрировал характер Меттерниха, до конца обманывавшего себя верой в то, что он был тем, за кого себя выдавал, — вооруженным посредником, возвращающим курс европейской политики в династическое русло. На самом деле все было так, как сказал Наполеон — он считал, что руководит всеми, в то время как все направляло его. За марионетками стояли фатализм Александра, возрожденная национальность Пруссии, наполовину пробудившаяся чувствительность Австрии и, наконец, британское золото с британскими победами. Веллингтон, наконец, сосредоточил национальную мощь Испании и фактически угрожал земле Франции. Его знаменитый "марш на Виторию", как его называли из-за решающего сражения, произошедшего в этом месте двадцать первого июня 1813 года, вынудил Наполеона окончательно покинуть Испанию. Император уже отозвал оттуда своих отборных ветеранов, и он хорошо понимал, насколько тщетной должна быть любая дальнейшая борьба за трон Иосифа. Таким образом, его поведение было совершенно последовательным; он смело выдвинул конгрессу ультиматум *uti possidetis* и отбыл в Майнц, где оставался с двадцать пятого июля по первое августа, разрабатывая свои военные планы обороны Пиренеев и отправляя Сульта, который пошел против его воли, в кампанию, которая закрепила репутацию маршала как великого солдата. Несомненно также, Наполеон чувствовал, что дистанцирование от абсурдного конгресса снимет с него вину за его пустое притворство.

Там же он встретил свою императрицу; возможно, он нежно мечтал, что она может заступиться за своего отца; в ходе долгих бесед, которые они проводили, он, вероятно, обучал ее функциям регентши, избранной поддерживать в Париже пошатнувшееся дело ее супруга и ее ребенка. Фуше тоже был отозван из своей подозрительной отставки, чтобы распутать нить австрийского двуличия. Но долгие часы консультаций, договоренностей и исполнения были, как мы можем предположить, в основном связаны с поспешным набором новых рекрутов, формированием кавалерии, созданием артиллерии и общей подготовкой к борьбе не на жизнь, а на смерть, которая вскоре должна была развернуться. Датский союз укреплялся, и Мюрат упорным трудом удерживался в тени исчезающей наполеоновской системы. Беньо, в то время глава французского регентства Берг, однажды был срочно вызван в качестве заместителя и в суматохе дважды занимал кресло своего императора. "Итак, вы твердо решили занять мое место", - было простое замечание Наполеона. "Вы выбрали для этого неподходящее время". Мэром Майнца был Сент-Андре, стойкий сторонник старой школы; в другой раз он, Беньо, с принцем Нассауским сопровождали гостя

на речной экскурсии, и император, с пристальным интересом разглядывая замок Биберих, перегнулся через борт лодки. "Какая странная позиция, - прошептал ветеран революции перепуганному Беню. - судьба мира зависит от пары пинков".

Судьбе мира ничто не угрожало, и трон Наполеона как императора Запада не должен был занять другой; но дела Континента должны были быть перестроены, благотворное дело Революции должно было быть передано в другие руки, а понятие западной империи должно было исчезнуть, как другие беспочвенные ткани. Дипломатия лорда Абердина, посланника Каслри в Вене, увенчалась успехом еще до возвращения Наполеона в Дрезден, и договор о возможном тройственном союзе, подписанный в Рейхенбахе двадцать седьмого июня, был приведен в действие первого августа Франциском, который согласился в обмен на огромную субсидию от Великобритании присоединиться к России и Пруссии с двумястами тысячами человек. Списки австрийской армии были тайно получены французскими агентами в Праге. Наполеон был ошеломлен, когда прочитал доказательства ее гигантских усилий. Он тут же удвоил свои усилия и начал проявлять удивительную дипломатическую проницательность. С тремя разорителями Польши, объединенными таким образом на жалованье Англии, его изоляция была бы полной; до истечения срока перемирия оставалось всего несколько дней; в его колчане оставалась только одна стрела, и он решил ускорить это: подкупить Австрию, вынудить ее к нейтралитету, приняв ее условия и восстановив национальное равновесие в Европе.

Предложение было сделано, и оно ошеломило Франциска; два дня он медлил, а затем выдвинул встречное предложение с новым пунктом, который гарантировал не эмансипацию штатов, а династическую независимость суверенов Рейнской конфедерации. Это приоткрыло завесу над политикой Меттерниха. Опасаясь немецкого гражданства, в котором Пруссия неизбежно обеспечила бы себе гегемонию, он был полон решимости увековечить соперничество мелких властителей и восстановить господство Австрии как в Германии, так и в Италии. Это также лишило бы Наполеона его немецких войск и ограничило бы Францию западным берегом Рейна, даже несмотря на то, что Вестфалия и Берг остались бы под властью французских правителей. Такое стечение обстоятельств было отвратительно для того, кто все еще претендовал на западную империю, и Наполеон, в свою очередь, медлил до вечера девятого, когда в качестве окончательного компромисса он предложил расчленение Варшавы, свободу Данцига и Иллирии, включая Фиуме, но с сохранением Триеста. Но к этому времени династическая ревность сделала свое дело в Праге, и когда эти условия были неофициально доведены до сведения полномочных представителей, воинственный юмор Кэткарта, усиленный новостями из Веллингтона, усилил ревность Александра к растущему могуществу Австрии. Прусские националисты также считали, что их освобождение откладывается на неопределенный срок; и поскольку сообщение об ультиматуме Наполеона было неофициальным, а официальное уведомление не поступило в полночь десятого числа, уполномоченные России и Пруссии поднялись с боем часов и сообщили Меттерниху, что, поскольку их полномочия истекли, он связан условиями Рейхенбахского соглашения.

Меттерних сохранил свою маску и продолжал обсуждать с Коленкурком пункты предложения Наполеона, но другие дипломаты дали волю своему восторгу. Гумбольдт задержался до тех пор, пока в Дрездене не прозвучало официальное объявление войны Австрией; одновременно маяки, заранее установленные для этой цели на богемских холмах, передали долгожданную весть ожидавшим армиям России и Пруссии. Наполеон по-

прежнему не стеснялся формальностей, поскольку по условиям перемирия до возобновления военных действий должно быть сделано уведомление за неделю. Тринадцатого он предложил Австрии все, кроме Гамбурга и Триеста; пятнадцатого он предложил даже эти великие порты. Но техническое право было на стороне войны, и его предложения были отклонены.

Вопрос о том, на ком лежит вина или заслуга за возобновление военных действий, всегда будет оставаться вопросом общественного мнения. Среди запутанных переговоров следует помнить, что двадцать четвертого марта 1812 года Россия и Швеция начали коалицию; что Россия и Пруссия были вынуждены заключить союз двадцать восьмого февраля 1813 года из-за элемента интересов, общего для династии Александра и прусского народа; что Великобритания вышла на сцену в своем торговом соглашении со Швецией третьего марта 1813 года; и что английская дипломатия объединилась с интересами австрийской дипломатии, чтобы завершить и укрепить коалицию необходимыми субсидиями. Если мы рассматриваем переговоры в Пойшвице и Праге в связи со всей карьерой Наполеона, то они, по-видимому, шли по руслу, подготовленному его безграничным честолюбием; если мы выделим их и тщательно проанализируем их ход, мы должны считать его моральным победителем. Кем бы он ни был раньше, теперь он стремился к миру и был искренен в своих заявлениях. Полагая, что он поступил великодушно, когда Австрия была у него под ногами, он был возмущен, когда увидел, что был обманут ее последующим курсом. Уступки, к которым его вынудили, по-видимому, делались медленно, потому что он желал не континентального мира в интересах Габсбургов, а всеобщего мира в интересах всей Европы, представленной Империей и династией, которую он основал. На таком расстоянии во времени и в свете предшествующей истории следует отдать должное его проницательности, которая убедила его в том, что усиление национальности, а также возобновление династического влияния могут замедлить либерализующее влияние Революции, представителем которой, как он ошибочно полагал, он все еще является. На протяжении существования Священного союза это в определенной степени было правдой. Следует отметить, что на протяжении заключительных переговоров не упоминалось о "Континентальной системе". Эта пагубная концепция революционной эпохи погибла во время упадка Наполеона, и история больше не знает ее названия. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

КОНЕЦ ТОМА III

Сноска 1: Ссылки, как и раньше. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 2: Ссылки, более ценные для этой и следующей главы, - это Хойссер, Чарторыйский, Марбо, Лежен, Удино, Леттов-Форбек, сэр Р. Уилсон, а также письма Каслри и переписка Наполеона. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 3: Об отказе России и Пруссии присоединиться к Австрии см. Вандал: Наполеон и Александр Ier, Vol. I, Chapitre Préliminaire. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 4: Ссылки, как и раньше. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 5: Удино: Воспоминания, глава II. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 6: Yorck von Wartenburg: Napoleon als Feldherr, I, XIII. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 7: О характере Александра см. Вандал: Наполеон и Александр, Том ii. I, Ч. I. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Примечание 8: За годы франко-российского союза французские архивы содержат огромное количество документальных материалов: регулярные депеши, стенографические отчеты о беседах между французскими послами и царем, новости дня в Санкт-Петербурге и светские сплетни. Можно сказать, что Савари и Коленкур поддерживали личную связь своего хозяина со своим другом и союзником. Существует также обычная дипломатическая переписка с Австрией, Пруссией, Турцией и другими европейскими государствами. Интересной и бесценной особенностью французских архивов является то, что к полученным депешам прилагаются наброски отправленных, и, как правило, не просто наброски, а первые наброски со всеми примечаниями и исправлениями, которые довольно часто написаны почти загадочным, но все же читаемым почерком Наполеона. Много, конечно, зашифровано, но ключ доступен, а иногда и официальная расшифровка. Архивы Санкт-Петербурга также доступны для должным образом аккредитованных поисковиков; Трачевский проделал значительный путь в публикации решающих работ, а Татищев напечатал множество важных документов в различных периодических изданиях. Другие источники уже были указаны: опубликованная переписка Наполеона и Поццо ди Борго, истории Биньона, Лефевра и Рамбо, а также монументальный труд Вандаля "Наполеон и Александр Ier", все они имеют первостепенное значение. Бертран: Официальные письма Талейрана Наполеону, содержат ответы министра своему начальнику. Проверка Дакворта в Константинополе полностью объяснена Жюшера де Сен-Дени: "Революции Константинополя в 1807 и 1808 годах". Ср. Также Хассель: "История преискурантной политики", 1807 - 1815. Choiseul-Gouffier: *Réminiscences sur Napoléon Ier et Alexandre Ier*. Adami: *Louise de Prusse, Erinnerungen der Gräfen von Voss*. Savary: *Mémoires*. Жизнь сэра Роберта Уилсона. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 9: По этому поводу см. Вандал: Наполеон и Александр Ier, Ч. I. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 10: Важность американской торговли в то время обычно не получала должного признания; описание ее ценности см. Mahan: *The Influence of Sea Power on the French Revolution and Empire*, Vol. II, стр. 231-2. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 11: Ссылки, как и раньше. Further: Lefebvre: *Histoire des cabinets de l'Europe*. Tatistcheff: *Alexandre Ier et Napoléon*. Ranke: *Hardenberg und die Geschichte des Preussischen Staates von 1793-1813*. Pingaud: *Les Français en Russie et les Russes en France*. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 12: Интересный комментарий о дипломатии Талейрана см. в Сореле: "Европа и французская революция", том. VI, стр. 23-25. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 13: References: Jauffret: *Mémoires historiques sur les affaires ecclésiastiques de France pendant les premières années du XIXe siècle*. Thorsoë: *Den danske Statspolitiske Historie*

1800-1864. Lemoine: Napoléon et les Juifs. Lémann: Napoléon et les Israélites; La prépondérance juive. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 14: Смотрите обсуждение этого вопроса Дж. Х. Роузом, "Британским агентом в Тильзите", в "Английском историческом обзоре", октябрь 1901г. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 15: See Lemoine: Napoléon et les Juifs. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 16: См. Blanc: Napoléon Ier. Taine: Le régime moderne. Pasquier: Mémoires, Histoire de mon temps. Méneval: Napoléon et Marie-Louise. Vte de Broc: La vie en France sous le premier empire. Metternich: Mémoires. Mme. de Rémusat: Mémoires. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 17: В общих чертах о цензуре прессы см. Welschinger: La censure sous le Premier Empire. Sorel: Essais d'histoire et de critique. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 18: Сорель, Том VII, стр. 191-2. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 19: Ссылки, как и прежде, и Махан: Влияние морской мощи на Французскую революцию и империю. Loir: Études d'histoire maritime. Клоуз: Королевский военно-морской флот. Стэнхоуп: Жизнь достопочтенного. Уильям Питт. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 20: См. Оман: война на полуострове. Martins: Historia de Portugal. Delagrave: La Campagne de Portugal. Также Мемуары и др. Бархойзена, Брандта, Гомма, Мура, Найлиса, Ровереа, Савари, Мио де Мелито. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 21: See Baumgarten: Geschichte Spaniens vom Ausbruch der Französischen Revolution bis auf unsere Tage. Manini: Historia de la marina real española. Arteche y Maro: Guerra de la Independencia. Toriño: Guerra de la Independencia.

По вопросу о национальном восстании в Испании см. статью Дж. Б. Рая и Р. А. Бенс-Пембрука из Оксфорда в "Army Service Corps Quarterly", октябрь 1905 г. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 22: Обсуждение этого письма см. в "Мюрате", автор Мюрат, Париж, 1897, стр. 139. Розбери: последний этап, стр. 10 и 11. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 23: Оригиналы можно найти в Oman, Vol. I, стр. 616-18. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 24: See Yorck: Napoleon als Feldherr. Переписка Наполеона, тома. 17 и 18. Ducasse: Les rois frères de Napoleon Ier. Krones: Geschichte Österreich im Zeitalter der französischen Kriege. Pelet: Mémoires sur la guerre de 1809 en Allemagne. Максвелл: Жизнь Веллингтона. Schlesier: Erinnerungen an W. von Humboldt. Arndt: Geist der Zeit. Fichte: Fichtes Leben. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 25: Masson: Joséphine répudiée. Welschinger, La divorce de Napoléon. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 26: См. Vandal, Vol. I, Chapitre Préliminaire. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 27: См. Фишер: Гете и Наполеон. Pingaud: Bernadotte, Napoléon et les Bourbons. Роза: Наполеоновские этюды. Bernhardt: Geschichte Russlands und der europäischen Politik im XIX^{ten} Jahrhundert. Шильдер: Император Александр I, его жизнь и царствование. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 28: См. Жомини: Наполеон III. Cevallos: Exposicion de los hechos y maquinaciones que han preparado la usurpation de la corona de España, y los medios que el emperador de los franceses ha puesto en obra para realizarla. Suchet: Mémoires sur ses campagnes en Espagne, 1808-1814. Рокка: Мемуары, 1808-1812. Также Мемуары Годоя, Марбо, Массены и Мюрата. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 29: См. Меттерних: Nachgelassene Papiere (английский перевод мемуаров). Мазаде: Александр Ier и князь Чарторыйский. Duncker: Friedr. Wilhelm im Jahre 1809. Ranke: Hardenberg und die Geschichte des preussischen Staates von 1793-1813. Rapp: Mémoires. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 30: See Saski: Campagne de 1809, Lejeune, Mémoires du général. Fournier: Österreich nach dem Frieden von Wien. Beer: Zehn Jahre österreichischer Politik (1801-10). [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 31: См. Марбо: Мемуары. Smekal: Die Schlacht bei Aspern und Essling. Strobl: Aspern und Wagram. Cadet de Gassicourt: Voyage en Autriche. Schmölzer: Hofer und seine Kampfgenossen. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 32: See Majol de Lupe: Fournier: Gentz und der Friede von Schönbrunn in Deutsche Rundschau, tom. 44. Un pape prisonnier à Savone, d'après des documents inédits. In Le Correspondant, 6 articles, du 10 mars au 25 mai. Clair: Hofer et l'insurrection du Tyrol. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 33: См. Вельшингер: Развод Наполеона. Vandal: Négociations avec la Russie relatives au second mariage de Napoléon, in the Revue historique, tom. 44, pp. 1-42. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 34: См. Вельшингер: Развод Наполеона. Vandal: Napoléon et Alexandre Ier, Vol. II, Le second mariage de Napoléon. Correspondance de Marie Louise 1799-1847. Lettres intimes et inédites à la Ctesse de Colloredo et à Mlle de Poutet, depuis 1810 Ctesse de Crenneville. Welschinger: Le mariage de Napoléon et de Marie Louise, in Revue de la révolution, Paris, Nov., 1788. Durand, Madame la Générale, A Memoir, Napoleon and Marie-Louise ("Mémoires sur Napoléon et Marie-Louise"). [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 35: Ссылки: Марбо, Мемуары, гл. 28. Махан: Влияние морской мощи. Sloane: Political Science Quarterly, Континентальная система Наполеона, XIII, стр. 213 и далее. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 36: См. Нейпир, Война на полуострове. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 37: "История войны за полуостров Оман" предоставляет много ценного материала об этом периоде. Его точка зрения в одном очерке исправлена Дж. Б. Раем и Р. А.

Бенс-Пемброуком из Оксфорда. Смотрите Ежеквартальный журнал Army Service Corps за октябрь 1905 года. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 38: Ссылки, как и прежде, и Хелферт: Мария Луиза. Welschinger: La censure sous le premier empire. Wertheimer: Die Heirat der Erzherzogin Marie Louise mit Napoleon I. Montbel: Le duc de Reichstadt. Welschinger: Le roi de Rome. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 39: References: Bernhardi, Geschichte Russlands, II. Ranke, Hardenberg u. Proysen (том 48 полного собрания его сочинений, 1879). Lefebvre, Histoire des Cabinets de l'Europe. Вандал, Наполеон и Александр Ier, части томов. II и III. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 40: Ссылки, как и прежде, к которым добавить Леманн: Шарнхорст, Том II. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 41: References: Bittard des Portes: Les préliminaires de l'entrevue d'Erfurt (1808). In Revue d'histoire diplomatique, tom. IV, стр. 95-144. Sklower: Entrevue de Napoleon Ier et de Goethe suivie de notes et commentaires. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 42: Ссылки: Татищев: Александр Ier и Наполеон. Чарторыйский: Мемуары. De Chambray: Œuvres. Ségur: La campagne de Russie. Labaume: Relation circonstanciée de la campagne de Russie. Уилсон: Повествование о кампании в России 1812 года. Du Casse: Mémoires et Correspondance du Prince Eugène. Rapp: Mémoires. Bausset: Mémoires. Даву: Переписка (изд. Мазаде, 1885), том. III. Lossberg, V., Briefe in die Heimat geschrieben während d. Feldzugs 1812 in Russland. Yorck von Wartenburg: Napoleon als Feldherr. Stoltyk: Napoléon en Russie. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 43: Ссылки: Маргеру: Русская кампания, особенно часть III. Bertin: La campagne de 1812 d'après des témoins oculaires. Mosbach: Der Übergang über die Beresina aus ungedruckten Denkw. d. polnischen Obersten Bialkowski, Streffleur's "Österr. militär. Zeitschrift," 1875. Clausewitz: "Über die Schlacht a.d. Beresina," letter to Stein, published in the "Hist. Zeitschrift" for 1888. Джордж: Вторжение Наполеона в Россию. Fabry: Campagne de Russie, 1812, Opérations Militaires. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 44: Ссылки, как в предыдущей главе. Также: Кэткарт: Комментарии к войне в России и Германии с 1812 по 1813 год. Clausewitz: Der Feldzug von 1812 in Russland, der Feldzug von 1813 bis zum Waffenstillstand und der Feldzug von 1814 in Frankreich. Combe: Mémoires sur les campagnes de Russie 1812, de Saxe 1813, de France 1814 et 1815. Jomini: Précis politique et militaire des campagnes de 1812 à 1814. Labaume: Relation circonstanciée de la campagne de Russie. Gentz: Österreichs Theilnahme an den Befreiungskriegen. Ein Beitrag zur Geschichte der Jahre 1813-1815, nach Aufzeichnungen von F. von Gentz, nebst einem Anhang: "Briefwechsel zwischen dem Fürsten Schwarzenberg und Metternich." Портер: Повествование о кампании в России 1812 года. Ségur: Histoire de Napoléon et de la grande armée pendant l'année 1812. Gourgaud: Napoléon et la grande armée en Russie, ou examen critique de l'ouvrage de M. le Cte Ph. de Ségur. Vandal: Napoléon et Alexandre Ier. Уилсон: Личный дневник путешествий, личных услуг и общественных мероприятий во время миссии и службы в европейских армиях в кампаниях 1812, 1813 и 1814 годов; под ред. его племянника Х. Мюррея. Уолсли: Упадок и низвержение Наполеона. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

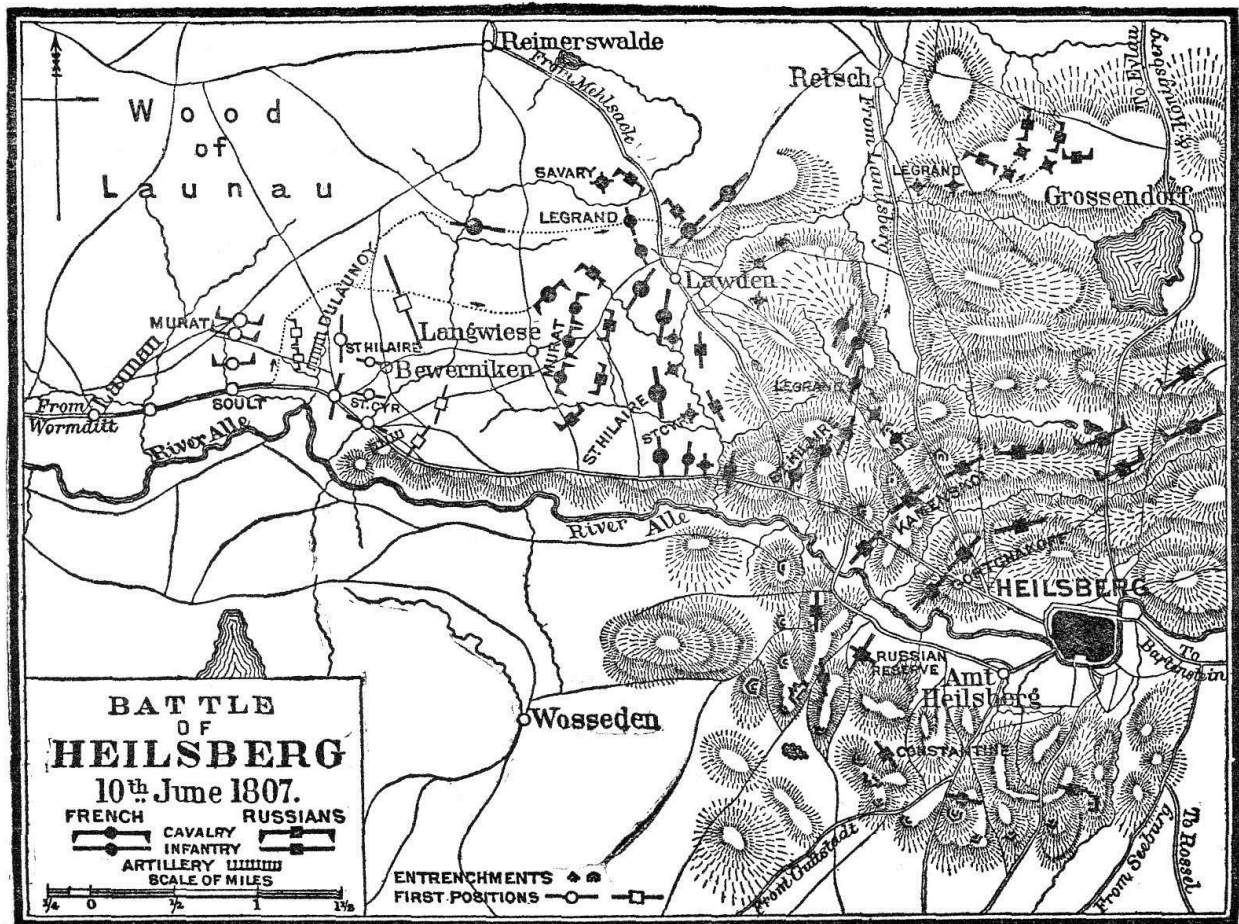
Footnote 45: References: Bertin, La campagne de 1812, d'après des témoins oculaires. Du Casse, Mémoires à l'histoire de la campagne de 1812 en Russie. Exner, Der Antheil der Königl. Sächsischen Armee am Feldzuge gegen Russland, 1812. Lafon, Histoire de la conjuration du Gén. Malet, avec des détails officiels sur cette affaire. Labaume, Relation circonstanciée de la campagne de Russie. Lecoing de Laveau, Moscou avant et après l'incendie, ou notice contenant une description de cette capitale, des mœurs de ses habitants, des événements qui se passèrent pendant l'incendie, et des malheurs qui accablèrent l'armée française pendant la retraite de 1812. Михайловский-Данилевский, "Пассаж Березины". von Pfuel, E., Der Ruckzug der Franzosen aus Russland. de Puibusque, Lettres sur la guerre de Russie, en 1812, sur la ville de Saint-Pétersbourg, les mœurs et les usages des habitants de la Russie et de la Pologne. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 46: References: Foucart: Bautzen, une bataille de deux jours, 20-21 mai, 1813. Fiévée: Correspondance et relations avec Bonaparte, Mémoires of Savary. Rousset: La grande armée de 1813. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

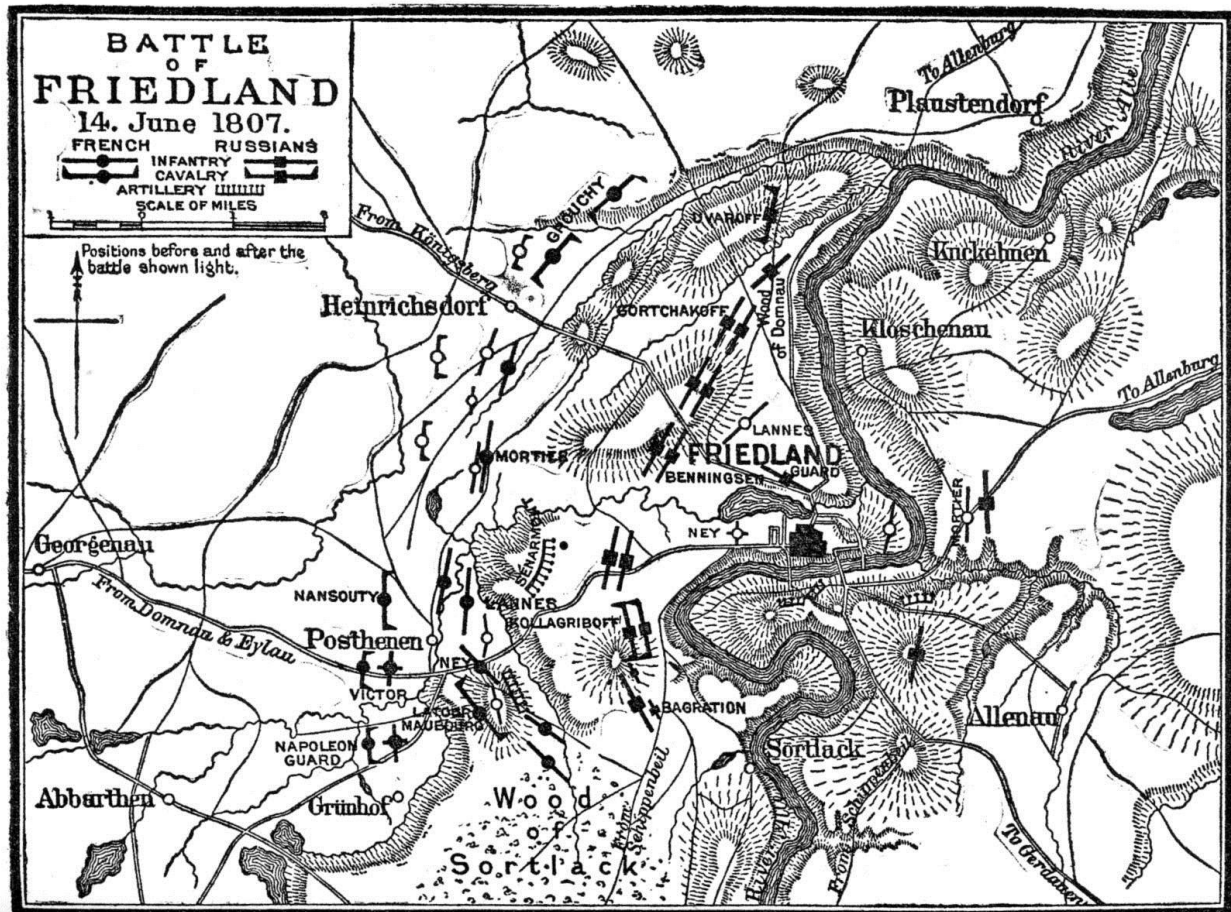
Footnote 47: References: Haussonville: L'Église romaine et le premier empire. de Pradt: Les quatre concordats. de Fallois: L'Empereur Napoleon Ier et le Pape Pie VII. Séché: Les origines du concordat. Theiner: Histoire des deux concordats de la république française et de la république cisalpine conclus en 1801 et 1813, entre Napoléon Bonaparte et le Saint-Siège. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 48: Список литературы: Fain: Manuscrit de l'an, 1813. Müffling: Aus meinem Leben. Bade: Napoleon im Jahre 1813. Schimpf: 1813; Napoleon in Sachsen. Foucart: Bautzen une bataille de deux jours. Мемуары Меттерниха, Мемуары Харденберга. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 49: References: Von Odeleben, Napoleons Feldzug in Sachsen im Jahre 1813. Yorck, Napoleon als Feldherr. Weil, Campagne de 1813. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

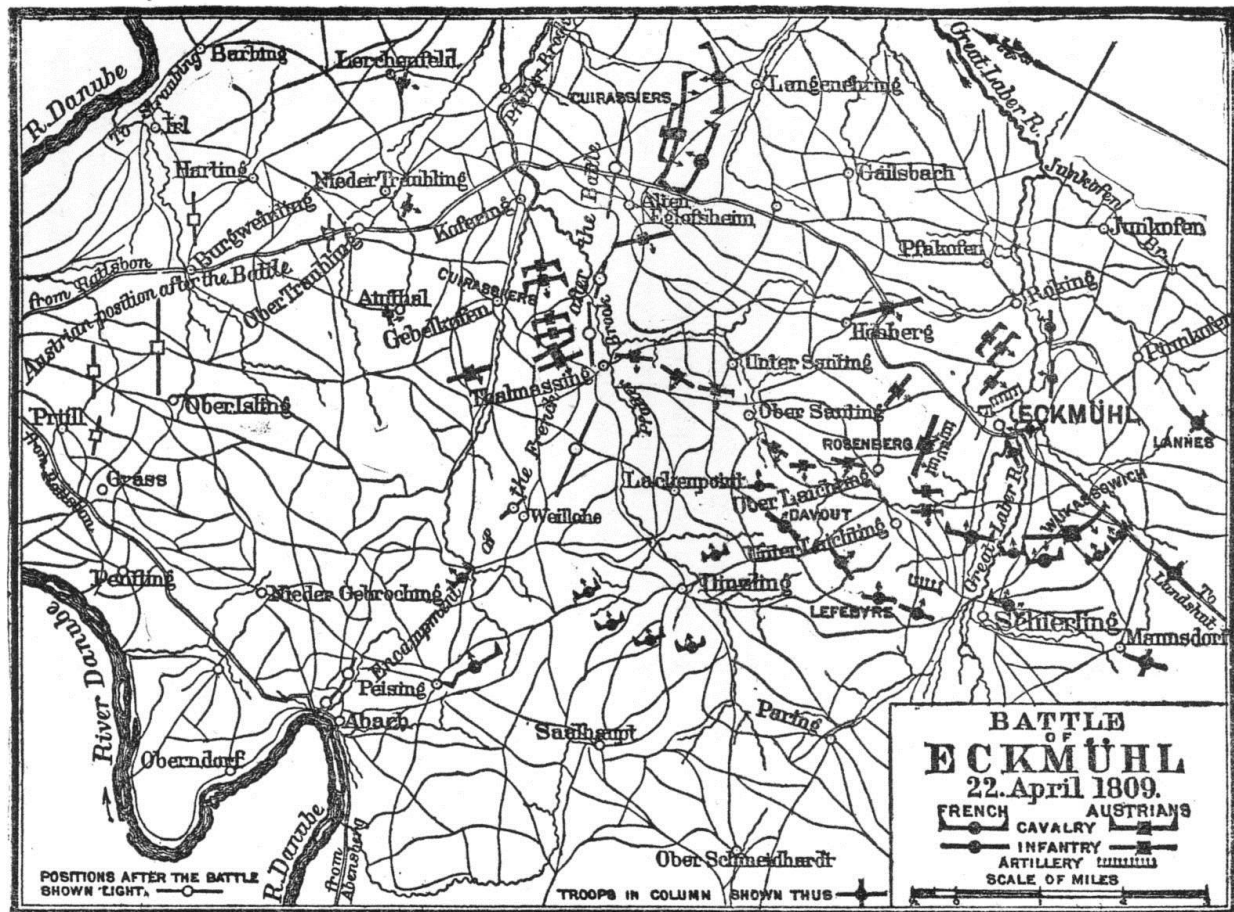
[back](#)

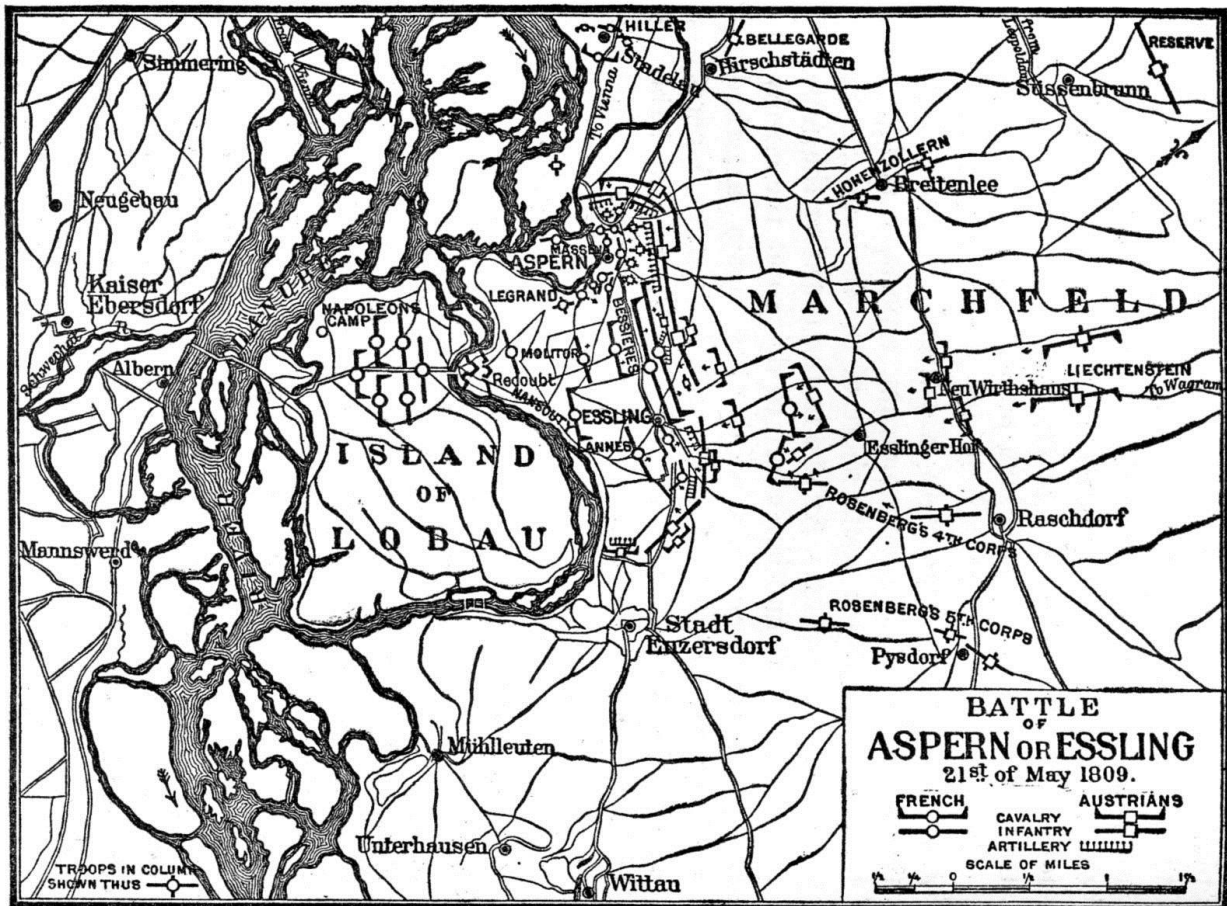
[back](#)

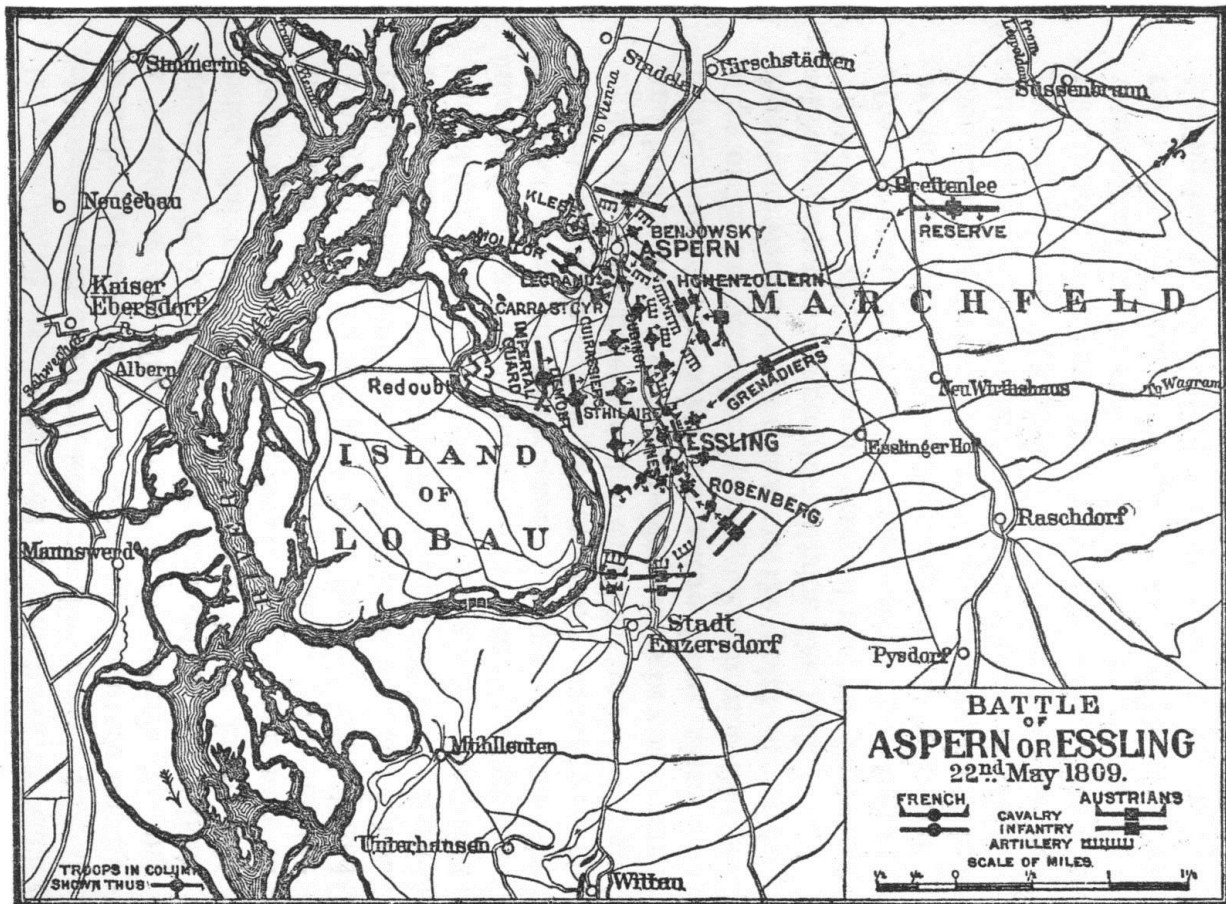
[back](#)

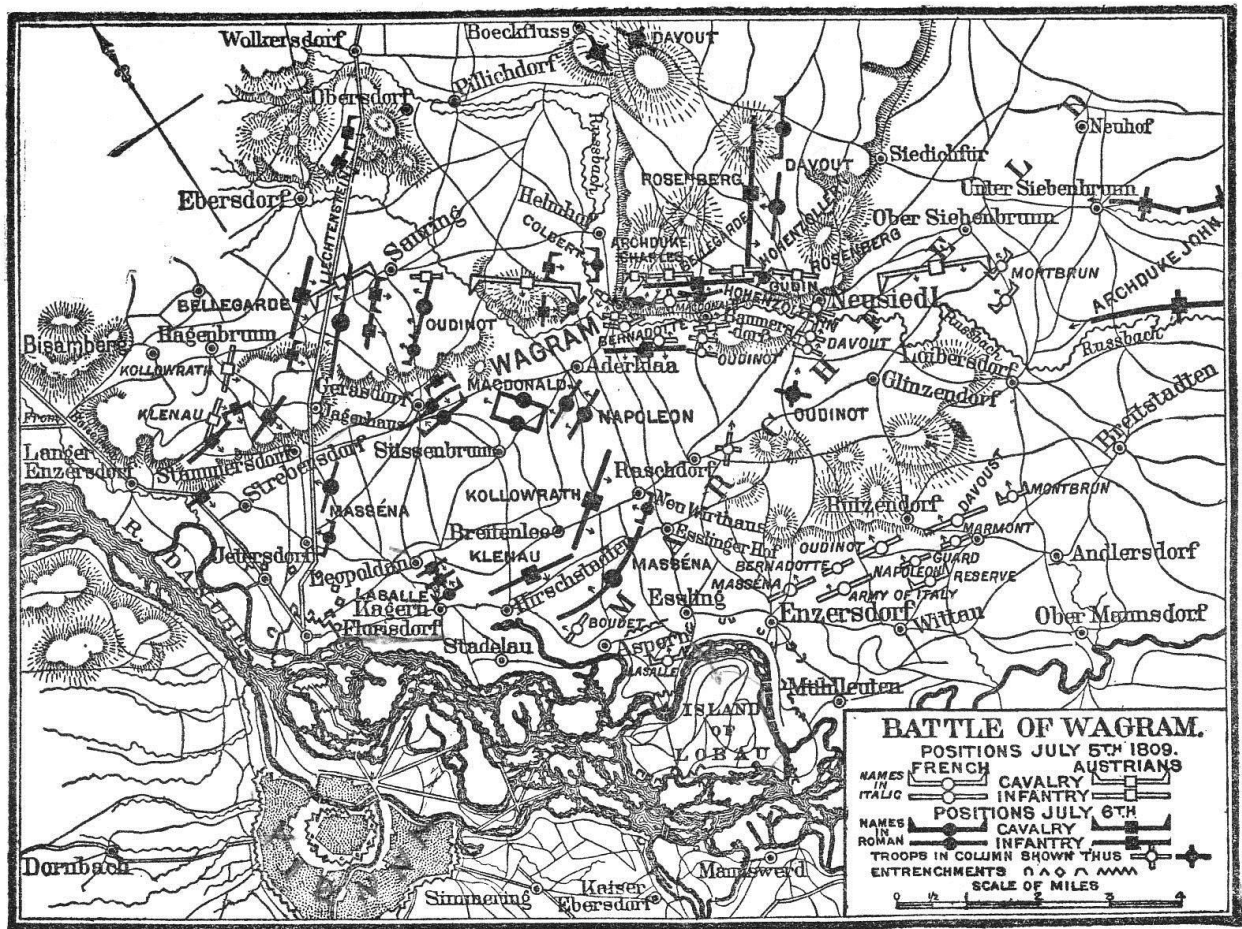
[back](#)

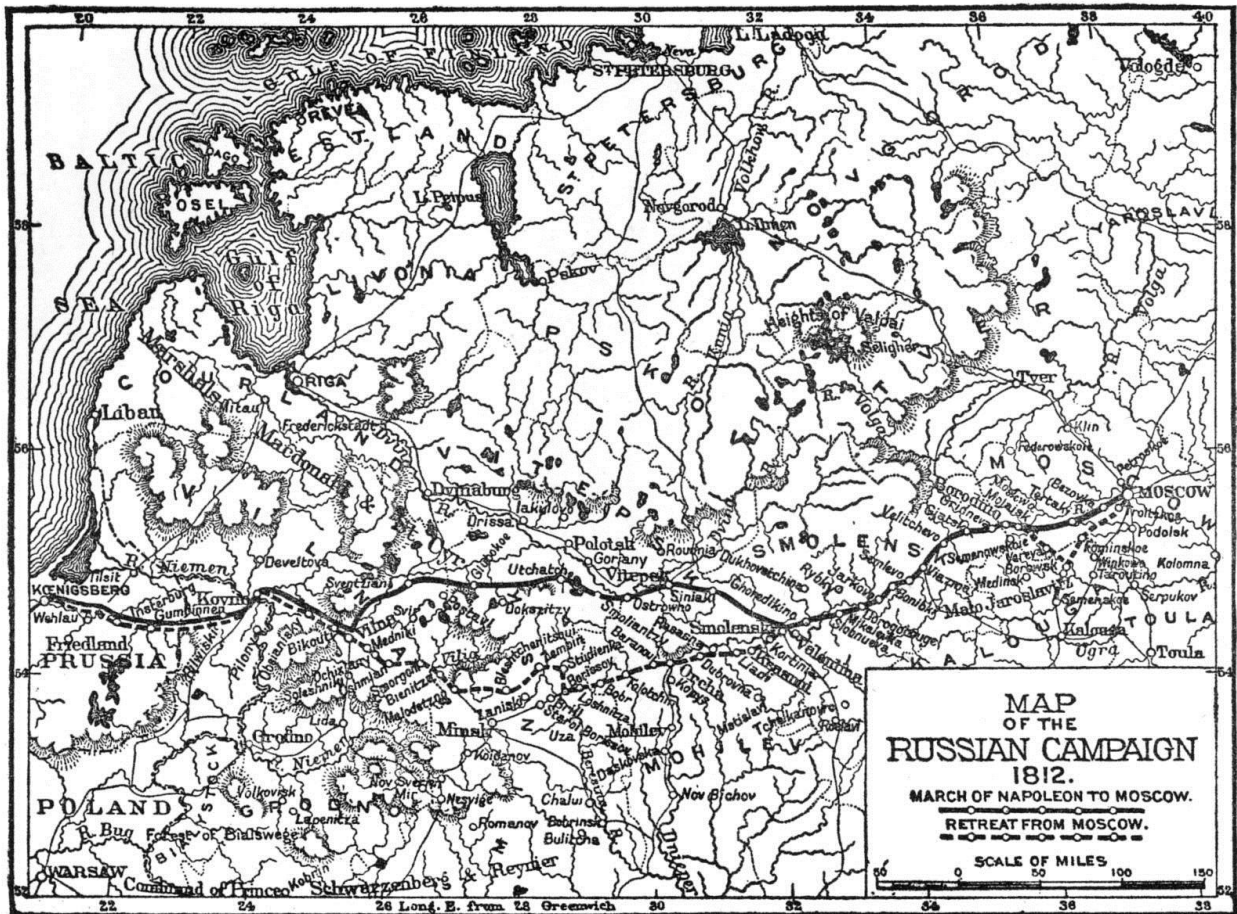
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)